

БАНАКА- ЛЮДИ ЮЖНЫХ МОРЕЙ

Танс Дамис

Annotation

Книга дает общее представление обо всем коренном населении как Австралии, так и Океании, материальной культуре, земледельческом хозяйстве, быте населения.

- [Ганс Дамм](#)
 - [С. Токарев](#)
 - [Предисловие](#)
 - [«Южное море», «Тихий океан», островитяне «Южных морей» — более чем парадокс](#)
 - [Австралийцы](#)
 - [Каменные орудия — документы истории](#)
 - [Борьба за хлеб насущный](#)
 - [В поисках нового становища](#)
 - [О навыках ремесла](#)
 - [Брачные обычаи](#)
 - [Культурный герой, тотемные предки и «детские зародыши»](#)
 - [Знахари и колдуны](#)
 - [В зеркале истории](#)
 - [Папуасы](#)
 - [Новая Гвинея и ее обитатели](#)
 - [Земледельцы гор и болот](#)
 - [Дома на сваях и деревьях](#)
 - [Каменные орудия](#)
 - [Сколько стоит жена?](#)
 - [Духи землетрясений, бог молнии и тайные союзы](#)
 - [Посланцы запада](#)
 - [Меланезийцы](#)
 - [Краткий исторический обзор](#)
 - [Лодка с балансиром и ее торговые рейсы](#)
 - [Раковины и собачьи зубы как звонкая монета](#)

- [Первые ремесленники](#)
 - [На ловлю черепах](#)
 - [Бытовые противоречия](#)
 - [Привилегии и касты](#)
 - [Злые духи и духи умерших](#)
 - [Новый исторический период](#)
- [Полинезийцы и микронезийцы](#)
 - [Спор о Кон-Тики](#)
 - [Викинги южных морей](#)
 - [Структура полинезийской общины](#)
 - [Боги и жрецы](#)
 - [Прыжок в цивилизацию](#)
- [Приложение](#)
- [Рекомендуемая литература](#)
-
-
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)

- [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
-

Ганс Дамм

Канака — люди южных морей

С. Токарев

От редактора

За последние годы появилось немало научных и научно-популярных книг на русском языке о коренном населении Австралии и Океании. Из новой переводной литературы можно назвать, например, книги Элькина, Маунтфорда, Алана Маршалла, Чеслинга по Австралии; Лундквиста, Майтингер, Невермана, Уорсли по Меланезии; Те Ранги Хироа, Тура Хейердала, Бенгта Даниельссона по Полинезии. Из оригинальных научных трудов по океанистике и австраловедению достаточно назвать новое обширное издание сочинений Миклухо-Маклая, издание дневника путешественника Яценко, «Океанийский этнографический сборник» Института этнографии АН СССР и прочие, не считая большой сводной работы «Народы Австралии и Океании», выпущенной тем же Институтом этнографии.

Появление за короткое время — 10 с небольшим лет — такого количества полезных сочинений по этнографии Австралии и Океании есть знак сильно возросшего интереса советского читателя к этой области знания.

Ничего удивительного тут нет. Наша эпоха ознаменована небывалым подъемом освободительного и демократического движения в странах, долгое время поработанных колонизаторами. Народы этих стран один за другим — в Африке, Азии, Латинской Америке — завоевывают себе национальную независимость и свободу. Отсюда и все большее стремление к взаимному сближению, взаимной поддержке в общей борьбе с силами реакции и колониализма. Советские люди с участием и симпатией следят за этой борьбой и хотят больше знать об этих народах — и о тех, кто уже

сбросил с себя ярмо колониализма, и о тех, кто пока лишь накапливает силы для этого. Такому законному интересу должны удовлетворять и издаваемые все в большем числе книги о народах внеевропейских стран.

А как раз о народах Океании и Австралии еще недавно на русском языке почти нечего было прочесть, если не считать безнадежно устаревших сочинений, да и те трудно разыскать.

И хотя за последнее время положение, как уже сказано, улучшилось, все же читатель несомненно порадуетсся выходу в свет предлагаемой книги Г. Дамма прежде всего потому, что она дает общее представление обо всем коренном населении как Австралии, так и Океании, и притом написана в популярном, общедоступном стиле. Не требуется особой этнографической или исторической подготовки, чтобы понять все, о чем пишет автор.

Поэтому и здесь, в предисловии, нет никакой надобности ни разъяснять содержание настоящей книги, ни сообщать какие-либо предварительные сведения о стране и ее населении, — все необходимое читатель сам найдет в тексте.

Но надо сказать кое-что об авторе, его научном профиле, его взглядах; последние следует иметь в виду, чтобы правильно понять некоторые места в тексте книги.

Доктор Ганс Дамм — заслуженный этнограф-океанист, старый музейный работник. Еще в 1921 г. он защитил при Лейпцигском университете диссертацию — свою первую большую этнографическую работу, посвященную «гимнастическим играм народов Индонезии и Океании». В Лейпциге уже давно возник серьезный центр этнографических исследований: там работали Ратцель, Шурц, Вейле, Краузе и другие видные этнографы. Там долгое время читал свои лекции по «этнической психологии» известный философ и психолог

Вильгельм Вундт, широко пользовавшийся данными этнографии. Их традиции поддерживаются в Лейпциге и теперь С 1927 г. Г. Дамм начал работать в Лейпцигском этнографическом музее — одном из богатейших в Германии — в качестве «кустоса» (хранителя) отдела Океании. С того времени он неустанно ведет и разностороннюю музейную и большую научную работу. В 1955 г. Дамм был назначен директором этого музея. В 1960 г. сотрудники и младшие товарищи чествовали Дамма по поводу его 65-летия и 40-летия научной деятельности. В честь этого юбилея издан солидный сборник «Beitrage zur Volkerforschung, Hans Damm zum. Geburtstag», Berlin,

Дамм — большой знаток прежде всего материальной культуры Океании и Австралии. Особенно подробно он изучил земледельческое хозяйство островитян Океании. Этим сюжетам посвящен ряд его печатных работ: «Methoden der Feldebewässerung» (1951), «Form und Gebrauch der Feldgerate beim pfluglosen Anbau der Ozeanier» (1954), «Methode des Feldbaues in Ozeanien» (1957) и другие.

В предлагаемой книге самые яркие страницы посвящены как раз описанию техники, хозяйственной деятельности, изделиям, постройкам, средствам передвижения и другим сторонам материальной культуры населения этой области. Разделы, касающиеся общественного и семейного быта населения, его духовной культуры, слабее и скуднее, ибо тут автор брал материал из вторых рук, сам его не исследовал.

На географическом отношении материал в книге распределен тоже не совсем равномерно и неравноценен. Лучше всего знает автор Меланезию, особенно Новую Гвинею, и это отразилось — может быть, помимо воли автора — на соотношении размеров глав книги: одной Новой Гвинее посвящена почти треть книги, а вместе с остальной частью Меланезии —

больше половины, тогда как на долю Полинезии и Микронезии вместе пришлось всего одна десятая объема книги. Такая неравномерность есть, конечно, недостаток. Однако она компенсируется тем, что как раз по Новой Гвинее Дамм сообщает особенно много свежего материала, русскому читателю почти неизвестного: ведь именно Новая Гвинея до сих пор принадлежит к числу наименее исследованных областей земного шара; во внутренних районах этого огромного острова живут племена, почти еще не вступавшие в контакт с европейцами, а некоторые из них лишь в последние годы были впервые открыты; можно сказать, что настоящее этнографическое изучение Новой Гвинеи в сущности только началось. За включение в книгу большого количества такого нового для науки фактического материала читатель, конечно, поблагодарит автора.

В известной мере это относится и к северной и северо-западной частям материка Австралии, где тоже лишь в сравнительно недавнее время развернулись полным ходом этнографические исследования (работы Элькина, Филлис Каберри, супругов Берндт, Дональда Томсона, Фредерика Роза, Ломмеля, Петри и ряда других этнографов). Раздел об Австралии тоже насыщен свежим материалом.

Сама форма преподнесения материала в книге Дамма своеобразна: он перемежает систематическое изложение этнографических фактов живыми «беллетристическими» картинками, маленькими рассказиками, как бы списанными с натуры. Этот прием можно считать очень удачным, раз цель книги — прежде всего популяризация этнографических знаний: для широкого читателя ничто так не делает наглядным и доходчивым изложение научных фактов, как то, что они облечены в форму живого повествования о живых людях. Неважно, существуют ли в действительности

люди с теми именами, какие дал им автор в книге, или перед нами художественный вымысел: ведь вымысел этот построен на прекрасном знании действительных фактов — условий жизни и культуры населения, которому посвящена книга.

Упрекнуть автора можно зато в другом: в самой трактовке излагаемого материала он зачастую некритически следует весьма сомнительным — чтобы не сказать больше — схемам, еще недавно широко распространенным в буржуазной, особенно немецкой, науке, но теперь почти утратившим серьезное научное значение. Речь идет прежде всего о «диффузионистской» концепции. Сторонники ее стремятся, как известно, свести разнообразные явления культуры и их развитие к чисто пространственным перемещениям (самое понятие «диффузии» культурных явлений создано в подражание известным в физике явлениям диффузии жидкостей или газов). Если в быту и культуре какого-то определенного народа (или в определенном районе) наблюдаются неодинаковые формы, например сосуществует несколько разных типов построек или разные по виду или по происхождению общественные обычаи и тому подобное, то последователи диффузионистских взглядов обычно не допускают возможности того, что все это сложилось самостоятельно у данного народа или в данном районе (может быть, в разные эпохи), а считают заранее доказанным, что эти разные явления принесены в данную область из разных мест либо в разной последовательности, но непременно со стороны. Если, напротив, у разных народов (или в разных географических областях) оказываются налицо сходные явления культуры, сходные общественные формы и так далее, то диффузионисты опять-таки не считают возможным допустить, что явления эти развились у каждого народа самостоятельно, под действием

сходных условий, а убеждены в том, что сходные явления имели непременно единый географический центр происхождения, откуда-де они и распространились по разным странам.

Диффузионистское направление зародилось в буржуазной этнографической науке на рубеже XIX и XX веков; отчасти это была здоровая реакция против односторонней и слишком упрощенной «эволюционистской» концепции, ранее господствовавшей среди этнографов (труды Тэйлора, Лёббока, Спенсера, Моргана и других). Но в большей степени тут сказалось другое: сознательное или бессознательное стремление консервативных или реакционных буржуазных ученых отбросить не только прямолинейно эволюционные схемы, но вообще всякую идею прогрессивного развития: на место развития культуры начали ставить «диффузию», простое географическое передвижение ее элементов.

В Германии самым ярким представителем диффузионистского направления явился Фриц Гребнер, основатель теории «культурных кругов». Труды его начали появляться в печати с 1905 г. У него нашлось немало единомышленников и последователей. Здесь не место ни излагать, ни критиковать эту теорию «культурных кругов». Общий смысл ее состоял в том, чтобы сгруппировать все явления материальной и духовной культуры, общественного быта народов всех частей света (по преимуществу отсталых) в небольшое число, не более десяти, «культурных кругов», которые будто бы распространились по всему земному шару из некоего неведомого центра (или центров); смешавшись между собой, они напластовались друг на друга, образовав «культурные слои». Их пространственное расположение будто бы свидетельствует о последовательности их появления в данном районе. Все сходства и параллели между формами культуры

народов всех частей света Гребнер и его соратники объясняли тем, что сходные явления принадлежат-де к одному «культурному кругу».

Эта теория, начисто исключавшая всякое самостоятельное развитие в культуре любого народа, пришлась по вкусу некоторым реакционным кругам: она казалась хорошим оружием против всякой концепции человеческого прогресса, в частности и против марксизма. За нее особенно ухватились клерикальные ученые во главе с католическим патером Вильгельмом Шмидтом («венская школа» В. Шмидта); последние при этом несколько видоизменили теорию «культурных кругов», еще более приспособив ее к своим целям, а из этих целей самой главной была задача «научно» доказать правильность библейского учения о первобытном монотеизме.

Но более серьезные и объективные буржуазные ученые не приняли этой в конце концов весьма беспочвенной теории. За пределами Германии и Австрии она нашла себе мало последователей. В новейшее же время от концепции «культурных кругов» отказались даже ее бывшие защитники (например, патер В. Копперс, Й. Гекель). Однако «пережитки» гребнеровских взглядов сказываются и теперь в трудах некоторых даже вполне добросовестных и серьезных ученых; отнюдь не считая себя гребнерианцами, они все же не продумали до конца и не преодолели этого идейного наследия. К числу таких ученых принадлежит и Ганс Дамм. Он не диффузионист в настоящем смысле слова, не гребнерианец; но он отзывается с большим уважением о трудах Ф. Гребнера, В. Шмидта и, может быть, просто по привычке, кое в чем некритически повторяет мнения как этих, так и других диффузионистов.

Внимательный читатель сам легко заметит этот налет диффузионизма, лежащий на некоторых местах

текста книги. Редакция настоящего издания снабдила эти места кое-где критическими примечаниями. Однако в большинстве случаев дело тут касается чисто специальных вопросов, интересных лишь для профессионала-этнографа. Для широкого же круга читателей, на которых, собственно, и рассчитана настоящая книга, пожалуй, не слишком важно то или другое толкование, например, происхождения власти вождей на островах Меланезии или происхождения некоторых синтаксических особенностей южноавстралийских языков.

Другой недостаток книги Дамма в том, что автор порой некритически пользуется материалом, исходящим от колониальной администрации. Представители последней всегда стараются изобразить свою деятельность как некое бескорыстное служение отсталым народам колоний. На самом деле проводимые кое-где прогрессивные реформы, а также меры по улучшению условий материального быта и культуры коренного населения вызываются в первую очередь мотивами большего удобства управления подвластными народами, а также желанием обеспечить безопасность колониальных служащих, резидентов, плантаторов и других и, наконец, стремлением втянуть коренное население в товарные отношения, поставить его в зависимость от капиталистического рынка, создать спрос на европейские товары. Эти цели достигаются с успехом. Конечно, при этом нередко получает кое-какую пользу и само коренное население, например медицинская помощь, школы и прочее; но это еще не дает нам оснований идеализировать деятельность колонизаторов, которая остается в основе угнетательской.

В книге Дамма встречаются и мелкие фактические неточности; они тоже по большей части оговорены в подстрочных примечаниях. Нельзя быть особенно в

претензии за них на автора: область австрало-океанийской этнографии так обширна, научная литература о ней так разрослась за последнее время, что одному человеку слишком трудно за ней уследить. Отсюда неизбежные порой пропуски или неточности в изложении.

Они, однако, вполне искупаются уже одним общим тоном книги, написанной в духе искреннего сочувствия к угнетенным народам Австралии и Океании, в духе уважения к их самобытной культуре, которую автор так живо и верно описывает. «Ведь островитяне Тихого океана, — пишет автор в конце своего предисловия, — такие же люди, как мы, у них так же, как и у нас, есть и глубина чувств, и острота ума, и поэтому они вполне в состоянии внести свой вклад в сокровищницу мировой культуры...»

С. Токарев

Предисловие

Канака! Этим звучным словом темнокожие жители Океании называют людей вообще и в частности самих себя. «Канака», или «тангата», означает «человек». Европейцы не преминули исказить это слово. Они переделали его в «канаке», придав ему таким образом пренебрежительный оттенок^[1]. Этим искаженным словом они называли цветных, людей, с их точки зрения, неполноценных. Так было пять десятилетий назад, но и теперь подобные взгляды не совсем преодолены. Тем более не преодолена склонность судить о культуре темнокожих народов лишь по отдельным признакам, не принимая во внимание всю совокупность элементов национальной культуры.

Цель этой книги — способствовать тому, чтобы в «канаке» увидели «канака», то есть человека. Книга написана на основе материала, собранного за несколько десятилетий изучения культуры этих народов и научной работы, которую я проводил, будучи работником музея. Я не намеревался составить научный справочник, охватывающий весь фактический материал о народах Океании. Я лишь попытался дать некоторое представление об их культурном многообразии и показать, что любая, даже самая первобытная, культура в результате своего многовекового развития принимает тот вид, который лучше всего соответствует существующим в области ее распространения условиям жизни человека. Я рассказал и об огромных изменениях, преобразивших с момента начала колонизации туземные культуры, а вместе с ними и самих людей Океании.

Предназначая свой труд не столько ученым, сколько всем, кто проявляет живой интерес к жизни чужих народов, я старался придерживаться наиболее

популярной формы изложения и для большей наглядности снабдил эту книгу рисунками и фотографиями. Естественно, что мне пришлось попутно коснуться и некоторых научных проблем, чтобы дать представление о трудностях, встречающихся в этнографических исследованиях, а также о важности изучения чужих народов и культур для лучшего понимания всей истории человечества. Ведь островитяне Тихого океана — такие же люди, как мы, у них так же, как и у нас, есть и глубина чувств, и острота ума, и поэтому они вполне в состоянии внести свой вклад в сокровищницу мировой культуры как равные нам, а не как «канаке».

Доктор Ганс Дамм

«Южное море», «Тихий океан», островитяне «Южных морей» — более чем парадокс

Немало дней прошло с тех пор, как Васко Нуньес Бальбоа, один из многих искателей приключений, отправившихся после подвига Колумба в неведомый Новый Свет и достигших там всяческими правдами и неправдами славы и богатства, оставил позади поросшие мангровником малярийные болота близ города Карета на атлантическом побережье Центральной Америки и, продвигаясь со своими людьми неверными тропами, непрерывно сражаясь с индейскими князьками-кациками, перевалил через Кордильеры. Что же заставило их затеять эту сомнительную авантюру? Еще свежи были в памяти слова одного из индейских князьков перед выступлением в поход: «Вы окажетесь в царстве Тубанама и найдете там целые россыпи обожаемого вами золота. А с вершин горного хребта вы увидите другое море с кораблями, такими же, как ваши». Если при этих словах спутники Бальбоа и размышляли о золоте, то сам Бальбоа не поддавался этой «золотой лихорадке». Он обратил внимание на то, чему никто не придавал значения. Какое-то другое море? И на нем корабли? Еще какое-то море? Что за тайна скрывается в этих словах? Нужно разгадать ее.

И вот утром 25 сентября 1513 г. отряд испанцев вновь подымался по горному склону, проходя мимо покинутых индейцами хижин. Вдруг к Бальбоа, как всегда бесшумно шагая, подошел проводник-индеец. «Вон с той горы ты увидишь море», — сказал он. И в самом деле, с безлесной вершины горы удивленным взорам испанцев открылась необъятная водная равнина.

Еще раз один из кациков попытался было помешать их продвижению. Но огнестрельное оружие испанцев и их злые собаки, дрессированные для охоты на индейцев, быстро расчистили путь. 29 сентября Бальбоа и его двадцать шесть спутников достигли берега неведомого дотоле океана. С театральной помпезностью вошел Бальбоа в пенящиеся волны, установив таким образом собственной персоной господство над этим *Mar del sur*, то есть Южным морем. А назвал так Бальбоа это море потому, что он его впервые увидел на юге. Но уже несколько лет спустя были сделаны новые открытия в этом «Южном море» — Тихом океане.

Португалец Фернандо Магеллан, оскорбленный соотечественниками, поступил на службу к испанцам. Ему удалось заинтересовать своего нового властителя планом, который произвел целую революцию в мореплавании. Он решил добраться до заветных островов Пряностей, ныне Молуккских, этого «яблока раздора» между тогдашними мировыми державами Испанией и Португалией, и отправился туда вопреки существовавшей традиции западным, еще никем не изведанным путем. Это была игра ва-банк, потому что ни Колумб, ни другие мореплаватели не смогли установить действительную протяженность Нового Света, двойного американского континента. Однако рискованная попытка удалась.

Пройдя вдоль восточного побережья Южной Америки, Магеллан достиг южной оконечности континента. После страшной бури, чуть было не погубившей корабль, он прошел пролив, названный впоследствии его именем. 28 ноября 1520 г. Магеллан вышел в открытый океан, который первым из европейцев увидел и назвал «Южным морем» испанец Бальбоа. Магеллан, переплывший этот гигантский океан за три месяца и двадцать дней, не испытал ни одной бури, не нашел для него более подходящего названия,

чем *Mar Pacifico* — «Тихий океан», как мы его и поныне называем. Но и это название нельзя признать удачным, ибо в тех широтах мореплавателей нередко настигают штормы и даже страшные тайфуны.

Итак, «Южное море», «Тихий океан» — названия парадоксальные, противоречащие фактам. Они сохранились лишь в силу авторитета великих мореплавателей. И поныне жителей островов Тихого океана называют «островитянами Южных морей». Но это название ненаучно. Понятие «островитяне Южных морей» создает представление о едином по антропологическому облику, культуре и языку населении, которого никогда не существовало. Вскоре после открытия Магеллана ученые-путешественники, пересекавшие Тихий океан под испанским, португальским, английским, французским, голландским и русским флагами, увидели, сколь многообразны различия между отдельными группами населения его островов.

После того как весьма смутное представление средневековых картографов о «*terra australis incognita*», о неизвестной южной земле, уступило место точным сведениям относительно очертаний нового крупного материка, получившего в 1830 г. название Австралии, француз Дюмон Дюрвиль, один из наиболее видных путешественников XIX века, разделил в 1832 г. все острова Южных морей с научной точки зрения на Микронезию, Полинезию и Меланезию. Такое разделение и ныне кладется в основу изучения этнографии островитян Тихого океана. В настоящее время мы делим их на следующие группы:

австралийцы — темнокожие туземцы (в отличие от белых колонистов, также называющих себя австралийцами);

микронезийцы — жители островов, расположенных к северу от Новой Гвинеи, между островами Палау и Яп на

западе и Маршалловыми и Гилбертовыми островами на востоке;

полинезийцы — жители островных групп, разбросанных по восточной части Тихого океана, от островов Фиджи^[2] на западе до острова Пасхи на востоке, от Гавайских островов на севере до двухостровной земли Новая Зеландия на юге;

меланезийцы — жители крупных островов и островных групп, к которым относятся вблизи Новой Гвинеи Новая Британия, Новая Ирландия и прилегающие к ним Соломоновы острова, Новые Гебриды и остров Новая Каледония. Небольшими группами меланезийцы населяют также северное и юго-восточное побережья Новой Гвинеи и обширные прибрежные районы этого острова вплоть до мыса Поссешен в заливе Папуа.

Что за люди живут во внутренних областях Новой Гвинеи, самого крупного после Гренландии острова в мире? В ходе колонизации и научных исследований этнографов, географов и миссионеров все больше и больше осваивались внутренние области этого острова, напоминающего по форме гигантскую доисторическую птицу. На крупномасштабных картах во внутренних областях острова до сих пор немало «белых пятен»; впрочем, они составляют лишь незначительную часть поверхности острова.

Мужчина в танцевальном наряде (юго-восток Новой Гвинеи)

Экспедиции и различные путешествия в глубь острова (ныне самолетом это куда быстрее и удобнее,

чем некогда с медленно передвигавшимися караванами носильщиков) расширили наши сведения о составе его населения. При этом оказалось, что основная масса жителей внутренней части острова антропологически, а также по культуре и языку резко отличается от прибрежных племен меланезийцев. Уже за много десятилетий до прихода европейцев малайские мореплаватели торговали с племенами внутренних областей острова, а жителей отдельных деревень забирали в рабство. Этим чернокожих за их мелковьющиеся волосы малайцы прозвали «папуасами»^[3], и это название перешло затем на все население внутренней части Новой Гвинеи. Наука вскоре установила, что «папуасы» — собирательное понятие для обозначения группы населения, резко отличающейся от меланезийцев.

Однако папуасы — не единственные обитатели внутренней части острова, хотя и составляют основную массу его населения. Там, главным образом по склонам центральной горной цепи, представляющей собой как бы спинной хребет птицы, на которую похож остров, живут более или менее крупными группами низкорослые люди, так называемые пигмеи. По мнению голландских антропологов, это остатки очень древнего коренного населения, по всей вероятности, находящегося в родстве с похожими на них низкорослыми этническими группами Южной Азии.

Начиная с XVI века численность коренного населения островов непрерывно уменьшалась, причем в некоторых местах с ужасающей быстротой. Лишь в наше время различными мерами удалось задержать этот процесс. Но вымирание народностей отдельных островов остановить было невозможно (мориори на острове Чатам, обитатели острова Пасхи). В эпоху европейской колонизации коренному населению островов Тихого океана приходилось видеть у себя не только европейцев

различных национальностей, но также и поселившихся там представителей экзотических народов, будь то торговцы (китайцы) или рабочие на плантациях европейцев (индийцы, малайцы). Сосуществование столь различных человеческих рас привело к появлению метисов — нового элемента населения. Приводимые цифры иллюстрируют этот процесс (см. приложение).

Однако цифры дают лишь слабое представление о том перевороте, который произвела европейская колонизация в культуре коренного населения. Конечно, на всех тех островах, где аборигены составляют меньшую часть населения, их древняя культура тоже постепенно исчезает. Распад древней культуры островитян происходит и там, где европейцы численно еще не преобладают, но колониальные власти своей политикой способствуют этому распаду. Поэтому, если мы хотим правильно разобраться в новом историческом процессе, начавшемся в Океании еще в середине прошлого столетия, нам следует торопиться с изучением культуры ее коренного населения.

Австралийцы

Каменные орудия — документы истории

Первые белокожие, попавшие в Австралию, не нашли там ничего привлекательного, хотя несколько столетий спустя эта самая малая часть света стала своими полезными ископаемыми, как магнит, притягивать европейцев. Но как естественный заповедник сохранившихся ископаемых форм животного и растительного мира она привлекала к себе внимание больше, чем другие материки. Отделившись в юрский период от других материковых массивов, Австралия сохранила такие виды животных и растений, которые на остальных континентах вымерли тысячелетия назад и встречаются только как ископаемые. Назовем лишь некоторые из этих видов: в растительном мире — своеобразные травяные деревья и древовидные хвощи, в животном — яйцекладущие млекопитающие — муравьед и утконос, сумчатые — кенгуру, вомбат и другие. Архаичность характерна также и для живущих в Австралии людей — аборигенов, сохранивших как в антропологическом облике, так и в культурном укладе некоторые первобытные черты.

В вопросе о времени появления человека на австралийском материке мнения все еще расходятся, так как археологические исследования начались здесь лишь несколько десятилетий назад и нет еще столь богатого фактического материала, какой имеется по археологии Европы. В 1830 г. в штате Виктория близ Варнамбула был найден на большой глубине песчаник с оттиском ступней и ягодиц человека^[4]. Однако эта находка оказалась недостаточной для ответа на вопрос, была ли Австралия населена людьми уже в третичный период. Лишь находки последних лет дают основание

полагать, что в Австралии уже несколько тысяч лет назад жили люди. Это черепа, найденные в местности Тальгай, в Дарлинг Даунсе (Южный Квинсленд), в местности Кохуна близ реки Муррей и в местности Кейлор недалеко от Мельбурна. Они извлечены из пластов той же геологической эпохи, что и черепа нгандонгского человека (остров Ява). Во всяком случае черепа, найденные в Австралии, несомненно принадлежали человеческим особям типа нынешнего *homo sapiens*. Геттингенский антрополог Геберер считает, что протоавстралийцы, как их повсеместно обозначают, не были особой ветвью человеческого рода, самостоятельно возникшей в Австралии. Протоавстралийцы, как полагает Геберер, пришли в Австралию по некогда существовавшему азиатскому перешейку из древнего центра расселения первобытного человека в Азии. Предположение Геберера опирается на данные антропологических находок на острове Ява. Это останки солойского и вадьякского человека, которые по типу ближе к австралийцам, чем к неандертальцу.

Археологический возраст найденных черепов отдельными исследователями определяется различно. Согласно самым осторожным предположениям, австралийцы заселили материк по меньшей мере шесть тысяч лет назад.

Этнографические данные свидетельствуют также в пользу предположения о приходе австралийцев в их нынешние места поселения в те времена, когда еще существовал перешеек между азиатским и австралийским материками. У древних австралийцев не было мореходной культуры, о чем можно судить, в частности, по тому, что в их преданиях нет никаких упоминаний о пользовании мореходными средствами. Правда, отдельные племена на побережье пользовались кое-какими водными средствами передвижения, но это

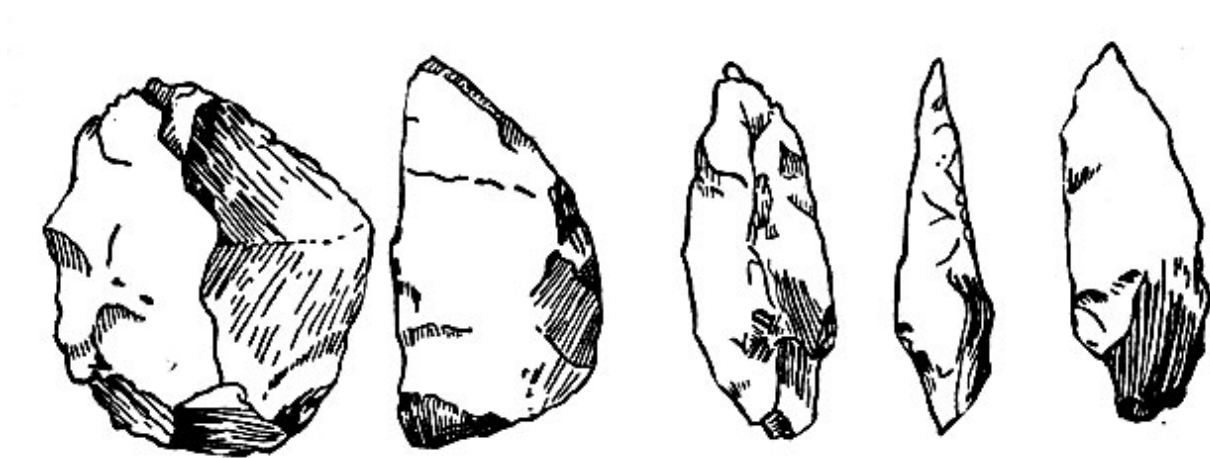
были рыбачьи лодки простейшей конструкции, на которых никто не отваживался выйти в открытое море. Более устойчивые лодки появились у них значительно позднее под малайским влиянием. Так как сухопутная связь между Австралией и Новой Гвинеей исчезла в эпоху плейстоцена вследствие образования Торресова пролива, люди, не знавшие мореходства, могли прийти на австралийский материк лишь до этого периода.

Ввиду того что в раскопах, в которых найдены упомянутые выше черепа, не обнаружено никаких каменных орудий, а вскрытые пласты не поддаются достаточно точной геологической датировке, не так-то просто определить абсолютный возраст этих доисторических находок. Систематические раскопки современными методами начались в Австралии сравнительно недавно. Во всяком случае до сих пор еще не удалось точно определить возраст многочисленных находок, обнаруженных в различных районах материка как на глубине, так и на поверхности.

Однако раз азиатское происхождение протоавстралийцев, по мнению палеонтологов, следует считать установленным, представляется возможным дать классификацию австралийских каменных орудий на основе сравнения с аналогичными более точно датировемыми находками в Южной Азии. Особую важность представляют находки на острове Кенгуру (западнее Аделаиды), на котором во время появления первых европейцев (1802 г.) австралийцев уже не было, а также на острове Тартанга, в устье Муррея. Здесь были найдены орудия (тесла, скребки, ручные клинья), высеченные из цельного куска камня и заточенные с одной стороны, совсем как у доисторических народов Юго-Восточной Азии (Тонкин, Малакка, Суматра). Все эти предметы, по мнению венского этнографа Фюрер-Хаймендорфа, относятся к распространенной по всему

юго-востоку Азии культуре, южное ответвление которой составляет культура австралийцев.

О культурном многообразии австралийских племен в доисторический период свидетельствуют находки в раскопах под одной из скал в Девон Даунсе у реки Муррей. В одном из таких раскопов глубиной всего в пять метров палеонтологи обнаружили не менее одиннадцати культурных пластов. На самой большой глубине были найдены как «руководящая форма» заточенные с одной стороны ланцетовидные каменные наконечники длиной от 16 до 35 мм. Они похожи на скребла «пирри» с рукоятью, применявшиеся у австралийцев всего несколько десятилетий назад. В более поздних пластах найдены меньшие по размерам полукруглые каменные скребла, называемые «тула». Такое многообразие пластов дает нам представление о весьма сложном процессе развития орудий производства, происходившем в этом районе в доисторический период. Итак, на смену культуре «пирри» пришла культура «тула». Отсутствие аналогичных орудий в Южной Азии пока еще не дает нам возможности более точно определить возраст этих важных находок.

Слева: Каменное орудие с острова Кенгуру (длина 9 см, вид спереди и сбоку). Справа: Каменный клинок «пирри» из Девон Даунса (вид спереди, сбоку и сзади)

То же можно сказать и о находках на поверхности. К ним относятся топоры из гальки, найденные в Новом Южном Уэльсе. Галька — овальный, сточенный водой камень, встречающийся в высохших руслах рек. Пользоваться галькой очень удобно — ведь ее достаточно было оббить с одной стороны. Есть предположение, что это орудие, встречающееся в том же виде в так называемой баксонской культуре (Юго-Восточная Азия), применялось как ручное рубило и в Европе в конце мезолита и в начале раннего неолита.

Австралийка из Нового Южного Уэльса

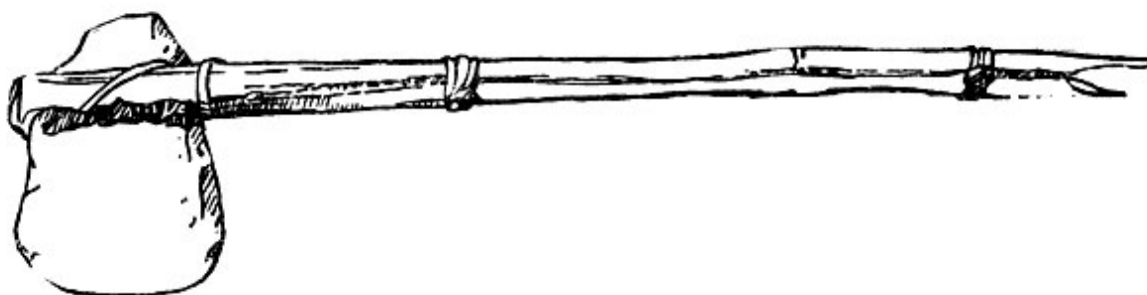
Гораздо чаще находят топоры из гальки, заточенные довольно грубо, но зато с двух сторон. Этим орудием пользовались в одну из доколонизационных эпох, так как оно встречается среди находок, относящихся к раннеисторическому периоду. Каменные топоры такого же типа найдены в сравнительно поздних пластах Баксонского массива в северо-восточной части Тонкина (Вьетнам). Специалисты относят эти орудия ко второй половине III тысячелетия до н. э. Если предположить, что древнеавстралийская и древневьетнамская культуры одного происхождения, то, пользуясь известными данными по археологии Вьетнама, можно определить время возникновения австралийской культуры.

Австралиец из Нового Южного Уэльса

Еще в эпоху колонизации отдельные племена пользовались каменными топорами. Клинок к рукояти

приделывали весьма примитивным способом: рукоять охватывала клинок гибкой петлей из ветки. Чтобы петля не соскакивала, в клинке выдалбливали желобок. Этот вид топора имел распространение лишь в восточной, южной и центральной частях Австралии. Описанные орудия не являются исконно австралийскими, ибо такие же орудия были найдены при раскопках на западном побережье Малаккского полуострова.

Каменный топор с петлевым креплением из Квинсленда

Примечательно, что лезвия других простых инструментов, найденных вместе с ранненеолитическими топорами, не затачивались, а оббивались, хотя и гораздо искуснее, чем орудия эпохи палеолита. Так, в ранних стоянках найдены очень маленькие ножи, сделанные из речной гальки, которые нынешним туземцам неизвестны. В эпоху колонизации наряду с обработанными топорами с креплением рукояти петлей применялись грубо обработанные ножи; у них были весьма длинные острые лезвия треугольного сечения, верхняя часть которых обмазывалась древесной смолой. С большим техническим мастерством выделялись наконечники копий лавролистной формы в северо-западном районе обитания австралийских аборигенов. Эти туземцы, подбирая бутылочное стекло, остававшееся в большом количестве из-под виски

белокожих колонизаторов и представлявшее собой легко обрабатываемый материал, изготавливали из него наконечники для копий, не уступавшие в обработке каменным наконечникам солютрейского человека в Европе.

Клинок топора с желобком из Альбемарля на озере Виктория

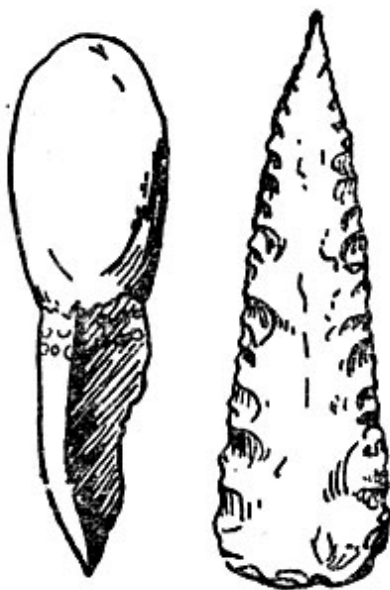
До европейской колонизации наконечники деревянных копий на юго-западе и юго-востоке материка обмазывались смоляной массой, в которую втыкались маленькие обломки камня; подобные обломки в большом количестве найдены при раскопках. По-видимому, когда-то такие наконечники имели большое распространение. Все это отнюдь не просто местные различия, проявляющиеся на ранних стадиях развития этих австралийских культур. Скорее следует предположить, что различные этнические группы австралийцев попали на материк извне уже с

присущими им особенностями культуры и быта в весьма отдаленную от нас эпоху^[5].

***Австралийцы в европейской одежде перед своей хижинкой «миа-миа»
(Новый Южный Уэльс)***

Антропология дает меньше данных для установления этого исторического расслоения, хотя среди австралийцев и существуют известные антропологические различия. Большинство австралийцев среднего роста. Рост мужчин 167–168 см, рост женщин несколько меньше. Зато рост мужчин восточных и северных племен 170–175 см. Для туземцев Австралии характерны длинные, стройные конечности и значительная худоба; правда, на севере, где природные условия для существования человека более благоприятны, люди не столь худощавы, как на юге.

Слева: Каменный нож (Северная территория). Справа: Копьевой наконечник из стекла (северо-западная Австралия)

Голова австралийца, как правило, удлинённой формы, с густыми черными волнистыми, порою мелковьющимися волосами. Эти волосы резко отличаются от волос африканских негров. Уже одного этого факта достаточно, чтобы не применять термин «австралийские негры», появившийся во времена открытия Австралии^[6]. Характерные внешние признаки австралийца — глубокие глазные впадины под большими надбровьями и сильная приплюснутость носа. У южных племен эти признаки выражены гораздо отчетливее, чем у северных. Цвет кожи австралийцев можно в общем обозначить как шоколадный, но встречаются более светлые и более темные оттенки коричневого.

Если прежде антропологи относили австралийцев к «кавказской расе» на основе некоторого сходства с европейцами (например, волосы), то современные

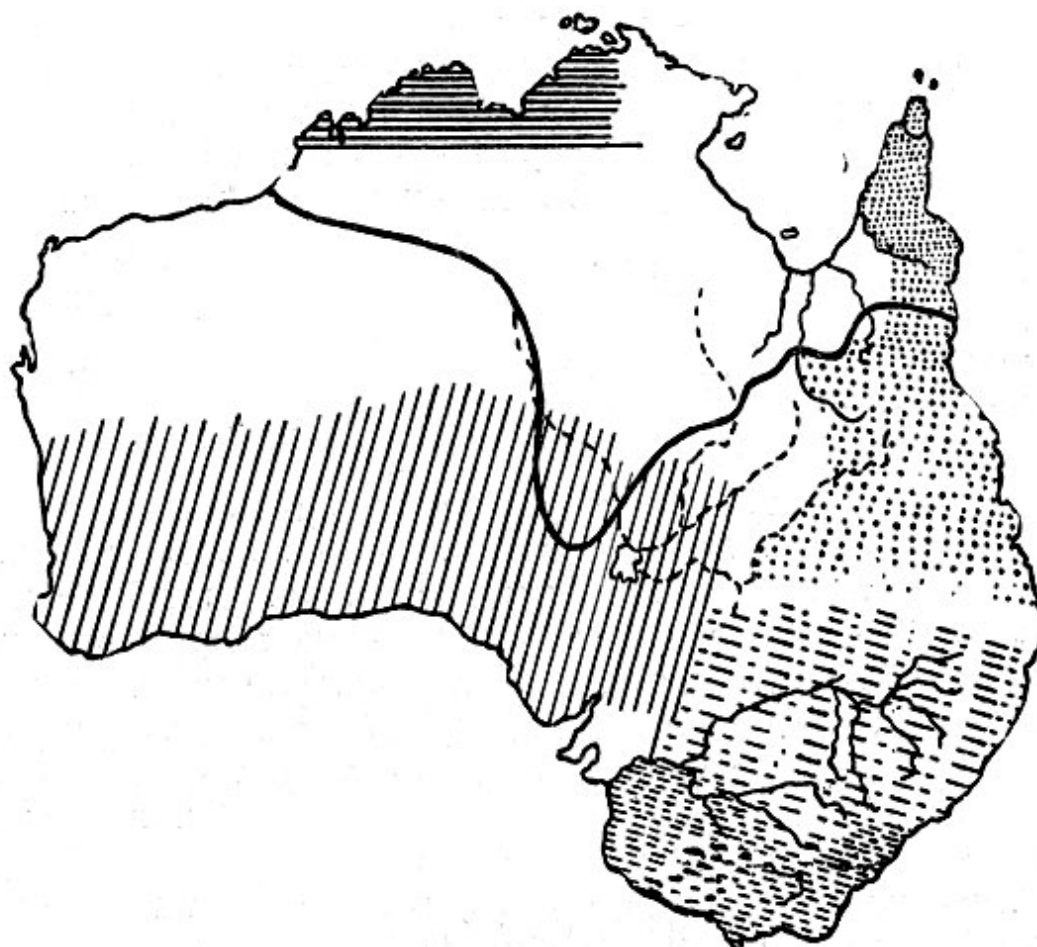
антропологи видят в них лишь промежуточную форму так называемой большой негроидной расы — понятия, равнозначного прежней «черной расе». С биологической точки зрения ближайшими родичами австралийцев являются дравидийские темнокожие племена тода и мунда, живущие в Южной Индии на Малабарском берегу. Значит, и биологически австралийцы связаны с народами Южной Азии.

Различия в культуре отдельных групп, о которых можно уже судить по находкам, относящимся к раннеисторическому периоду, ярко проявляются при сравнении австралийских языков. Об этих различиях нам рассказывают также исследования покойного патера Вильгельма Шмидта, основателя издававшегося на немецком языке этнографического журнала «Антропос»^[7]. Величайшая заслуга Вильгельма Шмидта заключается в том, что он составил сравнительный лексикологический словарь австралийских языков. Это был смелый и нелегкий труд. Вильгельм Шмидт установил существенное различие между северными и южными австралийскими языками. Он показал, что в южноавстралийских языках слова в родительном падеже употребляются в постпозиции в отличие от языков североавстралийских^[8]. На юге, например, говорят «дом отца», на севере же — «отца дом». Граница между областями распространения этих языков, по Шмидту, проходит так: от пункта на западном побережье Австралии, находящегося немного южнее залива Робак, на восток до середины материка, затем к югу до пункта, расположенного северо-западнее озера Эйр, далее на северо-восток и вдоль 16° южной широты до восточного побережья.

Вильгельм Шмидт, применяя в лингвистических исследованиях свой метод классификации племен по «культурным кругам», установил, что южноавстралийские языки распадаются на множество

групп, из которых самая древняя группа языков Виктории. Согласно теории Шмидта, все эти языки начали когда-то свой путь через острова Торрессова пролива и крайнюю северную оконечность полуострова Йорк. Позднее группа языков, появившаяся в центральной части Австралии, оттеснила южноавстралийские языки в их нынешние пределы, а отсюда произошло смешение языков центральной и южной групп и образовалась новая группа языков.

Внутреннего родства североавстралийских языков Шмидт не обнаружил. Произведенная им классификация языков по окончанию слова (гласный или согласный звук) была пересмотрена более поздними исследователями, что, однако, не затронуло выдвинутую Шмидтом классификацию австралийских языков по историческому признаку^[9]. Тем временем большой знаток австралийских языков австралийский ученый Кэпелл (Capell) произвел еще более тщательное исследование имевшегося языкового материала. Он делит австралийские языки на территориальные группы: северное Кимберли, южная Австралия, центральная Австралия, северный и южный Квинсленд и центральная часть Нового Южного Уэльса. Он считает, что все эти языковые группы являются лишь «вариациями некоего единого типа». Однако и Кэпелл не смог определить, к какой именно семье языков мира относятся австралийские языки. В одном из своих трудов он пишет, что теперь уже нельзя считать абсурдной гипотезу о происхождении австралийцев и их культуры из Индии. Судя по этому высказыванию, он допускает родство австралийских и некоторых индийских языков.

- Граница между северными и южными австралийскими языками
- Языки Северного Кимберли
- Юго-восточные австралийские языки
- Центральные австралийские языки
- Языки северного и центрального Квинсленда
- Языки центрального Нового Южного Уэльса
- Мало известные языки

Распределение австралийских языков

Пусть пока еще не разработана периодизация истории австралийцев на основе данных антропологии, пусть еще не сказали свое последнее слово лингвисты, все же, несмотря на отсутствие памятников письменности, исторический процесс заселения Австралии вполне прослеживается по данным доисторических находок и через изучение материальной и духовной культуры, которую там можно было наблюдать еще в конце XIX века. Как же протекала жизнь в этих широтах?

Борьба за хлеб насущный

Бесплодно спорить, что человеку больше всего нужно. Разумеется, без пищи человек так же не может обойтись, как и без воздуха. Но в отличие от воздуха пищу человеку приходится добывать, и добывается она в различных районах земного шара по-разному, в зависимости от особенностей климата, флоры, фауны и т. д. Так, при одном и том же уровне развития производительных сил в зоне вечного снега и льда человек будет добывать пищу иначе, нежели в зоне тропических лесов или степей. При этом отношение человека к природе определяется в сущности состоянием производительных сил.

Каков же растительный и животный мир на австралийском материке? Если мы посмотрим на ботаническую карту Австралии, то увидим шесть различных растительных поясов, расположенных почти концентрическими кругами. В средней части материка вокруг озера Эйр находятся обширные пустыни, но не песчаные, как в Африке, а каменистые. Это широкие голые равнины с каменистой почвой, являющие поистине безотрадную картину. Впрочем, пустыни есть и на северо-западе и на западе материка: на северо-западе — скалистые, на западе — солончаковые. Но все они занимают лишь малую часть пространства, которое преимущественно покрыто колючим кустарником.

Каменистые пустыни средней части материка находятся в кольце так называемых скрэбов — широких равнин с жестколистным и колючим кустарником. Наиболее крупные из них — эвкалиптовый скрэб малли, акациевый скрэб мультга и скрэб бригалоу, особенно богатый различными видами растений. Название скрэба зависит от преобладающего в нем вида растения. Все

эти степные пространства когда-то казались колонистам непроходимыми.

С севера и востока к скрэбам примыкают саванны и степи. Это равнины, поросшие высокой травой. В период дождей трава саванн достигает метра в высоту, а иногда разрастается настолько, что над ней видны лишь кроны деревьев. Дождевые лужи с обилием водяных лилий сохраняются даже в течение сухого периода. Здесь находят приют и пищу многочисленные птицы. Пейзаж оживляют сумчатые животные всевозможных видов. В южной части этого района обитает утконос.

В северной же и восточной частях Австралии проходит широкая полоса лесов. Лес редкий, похожий на лесной парк, но близ побережья становится более густым. Здесь преобладают вечнозеленые эвкалипты различных видов, достигающие шестидесяти метров в высоту. Встречаются и травяные деревья, о которых мы уже говорили, и так называемый блэкбой, душистая банксия со множеством цветков, древовидный папоротник, железное дерево, а также бунья-бунья — один из видов араукарий; растут даже некоторые виды пальм, как ротанг, кентия, ливинстона, а также панданусы.

Северная часть лесной полосы, несмотря на обилие осадков, не отличается тропической пышностью; лишь по берегам рек леса более или менее похожи на тропические. Там растут эвкалипты, встречаются бутылочное дерево, бумажное дерево, различные виды фикуса, а также заросли бамбука и мангровника.

В фауне Австралии нет столь четкого разграничения на зоны, как в ее флоре. Тем не менее между фауной засушливых районов средней части материка и влажных поясов побережья существуют заметные различия. Характерны для Австралии страусоподобная бегающая птица эму и различные виды кенгуру. Эму и кенгуру встречаются во всех зонах материка. Так же обстоит

дело и с многочисленными пресмыкающимися (змеи и ящерицы), которыми так богата Австралия. Крокодил водится только в более жарких зонах. Широкие степи и саванны на севере и востоке, а также лесной пояс вдоль побережья — идеальные места для животных самых разнообразных видов. Здесь обитают различные представители тех древних сумчатых животных, к которым относятся уже упомянутые кенгуру, вомбат (величиной с барсука) и живущая на деревьях сумчатая лисица (ошибочно называемая «опоссум», который водится только в Америке), сумчатая мышь, сумчатый медведь, или коала, а также native cat («туземная кошка»), нареченная зоологами *Dasyurus*. К сожалению, многие клоачные животные, представляющие особый интерес для зоолога, как утконос, шкурка которого ценится весьма высоко, и муравьед, стали редкостью: они почти полностью истреблены. Зато в богатых водоемами саваннах на севере материка райское раздолье птицам. Там по зеркальной глади небольших озер плавают утки и гуси. В камышах прячутся журавли и пеликаны, а в пышных кронах деревьев — пестрые попугаи какаду, а также стаи курлыкающих голубей. Среди птиц Австралии встречаются такие феномены, как птица-лира и сорные куры, которые высиживание своих птенцов передоверяют солнцу.

Немало беспокойства причиняют австралийцам москиты. К ним относятся все виды анофелеса — рассадника малярии. Докучают туземцам и мухи, носящиеся целыми тучами, а также все разрушающие термиты.

Вместе с прочими «благами цивилизации» первые колонисты привезли на свою новую родину некоторых животных. Среди них были и кролики. Они совершенно одичали и, вредя посевам, стали стихийным бедствием.

По сделанному здесь краткому обзору можно было бы предположить, что флора и фауна Австралии бедны.

Однако австралийцам-аборигенам известно многое, чего не знаем мы. Благодаря своей наблюдательности они прекрасные естествоиспытатели. Они знают окружающую их природу гораздо лучше, чем житель современного большого города знает свой район. Вот два примера в подтверждение этого факта.

Один из протекторов^[10] племен северного Квинсленда написал большую книгу, в которой изложил наблюдения над бытом туземцев, накопленные им за время своего многолетнего протекторства. Он называет двести сорок видов растений, девяносто три типа моллюсков и двадцать три вида рыб, употреблявшихся туземцами в пищу! Миссионеру Штрелову, прожившему много лет в центральной Австралии, обитающие там племена сообщили названия невероятного количества животных и растений, входящих в их меню. Но их ботаническая и зоологическая эрудиция на самом деле еще шире — ведь они отправляют в свой желудок только съедобные растения и плоды и только съедобное мясо. В этом смысле природа Австралии дает человеку все, что ему необходимо.

В быту у австралийцев есть одна особенность, отличающая их от многих других народов земного шара: весьма своеобразный способ добывания пищи. При всей своей кажущейся примитивности он крайне нелегок, ибо стоит туземцам огромных усилий. Их способ хозяйствования требует большой наблюдательности и хорошего знания окружающей природы, без которых австралийцы вообще не могли бы существовать. Ведь они не возделывают почву, не занимаются животноводством! Пищу они добывают себе главным образом собиранием съедобных растений, плодов и насекомых и добыванием мелких животных. Это делают женщины и подростки. Мужчины охотятся на птиц и крупных животных. Такой формой хозяйства, основанной исключительно на собирательстве и охоте,

определяется, естественно, и быт, и общественные отношения австралийцев. Это простейшая форма хозяйства в истории человечества. Она, пожалуй, более всего напоминает предполагаемое «первобытное состояние» людей.

Охота — привилегия мужчины. Мужчина знает повадки диких животных и птиц различных видов и принаравливает к ним приемы охоты. Среди четвероногих, на которых ведется охота, на первом месте стоят различные виды кенгуру, так как они встречаются по всему матерiku. Из этих видов заслуживают упоминания так называемый гигантский кенгуру и маленький красношерстный валлаби.

Бесшумно раздвигается высокая степная трава. Гуськом проходят смуглые мужские фигуры. У каждого в левой руке легкий деревянный щит, в правой — деревянные копья и копьеметалка. Уверенно, не произнося ни звука, идут они по следу кенгуру. Немилосердно печет солнце. Но охотников это не смущает. Никто из них не думает о том, сколько времени они уже в пути и сколько им еще осталось идти.

На горизонте всплывают кроны деревьев и вырисовываются очертания горной цепи. Где-то рядом юркнула ящерица со светлыми полосками на бархатистой коричневой спинке и светлыми пятнышками по бокам. Не сбить ей охотников со следа, обещающего им славную добычу. Приближается эвкалиптовая роща, и видно, как колышутся ветром сине-зеленые узкие листья. Уже показался невысокий кустарник, защищающий эвкалипты от ветров. Охотники затаили дыхание. По знаку вожака все застывает на месте. Перед ними у самых зарослей кустарника пасутся кенгуру. Внезапно звери начинают проявлять беспокойство. И вдруг взмываются их грузные туловища, и кенгуру с легкостью мячика перескакивают на другое место. Испуганные животные опасно поглядывают по

сторонам. Кругом все как бы замерло. Напрасная тревога. Можно продолжать трапезу. А охотники, притаившись, все еще сидят в засаде. Медленно тянутся минуты. В высокой траве охотники садятся на корточки и быстро перешептываются. Чтобы подойти к кенгуру на расстояние броска копья, необходима маскировка; поэтому охотники осторожно обмазывают лицо и тело землей. Двое из них обходят стадо и заползают за кусты, отрезая таким образом животным путь отступления. Отсюда, спугнув кенгуру треском ломающихся веток, они смогут погнать их на остальных охотников. А те уже отложили все снаряжение, кроме копья и копьеметалки, замаскировались пучками вырванной травы и, растянувшись цепочкой, подкрадываются большими осторожными шагами. Но кенгуру спокойно пасутся и ничего не подозревают. Раздается треск веток. Кенгуру вытягивают длинные шеи и таращат глаза на кусты. И вдруг из кустов вылетают копья. Они глубоко вонзаются в бурые тела животных. Над степью проносится торжествующее «кэу», вырвавшееся из глоток победоносных стрелков, а остаток перепуганного стада, уносясь прочь большими сотрясающими землю прыжками, исчезает вдали.

Подобного рода охота, ведущаяся нередко и в одиночку, — всего лишь один из многих способов, применяемых австралийцами. Гораздо добычливее, конечно, большая охота облавой, в которой участвуют несколько семейств. Тут опытные охотники расставляют людей и указывают каждому его задачу. Окружив участок поперечником примерно в полмили или более, участники охоты по знаку вожака бегут, крича во все горло и размахивая руками, к середине. Согнанных животных нетрудно перебить копьями или палицами. Нередко на такой охоте применяют заградительные сети, а иногда при благоприятном ветре кенгуру гонят огнем.

Огромного терпения требует способ охоты, при котором кенгуру подстерегают у водопоя. Если природа не предоставила охотнику пригодного укрытия, он быстро сооружает его из веток и выжидает в нем момент для метания копья. Более успешен другой способ. По обеим сторонам тропы, по которой кенгуру ходят на водопой, ставят сплошную изгородь из веток кустарника длиной в 300–400 м. Этот коридор сужают к месту водопоя. Перед самым водоемом выкапывают яму. Когда кенгуру идет на водопой, его загоняют криками и свистом в отгороженный проход, и он в конце концов падает в яму.

Чудеса выдержки, мужества и выносливости проявляются на охоте «измором». Охотник подходит к пасущемуся кенгуру и вспугивает его. Кенгуру перебегает на другое место. Тогда охотник снова приближается к кенгуру, и снова кенгуру перебегает на другое место. Так охотник не дает кенгуру ни секунды спокойно пасть. С наступлением ночи утомленный охотник ложится в траву и засыпает под открытым небом. Он стойко переносит и голод и жажду. На рассвете он опять принимается за свою жертву. И снова беспрерывно вспугивает несчастное животное, мешая ему пастись. И так до самой темноты. Эта беспощадная борьба человека с животным длится несколько суток. В конце концов загнанное животное уже не в силах двигаться. Пущенное умелой рукой, пролетает копье, и кенгуру падает, сраженный насмерть.

В лесистых районах обитает еще одно мелкое четвероногое — сумчатая лисица. В Австралии немало ее разновидностей. Это типичный древесный житель, укрывающийся в дуплах или пышных кронах деревьев. Но опытный глаз австралийца без труда распознает едва заметные следы когтей этого зверька на коре деревьев. Охотник тщательно исследует ствол, ищет на нем остатки песка или шерсти. Если в стволе есть дупло,

в котором сумчатая лисица могла укрыться, у подножия дерева разводят костер из зеленых веток и таким способом зверька выкуривают из его убежища. В конце концов он выскакивает и становится добычей охотников. Его убивают копьем или метательной палицей. Если же охотник замечает сумчатую лисицу на дереве, в листве, то он карабкается по стволу и там убивает ее. Взбирается он по зарубкам, которые делает топором. Подобным способом ведется охота на австралийского сумчатого медведя коалу, который также скрывается на деревьях, но настолько неповоротлив и неуклюж, что поймать его совсем нетрудно.

Весьма необычен на вид бурый коротконогий вомбат, тучностью и повадкой напоминающий медведя, хотя ростом он не превосходит обычного терьера. Этот зверек весит до семидесяти фунтов. Он устраивает жилище под землей на глубине шести метров, откуда прорывает на поверхность несколько наклонных ходов.

Охота на вомбата ведется следующим образом. Прежде всего охотники проверяют, обитаема ли обнаруженная ими нора. Для этого в ходы подземного сооружения вползают дети. Они спускаются туда ногами вперед. Нащупав вомбата своими голыми ногами, они тут же начинают сильно колотить кулаками по своду прохода, и взрослые, припав ухом к земле, определяют местоположение вомбата. Затем охотники быстро раскапывают нору остроконечными палками, выбрасывая землю корзинами, и без особого труда убивают примирившегося со своей участью вомбата в его собственном доме. Впрочем, австралийцы не очень-то любят раскапывать грунт — ведь работа эта нелегкая — и поэтому предпочитают дожидаться жарких дней, когда вомбат сам выбирается из своего подземного жилища.

Под землю прячется и дикобраз, и его тоже «выкапывают», хотя он отнюдь не столь безобиден, как

вомбат, покрытый всего лишь жесткой шерсткой. Не брезгают австралийцы и другими, более мелкими четвероногими, такими, скажем, как сумчатая лисица, летучая собака, летучая белка, водяная крыса и даже мышь.

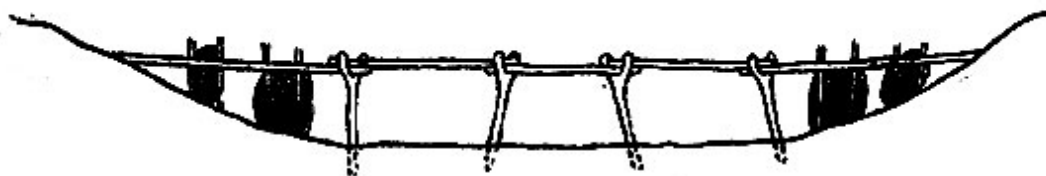
Излюбленная птица австралийцев — страусоподобный эму. Его ценят за обилие мяса (до 130 фунтов) и красивые перья, которые используются для украшений. Приемы охоты приспособлены к особенностям этой птицы, они весьма характерны. Один из таких способов состоит в том, что охотник, спрятавшись в кустах, приманивает эму каким-нибудь ярким предметом — камешком или перышком. Эму подходит к кустам, и охотник убивает его копьем из засады. Так эму становится жертвой собственного любопытства.

На севере материка мужчины племени ларакиа и вогаит с самого рассвета прячутся в кронах деревьев, плоды которых эму считает большим лакомством. Поедая плоды, эму не подозревает, что это его предсмертная трапеза. Особое охотничье искусство проявляют южные австралийцы, маскируясь под эму. Этот же способ применяют бушмены Южной Африки в охоте на страусов. Охотники обматывают травой метровый шест и насаживают на него пучок перьев. Эта конструкция имитирует шею и голову эму. Бока эму делают из той же травы, обкладывая ею свои бедра, а хвост — это еще один пучок травы, торчащий у охотника сзади. Маскарад оказывается еще более удачным, когда охотники надевают на себя шкуру эму. Голова эму насаживается на палку, втиснутую в шею птицы. В таком наряде охотники подкрадываются к эму, искусно подражая его раскоряченной походке. Копье они волочат по траве пальцами ног и, подойдя к своей жертве совсем близко, вонзают его в перепуганную птицу.

Север материка с его многочисленными водоемами — приют самых разнообразных птиц, там требуются иные способы охоты. Этот необычайный птичий рай очень хорошо описал в своем дневнике Людвиг Лейхгардт, проделавший в 1844–1846 гг. первым из европейцев поистине героический переход по еще не изведанным местам от восточного побережья до Архемленда на севере. Вот одна из страничек его дневника: «В последние несколько суток ежедневно вверх или вниз по реке летят большие стаи гусей, да так низко, что нам отчетливо слышны взмахи их крыльев. Чуть повыше со стремительной быстротой проносятся плотные стайки свистящих уток. День и ночь над нами гогочут гуси, крикают утки, монотонно курлыкают журавли и кричат белые и черные какаду. Пролетает над нами и стая коршунов, и это означает, что где-то поблизости более крупный водоем».

Но австралийцу мало того, что птицам нет ни минуты покоя от его метких копий и дротиков, ему надо, чтобы в любом случае охота была успешной. Поэтому он, изучив все повадки и особенности птицы, старается во что бы то ни стало ее перехитрить.

На широких просторах реки Муррей беззаботно резвятся утки. Чуть ниже по течению на обоих берегах суеются люди. Они расставляют сеть, погружая ее в воду на значительную глубину. Сеть укрепляется на нескольких сваях. А чуть выше по течению один из участников охоты уже вошел в воду и осторожно поплыл к утиной стае. Только бы не спугнуть ее неосторожным всплеском! Сильными руками пловец неслышно разрезает гладь реки, постепенно загоняя дичь в сеть. Еще немного — и все утки будут там.

***Заградительный забор с сетями, установленными поперек русла
реки***

Но вот пловец громко хлопает в ладоши и бьет руками по воде. Он верно рассчитал расстояние, отделяющее уток от сети. Испуганные утки пытаются взлететь. Но что за хищная птица крича проносится над ними? Уж не ястреб ли? Встревоженным уткам и невдомек, что кто-то с берега, спрятавшись за куст, кинул в них куском коры, имеющим очертания ястреба, и что крик, который они услышали, исходит от человека. В смертельном испуге утки ныряют под воду и врезаются своими маленькими головками в большую сеть, выбраться из которой невозможно.

Но на плавающих уток охотятся и в одиночку. При неожиданном появлении стаи плавающих птиц австралиец подплывает к ним под водой, дыша через тростниковую трубку, внезапно хватает одну из них за лапки, тянет под воду и сворачивает ей шею. Чаще всего пловец маскируется, накрывая голову камышом и водорослями, и застает врасплох ничего не подозревающих птиц.

На юге Австралии в водоплавающих птиц бросают небольшие копья или накидывают им на шею тонкую петлю, укрепленную на шесте. Когда же птицы линяют, туземцы отгораживают сетями большие участки камыша, а затем, идя от берега сквозь камыш, загоняют в сети спрятавшуюся птицу. На лебедя охотятся иным

образом. Охотник загоняет его в камыш, где эта птица не в состоянии расправить свои крылья. Тут он и вонзает в нее копье или убивает ее палицей.

Гораздо меньше усилий требует охота на какаду и голубей. Целыми тучами носятся они над озерами и реками и с шумом садятся на ветви деревьев, растущих по берегам. Туземец пускает в них дротик или обычный бумеранг, и почти не бывает случаев, чтобы он промахнулся. Племена Гипсленда (Южная Австралия)^[11] охотятся еще проще. Они забирают птиц прямо из гнезд, когда те сидят на яйцах или линяют. В эту пору птицам трудно летать. Число видов птиц, пользующихся у австралийцев славой отменной пищи, в действительности гораздо больше, чем это принято считать. Добычу охотника составляют также орел, пеликан, сова и птица-лира.

В жаркое время года во всех районах материка появляются пресмыкающиеся, которые ценятся как особый деликатес. К ним относятся крупная игуана, обитающая в Гипсленде, и различные виды змей, такие, как гадюка, черная, тигровая и бурая змеи. Не исключаются также и амфибии. Немалое значение в жизни некоторых племен имеет ловля черепах. В Гипсленде и Виктории охотятся на пресноводных черепах, обитающих в реках, лагунах и болотах, тогда как на северо-западном и северо-восточном побережьях материка предпочитают черепах морских. Черепаху настигают на суше во время яйцекладки и забирают у нее 50–60 яиц величиной с голубиное. А иногда ловят ее, когда она тихо дремлет на волнах, но и тогда поймать ее не так-то просто.

Блестит необыкновенно гладкое море. Печет солнце. Небо синее-синее. Ни облачка, ни ветерка. Лишь возле рифов легкие всплески — признак того, что под тихим зеркалом моря обитают живые существа. Вдалеке — лодка. Она кажется не более ореховой скорлупки.

Бесшумно скользит она по поверхности моря. Две смуглые фигуры неторопливо, осторожно режут веслами сверкающую гладь. Они что-то ищут, пытливо всматриваясь в бескрайний простор. И вот на поверхности моря появляется нечто круглое и серое. Это и есть черепаха, которую ищут охотники. Еще несколько взмахов веслами, и лодка медленно подходит к черепахе, мирно наслаждающейся светлым морским покоем. Один из охотников осторожно спускается за борт. Почти неслышно подплывает он к черепахе. Несколько сильных ударов по черепахе, и крепкие руки пловца погружают ее в воду. Пловец опрокидывает ее на спину и выворачивает ей передние лапы. Теперь она не уйдет. Все решилось в несколько секунд. Победил человек. С лодки к пловцу летит канат. Пловец обматывает им беззащитную тварь, и совместными усилиями оба охотника втаскивают черепаху в лодку.

Говоря о заселении Австралии, мы уже указывали на то, что австралийские аборигены вряд ли могли прийти в эту часть света на мореходных судах. Да и способы ловли рыбы у них не столь разнообразны и совершенны, как у народов, для которых море или какой-либо водоем являются источником существования. Правда, австралийцы даже и внутри континента занимаются рыболовством всюду, где только для этого имеются условия, но это у них такое же добывание пищи, как охота и собирательство, необходимые для поддержания жизни.

В средних областях Австралии в сухой период, когда реки настолько мелеют, что их можно перейти вброд, рыбу ловят просто руками. Обычно применяется следующий способ ловли: от одного берега к другому вплотную один к одному идут вброд мужчины и мальчишки. Они кричат во все горло, бьют прутьями по воде и таким способом гонят рыбу на мель. Внезапно по условному знаку подымается такой вой, что рыбы с

испугу бросаются в прибрежный ил. Отсюда мужчины легко достают их и бросают женщинам, ожидающим на берегу.

На севере, в тропической зоне и в восточном Квинсленде пользуются овальными и сумковидными неводами с рамой из ствола ротанговой пальмы. Невод держат две женщины — одна с одного конца, другая с другого. Они идут бродом, крепко стегая по воде связкой прутьев, и рыба устремляется в невод.

Как показал ряд сравнительных исследований, сетевое рыболовство не является исконно австралийским; оно было заимствовано у народов Океании, как и рыболовные крючки из кости или дерева, которые южноавстралийским племенам до прихода европейцев не были известны. Зато ловля рыбы при помощи остроги с несколькими зубцами — исконно австралийский способ. Он состоит в следующем: рыбак отыскивает на воде риф и взбирается на него. Здесь он стоит недвижно с острогой, поднятой для метания. Лишь взор его рыщет по поверхности воды. Выследив добычу, рыбак делает бросок, и оружие вонзается в рыбу.

Весьма распространены заслоны, которые устанавливают поперек русла реки. Такой способ ловли на первый взгляд довольно примитивен. Однако для того чтобы он был успешным, нужно хорошенько продумать конструкцию заградительного устройства. Требуется также немало физического труда для сооружения заслона, который выдержал бы напор воды. (Заслон делается из прутьев, веток или камней.) На северном побережье Австралии туземцы сооружают также простые верши из гибких полых стеблей и вставляют их в заслон. Этот способ ловли рыбы австралийцы позаимствовали, очевидно, у малайцев. Негоды вделываются иногда даже в каменные запруды.

В заливе Карпентария туземцами воздвигнуты каменные молы, уходящие полукругом в море на расстояние до трехсот метров. Однако наиболее известный каменный мол такого типа находится в верховьях реки Дарлинг, называемой здесь Бреварина. Выше города Берка на каменистом русле реки было создано весьма сложное сооружение, имеющее до ста метров в длину и столько же в ширину. Это гигантский лабиринт из каменных стен высотой около метра. Иногда сильное течение сносит самый верхний слой камней. Но в целом мол построен прочно, в течение жизни многих поколений успешно сдерживал напор воды. Рыб, застревающих в одном из отсеков лабиринта, туземцы легко достают руками. Еще во второй половине XIX века это сооружение поддерживали жившие поблизости племена.

Морские млекопитающие, обитатели этих морей, имеют для туземцев гораздо меньшее значение, чем различные виды рыб. Охота ведется лишь на морскую корову острогой в заливе Карпентария. Китов и дельфинов добывают прямо на берегу, когда их выкидывает на сушу бурей, но специально на них не охотятся.

Не брезгают здесь моллюсками, из которых, по свидетельству Рота, только племенам Квинсленда известно 93 вида. Их собирают женщины и дети. Даже в засушливых областях средней части материка в кустарниках и под валунами еще находят крупных сухопутных улиток. Пресноводные ракушки скрываются в лужах и в прибрежном иле некоторых рек. Сохранившиеся на берегах Муррея огромные кучи ракушек свидетельствуют о завидном аппетите многих поколений уже давно вымерших племен. Подобного рода скопления морских ракушек имеются на восточном побережье материка, а на рифах северного побережья местные жители и по сей день собирают устриц.

Австралийцы очень любят гусениц и жирные личинки мотылька, называемого англичанами witchedy grub. Найдя эти личинки между корнями дерева, женщины вырывают их оттуда заостренной палкой. Нередко личинки гнездятся в утолщениях на стволах определенных видов эвкалиптов; тогда добывание этого деликатеса становится делом далеко не безопасным, и поэтому им занимаются мужчины. С удивительной легкостью и уверенностью они взбираются вверх по стволу, насекая на коре топором одну за другой зарубки. В северо-восточном Квинсленде туземцы забираются на деревья при помощи длинного, гибкого стебля тростника. Они держатся за концы этого своеобразного каната, охватывающего дерево, и, откидываясь назад, упираются ногами в ствол. Петля забрасывается рывками все выше и выше, и с каждым рывком делается шаг вверх одной ногой. Там, где описанные два способа (топор и петля) не применяются, как, например, у племени вордаман на северо-западе, на дерево взбираются обычным способом — цепляясь за кору руками и ступая по ней ногами.

Из насекомых наиболее ценным деликатесом у туземцев центральной Австралии считается медовый муравей. Живет он колониями в земле, и для того чтобы установить, где находится вход в его подземное жилище, требуется особая наблюдательность. Собирают медовых муравьев женщины. Когда женщина находит муравейник, она палкой разрывает землю и раскидывает ее руками. Это тяжелая работа — ведь медовые муравьи обосновываются на значительной глубине, и, чтобы их достать, женщине приходится залезать под землю. Медовый муравей накапливает в нижней части брюшка сладкий сок, чем и объясняется его название. Разбухая от соков, он принимает бесформенные очертания, делается малоподвижным, и поэтому его без труда собирают в деревянные миски. Захочется туземцу

полакомиться, он хватает муравья за головку и из нижней части его брюшка губами высасывает мед.

На севере и на юге материка природа дарует человеку мед диких пчел. Эти пчелы не имеют шала и поэтому совершенно беззащитны. Похищать запасы меда, накапливаемые ими в дуплах деревьев, — дело неопасное. Проходя мимо деревьев, женщины и дети пристально вглядываются в гнилые стволы; они смотрят, нет ли в них дупла — ведь в дупле могут оказаться занятые своей кропотливой возней трудолюбивые собиратели нектара. А иногда женщины и дети прижимаются ухом к какому-нибудь дряхлому дереву и прислушиваются. Если слышно жужжание, значит, в дупле есть пчелиное гнездо. Тогда они быстро разламывают рыхлую кору и достают оттуда замечательное яство, которое кладут пригоршнями в деревянную миску, если только не отправляют прямо в рот.

При всей страсти к подобного рода лакомствам отдельные племена все же весьма разборчивы. Так, племена, живущие в низовьях реки Тулли, едят мед лишь определенного вида пчел, а у туземцев залива Принцессы Шарлотты мед молодого выводка считается вкуснее меда остальных пчел и поэтому предназначается для старейшин племени.

Среди мелких животных нет ни одного, которое австралийцы не употребляли бы в пищу. Оно и понятно. Австралийцы не могут быть слишком разборчивы в еде — ведь у них нет надежной базы в виде земледелия или животноводства. Женщины и дети занимаются сбором съедобных растений. На рассвете женщина со всеми своими детьми, даже самыми маленькими, покидает становище. Заостренная клином деревянная палка да продолговатое деревянное корытце (на севере — корзинка из камыша или волокон какого-нибудь растения) — вот и все снаряжение женщины. Оно

ей не в тягость. Гораздо труднее во время таких ежедневных походов смотреть за детьми. Да к тому же еще для собирания руки должны быть по возможности свободны. Тут австралийские женщины поступают так: грудных детей кладут в выложенное травой корытце из дерева или коры; его, балансируя, носят на голове, а для устойчивости под корытце подкладывают лубяное кольцо. Иногда такая «походная люлька» закладывается под левую руку и поддерживается лубяным шнурком, перекинутым через плечо. Реже, как это бывает в низовьях Муррея, женщины носят грудных детей на спине в сумке из звериной шкуры. Став чуть побольше, малыш перебирается к матери на плечи и держится обеими ручонками за копну ее волос. А когда ребенок начинает ходить, он уже передвигается самостоятельно наравне со взрослыми. Позднее мальчики становятся помощниками отца, девочки — помощницами матери. Так дети с самого раннего возраста приучаются к своим будущим обязанностям.

Австралия отличается обилием съедобных плодов и растений, что объясняется разнообразием ее природных условий. Меню австралийца зависит и от времени года. Австралийцы хорошо знают, когда созревают те или иные плоды, травы и другие растения, — ведь от этого зависит их существование.

Некоторые растения и плоды в силу наибольшего распространения, а может быть, и своих питательных свойств (вопрос еще не исследованный) имеют в жизни австралийцев особое значение и потому достойны упоминания. В средних областях материка в больших количествах едят маленькие, величиной с горошину клубеньки циперуса (*cyperus rotundus*), напоминающие своим сладковатым вкусом орехи. Живущее в средней части Австралии племя аранда называет их «йелка». Циперус растет на песчаных отмелях криков, и как только его ботва начинает вянуть, женщины разрыхляют

почву своими палками. Им не приходится долго возиться, так как клубни циперуса залегают неглубоко. Перед едой клубеньки трут между ладонями, счищая шелуху. Шелуха сходит быстрее, если предварительно клубеньки полежат в горячей золе.

На севере самый распространенный корнеплод — ямс. Он скрывается от взора человека, пряча свою ботву. Требуется не только тонкое чутье, чтобы найти этот корнеплод, но и большая физическая сила, чтобы его добыть. Ведь клубни ямса приходится доставать из земли простой палкой, а то и вовсе руками. Клубни эти толщиной с палец и длиной примерно в тридцать сантиметров залегают очень глубоко, и, чтобы извлечь их, приходится сначала выкапывать большую яму. Видимо, поэтому у многих племен вопреки существующим обычаям ямс собирают не женщины, а мужчины. Но и вне тропического пояса — на крайнем юге материка, в окрестностях нынешнего Мельбурна — природа предоставила человеку вкусный дикорастущий ямс.

На севере в небольших водоемах и лужах растет также водяная лилия, прочно вошедшая в меню живущих там племен и собираемая ими и поныне.

Наконец, употребляются в пищу и различные виды трюфелей. Только зоркие глаза туземцев могут по небольшому, едва заметному возвышению почвы обнаружить место, где скрываются в земле эти грибы.

Съедобная зелень — это сердцевидные листья древовидного папоротника, стебли травяного дерева, листья одного из видов настурции и заячья капуста. Съедобно и растение, называемое ботаниками клейтония. Она растет на песчаных холмах внутренних областей материка, ее мясистые листья особенно разрастаются после сильного дождя. Испеченные в горячей золе, они представляют собой великолепную пищу для туземцев, которые, впрочем, охотно едят их и

в сыром виде, так как содержащаяся в них влага отлично утоляет жажду.

Женщины и дети собирают также и зерна различных растений. Их растирают камнем на плоской каменной плите и получают таким образом особый вид муки. Из этой муки, смочив ее водой, они пекут в горячей золе лепешки, напоминающие хлеб. Австралийцы едят и различные сорта портулака; один из них хорошо известен туземцам под названием «муниеру»; его семена по виду напоминают порох. Когда они созревают, их собирают целыми фунтами. Женщины сначала выкапывают растения и сносят их в становище. Там их раскладывают на шкуры кенгуру. Верхняя часть шелухи семян, похожая на глазное веко, при сушке лопается; очищенные таким образом бесчисленные зернышки ссыпают в деревянную миску. Такой способ обработки семян весьма удобен.

В пищевом режиме многих племен большое значение имеет ядро ореха папоротниковой пальмы, которое, однако, ядовито и поэтому требует специального приготовления. Употребление этих орехов в сыром виде вызывает рвоту и понос. Женщины сначала вымачивают собранные орехи в луже в течение нескольких суток. Затем в сухом песке делают яму глубиной в вытянутую руку, выкладывают ее камышом, помещают туда вымоченные орехи и покрывают их песком и листьями травяного дерева. Через две недели орехи уже безвредны. По всей вероятности, орехи папоротниковой пальмы были впервые подвергнуты такой обработке совершенно случайно. Другие племена обезвреживают эти орехи иным путем: сначала раскалывают, а затем толкут на каменной плите. Полученную массу кладут в специальную корзину, которую помещают в проточную воду. Так ореховая масса промывается в течение четырех-пяти дней. После этого ее разминают и затем пекут в горячей золе. При обоих способах процесс

обезвреживания орехов начинается с вымачивания. Затем в первом случае им дают перебродить, во втором их выжаривают.

Особое место среди плодовых деревьев материка занимает бунья-бунья, представляющая собой один из видов араукарии — древней породы хвойных, сохранившейся лишь в этих краях. Бунья-бунья — дерево-гигант, достигающее сорока метров в высоту, растет главным образом в Квинсленде на 27° южной широты на участке площадью в 900 кв. км. Плоды буньи-буньи по виду напоминают зеленую кедровую шишку неправильной формы. Когда они созревают, для окрестных племен наступают блаженные дни: мучнистые плоды буньи-буньи опадают в таком большом количестве, что туземцы буквально объедаются ими.

Этими благословенными дарами природы пользуются и соседние, и более отдаленные племена, если только приходят с мирными намерениями и не зарятся на чужую дичь. Подобного рода мирное общение племен в Австралии не редкость, оно наблюдается также и там, где залегает ценимая туземцами красная глина, которой они обмазывают свое тело и предметы культа, а также в каменоломнях, поставляющих материал для каменных топоров.

В силу того что австралийцы в течение длительного времени испытывали большой недостаток в мясной пище, у них появился весьма своеобразный обычай, обозначаемый этнографами как эндоканнибализм. Одолеваемые мясным голодом, люди некоторых племен убивали своих соплеменников и съедали их. С каннибализмом европейцы встретились, правда, в различных областях Австралии, но на этом материке людоедство наблюдалось редко в отличие от других народов Тихого океана, у которых оно стало обычаем^[12].

При всей скудости флоры в Австралии растут вкусные ягоды, напоминающие нашу смородину и

крыжовник. Племена, живущие в окрестностях Порт-Линкольна, собирают с января по апрель так называемую каркаллу, которая в изобилии свисает с кустов месембриантема, растущего на песчаных холмах. С каким удовольствием туземцы, сжимая ягоду двумя пальцами, выдавливают из нее прямо в рот сладкую липкую мякоть! Преимущественно на морском побережье растет кустарник карамби, ярко-красные ягоды которого величиной с маслину очень вкусны. В жаркую погоду туземцы располагаются на земле под кустом карамби и не встают до тех пор, пока не оборвут все ягоды.

Мы упомянули лишь наиболее важные виды австралийских растений. В течение жизни многих поколений австралийцы изучили флору и фауну своей страны лучше, чем это могли сделать европейские ученые. Они научились отличать полезное растение от вредного, научились особой обработкой (вымачивание, брожение и прожаривание) делать съедобными ядовитые плоды и обогатили таким образом свое питание. Чтобы выработать все эти методы, понадобился длительный опыт.

Австралийцы, хотя и сохранили в своем жизненном укладе самобытные черты, тем не менее в экономическом отношении уже далеко ушли от того, что у нас называют первобытным состоянием человечества.

Многие путешественники XVIII и XIX веков, поддаваясь влиянию людей невежественных и высокомерных, утверждали, что туземцы этого континента не относятся к человеческому роду. Необоснованность подобного представления вскоре с ростом знаний о жизни австралийских племен была обнаружена. И все же далеко не все знают о том, что австралийцы не живут одним днем! Конечно, многое из собираемой ими пищи не может храниться долго и поэтому немедленно съедается, но лепешки,

выпекаемые из муки травяных семян, орехи бунья-бунья и многое другое откладывается про черный день. Так как в Австралии различные плоды поспевают в различное время года, туземное население не могло не стать «народом — собирателем урожая», как его называл этнограф Юлиус Липс. У них появилась даже целая система заготовок продовольствия.

Туземцы западного побережья ухаживают за некоторыми растениями, и этот факт весьма ценен для науки, он свидетельствует о том, что у австралийцев уже существуют зачатки земледелия. Выкапывая ямс, австралийцы зарывают верхушки клубней обратно в землю (так же, как всегда поступали возделыватели ямса в Индонезии и Океании); ведь верхушки клубней ямса — ростки новых всходов. Возможно, что этот способ выращивания ямса австралийцы некогда заимствовали у малайцев, влияние которых передавалось через искателей жемчуга и ловцов трепангов еще до европейской колонизации.

В поисках нового становища

Так как каждая австралийская семья изо дня в день охотится и собирает съедобные плоды и растения на сравнительно небольшом участке, им приходится время от времени менять место становища. Когда дикорастущие съедобные растения редют и количество дичи заметно уменьшается, главы семейств, входящих в общину, совещаются о выборе нового места для охоты и собирательства. При этом надо остерегаться выходить за географические границы племени, образуемые деревьями, скалами, естественными водоемами или горными кряжами. При выборе становища важно также и время года, когда происходит перекочевка. Направление пути определяют созревание важных пищевых растений и переход дичи на новое место кормежки.

Занимается утро. В стойбище царит оживление. Женщины прячут в кустах и дуплах тяжелые терки и каменные колотушки. Когда через несколько месяцев они вернутся на старое место, все это им пригодится. С собой берут лишь самое необходимое. Мужчины — оружие (копья, палицы, щит и копьеметалку), женщины — деревянные миски, незаменимую землекопалку, которая, если понадобится, может стать и грозным оружием. Каменные орудия — топоры и ножи, сухожилия животных и волосы, необходимые для изготовления украшений и орудий, а также излюбленные земляные краски — все складывается в корзины и сумки из звериной шкуры. Хоть пожитки и невелики, весят они немало. Маленьких детей также несут женщины.

Отдельные группы трогаются в путь. Мужчины шагают с мужчинами, женщины с женщинами, так уж

исстари повелось. Оживленный говор явно свидетельствует о том, что переход на новое место — радостное событие. По пути все зорко смотрят по сторонам — все съедобное по-хозяйски отправляется в деревянную миску.

Все выше и выше поднимается солнце. Немилосердно разливает оно свой жар по земле, по высокой степной траве. Временами встречаются небольшие купы деревьев, и тогда в их тени можно хоть ненадолго укрыться от зноя. Идущие сбавляют шаг, говорок стихает. Лишь изредка слышатся короткие фразы.

Нетерпеливые взоры мужчин обращены на восток. До цели уже недалеко. Стаи птиц на горизонте возвещают о близости водоема и богатой растительности. Растянувшаяся колонна вступает в высохшее русло реки. По дороге встречаются ямы — признак того, что кто-то рыл здесь колодцы. Привал еще не скоро. Идущие впереди уже исчезли за поворотом, словно сквозь землю провалились. Нужно догнать их. Понемногу заросли камыша по сторонам редуют и наконец совсем исчезают. Взорам идущих открывается низина, покрытая зеленой сочной травой. После однообразного пейзажа с высохшей растительностью это поистине необычайное зрелище. Величественная картина широкой равнины как бы заключена в рамку из вытянувшегося снизу кустарника, по краям которого слева и справа стоят, как солдаты на посту, гигантские деревья с широким навесом листвы. Здесь и будет новое стойбище.

С криком взлетает встревоженная стая какаду. Высоко в небе величаво кружит орел, как бы наблюдая за порядком. Спокойно оглядывается по сторонам вожак идущих туземцев. Он доволен местом нового стойбища. Крепко вонзает он в землю копье, а рядом кладет свою сумку из звериной шкуры и щит. Так же поступают и его

спутники. Постепенно подходят отставшие. Никто не чувствует усталости.

Начинается суетливая возня, но продолжается она недолго. Беспокойная толпа постепенно рассасывается; образуются небольшие группки, и каждая из них находит себе занятие. Старики сдирают каменным топором кору со стволов и вбивают в землю несколько столбов, которые соединяют поперечными жердями. К построенному остову приделывают пласты коры — вот и готова защита от ветра. Тем временем женщины собирают топливо для костра и приносят воду. Из потаенных мест в кустах они достают припрятанные камни-зернотерки и многое другое из некогда оставленной здесь нетранспортабельной домашней утвари. Там и сям, перед отдельными ветровыми заслонами мелькают огни. Тлеющими головнями, которые женщины принесли с собой из оставленного стойбища, разжигают костер, чтобы приготовить пищу.

Так однообразно проходят дни австралийца, сегодня, как вчера, а завтра, как сегодня, дни, неизменно наполненные заботой о поддержании жизни.

Однако австралийцы избавлены в известной мере от заботы о жилище. Когда позволяет погода, они ночуют и под открытым небом либо довольствуются пещерами и навесами скал. Если природа не предоставляет им никаких укрытий, они строят себе жилища, правда, простейшей формы из-за кочевого образа жизни. И все же поразительно, какие разнообразные решения этой задачи находит ум человека. Так, на юге преобладают покрытые корой ветровые заслоны, тогда как в других местах строят ульеобразные хижины. Остов хижины делают из веток, реже из бревен, как на побережье залива Ганновер (Западная Австралия). Туземцы Квинсленда обкладывают остов хижины листьями, на западе для этого употребляют кору бумажного дерева. А когда на щедрых ямсовых полях (как у реки Хутт)

приходится дольше, чем в других местах, возиться со сбором урожая, на обкладку остова хижины идут даже дерн и пласты земли.

Обычно такие хижины предназначаются только для одной семьи. Но в низовьях Муррея встречались и более крупные хижины, в которых жило несколько семей. Иначе выглядели большие хижины, которые строили себе неженатые мужчины. Но это для Австралии исключение.

Хижины в стойбище расположены отнюдь не как попало, они группируются сообразно родственным отношениям семейств по давней традиционной схеме, различной у разных племен. Так, например, у племени вурунджерри на юго-востоке материка каждый женатый мужчина поселяется со своей женой в восточной части стойбища. С северной стороны хижины женатого мужчины находится хижина его брата, немного западнее — хижина его родителей и вдвое дальше последней — дом тестя и тещи.

Отводится место и для хижины иноплеменных гостей. Мотивы этого обычая неизвестны; не у всех племен есть такие дома. Иноземных гостей размещают в особом месте и на больших межплеменных сходках, происходящих в определенные времена года. В центральной Австралии различные племена размещаются затем по брачным классам, дабы расположение хижин не давало никакого повода для нарушения существующих обычаев, четко определяющих взаимоотношения полов и возрастных групп.

Люди племени аранда в одном из своих многочисленных мифов о жизни предков сообщают о тех временах, когда вода была им еще незнакома и они утоляли жажду листьями сочных растений. Таким же образом утоляют жажду многие племена засушливых

областей и поныне. Мы уже говорили, что мясистые листья клейтонии богаты влагой.

Но растительный мир предоставляет в распоряжение австралийца и другие источники влаги, делающие возможным его существование и в более тяжелых климатических условиях. Жизненный опыт австралийца научил его распознавать виды деревьев, особенно богатые влагой. Для европейца эти тайны всегда оставались неразгаданными. Но от зорких глаз туземца не скроется ни одно дерево, содержащее влагу. К таким деревьям относится особый вид эвкалипта, растущий в скрэбах малли. Его корни залегают неглубоко. В случае надобности один из корней эвкалипта достают заостренной палкой. От этого корня отрубается часть длиной примерно в метр. Стоит теперь отрубленную часть корня немного подержать отвесно, как из нее начнут падать капли кристально прозрачной жидкости. Эти капли собирают в деревянную миску. Такими же свойствами обладают и другие деревья, такие, как *hakea lorea* — разновидность *suberea*. В мягком стволе стеркулии и характерного для Австралии бутылочного дерева пробивают большие отверстия, в которых быстро накапливается сок — хорошее прохладительное питье для изнуренного жаждой человека. В утолщениях на стволе бумажного дерева также накапливается до литра воды.

А там, где встречаются панданусы, австралиец добывает влагу следующим образом. Ему известно, что эти стройные деревья растут только на влажной почве. Чтобы найти особенно влажное место, он в различных местах вонзает в землю копье. Если наконечник вынутого копья оказывается мокрым, то в отверстие, оставшееся в земле от копья, тотчас же закладывается пучок травы. Он служит австралийцу фильтром, в который вставляется стебель тростника как питьевая трубка. Этот же способ применяют бушмены в пустыне

Калахари (Южная Африка). Их образ жизни во многом схож с бытом австралийцев. Если же австралиец не находит этих вспомогательных источников влаги, то и тогда он не унывает. Австралиец буквально чувствует места, где может быть вода. В каком-нибудь крике или неподалеку от него он выкапывает палкой и руками крохотный колодец, которого, однако, хватает, чтобы снабдить водой всех жителей стойбища. В большинстве случаев такие колодцы имеют полметра глубины. Когда, перекочевывая на новое место, колодцем перестают пользоваться, его тщательно прикрывают хворостом для защиты от диких зверей.

Чистую питьевую воду нередко находят в гранитных, кварцевых и известковых пещерах горных кряжей. Значительно проще решается проблема воды на северном и восточном побережьях, а также в районе большой водной системы рек Муррей и Дарлинг. Здесь в жаркие дни всегда можно освежиться прохладной влагой. И не только утолить жажду, но и смочить голову или окунуться в воду.

На примере простейших форм ведения хозяйства у австралийцев можно видеть, что человек никогда не удовлетворяется лишь самым необходимым. Как известно, это относится и к напиткам. Австралийцы подмешивают в воду медоносные цветки банксии или травяного дерева, приготовляя таким образом нечто вроде медового напитка, которому они, однако, не дают перебродить. Они тщательно собирают со стволов некоторых видов эвкалиптов светлые, похожие на смолу капли, которые выступают на коре под действием определенных насекомых (например, псиллы), и пьют их, растворив в воде, если только сразу же не съедают их сладковатую массу. Даже белокожие колонисты не пренебрегали описанным напитком. И эта «манна» — не возбуждающее средство, а обычное питье, дающее организму необходимый ему сахар.

Однако у многих племен, живущих в восточной части средних областей материка вплоть до границы между Квинслендом и Новым Южным Уэльсом, существует самое настоящее возбуждающее средство, оказывающее наркотическое действие. Это так называемая питчери. Женщины и мужчины жуют листья и ветки узколистного кустарника (*Duboisia hopwoodii*), но не для того чтобы стать выносливее в походе и храбрее в битве, а для того, чтобы прийти в «состояние транса». Мужчины знают усовершенствованный способ приготовления этого возбуждающего средства. Они сушат листья питчери и размельчают их камнями. Затем они жгут ветки акации и образовавшуюся золу подмешивают к заготовленному порошку из листьев. Полученную смесь завертывают в лист питчери. Добавление золы акации высвобождает алкалоид, обладающий такими же наркотическими свойствами, как никотин. Австралийцам известно было усыпляющее действие этого растения также и на животных, и поэтому ветки питчери бросали в водоем, к которому ходили на водопой птицы эму. От «отравленной» таким образом воды эму как бы пьянеет, и тогда уже совсем нетрудно его убить.

Это растение встречается не всюду и поэтому является ценным товаром. У племен средних областей Австралии, таких, как вонгапитча, аранда и лоритья, есть свои определенные места сбора этого растения, употребление которого точно распределено между старейшинами племени.

В первые же годы европейской колонизации начал свое триумфальное шествие по континенту табак, австралийцам прежде неизвестный. Правда, отдельным племенам, живущим около мыса Йорк, обычай курения был знаком еще до вторжения европейцев, очевидно, от жителей близкого острова Новая Гвинея. Австралийские племена, живущие на обращенном, как указательный палец, к северу полуострове Кэп Йорк, курили когда-то

листья одного из видов эвгении, точно так же как это вплоть до недавнего времени делали жители залива Папуа. В деревянной или бамбуковой трубке длиной примерно в 40 см заделывается один конец и просверливается отверстие. В него вставляются свернутые листья с горящим табаком. Курильщик через трубку втягивает в себя дым. Мужчины передают такую трубку по кругу. Каждый из них сильно затягивается, что вызывает чаще всего громкий кашель, иногда даже потерю сознания на несколько минут.

Женщины, идущие домой с поля (юго-восток Новой Гвинеи)

Устало опускается солнце. Его последние лучи раскрашивают нежными пастельными тонами широкую равнину. Между разбросанными кустами и деревьями появляются небольшие группы женщин. Они идут друг

за дружкой, гуськом, как издавна принято ходить даже по открытой местности у всех экзотических народов.

Стройные смуглые фигуры живописно выделяются на фоне пейзажа. На голове они несут деревянные миски, наполненные всякими съедобными растениями, клубнями корней, семенами трав и плодами. Не забыты даже поленья для костра и вода. Оживленно переговариваясь, направляются они к своему стойбищу, расположенному в небольшой эвкалиптовой роще. От костров подымается легкий дымок. Там расположились мужчины. Они разделяют добычу — большого серого кенгуру. Кое-кто уже вынул из костистых кенгуровых лап сухожилия. Это ценнейший связочный материал. Его тщательно завертывают в кору дерева и складывают там, где хранится оружие. У стволов деревьев стоят наготове деревянные копья. Возле них на земле лежат щиты и палицы. Двое сухощавых мужчин медленно поднимаются со своих мест и разбивают палками едва тлеющие головни, оставшиеся от большого костра. Вспыхивают крохотные, уже обессиленные язычки пламени и тут же гаснут. Едкий дым стелется по земле. Мужчинам он не мешает. Они осторожно раздвигают палками дымящуюся кучу золы, оголяя плоские камни, ранее брошенные в очаг.

Сооружение земляной печи (остров Гавай)

Тем временем кто-то уже подтащил к костру убитое животное и, еще не сняв шкуру и не освежевав туши, положил спиной на горячие камни. Мужчины быстро покрывают ее тлеющей золой и горячим песком. Другие группы мужчин точно так же кладут свою добычу в эти своеобразные земляные печи. Удовлетворенные охотники располагаются у подножия деревьев. Им незачем теперь беспокоиться насчет «жаркого». Оно тушится в собственном соку и скоро будет готово. Тут же у костра детишки возятся с лохматыми собаками динго.

Австралийка за приготовлением пищи

Подходят и женщины, складывают свою ношу. Мужчины и дети их как будто даже не замечают. С давних времен мужчины и женщины и каждая возрастная группа имеют свой предписанный самой природой круг обязанностей, едва ли изменившийся за многие столетия. Женщины сразу же, не отдохнув, готовят пищу. Одни насыпают на отшлифованные овальной формы каменные плиты семена какой-то травы и затем осторожно прокатывают по ним обеими руками толстый каменный валик. Зернышки с треском лопаются, их мучнистое содержимое тут же перекладывают на плоское деревянное блюдо и замешивают водой. Из образовавшегося теста делают лепешки и кладут их в еще горячую золу погасшего костра. Другие выполняют свою работу с большим шумом. Круглым куском камня они раскалывают на каменных дисках твердые косточки плодов: их едят в сыром виде. Убитую же змею и жирные личинки witchity перед употреблением в пищу тушат в кучах горячей золы.

Вот и детишки. Устав от беготни, они смотрят на своих мамаш, словно хотят напомнить о том, чтобы их не забыли при раздаче пищи. Возле костров бродят собаки, чуют, что и их вечно голодной утробе хоть что-нибудь да перепадет. Отдельные группы подходят к своим кострам и вынимают оттуда дымящуюся еду. Кенгуру потрошат, снимают с него шкуру и делят мясо согласно некоему неписаному закону. Охотник, принесший добычу, и его семья пользуются особой привилегией. Но каждый житель стойбища получает свою долю мяса. Кости кенгуру дробят камнями, а костный мозг с упоением высасывают. Другая еда, как правило, тоже достается всем жителям стойбища, но некоторые племена придерживаются при разделе добычи особых правил, связанных с магическими и тотемическими представлениями, в силу чего от употребления той или иной пищи отстраняются отдельные люди или отдельные возрастно-половые группы.

Огненный шар солнца катится за горизонт. От деревьев, кустов и людей распластались по равнине огромные тени. Сгущаются сумерки. Там и сям какие-то фигуры горящими лучинами и пылающими прутьями вновь зажигают костры, и тогда сквозь прохладную мглу опустившейся ночи разносится убаюкивающее тепло.

С давних времен австралийцы пытаются выяснить, откуда у них появился огонь — это едва ли не самое важное достояние человеческой культуры. В Австралии нет ни одного племени, которое не имело бы своей легенды о происхождении огня. Однако основная идея этих мифов почти одна и та же, так что достаточно и двух примеров.

Племена Гипсленда (крайний юго-восток) рассказывают о временах, когда ни один туземец не знал огня. И жилось тогда людям очень плохо. Они не могли ни сварить себе пищу, ни погреться у костра в холодную погоду. Огнем владели две женщины. Они не любили людей, скрывали от них огонь. Но на свете жил один мужчина, который людей любил. И решил он у тех женщин огонь отнять. И вот однажды пришел он к ним в гости, разговорился и очень им понравился. Женщины разрешили ему сопровождать их во время прогулок. Улучив момент, он выкрал пылающую головешку и принес ее людям. Теперь люди могли варить пищу и греться у очага. А этого человека они впоследствии чтили как великого благодетеля. Он принял обличье птички с красноперым хвостиком. Красные перышки и были когда-то украденным огнем.

Но в преданиях говорится, что похитить огонь не всегда было просто и нередко похищение кончалось катастрофой, как об этом повествует сказание племени миннинг живущего в Квинсленде^[13] близ Евклы. Вот

краткое содержание этого предания. У двух духов, обитавших в созвездии Южного Креста, был огонь. Однажды духи спустились на землю поохотиться на сумчатых лисиц. Огонь они принесли с собой, но, чтобы он не мешал им на охоте, оставили его в стойбище. Добыв достаточно сумчатых лисиц для еды, они возвратились. Но каково же было их удивление, когда они увидели, что у огня сидят шесть молодых мужчин. Как только духи приблизились к своему огню, те шестеро быстро схватили по горячей головне и бросились бежать. Духи тотчас же погнались за грабителями, но поймали только пятерых. Шестой — это был Варрупу — благополучно добрался до стойбища своего племени и отдал огонь матери. Та, схватив это бесценное сокровище, сразу же побежала к песчаным холмам близ Евклы, чтобы там его спрятать. Но духи заметили ее и помчались за ней с копьями. Со страху женщина бросила пылающую головню на землю, и тотчас же все вокруг от Евклы до залива Израэлита занялось огромным пламенем. Так все племена тех мест обрели вождеденный огонь.

Во всех мифах такого типа исконные обладатели огня — это неземные существа, у которых потом его кто-нибудь похищает. Во многих преданиях похититель превращается в птицу, если только не был ею с самого начала. Люди племени яоро, живущие в северо-западной части Австралии близ города Брума, называют птицу Гаридья, похитившую, по их представлениям, огонь. Миф о Гаридье, возможно, связан с преданиями южноазиатских народов о птице-солнце с похожим названием Гаруда. Но более всего любопытно то, что австралийцы связывают свое знакомство с огнем также и со степными и лесными пожарами, которые во все времена опустошали материк. Как ни странно, австралийцев никогда не занимал вопрос о том, откуда произошли способы добывания огня, хотя добывание

огня произвело в их культуре целую революцию, ведь только тогда и стал возможным культурный прогресс. В Австралии наиболее распространены два способа добывания огня, о которых мы здесь расскажем.

О способах добывания огня и их распространении есть специальные исследования; новейшее из них принадлежит перу этнографа Вормса, в течение многих лет занимавшегося Австралией. Это исследование заслуживает особого внимания. Вормс, изучив местные названия орудий добывания огня, показал, что оба способа должны были попасть в Австралию с различными потоками переселения или вследствие проникновения различных культурных течений.

Самый древний способ — сверление. Приспособление для добывания огня сверлением состоит из двух круглых стержней. Их постоянно носят с собой как мужчины, так и женщины. У племен, живущих в штате Квинсленд, они высотой в рост человека. Эти стержни хранятся в специальной гильзе из коры, обклеенной красными семенами плодов. Не очень удобное приспособление, но назначению своему оно вполне соответствует. Когда требуется добыть огонь, один из стержней, в котором сбоку прорезаются углубление и желобок, кладут на землю и придерживают ногами. Второй стержень вставляют вертикально в упомянутое углубление первого и приводят в быстрое вращательное движение обеими ладонями. От трения, усиливаемого добавлением сухого песка, получаются древесные опилки. Они начинают тлеть и через желобок сыпаются на подложенную сухую траву, которая загорается.

Появившаяся в Австралии позднее так называемая огневая пила также состоит из двух деревянных частей, однако совершенно иной формы, и оперируют ими иначе. С этой пилой имеют дело только мужчины. Пила устроена следующим образом. В небольшом бруске делается на одном конце щель. В щель,

поддерживаемую в раскрытом состоянии при помощи камня или деревянного клина, закладывают сухую траву и помет кенгуру. Это — трут, над которым по зарубежке, сделанной в бруске поперек щели, быстро двигается тонкая деревянная пластинка. Вормс видел семидесятилетнего мужчину, добывавшего огонь этим способом. Старику пришлось провести деревянную пластинку в одну и другую сторону не меньше 150–170 раз и то и дело раздувать трут, прежде чем он начал тлеть. При этом старик тихо, про себя напевал заклинание:

Загорись, трава!
Буду мясо я жарить!
Скорей, скорей!

Когда трава загоралась, он менял текст:

Сильнее жар!
Развейся, пламя!

Очевидное для нас несовершенство такого способа добывания огня было понятно и австралийцам. Они по возможности старались не пользоваться этим способом и поэтому в походы всегда носили с собой тлеющие головни, чтобы, когда нужно, быстро разжечь костер.

На основе устных преданий коренных жителей Австралии можно сделать вывод, что огонь не был первым культурным достоянием австралийца. В австралийских мифах рассказывается о временах, когда человек ел только сырую пищу. Это значит, что орудия охоты и собирательства австралийцам были известны еще до изобретения способов добывания огня. Даже когда сама природа неожиданно даровала человеку огонь (степные и лесные пожары), австралиец все еще

не умел его добывать. Несомненно, что обычай носить с собой в походах тлеющие головни остался от той эпохи, когда австралийцы еще не знали огня. Любопытный факт: исследователи доисторической эпохи считают, что крайне медленное культурное развитие Запада в эпоху нижнего палеолита объясняется тем, что люди тогда еще не умели добывать огонь.

Трагедия многих великих изобретателей в том, что их имена не доходят до потомков. Не менее трагично и то, что человечество ничего не знает о людях, подаривших ему огонь. На основе обширного языкового и этнографического материала этнограф Вормс пришел к выводу, что стержни и пила для добывания огня были завезены в Австралию в недатируемый период различными переселенцами, которые через полуостров Йорк проникли в глубь материка [\[14\]](#).

О навыках ремесла

Кочевой образ жизни, связанный с особым способом добывания пищи (охота и собирательство), не позволил австралийцу в отличие от прочих, оседлых этнических групп Океании создавать культурные ценности сверх самых минимальных потребностей. Непреодолимым препятствием в этом отношении оказалось умение каждого туземца носить тяжести, ибо австралийские племена еще не изобрели никаких средств передвижения^[15]. Австралийцы не додумались даже до простой волокуши, которой пользуются индейцы Северной Америки.

Незамысловатые, подчас просто жалкие орудия не дают, конечно, ни малейшего представления о смекалке австралийцев, умеющих самыми примитивными средствами извлечь из окружающей их природы максимум пользы. Правда, на той ступени культуры, на которой находятся австралийцы, уже существует разделение труда по половому признаку, относящееся и к изготовлению орудий. Однако у австралийцев нет разделения труда по отраслям ремесла, при котором отдельные группы людей добывали бы себе средства к жизни, создавая определенные культурные ценности сверх собственной потребности. Здесь каждый сам себе мастер, а мастерская находится повсюду. Мастерят везде, где только появляется надобность. Инструменты примитивны и не очень разнообразны, все их виды можно пересчитать по пальцам.

Преобладают каменные орудия, с основными видами которых мы уже познакомились. Материалом для их изготовления служит галька, собираемая со дна высохших рек; реже этот материал добывают на

потрескавшихся стенах скал, в этих естественных, подаренных человеку природой каменоломнях. Там материал для изготовления каменных орудий добывают чаще всего тогда, когда требуются особо твердые или красивые породы камня. Так, например, на горе Хоп близ города Килмора добывался зеленый камень, поэтому каменный карьер на этой горе стали называть «дом каменных топоров». Из заготовок такого камня мужчины простыми камнями отбивают клинок для топора. Затем на плоской каменной подставке при помощи песка и воды затачивается лезвие. Приладка рукояти к клинку крайне проста. Клинок охватывают веткой акации, а затем обматывают во многих местах шнурками из волос или сухожилиями какого-нибудь животного. Это весьма прочное крепление, кроме того, заливают смолой, которую получают главным образом из травяного дерева и дикого проса. Из веток или стеблей этих растений темную массу смолы выбивают на специальной твердой подставке, затем размягчают над огнем и мнут, пока она не станет пластичной, как замазка.

Наиболее примитивный способ крепления рукояти мы находим у племен юго-западных областей материка. Они просто втискивают деревянную палку в небольшой комок смолы и вдавливают в него с двух сторон два небольших каменных клинка. Хотя смола затвердевает очень быстро, все же такое крепление большой нагрузки не выдерживает. Впрочем, это и не нужно, потому что австралийцы не производят сложных лесных работ, а обрабатывают по большей части лишь кору.

Куски коры эвкалипта употребляются для ветровых заслонов, о чем мы уже упоминали, а также для изготовления мисок, сумок и даже лодок. В Гипсленде и на северном побережье материка небольшие куски коры подогревают с узких краев в горячей золе, складывают их в подогретых местах как ткань и обвязывают шнурком. Получается вполне пригодная миска. Чтобы

сделать сумку или корзинку, жители острова Меллвил у северо-западного побережья Австралии надламывают посередине крупные куски коры, складывают половинки, сшивают их по краям и промазывают смолой. Этот простой материал применяют и для приготовления лодок, встречающихся на некоторых участках побережья и на реках южных областей материка. Австралийцы, как уже говорилось, никогда не были мореходами, да и не могли ими быть с их примитивными лодками, которые для открытого моря совершенно непригодны. На своих лодках они в лучшем случае отправлялись на рыбную ловлю вблизи побережья и переплывали те немногие реки и озера, которые существуют в Австралии.

Жители засушливых областей материка никогда не нуждались в лодках, и это вполне естественно. Но странно, что прибрежные племена запада и юга, хотя и живут у воды, никогда не знали и не создавали никаких средств передвижения по воде. Жители некоторых небольших островов, прилегающих к северо-западному побережью, поддерживали связь с материком лишь вплавь. Толстая коряга служила им своеобразной плавательной подушкой. Они подталкивали ее вперед и плыли за ней. Наиболее примитивным плавучим средством пользовались туземцы, жившие на побережье между мысом Северо-Западным и портом Эссингтоном, а также у южной оконечности залива Карпентария. Это было простое бревно, на котором человек сидел верхом и плыл, гребя руками. Связанный из нескольких бревен плот, приводимый в движение веслами или шестами, был уже значительным шагом вперед.

Настоящие лодки сооружали только племена восточного и юго-восточного побережья. Во время своих путешествий Альфреду Хауитту, опытнейшему исследователю и знатоку быта туземцев Гипсленда, не раз приходилось пользоваться распространенными там

лодками из древесной коры, сделанными его темнокожими спутниками. Хотя вид этих лодок и не внушал особого доверия, они могли брать немало груза.

Кора не всякого дерева пригодна для изготовления лодки. Для этого пользуются корой только некоторых видов эвкалиптов, причем таких, у которых ствол в нижней части определенным образом искривлен и свободен от сучков. С нижней части ствола и сдирают кору.

Но как же все-таки туземцы делают лодки из коры? Когда находят подходящее дерево, на стволе его надрезают каменным топором кусок требуемых размеров, после чего пласт коры отделяют рукоятью топора или деревянной палкой. Отделенный пласт имеет форму корыта и уже очень похож на сооружаемую лодку. Затем «заготовку» подогревают над костром, чтобы легче было загнуть кверху края, образующие бортовые стенки; края загибают, и лодка готова. А чтобы не проникало слишком много воды в пологие переднюю и заднюю части лодки, эти места заделывают большими комьями глины. Значительный прогресс представляет способ, при котором края заготовки подогревают над огнем, складывают как ткань и связывают, а образовавшиеся борта распирают поперечинами.

Хауитт наблюдал также более сложный способ изготовления лодки. В этом случае кору снимали с дерева большим четырехугольным куском. На стволе дерева надрезали кольца в двух местах, отстоящих одно от другого на длину сооружаемой лодки, и между этими кольцами делали продольный надрез. Затем отдирали большой, имеющий форму цилиндра, цельный кусок коры. Полученный таким образом материал разогревали над тлеющими поленьями, после чего его легко сгибали, придавая ему форму лодки.

Австралиец заготавливает кору для строительства лодки

Более усовершенствованный тип лодок из коры делается из трех или более сшитых и просмоленных кусков. На таких лодках передвигаются не при помощи шеста или копья и гребут не голыми руками или чем придется, а деревянными веслами. Хотя простейшие лодки из коры австралийцы, видимо, создали сами, этот тип лодок возник, по всей вероятности, лишь под влиянием меланезийцев. Такие лодки встречаются у туземцев, населяющих страну между городом Брисбеном и Рокингемской бухтой, а также у племен, живущих на побережье залива Карпентария, за исключением южной его части. Лодки-однодеревки с одним и тем более двумя балансирами австралийцы стали делать сравнительно недавно; такие лодки

встречаются у них редко. Они распространены главным образом в северном Квинсленде и в районе порта Эссингтон на северном побережье полуострова Арнхемленд. Прототипы таких лодок находят у народов с развитым мореходством, скажем, у малайцев и полинезийцев.

Изготовление лодок, пригодных для мореходства, связано с гораздо более сложной работой, нежели та, которую производит, вернее, может произвести австралиец: ведь предметы из твердой древесины — слишком большой груз при кочевом образе жизни. Оттого-то у австралийцев деревянные миски и деревянные части оружия сделаны из легкого дерева и сравнительно хрупки. Туземцы штата Виктория изготавливали миски и сосуды главным образом из крупных наростов на каучуковых деревьях. Наросты они сбивали со ствола, а затем в них выжигали и выдалбливали полость. Изготовленные таким образом сосуды называются тарнук. Они имеют своеобразную форму, дальнейшей обработке не подвергаются. И все же они громоздки и тяжелы. При переходе на другое место поселения наиболее крупные сосуды с собой не берут, их просто оставляют в каком-нибудь потайном месте.

Обычно деревянные миски австралийцев — это продолговатые овальные корытца из дерева эритрины. Они подвергаются более тщательной обработке, чем тарнуки. Отбив каменным топором заготовку, австралиец при помощи своеобразного рубанка придает ей надлежащую форму. Рубанок австралийца — это всего лишь толстая деревянная палка длиной с вытянутую руку. К одному из ее концов крепко приклеен смолой заточенный обломок камня. Деревянные сосуды обрабатывают таким образом: садятся на землю или становятся на колени, зажимают ногами заготовку и водят по ней рубанком на себя. При этом на заготовке

появляются параллельные бороздки, какие можно видеть на уже отделанных мисках и блюдах. Это украшение весьма характерно для племен северо-западных и центральных областей материка. Таким же образом у этих племен обрабатываются и деревянные щиты, на которых можно увидеть тот же орнамент. Однако для более сложной орнаментировки, какая бывает на бумерангах, а также на священных предметах из дерева и камня, называемых «чуринга», мужчины пользуются более тонким инструментом — острым резцом нижней челюсти сумчатой лисицы. Это идеальный строгальный инструмент.

Если мужчины, как правило, занимаются обработкой камня и дерева, то женщины сплетают шнурки из шерсти животных и человеческих волос.

Старуху Ильгар окружили и дети и взрослые. Она сидит на песке, подогнув под себя ноги, и держит на коленях деревянное корытце, из которого клубится облако бледно-серой шерсти. Старуха расчесывает пряжу и в то же время развлекает собравшихся всякими былями-небылицами. Рассказывает и про недавние охотничьи успехи своего мужа, и в рассказе ее столько приключений, что все буквально затаили дыхание. Ведь далеко не всегда приносят ей ценного зверя, от которого ее семья получает не только мясо, но и шерсть, целую кучу мягкой пушистой шерсти. Когда ее старик притащил добычу, она тут же принялась выщипывать шерсть из еще теплой туши.

До чего же мягка и суха эта шерсть. Старуха запихивает ее в пузатую сумку — а это не что иное, как желудок кенгуру — и выпускает немного шерсти из отверстия сумки. В свисающую прядь она втыкает острое примитивного веретена, состоящего из двух перекрещивающихся стержней. Пальцами левой руки слегка выдергивает шерсть, а ладонью правой катает по левому бедру валик веретена, скручивая таким образом

из шерсти тонкую нитку. Когда нитка достигает определенной длины, Ильгар наматывает ее на валик, а затем снова начинает прясть. Получается длинная-длинная нить, которую дочь старухи Ильгар сматывает в крепкий клубок. Из этого материала делают всевозможные украшения.

В Квинсленде из таких нитей изготавливают сеточки для волос, а у племен центральных областей — налобные повязки, на которые навешивают кости или зубы животных, перья или хвостики сумчатых крыс. Повсюду из этого материала делают ожерелья, реже крестообразно наложенные один на другой нагрудные шнурки. Для надобностей культа из таких шерстяных шнурков изготавливают так называемые нитяные кресты.

Однако для изготовления рыболовных сетей и лесок требуется более крепкий материал, нежели шерсть животных или человеческий волос. Такой материал поставляют австралийцам около сорока представителей растительного мира, наиболее видные из которых — бумажное дерево, каламус, панданус, стеркулия и ливинстона. Из листьев, стволов и коры этих деревьев делают эластичные сетки и сумки, а также крепкие корзины. Описанные ниже способы обработки растительного сырья свидетельствуют о том, что австралийцы хорошо знают свойства материала, который дарует им окружающая природа.

Кору молодой акации кладут в соленую или солоноватую воду на несколько часов, пока вода не станет ярко-красного цвета. После сушки на солнце кору делят на полосы требуемой ширины и хранят до употребления.

Один из видов железистого клевера целыми пучками закладывают на несколько дней в проточную воду и, чтобы его не унесло течением, придавливают камнями. Когда стебли этого растения напитаются водой, с них легко снимается кожица. Затем их сильно бьют и

треплют, пока они не сделаются совсем мягкими. Высушив стебли на солнце, их сматывают в мотки, напоминающие мотки пряжи.

Весьма ценный материал дает и малаисия. Тонкий верхний слой ее коры соскребают раковинкой, открывшуюся зеленоватую лубяную пленку снимают и нарезают на ленты. Каждую такую ленту в течение двух-трех минут разжевывают. От этого луб становится настолько эластичным, что его нетрудно разделить ногтями на тончайшие нити. Иным способом обрабатывают листья ливинстоны. Их еще не развившиеся побеги осторожно под самый корешок срезают и крепко выбивают на каком-нибудь бревне, пока молодой листок не раскроется. Листки разрезают на полоски, после чего заостренной костью кенгуру снимают с них внешнюю пленку. Этот тонкий материал не требует предварительного вымачивания. Из полученных таким образом заготовок без помощи веретена делают нитки и шнуры.

Говоря о навыках ремесла, следует сказать и о том, как австралийцы обрабатывают шкуры животных. В этом ремесле в отличие от прочих особого мастерства мы не видим. Крупных пушных животных охотники приносят нечасто, а когда приносят, обжаривают тушу на костре, не снимая с нее шкуры, из-за чего лишают себя ценного сырья. Племена крайнего юга и юго-востока материка давно сообразили, что из шкур пушных животных можно изготовить много полезных вещей. Женщины делали из шкур кенгуру и сумчатой лисицы одеяния, которые носили в дождливую погоду в походах. Одеяния из шкур согревали непривычных к холоду австралийцев.

Еще сырую шкуру прикрепляли деревянными клиньями или заостренными костями шерстяной стороной к куску коры и таким образом высушивали. Затем каменным скребком или раковинкой соскребали с кожной стороны шкуры оставшиеся частицы жира и

мяса. Дублению шкуры не подвергались, хотя природа дает туземцам для этого разнообразный материал, на базе которого вполне мог бы развиваться кожевенный промысел (дубление), существующий у других экзотических народов. Австралийцы лишь прокалывали по краям отдельные куски шкуры какой-нибудь заостренной костью и скрепляли их сухожилиями кенгуру в более крупные куски. Эти одеяния летом носили ворсом наружу, а зимой внутрь.

Предметы обихода — миски, щиты, даже сумки — раскрашивают минеральными красками, которые представляют собой большую роскошь, потому что их залежи имеются лишь в немногих местах, хозяева которых берут за красители очень дорого. Красители, главным образом белая глина каолин и охра всех оттенков, — столь огромная ценность, что мужчины прячут их в копне волос или в нагрудном мешке. Черную краску получают из угля и сажи; реже для этого употребляется марганцевая земля. При употреблении комки красителя тщательно разминают каменной пластинкой, полученный порошок засыпают в деревянную лохань с водой и размешивают, отчего получается густая паста. Как связующий материал широко применяется животный жир, а на севере материка — сок различных видов древесных орхидей.

Брачные обычаи

Жизненный уклад австралийских племен определяется природными условиями, в которых они живут. Не без влияния этих условий возникла у австралийцев определенная форма человеческого общежития, естественной основой которой у них, как и у нас, является отдельная семья, состоящая из мужа, жены (иногда нескольких) и детей. Семья разрастается в большую семью, или род, когда дети, достигнув брачного возраста, женятся или выходят замуж. Бытовая общность, первоначальную ячейку которой составляет семья родителей, сохраняется, однако в большинстве случаев живут уже не вместе.

Из-за своего особого способа добывания пищи австралийцы никогда не могли создать более крупных объединений. Группа австралийцев, кочующая по стране, охотясь на зверя или собирая растения и плоды, состоит из 25-50 человек. Там, где естественные условия более благоприятны, совместно живет иногда и до двухсот человек. Однако эта общность, обозначаемая как орда, клан и прочее, в действительности лишь часть («локальная группа») более крупной, племенной общности, с которой она связана единым языком, единой культурой и единой территорией. Локальные группы встречаются между собой по различным поводам (инициации и тотемные празднества), хотя вообще живут раздельно. Устраиваются и более крупные сходки, в которых участвуют различные племена, однако не образуя при этом прочной «политической» общности.

Политические связи между всеми австралийскими племенами весьма слабы. Что же касается политической структуры отдельного племени, то решающий голос во всех важных вопросах имеют старшие в семье,

образующие все вместе совет старейшин. Этот совет определяет выбор места нового стойбища, выносит приговоры, решает вопросы мира и войны. Авторитет старейшин и добровольное подчинение ему всей общины зиждется на их большом житейском опыте. Но бывает и так, что какой-нибудь обладающий даром красноречия и сильный духом человек из старших в роду оказывает большое влияние на своих соплеменников, не будучи облеченным властью вождя. Такой человек занимает положение лишь *primus inter pares*, первого среди равных, его чтят не за власть, а за личные качества. В таких случаях уже имеются предпосылки для появления настоящего вождя, что мы видим на примере описанного ниже весьма характерного образа Джалины-Пирамураны из племени диери, живущего близ озера Эйр. Не менее разнообразны и зачатки народного представительства — собраний, на которых обсуждаются решения совета старейшин. Это политическое развитие было приостановлено европейской колонизацией, и никакие нововведения цивилизации не смогли вернуть его к жизни.

«Джалина-Пирамурана был человек, обладавший даром красноречия, смелый, отважный воин и к тому же могущественный знахарь. Белые его очень ценили за хорошие манеры. Его боялись не только соплеменники, но даже и соседние племена. Ни братья его, ни старики не осмеливались в чем-либо возразить ему или начать без него какое-нибудь важное для племени дело. Джалина-Пирамурана улаживал споры, и никто не мог изменить его решения. Он пользовался правом выдавать замуж девушек, как ему заблагорассудится, или расторгать неудачные браки. Соседние племена присылали ему через своих посыльных всевозможные подарки — сумки, питчеры, красную охру, шкуры и прочие вещи, которые он, как правило, раздавал своим друзьям, чтобы не вызывать зависть у окружающих. Он

назначал время и место общеплеменных церемоний, и его гонцы созывали на эти торжества или совещания по межплеменным вопросам всех соплеменников в пределах свыше ста миль в окружности. Силой своего слова он всех держал в повиновении, и каждый усердно выполнял любой его приказ. От природы он не был ни жестоким, ни хитрым, какими бывают многие из племени диери, и, если его никто не гневил, он был всегда предупредительным, сговорчивым и чрезвычайно гостеприимным. Никто о нем не говорил плохо, напротив, его имя произносилось с уважением и почтением. Он старался по возможности предотвращать схватки, нередко заступался за тех, на кого нападали, и при этом, случалось, сам бывал ранен. В таких случаях наблюдавшие эту сцену поднимали дикий крик и принимались лупить злодея, осмелившегося ударить вождя», — так пишет Гэсон, проживший шесть лет в местах, населенных племенем диери, на озере Эйр.

Однако для австралийца существенное значение имело не социальное положение, а его принадлежность к известным группам, что этнографы называют социальным родством. Социальное родство в отличие от кровного порождено не семейными или брачными отношениями, а определенными неизвестными нам представлениями. Социальное родство играет в жизни австралийцев не менее важную роль, чем их кровнородственные связи. Нарушение неписаных законов социального родства приравнивается к тяжким преступлениям, почти всегда карающимся смертью.

За немногими исключениями, относящимися к крайнему югу и юго-востоку материка, а также к северо-западной части провинции Арnhemленд, каждое племя распадается на две части, которые носят обычно названия животных, например: Клинохвостый орел, Какаду, Эму, Пчела и прочее. Иногда обе половины обозначаются одним и тем же названием, но одна

именуется светлой, а другая темной, например Белый какаду и Черный какаду. С таким внутриплеменным делением связаны некоторые ограничения для вступления в брак. Люди одной и той же внутриплеменной группы не могут вступать в брачные отношения, они должны выбирать себе мужа или жену из другой группы. Так, племена, живущие на реке Муррей, распадаются на две части: Маккварра («орел») и Кильпарра («ворона»). Мужчина из Маккварры ни в коем случае не может жениться на женщине из той же Маккварры. Это было бы кровосмешением и каралось бы как тяжкое преступление — ведь женщины из той же половины племени, что и он, считаются его сестрами и называются поэтому «вуртоа» (сестры). Мужчина из группы Маккварра должен выбирать себе жену из группы Кильпарра. И наоборот. Дети от этих браков всегда относятся к группе матери. Когда дети достигают совершеннолетия, они могут вступить в брак только с людьми из группы своего отца. Поэтому вполне возможен брак между двоюродной сестрой и двоюродным братом со стороны отца.

О возникновении этой двугрупповой системы существовали самые различные точки зрения. Тот факт, что в названии половин племени обычно подчеркивалось различие цветов, связывали с физическими различиями людей обеих половин и полагали, что такая двугрупповая система отражает некогда существовавшее слияние двух биологически различных групп людей. Другие, напротив, считали, что такая регламентация произошла из проведенной самими туземцами «реформы» существовавшего ранее промискуитета (т. е. неупорядоченных половых сношений). Ни та, ни другая точка зрения всеобщего признания не получила. В настоящее время распространено предположение, что к этой двугрупповой системе, т. е. к системе двух брачных

классов, привели не антропологические различия, а общественные противоречия.

Тем не менее таким разделением на две части дело не всегда ограничивалось. Нередко обе группы подвергались дальнейшему дроблению, возникали системы четырех, а то и восьми брачных классов. Системы с определенным числом брачных классов распространены в одних и тех же местах, и поэтому не приходится сомневаться в их внутренней взаимосвязи. Племена с двумя брачными классами встречаются преимущественно в районе озера Эйр, с четырьмя — повсюду на востоке и северо-востоке, местами в центральных областях материка и в большем количестве на северо-западе. Система восьми брачных классов распространена в центральных районах Австралии и к северу вплоть до залива Карпентария.

«Социальное» членение племени перекрещивается делением иного порядка, уходящим своими корнями в область религиозного культа. Это деление на так называемые тотемные группы. Понятие «тотем» происходит от североамериканских индейцев, которые, по Фридрици, обозначают им «опекающее их родственное существо». Это слово применяется для обозначения подобных явлений и в других частях света, а значит, и в Австралии.

У каждого австралийца независимо от возраста и пола есть какое-нибудь животное, растение или явление природы, которое он считает своим прародителем, и это вполне естественно — ведь жизнь человека в Австралии теснейшим образом связана с окружающей его природой. Тотемами чаще всего являются животные, обычно встречающиеся в данном районе материка: различные типы кенгуру, сумчатых лисиц, валлаби, эму, собак динго, змей, орлов и летучих мышей; реже это растения; юго-восточным племенам тотемы-растения вообще неизвестны. Еще реже тотемами бывают

явления природы (гром, молния, радуга) или небесные тела (солнце, луна, созвездия). Принадлежность австралийца к тотему либо та же, что у матери, либо та же, что и у отца. В первом случае мы говорим о его когнатическом происхождении, во втором — об агнатическом. Нормы поведения определяются соответственно — отцовским или материнским правом. Это деление беспорядочно распределено между австралийскими племенами, но оно имеет огромное культурно-историческое значение.

Весьма важен тот факт, что люди одного и того же тотема считают себя родственниками и поэтому не могут вступать в брак друг с другом. Следовательно, для заключения брака существуют ограничения, определяющиеся не только кровнородственной и социальной общностью, но также и общностью тотема. Эрнст Фаттер, автор одной из основополагающих работ на эту тему, установил, что при отцовском счете родства правовые нормы фратрии и тотемной группы совпадают, благодаря чему естественным образом возникает крепкая родственно-культовая общность людей. Иначе дело обстоит при материнском счете происхождения. В этом случае родственная общность нарушается различиями между существующими в ней тотемными группами.

Все эти порядки не допускают того свободного вступления в брак, какое существует у нас. Австралийцы к заключению браков подходят чрезвычайно серьезно, этот вопрос решается облеченными доверием мужчинами, принадлежащими к заинтересованным сторонам, причем ни невеста, ни мать ее не могут высказывать своего мнения. Отец выбирает дочери мужа по своему усмотрению. Если отца нет в живых, это право предоставляется старшему брату или, если нет и такового, ближайшему родственнику-мужчине. Браков по любви у австралийцев не бывает. Для мужчины жена

или, если он это может позволить себе с точки зрения экономической, жены — всего лишь помощницы, облегчающие его жизнь. Кто построил бы ему хижину, кто готовил бы пищу, кто носил бы тяжести? Людей различного пола объединяют прежде всего соображения пользы. В этой части света Амур еще не пускал своих стрел^[16].

У Вонги дочь не то тринадцати, не то четырнадцати лет. Точно это неизвестно, ведь метрика — атрибут европейской цивилизации, и экзотические народы, тем более бесписьменные, не имеют о ней ни малейшего понятия. Вонга обещал свою дочь, хорошо сложенную и симпатичную девушку, Воррадору, человеку намного старше ее, у которого к тому же еще вполне бодрая жена. Зато Воррадор пользуется большим влиянием. Он хороший охотник и отличный оратор. Имея такого зятя, Вонга смог бы поднять свой престиж. И вот он хватает дочь за руку и объявляет ей тоном, не терпящим возражений, что она сейчас же пойдет к своему мужу и будет с ним жить.

Лахти страшно. Она никогда не разговаривала с Воррадором и даже никогда его не видела. Отец носит с собой палицу и копье, он грозен и суров. Он взирает на испуганное лицо дочери, и от гнева на лбу его вздуваются жилы. Он резко окликает дочь и велит ей следовать за ним. Та со страху вопит не своим голосом и обливается слезами. Вид у нее жалкий и несчастный. Но тщетны мольбы и слезы. Вонга немилосердно бьет Лахти палицей. Истошный крик Лахти доносится до слуха ее матери, которая в это время набирает воду из реки. Перепуганная мать прибегает на зов дочери и молит своего мужа о пощаде. Но Вонга неумолим. Мать в отчаянии ударяет оземь палкой. Лают собаки, собирается народ. Но никто даже пальцем не пошевеливает. Да Вонга никого бы и не послушался. Он один может решать судьбу своей дочери, так уж исстари

повелось. Он хватает обеими руками все еще сопротивляющуюся дочь за волосы и тащит к жилищу ее будущего мужа. Лаhti понимает, что сопротивляться невозможно. Покорившись судьбе, она идет за отцом.

Воррадор сидит перед ветровым заслоном и вырезает узор на щите. Для него этот день — такой же, как и все остальные. Вонга подводит к нему свою дочь, но Воррадор почти не поднимает головы. Рядом у очага возится тощая Бинги. Она не пугается соперницы, а, наоборот, рада ей — ведь молодая девушка будет помогать по хозяйству и все пойдет теперь быстрее. Бинги берет Лаhti за руку и ведет на речку, не удостоивая стоящих рядом мужчин ни взглядом, ни словом. Быть может, старой жене Воррадора в этот момент особенно жаль девушку оттого, что она вспоминает те годы своей юности, тот самый день, когда отец отдал ее в жены Воррадору. И она проявляла непокорство, противилась насилию. Набравшись духу, она убежала тогда от мужа и попросила защиты у матери. Она думала, что мать поможет ей в беде, но ошиблась, мать была такой же беззащитной, как и она. И тогда случилось нечто совсем неожиданное. Откуда ни возьмись появился юноша Янгьянг, которого она почти никогда не видела, но которому, очевидно, очень нравилась. Он схватился за оружие и вызвал Воррадора на борьбу. Но благородный порыв Янгьянга оказался тщетным. Тяжело раненный в руку, Янгьянг заковылял с поля боя. А она, Бинги, подгоняемая ударами отцовой палицы, была вынуждена отправиться в стойбище Воррадора. Она не могла бы тогда убежать: отец нанес ей тяжелую рану в нижнюю часть бедра, болела нога, и всякая попытка к бегству оказалась бы тщетной. Бинги тогда покорилась судьбе, как и подобает австралийской женщине, а теперь привыкла и поняла, что Воррадор — муж не из самых худших.

Однако гораздо чаще заключаются обменные браки. Мужчина, желающий жениться, предлагает в жены одну из своих сестер мужчине из другого брачного класса и за это выбирает себе там подругу жизни. Так обе внутриплеменные группы сохраняют необходимое число рабочих рук. Нередко предусмотрительные отцы выбирают для своих детей жениха или невесту, когда ребенок еще не вышел из младенческого возраста. Но это не «детский брак», а всего лишь помолвка. Мужчина из племени аранда, стремящийся заручиться женихом для своей двухлетней или трехлетней дочери, договаривается с женщиной из другого брачного класса, у которого есть сын примерно того же возраста. Точно так же поступают и матери этих детей. Переговоры не обставляются никакими особыми церемониями.

Когда дети достигают десятилетнего возраста, им сообщают о помолвке. При этом мальчику говорят, что до женитьбы он должен еще подождать, пока не начнет «расти борода», а это значит до тех пор, когда будет совершен обряд инициации. Однако со дня помолвки мальчик или девочка берут на себя известные обязательства по отношению к родителям жениха или невесты. Мальчик своему будущему тестю отдает свою охотничью добычу, а теще — собранные им съедобные растения. Точно так же поступает и помолвленная девочка. Она собирает для будущего свекра плоды, а свекрови помогает в стряпне.

И вот после того как их обоих признают достигшими брачного возраста, отцы жениха и невесты назначают день бракосочетания. Холостые мужчины обмазывают жениха черными и красными полосами. Лоб его украшают промазанным жиром красным волосяным шнурком, пояс — пучками орлиных перьев. Наряжают и невесту. Налобная повязка с подвешенными к ней хвостиками сумчатого барсука скрывает ее заплаканное

лицо. Трудно понять, что это — слезы прощания с девичеством или же просто этого требует обычай.

Тем временем брат невесты и другие мужчины ведут жениха к женщинам, родственницам невесты. Мужчины останавливаются на почтительном расстоянии от женщин, и лишь жених направляется к ним. Повелительным тоном он говорит своей будущей теще: «Дай мне в жены твою дочь!» — и хватает невесту за руку. Та противится и плача цепляется за свою мать. Наконец, мать невесты встает и предлагает будущему зятю обнять плечи ее дочери. Так заключается брак. Однако весь смысл обряда бракосочетания состоит в следующих заключительных процедурах.

В день свадьбы молодой супруг отправляется с мужчинами на охоту, а его жена вместе с женщинами идет собирать плоды и корни. Обычай требует того, чтобы новобрачный первым зашел в свою хижину и ждал там молодую супругу. Придя домой, жена молча отдает мужу все растения и плоды, которые ей удалось собрать. Муж в свою очередь отдает жене добычу и выделяет какую-то долю теще. Жена относит выделенную долю и возвращается к утру следующего дня, после чего молодожены снова уходят: он — на охоту, она — собирать плоды и корни. Теперь первой возвращается в хижину жена. Она расчищает место для очага, разжигает костер и ждет мужа. Муж приходит с охоты, отдает добычу жене и снова выделяет теще известную долю туши. Но на сей раз он просит жену возвратиться домой в тот же день. Этими процедурами, символизирующими хозяйственные обязанности обоих супругов, окончательно оформляется бракосочетание.

Обменный брак создает иногда весьма напряженную обстановку. Женатые мужчины относятся с большим подозрением к не имеющим сестер молодым людям, оставшимся без жен. И не без оснований. Своими домогательствами холостые мужчины не только

посягают на основы существующей морали. Бывает, что из-за похищения женщины из другого брачного класса возникают целые военные конфликты. Похитителя вылавливают, и старейшины обеих внутриплеменных групп собираются на особое совещание. Говорят долго, спорят и не скупятся на резкие выражения. Сначала они пытаются разрешить конфликт мирно. Как компенсацию за утрату, понесенную родственниками похищенной, родственники похитителя предлагают из своего брачного класса какую-нибудь незамужнюю женщину. Если же это предложение не принимается, тогда не миновать боя; бой этот — своего рода ордалия, т. е. божий суд. Сражение устраивается не между обеими внутриплеменными группами в целом, а только между похитителем и пострадавшим — отцом, женихом или мужем похищенной.

Собравшиеся застыли в ожидании. Старейшины обеих внутриплеменных групп уселись в кружок. В центре стоит обвинитель и рядом похищенная женщина. На некотором расстоянии ожидает своей участи похититель, вооруженный одним лишь щитом, которым ему придется защищаться от копий и палиц противника. Если из этого неравного боя похититель выйдет целым и невредимым, похищенная женщина останется с ним, если он погибнет, женщину отдадут ее законному владельцу. Если же существует подозрение, что женщина была согласна на похищение, тогда ее разгневанный владелец убьет ее на глазах у всех присутствующих.

Иногда похищение незамужней девушки происходит при молчаливом согласии обеих групп. В этом случае вооруженной ордалии, как описано выше, не происходит. Ученые полагают, что весь этот спектакль представляет собой остатки обычая умыкания невесты.

Взаимоотношения полов нередко явно противоречат принятым брачным установлениям и создают

впечатление наличия остаточных элементов промискуитета. Сравнительные этнографические исследования показали, что у австралийских племен подобного рода внебрачные связи, признанные общиной, в действительности отнюдь не столь неупорядоченны, как может казаться со стороны. Даже и в этих случаях соблюдаются принципы социальной и тотемной общности! Внебрачные половые сношения допускаются при самых различных обстоятельствах. Приехал, скажем, иноплеменный гость. Хозяин дома предлагает ему женщину в порядке пирауру — так называется особое право на внебрачную половую связь. Этнографу Лейхардту, путешествовавшему по материку, не раз оказывалось столь необычное гостеприимство. В том же виде община воздает благодарность особо отличившемуся мужчине-туземцу.

Распространен обычай, когда вдовец вступает в отношения пирауру с женой своего брата. Братья, женившиеся на сестрах из другой семьи, распоряжаются иногда женами друг друга даже в день бракосочетания. Прочно утвердился обычай пирауру при совершении обрядов на празднествах инициации и тотема. Однако «кто с кем» — решается произвольно на совете старейшин, без предварительного опроса партнеров.

Правом пирауру мужчины, если не считать гостей, пользуются в течение всей жизни. Однако мы впали бы в ошибку, если бы усмотрели в этом проявление одного только сексуального инстинкта. Мужчина и женщина, получившие право пирауру, несут еще и некоторые обязательства. Мужчина в этом случае берет на себя вооруженную защиту жены отсутствующего мужчины. Та в свою очередь обеспечивает партнера по пирауру пищей. Если умирает жена партнера по пирауру, то партнерша по пирауру берет ее детей к себе и растит их как своих.

Как показал Грау, мы не можем толковать право пирауру как остаточные элементы промискуитета. По-видимому, тут перед нами «явления сравнительно поздней эпохи», которые представляют собой «лишь частичное упорядочение половых сношений вне основного брака», но отнюдь не регулирование половых сношений вообще^[17].

Как же все-таки складывается жизнь молодых женщин и мужчин при столь своеобразных взаимоотношениях полов? Жестокая борьба за существование лишает беременную женщину той заботы, которой она заслуживает. Тем не менее в трудный для нее час она не одна. Сопровождаемая старшей по возрасту женщиной она отходит в кустарник, к месту, где установлен какой-нибудь невзрачный ветровой заслон, и там дарует жизнь своему ребенку. Ее сопроводительница растирает новорожденного сухой травой и кладет его в сумку или деревянную миску. Зайти в эту родильную хижину никто из живущих в стойбище не имеет права, но отцу взглянуть на своего ребенка разрешается. Супруг проявляет трогательную заботу о роженице. В те немногие дни, когда она находится в уединении, он носит ей дрова, воду, пищу. Молодая мать-австралийка испытывает в эти часы большое счастье. Но счастье омрачается тяжелой заботой: ребенка нужно кормить и носить на руках. При переходе на новое место поселения женщине приходится носить тяжести. Часто из-за недостатка питания она кормит грудью ребенка до пятилетнего возраста. Беспокойная, трудная жизнь вынуждает иногда женщину убивать ребенка через несколько часов после родов. Ребенка убивают и по религиозным мотивам, особенно если он рождается уродом.

Такой обычай явно противоречит проявлениям той большой любви к детям, которая свойственна

австралийцам; не совсем ясно, для чего супругам нужно ребенка убивать, когда их соплеменники могли бы его усыновить или удочерить, что они, кстати, и делают в случае смерти его матери. Харрассер в своей работе о правонарушениях у туземцев Австралии указывал на то, что тяжелые естественные условия, в которых приходится жить многим другим народам, не всегда заставляют их прибегать к столь радикальному решению. Объяснить детоубийство у австралийцев можно тем, что к началу европейской колонизации они не умели бороться с перенаселением, так как не могли ни перебраться на другие материки, ибо на своих лодках в открытое море не выходили, ни изменить формы своей экономики. Тот факт, что австралийцы прибегали к столь легкому и даже примитивному способу регулирования прироста населения, как убийство новорожденных, является, по мнению Харрассера, приметой общего упадка. Подобная мера препятствует всякому культурному прогрессу и к тому же, как отметил Харрассер, противоречит «биологическим законам стихийного альтруизма».

Но если уж австралийского ребенка оставляют в живых и растят, то его окружают большой заботой; родители даже ссорятся между собой, когда один из них ругает ребенка или наказывает его за шалости. Маленький гражданин земли уже во многом подражает своим старшим приятелям, выкапывающим палочками коренья и собирающим личинки. Когда ребенок становится постарше, родители приучают его к определенным обязанностям. Мужчина берет мальчика с собой на охоту, женщина обучает дочь собирательству. Бывает и так, что дети из различных семей находятся на попечении людей пожилого возраста, несущих, таким образом, функции воспитателей. Например, однажды женщина из племени ярра, еще совсем не затронутая европейской цивилизацией, собрав вокруг себя группу

девочек, на модели показывала им, как строить ветровой заслон. Тут же она мастерила сети и корзины из материала, собранного девочками по ее указанию. Другой раз это был пожилой мужчина, обучавший группу мальчиков различного возраста оружейному делу. Он построил их в ряд, снарядив каждого легким тростниковым копьем, и стал кидать перед ними диск из коры, в который юные стрелки должны были попасть.

Австралиец, бросающий бумеранг

Юноши находят время и для настоящих спортивных игр, которые очень укрепляют их здоровье. Это прежде всего метание бумеранга и игра в кенгуру. В кенгуру играют следующим образом. Юноши и мужчины кидают легкую деревянную палку с круглым утолщенным

навершием на расчищенную ровную земляную площадку, находящуюся на небольшом расстоянии. Коснувшись земли, палка снова взлетает и снова падает и так далее, пока совсем не остановится. Нередко такой бросок достигает расстояния трехсот метров. В любом случае выигрывает тот, кто бросил дальше всех. Своеобразное прыгающее движение палки напоминает австралийцам длинные прыжки кенгуру, отчего эта игра и получила свое название.

Не менее популярно метание возвращающегося бумеранга. Бумеранг — искаженная форма австралийского слова «вумера», которым обозначается копьеметалка или праща. Бумеранг же представляет собой круто изогнутую деревянную дощечку с закругленными концами. Нижняя сторона дощечки плоская, верхняя выпуклая. Характерно для бумеранга легкое искривление его бедер, одного по отношению к другому, что, впрочем, не придает ему формы пропеллера. Если такой бумеранг положить плоской стороной одного бедра на стол, тогда другое бедро подыметься наискось вверх. Благодаря такой своеобразной форме бумеранг возвращается назад. Это метательный снаряд из дерева. Когда его запускают по наклонной вверх или вниз, он описывает в воздухе круги и затем возвращается назад, падая недалеко от места метания, если только при полете не заденет за дерево или за куст. Такой бумеранг — типичный спортивный снаряд для мальчиков и мужчин. Они неизменно им пользуются в спортивных упражнениях и на регулярно проводящихся состязаниях, где демонстрируют свою ловкость. Бумеранг должен упасть как можно ближе к установленной мишени. Хотя участники австралийских спортивных состязаний и не получают премий, слава лучшего бумерангометателя столько же значит для австралийца, сколько и слава хорошего охотника или храброго воина.

Более занимательны игры в веревочку, пользующиеся большой популярностью и у молодых, и у старых, и у мужчин, и у женщин. Берется длинный шнур со связанными в узел концами, натягивается на обе руки. При этом пальцами делаются всевозможные перекрещивающиеся петли, означающие растения, животных и прочее. При более сложных фигурах действуют даже зубами или зовут кого-нибудь в партнеры, так что некоторые фигуры из шнура образуются с помощью четырех рук!

Вся эта беззаботная жизнь кончается, когда подростки по своему физическому и духовному развитию достигают состояния взрослых. Над мальчиками и девочками совершается обряд инициации. Делается это в полной изоляции от всех остальных жителей становища. Мальчиков и девочек знакомят со всем, что потребует жизнь от каждого из них. Это неизменные уроки жизневедения и культа и главным образом тотемных церемоний. Иницианты получают эти уроки впервые; им приходится под страхом смерти поклясться, что они никогда ни жене, ни детям ничего не расскажут.

Обряд инициации, варьирующийся по форме у различных племен, для мальчиков более обширен, нежели для девочек. Этот обряд совершается с некоторыми перерывами в течение многих лет, и нередко случается, что начинается он, скажем, в двенадцать лет, но вследствие перерывов заканчивается лишь к двадцати пяти годам. В таком обрядовом цикле имеются элементы, придающие инициациям совершенно особый смысл. Сюда относятся испытания болью и членовредительство — вырывание волос, нанесение ран в область груди или ягодиц каменным ножом (с протираaniem порезов и ран золой, чтобы остались припухлые рубцы), просверливание носовой перегородки, чтобы продеть деревянный или

костяной стержень какого-нибудь украшения, выбивание зубов-резцов и, наконец (если не считать юго-восточных племен), обрезание.

Большая заслуга в деле сравнительного исследования символики всех этих своеобразных обрядов инициации принадлежит швейцарскому ученому Феликсу Шпейзеру. Он показал, что различные хирургические вмешательства представляют собой не что иное, как магические таинства, назначение которых в том, чтобы мальчика быстро превратить в сильного мужчину^[18].

Прочие обряды инициации, такие, как кусание головы, подбрасывание вверх, наречение различными именами после отдельных этапов таинства, а также бичевание означают перенесение силы взрослого на подростка. Подобным переносчиком силы считают и огонь, который также применяется при этих обрядах. Однако основным магическим моментом этого обряда является снятие табу на пищу. До определенного момента иницианты не имеют права есть некоторые виды пищи и в первую очередь мясо тотемного животного или тотемное растение. Благодаря временной отмене этого запрета посвящаемые вступают в общение со своими тотемными предками. Обряды инициации совершаются в строжайшей тайне, что объясняется их сугубо священным характером. Женщинам и детям доступ к месту, где совершается обряд, преграждается дощечками-гуделками. Инициации воспринимают как символическое умерщвление и возрождение, ниспосылаемое высшими силами, голоса которых слышны в жужжании дощечек-гуделок, и, наконец, как приумножение жизненной силы.

Культурный герой, тотемные предки и «детские зародыши»

Во все времена люди, на какой бы ступени культуры они ни находились, задумывались о происхождении окружающего мира. Чем проще был их жизненный уклад, тем примитивнее было и их мировоззрение. Но так как даже «самые примитивные из всех примитивных», к которым причисляют народы, добывающие средства к жизни охотой и собирательством, прошли длительный путь культурного развития в течение многих столетий, вернее, тысячелетий, их первые философские толкования явлений природы и космоса навсегда останутся для нас неизвестными. У австралийцев при всей первобытности их жизненного уклада также существуют различные представления о космогонии, возникновении живых существ и происхождении того или иного явления культуры. Экзотические народы в большинстве случаев держат себя по отношению к европейцам чрезвычайно скрытно, особенно в сфере религиозной, и поэтому лишь немногим исследователям, прожившим долгие годы среди этих людей и достаточно глубоко изучившим их язык, удалось проникнуть в духовный мир своих цветных друзей.

В настоящее время имеются неопровержимые доказательства существования религиозных верований у всех экзотических народов, в том числе и у австралийцев. Многие племена верят в так называемого культурного героя, о котором, впрочем, существуют самые различные представления. Племя вилмен, живущее к востоку от Албани, в юго-западной части материка, называет его Ноатч и считает «высшим духом». Этого духа представляют себе бесполом

существом, не имеющим обличья, живущим на высокой горе. Его можно увидеть в тумане, окутывающем ту гору. Племя курнаи, жившее в Гипсленде, и другие родственные племена верили в божество Бунджил (что значит «отец наш»), которое воспринимается как существо сверхъестественное, но имеющее обличье человека, принесшее людям все блага культуры^[19]. А люди из племени нарриньери, обитающие в устье Муррея, рассказывают о своем культурном герое Нуррундере, что он когда-то жил на земле и был великим охотником, но потом переселился на небо. Когда он разгневан, гремит гром, а потому и радуга тоже создана им. Племя камиларои, живущему в восточном Квинсленде, все культурные блага принес Байамэ. Обычно он невидим, но может являться и в обличье человека. Племена центральных областей материка аранда и лоритъя представляют себе культурного героя, называемого Алтыира или Тукура, в облике крепкого мужчины с красноватой кожей и длинными светлыми волосами, но с ногами птицы эму. Живет он на небе. По представлению туземцев, это покоящаяся на каменных опорах твердая почва, орошаемая огромной рекой (Млечный Путь). На небе райское житье, масса плодов и дичи. Однако Алтыира людей не сотворил, и они его совсем не интересуют. Да и люди ему не поклоняются.

Всем этим героям люди обязаны многими культурными достижениями, однако ни одного из них не называют творцом вселенной. Земля, мыслимая как диск, и раскинутый над нею небосвод с созвездиями, из коих многие воспринимаются как персонажи мифов, — все это существовало всегда. Культурные герои отчасти наделены человеческими чертами. Они женаты, ведут домашнее хозяйство, занимаются, как и люди, охотой и собирательством. У отдельных племен распространено представление, что люди произошли от детей

культурных героев. Весьма любопытно, что героям не молятся, не совершают в их честь никаких жертвоприношений, хотя они, по представлениям австралийцев, жили на земле еще до людей, обладали силой большей, чем люди, и стояли на страже нравственности и общественного порядка. Они даже карали. Так, в одном из мифов племени курнаи рассказывается о том, что культурный герой настолько разгневался из-за разглашения тайны обряда инициации, что послал на землю потоп. Таким образом, культурные герои или высшие существа наделены также чертами, лишь незначительно отличающимися от единого бога христианских религий^[20].

Представление о праотце преобладает главным образом среди южноавстралийских племен, тогда как большая часть прочих племен верит в божество, известное под названием «радуга-змея». По представлению туземцев, радуга-змея — это воплощение стихии воды, столь ценной для людей в краю степей и пустынь. Это существо живет в глубоких водоемах, и увидеть его можно лишь в радуге. Однако новейшие исследования, в которых немалое участие приняли немецкие ученые, показали, что представление о радуге-змее есть лишь часть более широкого комплекса идей. Благодаря исследованиям жизни и быта племен северо-западной части материка удалось сделать совершенно поразительное открытие: эти туземцы представляют себе всю землю в виде огромной змеи, называемой Унгуд. Она живет внутри земли и воплощает в себе «всесозидающую и всеуничтожающую первоначальную силу», порождающую и поглощающую все живое. «Все, что мы видим и называем землей, — это лишь спина Унгуд», — объясняли туземцы. Или говорили так: «Деревья растут на спине Унгуд». Вместе с тем эту живущую в земле змею отождествляют с водой. По всей вероятности, представления австралийцев о змее-земле

или змее-радуге — это древняя и широко распространенная вера в мировую змею. Эта вера и по сей день распространена в Южной Азии^[21].

Оба представления — о культурном герое-прародителе и о мировой змее — происходят, очевидно, от различных потоков переселения. При этом представление о культурном герое является более древним, ибо его вряд ли можно встретить у северных племен, и оно весьма распространено у более древних южных племен. Правомерность такой точки зрения подтверждается тем, что у южных племен змея-радуга, если только там знают о ней, является лишь «помощницей» культурного героя^[22].

Со всеми этими верованиями непосредственно связано представление о возникновении человечества. Подобные представления, явно философского характера, и по сей день весьма распространены у северо-западных племен Австралии. Творцами мира считаются у них змея-земля и Валангада, царствующий на небе, — персонификация Млечного Пути. Эти божества из неиссякаемого источника своей духовной субстанции создали так называемых вонджин — непосредственных предков человеческих душ. Вонджины разбрелись по свету и в конце концов вошли в глубь земли. Всюду, где это произошло, они оставили наскальные изображения, представляющие собой как бы их отпечаток. Эти изображения впервые были найдены в 1838 г. английским путешественником Джорджем Греем. Такие наскальные изображения часто встречаются неподалеку от рек, озер и морей, которые, по преданию, также сотворили вонджины. На дне таких водоемов каждый вонджина присущей ему духовной силой возвращает так называемые детские зародыши, или «детей-духов» («spirit children»).

У племен северо-запада, а также центральных областей материка рождение человека не связывается с

половыми сношениями. Чтобы произвести на свет человека, мужчина должен воспринять от какого-нибудь вонджины человеческий зародыш и передать его своей жене. Этот процесс возможен лишь благодаря особому душевному состоянию — сновидению. Туземцы понимают явление сновидения гораздо шире, чем мы. Для нас сны — это мимолетные смутные видения, для австралийца же это реальные события, реальные переживания. Для него и некоторые психические состояния, занимающие немалое место в его жизни, — те же сны. Поэтому для многих австралийских племен физиологический половой акт ничего не значит, если только мужчина, не испытав экзальтированное состояние восприятия от вонджины человеческого зародыша, не передает его женщине, которая в этот момент находится в таком же состоянии. Так осуществляется неразрывная духовная связь человеческого зародыша (джаллала), принимающего в человеке определенные телесные формы, со своим вонджиной.

Когда человек умирает, зародыш вновь возвращается к водоему своего вонджины и ожидает своего следующего воплощения в человеке. Кроме того, каждый австралиец считает, что его судьба зависит от определенного водоема (который обычно принадлежит его отцу) и от находящегося у этого водоема наскального изображения — отпечатка вонджины. Поэтому старейшине выпадает весьма ответственная задача: до наступления дождей подновить наскальное изображение свежими красками. Если же никто этого не делает, скажем, оттого что кочевавшее поблизости племя вымерло, то животные и растения данной местности должны неминуемо погибнуть, ибо тогда навеки перестанет идти животворящий дождь, ниспосылаемый змеей Унгуд.

Подобного рода церемонии гораздо величественнее у племен центральной Австралии, у которых, однако, они не связаны с представлениями о созидющей «первоначальной силе». Религия этих племен сводится в основном к культу предков^[23], которые, по их представлению, временно или навсегда принимают обличье какого-нибудь животного или растения. Приключения, некогда происходившие с этими тотемными предками (альтырангамитьина), уже много веков подряд передаются из рода в род в мифах и изображаются в пантомимах. Хотя у этих альтырангамитьина есть нечто схожее с вонджинами северо-западных племен, но вместе с тем они обладают и целым рядом собственных характерных черт.

По преданиям австралийцев центральной части материка, их предки когда-то бродили группами по стране. Они носили с собой продолговатые или овальные камни, известные под названием «чуринги». Эти камни воспринимаются лишь как часть тела тотемных предков, но не как место, где обитает их «душа». Странствовавшие предки растеряли многие из этих чуринг. Старейшины групп подобрали их и спрятали в пещерах, где они хранятся и по сей день. В дни тотемных празднеств эти священные предметы извлекаются из хранилищ.

Когда наконец тотемные предки окончили свои странствия и в изнеможении пали ниц, они превратились в деревья, водоемы и скалы, которые навсегда стали носителями детских зародышей — «ратапа». Рождение человека связывают с этими зародышами и племена центральной Австралии. Физиологический половой акт не воспринимается как средство продолжения рода и туземцами центральной Австралии. Важно лишь, чтобы в женщину вошел ратапа, из которого потом получится человек. Вхождение этого ратапа женщина ощущает, проходя

вблизи животного или растения, отождествляемого с тотемным предком. В этот момент она чувствует боль в бедрах и тошноту и знает, что в нее вошел зародыш соответствующего тотемного предка и что теперь она родит ребенка, принадлежащего данному тотему. Так как у племен центральной части Австралии предметы, связанные с тотемными предками, весьма многообразны, часто случается, что дети одной и той же матери принадлежат различным тотемам. А иногда сам тотемный предок входил в женщину и вновь ею рождался. Об этом рассказала Кальтия, женщина из племени аранда.

Однажды (это было в темную, глубокую ночь) тотемный предок — ящерица — вылез из скалы, в которую он когда-то превратился. Он подслушал разговоры туземцев у костра и увидел женщину по имени Кальтия. На утро следующего дня муж Кальтии Урбула, проснувшись, сказал, что видел во сне какого-то тотемного предка у их становища. Днем, как обычно, Урбула отправился на охоту, и его незримо сопровождал тот самый тотемный предок. В полдень Урбула, усталый, нагруженный добычей, возвращался домой. Его жена Кальтия видела, как он подходил к дому. Но она заметила, что он шел в сопровождении какого-то незнакомого человека. Кто бы это мог быть? Кальтия встала у входа, задумалась, и вдруг незнакомец исчез. Как всегда, Кальтия приготовила еду. Когда она ела мясо, ей стало дурно. День спустя она проходила мимо скалы тотемного предка — ящерицы. Словно из-под земли опять появился перед ней тот самый незнакомец и снова исчез. Она лишь успела заметить, как он метнул в нее дощечку-гуделку, и тотчас же почувствовала как по всему ее телу разлилась истома. Обо всем этом она рассказала своему мужу у костра. Тогда Урбула сказал ей: «Ты понесла от тотемного предка — ящерицы!»

«Происхождение» от тотемного предка обязывает человека соблюдать по отношению к тотемному животному или растению определенные правила поведения. В большинстве случаев тотемных животных или тотемные растения не разрешается ни убивать, ни употреблять в пищу. Иногда этот древний обычай соблюдается не очень строго; в этих случаях тотемное животное убивают без причинения ему боли. Бывает также, что не столь строго соблюдается запрет на съедение того или иного тотемного животного или растения; тогда люди, принадлежащие данному тотему, имеют право съедать лишь определенные части тотемного животного. Кроме того, людям тотема вменяется в обязанность изображать различные эпизоды из жизни своего тотемного предка именно в том виде, в каком они существуют в мифах.

К югу от Мерины водились когда-то в большом количестве птицы эму, и питались они всевозможными травами. Однажды эму предприняли поход на запад, а затем вновь вернулись к исходному месту. Тут они приняли обличье мужчин. Это были предки тотемной группы эму. Проглотив камни чуринги, они стали совершать культовые обряды и нараспев повторять:

Я птица эму, я громко кричу, Хоть и глотка моя тоща, под клюв себе тихо бурчу, Потому что дальше брести хочу.

Затем эти предки тотема-эму изготовили два больших клубка пряжи, изображавших желудок и сердце. Оба мотка они положили в щит, а потом начали украшать ими самого старшего из своих братьев. Они обмазали его углем, прикрепили к его голове пучок мульты, а к нему с двух сторон перья птицы эму, имитируя таким способом шею и голову птицы, и, наконец, навесили на него на длинном шнурке те самые два мотка. В таком наряде он отправился к углублению в земле, которое должно было изображать водоем, и стал

у самого края на колени. Затем он пугливо поглядел по сторонам, откинулся назад и нагнулся к воображаемой воде, чтобы напиться. В своих движениях он подражал птице эму.

Когда предок птицы эму символически утолил жажду, он позвал своих спутников. Те, приплясывая и выкрикивая: «Ва, ва, яй, яй», окружили его. Вдруг один из плясавших схватил лжеэму, который навешенными на него мотками ниток принялся бить в живот остальных спутников, а двоих из них послал искать съедобные растения.

Так закончилось это культовое действо, но сразу же стало совершаться другое. Теперь раскрашивались углем и обклеивались птичьим пухом уже двое изображавших эму, один постарше, другой помоложе. Младшему, изображавшему птенца эму, кроме всего прочего, нарисовали вокруг пупа красный круг. Затем он опустился на колени у края мнимого водоема, пугливо осмотрелся, как это делают эму перед водопоем, и закричал, как птенец эму. Тем временем другой, изображавший взрослого эму, стоял позади, защищая своего птенца. Затем оба улеглись отдыхать. Так закончился и этот обряд.

День спустя предки эму двинулись дальше на юг и вскоре пришли в Мутута, что означает «пень». Здесь они заночевали. На рассвете они увидели в западной части неба зарево пожара, и вскоре пламя его с ужасающей быстротой стало надвигаться все ближе и ближе, охватывая кусты и деревья. Страшная угроза гибели обратила людей-эму в бегство. Они мчались изо всех сил, пока не добежали до Калаятабарна, где увидели другого предка-эму, сидевшего в каменной пещере. Тот заметил бегущих и крикнул им: «Скорей сюда, бегите все сюда!» Но огонь бежал быстрее. Он спалил всю траву и кустарник вблизи пещеры и накинулся на людей-эму. В пламени погибли и старик эму Унгунтуна и

птенец эму Нтальпунга. Остальные люди-эму спаслись в пещере и превратились в чуринги.

Чуринги благодаря связи с тотемным предком настолько священны, что женщинам и детям не разрешается даже смотреть на них. Обычно они хранятся в пещерах, местонахождение которых известно лишь немногим старикам. На тотемные празднества их извлекают оттуда и натирают жиром кенгуру и охрой. Старейшины племен полагают, что от этого природа и люди обретают силу созидания.

Чуринги — плоские деревяшки овальной формы длиной от 20 до 100 см, в ширину от 2 до 10 см, либо предметы из камня, имеющие несколько более круглую форму. Они покрыты символическими знаками, выгравированными клыком сумчатой лисицы. Это концентрические круги или полукруги, спирали и параллельные линии, пунктиры и штриховка; каждый такой орнамент имеет какой-то определенный смысл. Круги могут символизировать тотем, становище или деревья, полукруги — сидящего на корточках тотемного предка, параллельные линии — тропу, по которой шли предки, или же шрамы на их груди, пунктирные линии и штриховка — в большинстве случаев следы ног тотемного предка. Австралийцы, обращенные в христианскую веру, открывают европейцам свои тайны; по символике знаков на чуринге они как бы читают о всяких воспроизводящихся в обрядах событиях из жизни тотемных предков. Но знаки на чуринге — не письмо в нашем сегодняшнем понимании.

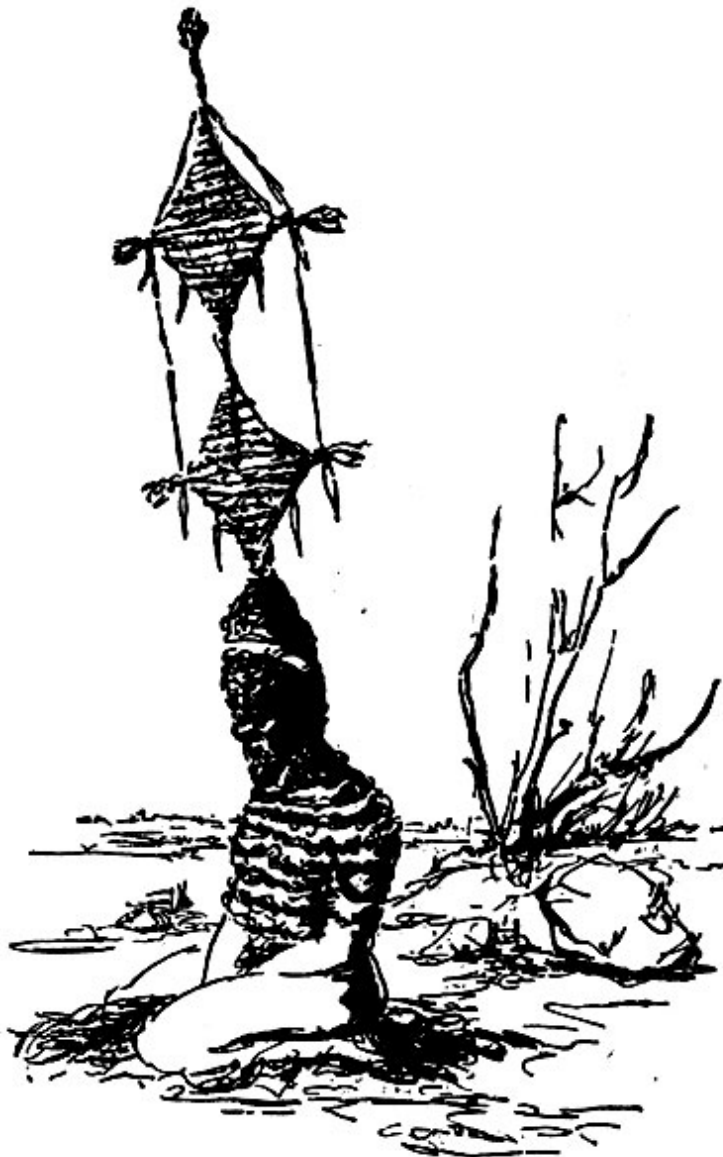
Чуринги встречаются также у племен северо-западной Австралии, живущих еще самобытной жизнью. Правда, там чуринги только из дерева, и на одном из их концов имеется отверстие, так что их можно вращать на волосяном шнурке, используя как дощечку-гуделку. В обрядах племен северо-западной Австралии чуринги употребляются так же, как у племен центральной

Австралии. Однако рисунки на них существенно различаются. Если у племен центральной Австралии они носят чисто условный, символический характер, то у северо-западных племен это вполне определенные четкие изображения, посвященные историям, которые происходили в той местности с культурным героем Джамаром, и «прочитать» их, т. е. раскрыть их внутренний смысл, можно, лишь зная соответствующий миф. На рисунке изображена рыба-звезда, обитающая, согласно преданию, под скалами. Острые иглы этой рыбы ранили когда-то Джамара. Очень часто на чурингах встречается изображение собаки динго — она, по преданию, сопровождала Джамара, — а также изображение миски, в которую стекала кровь из раны Джамара, и в центре этой сцены — спираль, означающая смерч, в котором Джамар явился людям. На чурингах североавстралийских племен встречается и змея-радуга, и это вполне понятно, раз она, будучи «первоначальной созидательной силой», занимает там самое большое место в религиозных представлениях. Но особое значение имеет тот характерный для Австралии факт, что на чурингах изображается и сам культурный герой, причем в обличье человека, и что только здесь, на северо-западе материка, рисуют на скалах вонджин.

К чурингам в широком смысле слова причисляют и своеобразные предметы, которые при совершении тотемных обрядов надевают и носят взрослые мужчины. Так люди, изображая своих предков, стремятся походить на них внешним обликом. Они воспроизводят тот или иной миф, чтобы в конце концов слиться воедино со своим предком и таким образом причаститься к его великой силе.

Существенной деталью в таком спектакле является то, что его участников обмазывают красками и обклеивают птичьим пухом, при этом клеящим материалом служит кровь, которую собирают, надрезая

себе вену руки ножом. Кровь — самый ценный клеящий материал, ибо он несет в себе силу жизни. На тело и прежде всего на голову исполнителя обряда накладывают своеобразные символические предметы, якобы части тела тотемного предка. Почки, желудок и сердце тотемного предка символизируются большими пучками травы, обвитыми волосяными шнурками. Ветки и трава, связанные в длинные круглые охапки, плотно обкрученные волосяными шнурками, обклеенные птичьим пухом или клочьями метелок тростника и обвешанные пучками перьев, кладутся на голову плашмя или прикрепляются к затылку, отчего ряженный обретает вид страшного чудища. Из того же материала делают остроконечные колпаки с разнообразными символическими украшениями. Иногда голова актера превращается в массивную уродливую голову лягушки или длинную шею эму с маленькой головой, чем красноречиво подчеркивается принадлежность к данному тотему.

Австралиец в наряде, изображающем тотемного предка

Но наиболее характерные атрибуты таких тотемных церемоний — кресты из перекрещивающихся палок с плотно прилегающими один к другому натянутыми волосяными шнурками разного цвета. Нередко эти шнуры обклеивают пухом птиц и клочьями метелок тростника, отчего получается изображение шкуры

тотемного животного или какого-нибудь отличительного знака тотема. Так, соответствующий культовый предмет тотема-дождя обклеен полосками белого птичьего пуха, означающими струи дождя. Эти подчас громоздкие и отнюдь не легкие предметы во время представления поддерживают руками на спине. Уподобление тотемному предку чрезвычайно выразительно. Изображающий тотемного предка воспроизводит все его характерные движения. Если тотемный предок лягушка или кенгуру, то изображающие его подпрыгивают на четвереньках, если ястреб или орел — раскидывают руки как бы для полета.

Все эти спектакли — отнюдь не увеселительный маскарад, каковым, впрочем, они могут когда-нибудь стать, так как со временем мельчает или вовсе утрачивается их внутренний смысл; об этом свидетельствует немало фактов из истории культуры. Для австралийцев эти таинства всегда были священны. Пытаясь наиболее достоверно воспроизвести миф, они стремятся к полному слиянию со своим тотемным предком, к пробуждению свежих сил в человеке, в обществе, в природе.

Такой же отмеченный глубоким религиозным чувством артистизм, находящий свое наиболее естественное выражение в культовых обрядах, мы можем наблюдать в танцах «корроборри». Этим словом, взятым из языка восточноавстралийских племен, европейцы обозначают вообще все групповые танцы австралийцев, в которых наряду с мужчинами участвуют и женщины. Для пущего воздействия на людскую массу спектаклю дается мощное музыкальное сопровождение в виде большого хора с одним или несколькими запевалами. Эти, как правило, монотонные хоровые песнопения оживляются модуляциями отдельных голосов от низкого баса до пронзительного фальцета. Инструментальный аккомпанемент хора предельно

прост. Обозначают один лишь ритм, для чего хлопают в ладоши, бьют по подушкам из шкур или стучат двумя деревяшками, сделанными из разных пород дерева, издающими звонкий металлический звук. Иногда вместо деревяшек используют два бумеранга, которые ударяют один о другой плоскими сторонами. В прибрежной полосе тропического севера благодаря сравнительно позднему влиянию новогвинейцев получили распространение деревянные или бамбуковые трубы, которые издают, правда, лишь воющий звук.

В корроборри с большой страстностью изображаются сцены охоты и битв, любовь к детям, покорность могуществу природы и прочее. И по сей день с увлечением исполняются танцы корроборри в северо-западной Австралии даже у племен, не оставшихся в стороне от европейской цивилизации. Для людей этих племен сочинители корроборрийских песнопений — существа необычные, которых осеняет поэтическая мысль в моменты мистического транса. Обычно в таком состоянии бывают знахари. Их поэтическое вдохновение проявляется, конечно, не в подборе красивых форм, как у нас. Австралийские поэты не могут преодолеть сопротивления словесного материала и поэтому в конце концов сбрасывают с себя все оковы языка. «С великим вдохновением поэт коверкает язык, делая с ним все, что ему заблагорассудится, — пишет мюнхенский этнолог Ломмель, — он разрывает слова, вставляет в них какие-нибудь гласные или опускает слоги и вообще насилует свою речь, пока не выкуется звучание, наиболее подходящее для передачи испытываемого им ощущения». Этим объясняется многократно упоминаемая исследователями невозможность перевода подобных песен.

Такое пение австралийцев — не стихи, положенные на музыку. По их словам, это «всего лишь пение», а не слова, которые можно осознать, пение, апеллирующее

не к разуму, а непосредственно к чувству, и потому не нуждающееся в соблюдении определенного порядка звуков. Поэтому зрители и не ищут в этих многочисленных строфах (в одном из таких песнопений их тридцать восемь) какого-то определенного смысла. В большинстве случаев представление начинается в часы вечерних сумерек и длится в течение нескольких дней. Поэтому отдельные песнопения очень быстро распространяются среди племен, находящихся на большом расстоянии друг от друга. В этой связи характерен факт, который Ломмель наблюдал в столице северо-западной Австралии, в главном городе округа Бруме, где он встретил однажды людей какого-то племени центральной части материка, и они рассказали ему, что обучили живущих там иноплеменных туземцев, с которыми кое-как объяснялись лишь на ломаном английском языке (!), своим корроборри и что те восприняли эти песни и танцы с большим воодушевлением.

Мир представлений австралийцев раскрывается в их изобразительном искусстве. Рисунки австралийцев двухмерные, плоскостные. До объемного изображения они еще не дошли. Изображения на теле, на оружии и на утвари, рисованные, резные, выжженные или нацарапанные, в подавляющем большинстве представляют собой тот же геометрический орнамент, что и на предметах культа. Сравнительное изучение показало, что отдельные орнаменты характерны для определенных областей материка. На западе и юге в орнаменте преобладают зигзагообразные линии, узоры в елочку и концентрические ромбы, встречающиеся также на юго-востоке, хотя там наиболее характерен сетчатый орнамент. Зато в центральной Австралии орнамент состоит из концентрических окружностей и волнистых линий. Своеобразно исполненные узоры этих линий строго параллельны. Но на севере и северо-востоке

встречаются пестрые красочные узоры из лентообразных полосок и крестиков.

Эти геометрические орнаменты служат декоративным целям и в то же время представляют собой символы культа.

В 1838 г. Джордж Грэй открыл наскальные изображения в северо-западной Австралии, а в течение последних десятилетий такие же рисунки были обнаружены и в других частях материка. Они встречаются на отвесных уступах гор, на камнях горных плато, а также, как мы уже говорили, на стволах деревьев, на скалах и на кусках коры. О том, что они означают, мы знаем очень мало, потому что создавшие их племена ко времени их открытия уже давно находились в состоянии вымирания и утратили свои былые традиции.

Новейшие исследования дали нам возможность в какой-то мере установить смысл этих очень выразительных изображений. Так, в северо-западной Австралии уже упомянутый исследователь Ломмель нашел у водоемов наскальные изображения, похожие на те, что открыл Грэй. Наряду с животными (кенгуру, валлаби, змеи) здесь изображены фигуры людей, в большинстве случаев в лежащей позе, но без рта, с сияющим нимбом вокруг головы (быть может, это диадема из перьев). Эти своеобразные человекоподобные существа и есть те самые вонджины, которые полностью завладели религиозными чувствами живущих там племен. Изображения сделаны земляными красками, белой, желтой и красной, приготовленными в виде кашицеобразной массы. Краски наносились на скалы пальцами или же веткой в виде кисти с волокнами на конце.

Магическое значение этих изображений отражено в словах старейшины, который ежегодно должен был подновлять изображение у водоема его тотемной

группы. В торжественной манере он говорил: «Пойду набраться свежих сил. Раскрашу я себя вновь, чтобы пошел дождь!»

Наскальная живопись найдена также и в районе хребта Флиндерс в центральной Австралии. Правда, это всего лишь геометрические орнаменты на отвесных стенах скал, но предположение об их религиозном смысле было подтверждено рассказами еще живущих там племен. Загадочно выглядят часто встречающиеся здесь изображения растопыренных ладоней (реже ступней). Эти отпечатки делались так: прикладывали к скале ладонь и раздували поверх ладони набранную в рот краску. Эти отпечатки ладоней производят впечатление примерно такой надписи: «Чужеземец, остановись, здесь священная земля». Однако существует мнение, что это своеобразные визитные карточки побывавших там туземцев.

Гораздо чаще встречаются наскальные изображения, полный рисунок или только контур которых высечен заостренным куском камня; это животные (ящерицы, крокодилы, кенгуру) и их следы, а также люди. Изображения людей достигают иногда огромных размеров (до десяти метров в высоту). Они найдены близ Порт-Джэксона^[24] и вдоль побережья Нового Южного Уэльса, а также у Порт-Хедленда в Западной Австралии. Местами это целые картинные галереи. Несомненно, что этими стенами скал в качестве «эскизника» пользовались многие поколения, потому что там часто пересекаются самые различные рисунки.

Что дало повод к созданию этих картин — танцы или ритуалы колдовства? Мы этого не знаем, ведь в тех местах племена уже вымерли. Но несомненно, что эти высеченные на скалах изображения, как о том свидетельствует их патиновое покрытие, гораздо старше наскальной живописи, найденной в северо-западной и центральной Австралии.

В Новом Южном Уэльсе и северо-западной Австралии изображения животных или геометрические орнаменты встречаются и на деревьях. Эти рисунки вырезались прямо на коре или на стволах, для чего предварительно в нужных местах кора отдиралась. Такие деревья обрамляют могилы людей, пользовавшихся большим авторитетом среди членов своей внутриплеменной группы, или же растут в тех местах, где издавна совершаются инициации. У некоторых племен центральной Австралии в местах совершения обрядов инициации можно увидеть на земле условные изображения животных, искусно сделанные из цветного песка, а у некоторых племен Квинсленда — крупные наземные барельефы, представляющие собой более реалистические изображения.

Хотя многочисленные наскальные изображения служили целям культа, однако некоторые из них, главным образом наиболее древние, не были связаны с культом. Многие узоры развились из натуралистических изображений. По своему качеству эти графические работы весьма различны. Изображения людей, высеченные или выгравированные в скале, напоминают беспомощный детский рисунок. Однако поразительны по своей достоверности изображения животных и их следов, тем более что все эти рисунки сделаны, очевидно, по памяти. Зато наскальная живопись гораздо живее, эмоциональнее. Значительных высот она достигла в области композиции, главным образом на севере материка, и это большое достижение в культурном развитии Австралии. Для всех этих рисунков характерно отсутствие перспективы.

Знахари и колдуны

Если вся община, а особенно старики обладают, по представлениям туземцев, способностью воздействовать во время тотемных таинств на силы природы, то существуют еще отдельные люди, наделенные особой тайной силой. Они могут использовать свой дар как на благо, так и во зло. Они совершают действия, которые не в состоянии совершить простые смертные. Это знахари, большей частью мужчины, изредка женщины. Благодаря присущей им магической силе они занимают особое положение среди массы туземцев и оказывают на нее влияние.

Не каждому дана эта сила. Она нисходит на человека во сне. Когда такой избранник судьбы спит глубоким сном, длящимся иногда несколько суток, его душа, которую австралийцы представляют себе в виде призрака, духа, отделяется от тела и причащается той «первоначальной созидательной силе», которую многие племена Австралии представляют себе в виде радуги-змеи. От нее он получает прозрачные кристаллы, сверкающие переливами цветов радуги и проникающие в его душу. Так он приобщается к той таинственной магической силе, которая и возводит его в ранг знахаря. Пробудившись от своего гипнотического сна, он ощущает недомогание и жажду. Тогда он пьет из какого-нибудь водоема, и освежающее питье приумножает его магическую силу, ибо радуга-змея присутствует во всякой воде. С этого момента знахарь обладает способностью и впредь отделять свою душу от тела и отправлять ее с определенным поручением в странствования. Он может послать ее в страну умерших, чтобы научиться у них песням и танцам корроборри. Об

одном из таких путешествий рассказывает один знахарь племени унамбал в северо-западной Австралии.

Умер отец Вальнгамари. Он отправился в страну, где находятся все умершие и где они чувствуют себя куда лучше, чем здесь. Но Вальнгамари тосковал по отцу, к которому он с детства был привязан всей душой. Непрестанно взывал он к нему. И вот однажды отец явился ему во сне и унес его душу с собой в царство мертвых. Душа Вальнгамари отправилась в далекое путешествие. Захватив с собой изрядные запасы продовольствия, душа Вальнгамари села в лодку. Внезапно поднялась буря и понесла крохотное суденышко в открытое море. Бороться с волнами было невозможно. Берега давно уже исчезли за горизонтом, диск солнца опускался в море. Устав от борьбы со стихией, душа Вальнгамари легла на дно лодки и заснула. Когда забрезжил рассвет, Вальнгамари увидел незнакомую страну. То была страна мертвых. На скалистом берегу он увидел мужчин, усердно ловивших рыбу. Они посмотрели с удивлением на Вальнгамари и спросили его:

— Кто ты?

— Вальнгамари, — отвечал он, — я ищу своего отца!

Мужчины, которые уже были оповещены отцом Вальнгамари о том, что прибудет его сын, позвали отца. Старик поспешно явился и подтвердил, что пришелец действительно его сын, и дал ему поесть. Вальнгамари скромно сел среди умерших. Чтобы не видеть их сразу слишком много, он взял ветку с листьями и закрыл ею лицо. Затем умершие принялись петь и танцевать. Тогда Вальнгамари снял с лица ветку и стал смотреть на их замечательные пляски.

Когда Вальнгамари пробудился от долгого, глубокого сна, он не знал, сколько времени его душа пребывала в стране мертвых. С той поры душа Вальнгамари часто посещала страну мертвых и там

изучала пляски. Но жена Вальнгамари почувствовала, что душа ее мужа еженощно покидает его тело, и потому однажды спросила: «Отчего ты меня всегда покидаешь?» И он объяснил ей, что учится у мертвых пляскам. Прежде чем показать и пропеть их своим соплеменникам, он всегда показывал их своей жене.

Особым видом такого путешествия души является, по представлениям туземцев, «полет» знахаря на спине радуги-змеи. Это также всего лишь сновидение, хотя и особый тип его, причем «явно сексуального свойства» (Ломмель). Во сне знахарь взбирается на дерево, у подножия которого он предварительно кладет женщину. Затем с верхушки дерева он возносится к небесам, садится там на спину радуги-змеи и летит на ней в далекие края.

Когда-то в таком «полете» под руководством знахаря принимали участие и другие мужчины и могли таким образом взглянуть на «тот свет». Но радуга-змея за услугу свою требовала жертвы из числа участников полета. Поэтому во время такого совместного путешествия душ приходилось кого-нибудь убивать. Об этом своеобразном представлении рассказывается в одной из легенд туземцев.

Знахарь и его спутники сидят под деревом. Они беспрерывно тянут какой-то монотонный мотив, доводя себя до состояния транса. В этом состоянии они видят, как знахарь достает из водоема радугу-змею. Спутники знахаря садятся ей на спину, и радуга-змея со страшной быстротой мчит их в поднебесье. Прилетев в далекую чудесную страну, они усаживаются там вокруг радуги-змеи. Знахарь берет каменный нож и убивает им одного из участников путешествия. Он разрезает его на части и мясо убитого отдает радуге-змее. Все спокойно наблюдают за тем, как радуга-змея пожирает их спутника, и тоже отведывают его мясо. Но вот трапеза окончена. Знахарь очищает кости убитого и каждой дает

название. Затем раскладывает их на земле в каком-то определенном порядке. Так, бедренные кости он кладет вместе с лопатками, а голову — к костям таза. Затем все снова садятся верхом на радугу-змею и летят на ней вниз к земле, а знахарь остается один у скелета съеденного спутника. Он гладит кости рукой и распевает заклинания. Через некоторое время кости обрастают мясом, и в конце концов жертва начинает дышать. Она оживает. А знахарь вынимает из своего пупка вторую радугу-змею, которая доставляет его и ожившую жертву на землю, где их встречают остальные участники путешествия. Когда все эти люди пробуждаются от транса, они уже ничего не помнят о том, что видели на том свете. Оживший человек также ничего не помнит, хотя через несколько дней он и в самом деле умирает. Зато знахарь оставляет все свои впечатления при себе и никому о них не рассказывает.

Туземцы уверяли, что все виденное во сне происходило с ними на самом деле. Они пытались обосновать это тем, что, дескать, и белокожий знахарь по небу летает. При этом они имели в виду самолет, доставляющий европейского врача из одного города в другой. — Белокожий знахарь точно так же умерщвляет людей и затем снова их оживляет, — говорили они, вспоминая о наркозе при операциях, которые делались их соплеменникам в больницах.

У простых смертных есть и другие возможности приобщиться к магической силе. Желание «увидеть радугу-змею» — как австралийцы называют такое ощущение — может осуществиться лишь при содействии двух знахарей. В их сопровождении люди, стремящиеся к обладанию магической силой, подходят к ближайшему водоему, который, как и все водоемы материка, считается местом обитания радуги-змеи. Знахари ныряют глубоко под воду, чтобы сообщить радуге-змее о желании приведенных ими людей, а люди тем временем

сидят на берегу и ждут. Весьма вероятно, что они испытывают при этом такое же душевное волнение, что и знахари, ибо то, что они рассказывают о своем ощущении, и есть состояние транса.

Они рассказывают о том, что внезапно перед их глазами возникает голова радуги-змеи, из-за головы змеи выглядывают оба знахаря, сидящие на ней верхом один за другим. И тотчас же радуга-змея начинает во все стороны рассыпать бесчисленные кристаллы, в которых и заключена магическая сила. Затем радуга-змея снова исчезает в воде, а знахари выходят на берег и раздают кристаллы присутствующим. Как утверждают туземцы, при содействии знахарей любой может стать обладателем магических сил, но со временем эти силы исчезнут, потому что простым смертным не дозволено личное общение с радугой-змеей.

Таким образом каждый туземец может заниматься колдовством, усиливаемым магическими заклинаниями, которое, однако, точно таким же образом может быть отражено противником. Австралиец считает, что он может вызвать ветер, если произнесет обращенные к духу ветра слова: «Погляди, Кареринга, как я делаю ветер!» и будет при этом кругообразно двигать руками, как это, по преданию, когда-то делал дух Кареринга, когда хотел вызвать ветер. Наиболее часто применяемое любовное колдовство — это тоже главным образом распеваемое колдовское заклинание, в котором тайные желания при неустанном повторении имени любимого существа облекаются в лирическую форму, если только совершающий колдовство не выражает свое стремление более явственно, преподнося привораживаемому или привораживаемой какой-нибудь «заколдованный» подарок (ныне это, как правило, табак — предмет вожделений каждого туземца).

Однако для простых смертных возможности колдовства ограничены. Полная гарантия действия

магии возможна лишь при участии знахаря. Так, при его содействии вызывают дождь или просят у радуги-змеи богатой добычи. А больше всего такое содействие необходимо для лечения больного. Доказано, что знахари действительно обладают приобретенными за время многолетней практики медицинскими знаниями и применяют их. Они умеют оказывать медицинскую помощь при растяжении жил, вывихе суставов и даже при переломах и открытых ранениях. Им известно целебное действие многих растений. Однако своеобразная процедура лечения, которой знахари подвергают своего пациента, казалось бы, не совместима с описанными реальными знаниями и поэтому на всякого трезвого наблюдателя производит впечатление шарлатанства. Что же это за процедура?

Над становищем нависла гнетущая тишина. Наступает ночь. Там и сям еще мелькают огни костров. Они сверкают во мраке, словно голодные глаза хищного зверя. Замирают все звуки, и только под самым большим эвкалиптом раздается хриплое дыхание. Там, окруженный пожилыми мужчинами, лежит Ниали. Тяжело вздымается его могучая грудь. Перед ним сидит на корточках знахарь Ваби. Плавно двигаются массирующие ладони знахаря по телу стонущего больного. Мужчины уже запели заклинания, дабы усилия знахаря были успешны.

Из глубины мрака появляются еще какие-то фигуры и усаживаются в кружок. Разжигают костер, и пламя его своим таинственным сиянием озаряет лица людей. Непрерывно скользят ладони Ваби по телу больного. Все в том же однообразном ритме то тонким фальцетом, то низким басом звучат монотонные голоса поющих. И так без конца. Как будто собравшиеся здесь люди совершенно потеряли ощущение времени и пространства.

Но вот и первые лучи наступающего дня. Внезапно пение обрывается. Что же произошло? Изнуренный ночным бдением знахарь держит в руках два камешка необычной формы и прозрачный, как стекло, кристалл. Это извлеченные из тела больного возбудители болезни. Он молча показывает их собравшейся толпе, и на лицах людей сияет радостная улыбка. Магической силой Ваби удалось удалить «возбудителей болезни», попавших в тело больного по воле злого колдуна. Пропотевшему больному уже легче дышать. Он, конечно, скоро поправится.

Знахарь может применить магию не только для сохранения жизни, но также и для тайного насылания смерти или смертельной болезни^[25]. Мотивы такого действия бывают самые различные; нужно, скажем, устранить возмутителя общественного спокойствия или же избавиться от соперника. В таких случаях для совершения колдовского убийства приглашается знахарь. Успех колдовства, согласно наиболее распространенному у всех австралийцев представлению, облегчается уничтожением чего-либо принадлежащего избранной жертве, так как ногти, волосы, экскременты, следы ног, тень, даже имя наполнены той же жизненной силой, что и весь организм человека.

Типичный случай такого рода колдовского убийства произошел однажды в округе Аллигатор (Северная территория). Злоумышленники незаметно раздобыли экскременты избранной жертвы (понадобилось совсем немного), смешали их со смолой, положили в кустарник и ночью, распевая заклинания, сожгли. Треск горячей смолы означал, что в этот момент душа умерщвляемого покидает его тело. А то, что по возвращении в становище совершавшие колдовство застали там умерщвляемого в полном здравии, объяснялось так: это лишь оболочка жертвы, которую покинула душа. Пройдет еще несколько дней, и оболочка тоже

прекратит свое существование. Уже не раз высказывалось мнение, что боязнь смерти, насылаемой колдовством, оказывается столь тяжелым психическим состоянием, что достаточно лишь малейших признаков наговора, чтобы даже здоровый человек начал чахнуть и погиб от страха.

Под палящим солнцем сохнут тихие и пустынные луга. Не шелохнется высокая трава поркупина. Умолкли даже болтливые какаду, восседающие на верхушках эвкалиптов. В тени густой листвы расположилась небольшая группа мужчин. Они сложили на земле свое оружие, развели небольшой костер. Повторяя одни и те же слова, эти люди поют какую-то монотонную песню. Перед уходом из становища они сказали своим домочадцам, что идут на охоту. Но не для охоты собрались они. Ведь здесь вместе с ними сидит сам Бандере, седовласый знахарь, который уже давно не ходит ни на какую охоту и живет тем, что ему приносят его пациенты. Конечно, этих людей привело сюда что-то необычное. В самом деле, в этом пустынном месте сейчас будут насылать смерть на надоевшего всем нарушителя спокойствия Мани. А тот уже, наверное, почуял свою гибель, потому что видел, что его недруги вместе с Бандере уходили из становища. Тревога охватила Мани, но Мани не в силах бороться с надвигающимся ужасом смерти, все больше и больше парализующим его волю. В состоянии полной апатии ложится он у костра.

Вдалеке все еще распевают люди, готовящие гибель Мани. Они крайне возбуждены. Бандере тем временем уже покинул свое место и подошел к гигантскому дереву. На коре этого дерева он каменным ножом вырезает контур человеческой фигуры. Тем самым судьба Мани уже предрешена. Бандере медленно подходит к участникам колдовства, возбуждение которых все возрастает. Они уже не раз прерывали свое

пение и пронзительным голосом выкрикивали имя своей жертвы. Бандере роется в своей сумке, достает оттуда небольшую ящерицу и бросает ее в костер. Все сидящие вокруг костра тотчас же вскакивают и, непрерывно выкрикивая «Мани, Мани», тычут острыми концами костяных палок в подышающую ящерицу и в рисунок на коре дерева. В этот момент их экстаз достигает наивысшей степени. Обессиленные, они снова усаживаются у костра. Их голоса становятся более спокойными. Постепенно костер догорает, и в куче золы виднеется обуглившаяся ящерица. А далеко в становище Мани уже бьется в горячечном бреду.

Заостренные деревянные палки или кости кенгуру (pointing sticks) особенно широко применяются в центральных областях материка. Там эти орудия — единственное средство насылания смерти колдовством. Если решено с кем-либо покончить, знахарь и его клиенты тайком уходят из становища и в каком-нибудь укромном месте устраивают эту своеобразную церемонию. Исполнитель обряда становится на колени и наклоняет корпус вперед, а знахарь ложится животом поперек его спины. Так желание исполнителя обряда и воля знахаря сливаются воедино и как бы проецируются на умерщвляемого, когда знахарь, сняв с правой руки подвязанную к локтю волосяным шнурком заостренную палку, кидает ее в направлении жилища своей жертвы, приговаривая: «Пусть кости твои наполнятся ядом моей заколдованной палки, чтобы сгнила плоть твоя и вонь от нее привлекла червей и они разъели плоть твою. Пусть кости твои истлеют и, как вода в песках пустыни, исчезнут, дабы душа твоя никогда не смогла вернуться к ним. Пусть ветер иссушит кожу твою и сморщит ее, как морщит огонь зеленый листок, а кровь твою превратит в зловонную массу, подобную болотному илу».

Соплеменники знахаря, верящие в его особый дар, гораздо более боятся его, нежели почитают. Они знают,

что он свой дар употребляет во зло, чтобы осуществить свои низменные желания. Туземцы племени унамбал из северо-западной Австралии рассказали такую историю. Умирал один человек, и находился он в предсмертной агонии. Соплеменники говорили, что у него уже язык во рту перегнул. За помощью обратились к своему знахарю, но тот не пожелал лечить больного. Поговаривали, что он уже давно безуспешно приставал к жене умирающего, пытаясь добиться ее благосклонности. В страхе перед смертью больной согласился, чтобы его жена осталась на ночь в хижине соперника. Тогда утром следующего дня знахарь явился лечить больного. Он пощупал его, помассировал и велел нескольким мужчинам держать пациента за руки. Затем небольшим осколком камня вскрыл ему вену, проделал кое-какие манипуляции, показал присутствующим несколько крохотных кристалликов и сказал, что это и есть возбудители болезни, извлеченные им сейчас из крови больного. И в самом деле, через несколько дней больной выздоровел.

Не всегда колдовство знахаря может побороть болезнь. Но и в этом случае его положение не поколеблется. Просто колдовство соперника оказалось сильнее. По представлению австралийцев, большая часть смертных случаев происходит из-за колдовства. За умерщвление колдовством всегда мстят.

Сначала родственники и друзья умершего открыто предаются своему горю. Они начинают громко причитать. И женщины и мужчины бросаются на труп покойника и наносят себе глубокие раны каменными ножами и остроконечными палками. Вываленные в золе пепелищ и обмазанные глиной, причитающие похожи на какие-то страшилища. Мера скорби и степень торжественности похорон зависят от положения, которое занимал покойный среди своих соплеменников. Впавших в детство дряхлых стариков и старух просто

убивают. При хозяйственном укладе, который требует постоянных перекочевов, старики и тяжело больные оказываются тяжким бременем, порой даже опасным. С другой стороны, туземцы верят, что душа этих жалких людей уже покинула их тело и унеслась в страну умерших. Поэтому австралийцы не считают умерщвление стариков и больных убийством. Мертворожденных сжигают на костре, ведь причина их смерти — это вселившийся в них злой дух. Зато женщины, несмотря на свою тяжелую поклажу, еще долго носят на руках умершего ребенка, прежде чем похоронить его. Хоронят без всякой церемонии.

Воздушное погребение

У различных племен и племенных групп взрослых хоронят по-разному. Это объясняется различием их

представлений о загробной жизни. Сжигая труп, то есть совершенно уничтожая тело покойного, австралийцы стремятся сделать невозможным возвращение мертвого, потому что для них со смертью не прекращается существование тела. Не желая больше иметь дела с умершим, они разрушают его хижину и сразу же откочевывают. Та же боязнь наблюдается в случаях, когда умершего хоронят наиболее распространенным способом — предают его тело земле. Племя диери, живущее у озера Эйр, и соседствующие с ним племена окружают могилу крепкой оградой из столбов и веток. Эти племена, по-видимому, также стремятся помешать возвращению умершего.

Однако у других племен, а их не меньше, такого страха не наблюдается. Напротив, к умершему относятся даже с известной заботой. Могилы — многие из них с боковой нишей — выкладываются травой, ветками или кусками коры. Захоронение трупа всегда производится мужчинами, которые кладут его на спину или сажают на корточки, а затем забрасывают ветками и травой. Над могилой обычно насыпают более или менее высокий холмик, в котором делают небольшое отверстие, чтобы дух умершего мог беспрепятственно покинуть место, где покоится его тело, а потом вернуться к нему. Веря, что человек после смерти в какой-то форме продолжает свое существование, племена, жившие близ Аделаиды (одного из крупных современных городов мирового значения), в прошлом сооружали над могилой целую хижину, а у других племен для умершего оставляли на могильном холме важнейшие орудия: мужчине — копье и копьеметалку, женщине — заостренную палку и деревянное корыто. На островах Мелвилл и Батерст есть замечательные надгробия. Это деревянные столбы выше человеческого роста, расписанные земляными красками (желтой, белой

и красной). Кроме геометрических узоров нарисованы стилизованные изображения животных и людей.

Некоторые племена хоронят умерших не в земле, а на дереве. Покойника кладут на покрытый кусками коры и ветками помост и укрепляют его в кроне высокого дерева. Отдельные племена на восточном побережье Квинсленда и на юго-востоке Австралии додумались даже до мумификации трупа. Жившее у бухты Энкауинтер, ныне давно уже вымершее племя поступало с умершим так: его сгибали коленями к голове, а руки просовывали между ног. Захоронение трупа в таком положении объясняется, как это мы увидим, некоторыми практическими соображениями. В этом положении покойника сажают на землю между двумя горящими кострами. Под действием этих искусственных источников тепла, а также палящих лучей солнца уже через несколько дней от тела покойника начинает отделяться кожа; близкие родственники покойного снимают ее. В таком состоянии покойник называется «гринкари». Когда австралийцы увидели впервые европейцев, они называли их точно так же — «гринкари»; они думали, что в обличье белокожих людей им явились умершие. После снятия кожи сшивают все отверстия в трупе, а затем хорошенько натирают его жиром и красной охрой. Затем его сажают на помост, под которым постоянно поддерживают небольшой огонь. Благодаря такой процедуре труп вполне высушивается, после чего родственники покойного обертывают его циновками. Они всюду носят его с собой, что не так уж в тягость, так как труп в скрюченном положении превращается в небольшой комочек. Так умерший еще некоторое время разделяет все радости и горести своих соплеменников. В конце концов его останки обретают вечный покой на специальном помосте.

Описанными выше представлениями австралийцев о загробном существовании объясняется и то, что близкие

родственники в течение всей своей жизни носят части скелета умершего как талисман, например лучевую кость левой руки или кисть покойного, и даже обмазывают различные части своего тела трупной жидкостью покойного.

Если покойный не погиб в бою, то, по представлению туземцев, причина его смерти — какое-то злое колдовство. Поэтому родственники с непонятным нам рвением разыскивают человека, наставшего смерть колдовством. Например, у племен округа Кимберли, где также существует обряд воздушного погребения, т. е. захоронения трупа на дереве, убийцу узнают следующим способом: под помост, на котором лежит разлагающийся труп, кладут камешки в количестве, равном числу подозреваемых людей. Каждый камешек обозначается именем предполагаемого убийцы. Трупная жидкость, стекая вниз, попадает на один из этих камешков, и тогда злодей найден. По существующему закону кровной мести он должен быть убит. Убийство совершается втайне.

Кровомстители специально для совершения убийства раскрашивают тело, украшают себя особым образом цветами и надевают на ноги (в средних областях материка) специальную обувь из звериной шкуры или птичьих перьев, чтобы никто не распознал следы. Но и это убийство не остается неотомщенным, рано или поздно убийца убийцы будет найден и убит. Прочный мир у племен Австралии — столь же редкое явление, как и у других народов земного шара, стоящих на более высокой ступени культурного развития ^[26].

В зеркале истории

Хотя остров Тасмания с геологической точки зрения представляет собой часть австралийского материка, ибо Бассов пролив возник в сравнительно недавний геологический период, но с точки зрения этнографической он занимает особое место. Тасманийцы, которых во времена открытия этого острова голландцем Абелем Тасманом (1642 г.) и позднее Джемсом Куком (1777 г.) насчитывалось около шести тысяч человек, с 1877 г. буквально исчезли с лица земли. Насколько быстро свершилась судьба этого маленького народа, показывают следующие цифры: 1803 г. — основание европейских поселений, 1829 г. — насильственное размещение тасманийцев в резервации. Уже в 1865 г. скончался последний абориген-мужчина, а в 1877 г. — последняя тасманийка! Метисов от тасманийских женщин и европейцев можно было встретить еще в конце XIX и в начале XX века на островах Фюрно в Бассовом проливе. В истреблении этого народа повинны не столько так называемые киднэпперы — китоловы и охотники на тюленей, бороздившие в XIX веке Южные моря, — хотя и они похищали людей и увозили тасманийских женщин в свои стоянки на острове Кенгуру, сколько бесчисленное множество английских колонистов, систематически предпринимавших вооруженные набеги в районы обитания тасманийцев и совершавших там неслыханные зверства. Никто из английских колонистов не внял тогда разумному голосу некоторых своих земляков, возмущенно клеймивших эти злодеяния. Было слишком поздно! Деятельность белокожих колонизаторов вписала одну из самых мрачных страниц в историю человечества.

Есть интересные описания тасманийцев, сделанные некоторыми путешественниками, но основаны они на случайных наблюдениях. Ко времени, когда появилась на свет этнографическая наука, которая могла бы предпринять систематическое исследование тасманийской культуры, коренных жителей Тасмании уже не существовало. Так наши сведения о тасманийцах навсегда останутся неполными, и этнографы, изучающие Тасманию, будут теряться в догадках. В их выводах много путаного и неопределенного, что видно хотя бы по тому, куда они относят тасманийцев согласно классификации человеческих рас.

Ученые считали, что тасманийцы произошли от австралийцев, как утверждал еще Джеймс Кук. Однако в настоящее время эта гипотеза отвергнута. Различие между австралийцами и тасманийцами заметно уже хотя бы по характеру волос. У тасманийцев они курчавые и мелковьющиеся, «как у гвинейских негров», у австралийцев же волнистые. Наконец, для тасманийца характерен толстый широкий нос с плоскими широкими ноздрями, большой рот и выступающая нижняя часть лица. Цвет кожи у тасманийцев отнюдь не столь черный, как у негров. В некоторых случаях кожа у них имела оттенок цвета меди. Рост, как правило, средний.

На основе всех этих данных у некоторых авторитетных антропологов старшего поколения, например у Пёха, сложилось мнение, что тасманийцы родственны меланезийцам и сохранили в своем облике черты древнего меланезийца. Согласно же новейшим исследованиям, их считают юго-восточными представителями южноазиатских негритосов, попавших на Тасманию через Австралию. Датирование этого события не представляется возможным, но вероятно, что заселение Тасмании завершилось еще до прихода туда южных австралийцев, так как тасманийцы в отличие от австралийцев не были знакомы с собакой динго. Правда,

тот факт, что Тасмания находится на огромном расстоянии от меланезийских и тем более от южноазиатских народов, противоречит подобной точке зрения. Однако после того как совсем недавно в тропических лесах северо-восточной части Квинсленда были обнаружены племена, представители которых схожи по облику с тасманийцами, почему их и называли тасманоидами, обе гипотезы стали в равной степени вероятными.

На острове Тасмания, по территории примерно равном Баварии, природные условия для жизни людей весьма благоприятны, по крайней мере на богатых дичью равнинах, покрытых травой и низкорослым кустарником, особенно во внутренних долинах востока и северо-востока, а также на побережье. Правда, этого нельзя сказать о непроходимых горных лесах центральной части острова, которые тянутся через весь остров и отделяют западное побережье от восточного. Племена тасманийцев хотя и различались по языку, тем не менее обладали в общем и целом единой культурой. В их образе жизни не было никаких существенных отличий от образа жизни австралийцев.

Небольшие группы численностью до сорока человек — по-видимому, каждая из них — это несколько родственных семейств — бродили по району обитания племени, охотясь на зверя и собирая плоды. Жители побережья питались рыбой^[27], моллюсками и прочей пищей, которой их в избытке снабжало море. Даже племена, обитавшие в центральных районах острова, зимой приходили на побережье, чтобы воспользоваться дарами моря. Лето эти племена проводили в горах, занимаясь охотой. Они часто устраивали большие охотничьи походы, в которых участвовало все племя (примерно пятьсот человек). Сети и ловушки для ловли зверей были им неизвестны, зато тасманийцы охотились, выкуривая зверя огнем. Для этого поджигались большие

участки леса или степи. Вместе с тем свежая трава, появлявшаяся после такого пожара, привлекала эму, кенгуру и валлаби. Позднее появлялись нежные листья одного из видов папоротника, которые считались вкусным овощем. Корни этого папоротника содержат много сахара, и поэтому туземцы Тасмании их с удовольствием жевали. В их меню появлялись корни и побеги пальмы тифа, сердцевина древесного папоротника, семена акации, сладкие цветки банксии, древесные мхи, морские водоросли и прочее. Деликатесом считался сладкий сок эвкалипта.

Представителей морской фауны тасманийцы добывали также только охотой и собирательством. Им не были знакомы ни рыболовные крючки, ни сети. Жители побережья применяли на море те же методы охоты и собирательства, что и туземцы, не жившие у моря. Мужчины, правда, убивали рыбу копьем, а женщины ныряли с корзинкой на дно моря и доставали оттуда ракушек и улиток, из которых самыми вкусными считались раки и большая улитка «морское ухо». Ловкость и выносливость женщин в нырянии и плавании настолько поражали европейцев, что они называли их амфибиями. Пища добывалась без особого труда, несложным было и ее приготовление. То, что не съедалось в сыром виде, поджаривалось на вертеле (мясо убитых кенгуру, птицы эму или прочих птиц) или же попадало в горячую золу, оставшуюся от костра, и запекалось в ней (моллюски, личинки термитов, яйца птиц, ящерицы). Тасманийцы не были знакомы с земляной печью, известной австралийцам, они не имели понятия и о гончарном производстве, которое дало бы им возможность систематически варить пищу. Однако тасманийцы имели уже некоторые предписания в отношении употребления пищи: мужчинам нельзя было есть некоторых животных, что разрешалось женщинам, и наоборот.

Тасманийцы пользовались огнем. Однако не раз высказывалось мнение, что добывание огня им неизвестно, так как европейцы до колонизации ни разу не видели, как тасманийцы добывают огонь. Более поздние колонисты сообщали, что тасманийцы добывают огонь сверлением и «выпахиванием», но что научились этому от австралийцев, привезенных европейцами на Тасманию.

Вполне вероятно предположение, высказанное знаменитым французским путешественником Лабиллардьером и другими. Они полагали, что тасманийцы добывали огонь, ударяя одним куском камня о другой. В сумках тасманийцев были найдены обломки камня и куски коры, аккуратно обернутые травой. В последние годы было впервые установлено, что добыча огня выбиванием искры из камня известна также и австралийцам. Но несомненно, что постоянное ношение тлеющего огня может привести к забвению приобретенного когда-то умения добывать огонь.

Однако нельзя не согласиться с тем, что материальная культура тасманийцев была крайне примитивной и отсталой. Несмотря на холода, от которых зябли даже тепло одетые европейцы, одежда не была известна туземцам. Лишь кое-где женщины носили на плечах шкуру кенгуру мехом внутрь. Столь же скудны были их украшения. Ожерелья из раковин, налобные или набедренные полосы меха были большой редкостью. Часто обмазывали тело и волосы жиром, сажей или охрой. Кроме того, тасманийцы подобно австралийцам делали себе каменными ножами надрезы на бедрах, груди и руках, от которых после натирания какими-то неизвестными нам снадобьями оставались вздутые рубцы. Орудия тасманийцев были также крайне примитивны. Все их оружие — деревянные без наконечников копья с обожженными остриями да палки, похожие на палицы. Щита и лука они не знали.

Кроме заостренных палок для выкапывания корней и клубней они пользовались мелкими каменными орудиями. Существенное отличие этих орудий от австралийских состояло в том, что они были без рукояти. К тому же эти орудия не подвергались тщательной отделке, на режущих кромках скребков и ножей редко можно было заметить следы обработки. Тасманийские каменные орудия напоминали орудия первобытного человека Европы. Это сходство поразило выдающегося английского этнолога Тэйлора. «Тасманийцы, несомненно, в своем культурном развитии, — писал Тэйлор, — не ушли дальше ранней стадии палеолита, они стояли даже на более низкой ступени культуры, чем пещерный человек Европы»^[28]. Что касается домашней утвари, то у них были корзины, сплетенные из камыша, и чаши из листьев для питья, которые каждый делал себе сам.

Жители Тасмании были непритязательным народом. Об этом свидетельствовали и их жилища. Утверждают, что они ночевали в дуплах деревьев, однако в действительности таким укрытием, как и навесами скал, они пользовались лишь в крайних случаях. Ни то ни другое не было типичным. Напротив, они строили различные виды хижин. У них были, как и у австралийцев, примитивные ветровые заслоны. Но они сооружали и деревянные каркасы, которые устанавливали с небольшим изгибом, и к ним прислоняли куски эвкалиптовой коры длиной в три метра каждый. Однако самой надежной защитой от непогоды были полусферические хижины из веток, крытые корой. Весьма вероятно, что подобная разнотипность жилищ свидетельствует о более глубокой дифференциации культуры различных племен, о которой у нас имеются лишь отрывочные сведения. Тот же вывод можно сделать на основе разнотипности лодок

и плотов. При всей своей примитивности они отнюдь не одинаковы по форме.

Обитатели района залива Адвенчер и жители острова Партридж, расположенного близ северо-восточного побережья Тасмании, пользовались лодками из коры. Если в районе города Порт Синье, как рассказывают некоторые французские исследователи, применялись лодки из коры, похожие на плот, то туземцы, жившие на побережье против острова Мария, изготавливали лодки из особого вида камыша, которым очень богаты те места. Этим хрупким суденышкам сетки из крученых травяных и лубяных шнурков придавали большую устойчивость, о чем свидетельствуют выставленные в музеях немногочисленные модели лодок тасманийцев, подвергшихся некоторой цивилизации. Для переправы через небольшие рукава рек тасманийцы пользовались также и плотами. Однако все эти плавучие средства были слишком малы, и на каждом из них умещалось не более четырех человек. Ими пользовались лишь вблизи побережья, отталкиваясь длинным шестом, или, как сообщает один очевидец, их тащили, держась одной рукой за борт, плывшие рядом мужчины.

Этими скудными случайными наблюдениями, относящимися к быту тасманийцев, и исчерпываются наши сведения об их культуре. Об их общественной и политической структуре мы почти ничего не знаем. Предположение о том, что у них были вожди, ранними путешественниками отвергается. Нельзя считать доказательством существования у них вождей и тот факт, что отбывший срок тюремного заключения австралиец по имени Москито сделался вождем одного тасманийского племени, жившего на побережье залива Ойстер, и организовал там сопротивление белым. Если судить по преобладавшему там охотничье-собирательскому хозяйственному укладу, у тасманийцев должна была существовать та же форма правления, что

и у австралийцев, т. е. совет старейшин. Это явствует из отчета знатока быта тасманийцев Вашингтона Уокера, который говорил об «определенном виде патриархальной власти с известными ограничениями» и тут же подчеркивал, что эта «власть была лишь номинальной». Не отмечен у тасманийцев и обряд инициации, хотя у них и наблюдались шрамы от порезов, какие австралийцы делают себе при совершении этого обряда. У тасманийцев была племенная экзогамия: нельзя было жениться на женщине из своего племени.

Мы не располагаем исчерпывающими данными также и о религиозных обрядах. У тасманийцев было неопределенное представление о злом духе, принесшем человечеству болезни и смерть. Этот дух властвует над грозными стихийными силами, такими, как гром и молния. Боязнь злых духов проявлялась у тасманийцев и в том, что они весьма неохотно уходили из дому в темноту и, когда кто-нибудь умирал, произносили заклинания, чтобы какой-нибудь злодей не пленил духа умершего. Дух умершего, по их представлениям, отправлялся в виде белой фигуры в царство мертвых на небольшой остров в Бассовом проливе, где много животных и дичи для охоты и где поэтому можно благоденствовать.

Способы захоронения трупа у тасманийцев были столь же разнообразны, как и виды жилищ и лодок. Так, европейцы находили трупы людей в стоячем положении, захороненные в дупле. Через год после захоронения труп сжигали, предварительно отделив от него череп. Некоторое время после сожжения трупа череп носили как амулет, впоследствии его клали на специально отведенное для черепов место и накрывали листьями и корой. Как амулеты применялись также бедренные кости и нижняя челюсть, которые обшивались кусками звериной шкуры и носились на шее. Но были найдены и другого типа могилы — места, где хранились одни лишь

остатки костей сожженных трупов. Это значит, что они были кремированы до погребения. Характерно, что на могильных холмиках сооружались крытые кусками коры конусообразные навесы, которые, по представлениям туземцев, служили пристанищем для духа умершего. На этих кусках коры вырезались рисунки, похожие по узору на накожные шрамы, что напоминает рисунки на деревьях у могил некоторых австралийских племен. Однако у тасманийцев не было принято класть в могилу пищу и оружие.

Все эти сведения относятся к племенам восточного побережья острова, которое посещалось довольно часто. Но мы располагаем и весьма многозначительными сведениями о менее известных племенах западного побережья острова. На основе этих данных мы можем судить о культурных различиях между отдельными тасманийскими племенами.

Эти западные племена знали лишь кремацию. Сначала покойника сажали на деревянный помост и обкладывали его деревянными чурками. Затем вся эта конусообразная куча поджигалась, и в костер подбавлялось еще топливо. Когда костер угасал, близкие покойного тщательно собирали пепел и зашивали его в мешочек из куска шкуры кенгуру. Этот мешочек носили на шее как амулет; в случае болезни пеплом из этого мешочка натирали себе лицо. У этих племен, живших на западном побережье, было весьма своеобразное представление о наступлении смерти. Они считали, что смерть приходит только с заходом солнца. Поэтому к человеку, умершему днем, до наступления темноты относились как к живому. Вполне понятно, что тасманийцы во всех своих делах прибегали к помощи духов умерших родственников — ведь духам умерших, по их представлениям, известны могущественные средства магии, которыми насылают болезнь и смерть. Одним из таких средств являются так называемые

священные камни. Это крупные круглые камни весьма правильной формы, возможно, речные голыши, обточенные водой, а может быть, и обработанные рукой человека. Пока еще не ясно, можно ли сопоставлять представления об этих камнях с представлением племен центральной Австралии о чурингах.

В тех немногих ночных танцах корроборри, которые европейцы видели у тасманийцев, есть немало общего с такими же танцами австралийцев. Эти танцы, как и у австралийцев, сводились к пантомимам, изображавшим какой-нибудь момент охоты или сражения, а чаще всего какую-нибудь картину из жизни животных. При этом звучало монотонное пение, в котором, если верить весьма добросовестному исследователю Лабиллардьеру, много общего с пением, какое можно услышать в Малой Азии. Особенность такого пения в том, что какие-нибудь два певца, поющие в хоре, берут иногда ноты, различающиеся между собой на треть тона, что расценивалось как большое мастерство.

Хотя сообщения исследователей не дают нам полного представления о культуре тасманийцев, для нас все же несомненен тот факт, что между отдельными тасманийскими племенами существовали культурные различия (типы жилищ, средства передвижения по воде, виды захоронения умерших). Эти различия не позволяют нам говорить о единой тасманийской культуре, так же как на основе языковых исследований Вильгельма Шмидта не может быть речи о едином тасманийском языке. То же относится и к антропологической характеристике отдельных племен. В этом отношении больше всего различий между племенами восточного и западного побережий Тасмании. Однако несомненно, что тасманийцы в эпоху заселения острова были несмешанным народом единой культуры. Хотя австралийцы, поселившиеся в Тасмании (по всей вероятности, за несколько десятилетий до европейской

колонизации), и принесли с собой в эту страну новые элементы культуры, нельзя недооценивать значение изолированного положения этого острова, существующего со времени образования Бассова пролива, а также изолированности отдельных тасманийских племен вследствие природных условий.

Непосредственная близость австралийского материка заставляет нас поставить вопрос о соотношении австралийской и тасманийской культур. Установлено, что тасманийцы и австралийцы относятся к различным биологическим группам. Зато в вопросе о родстве их языков мнения знатоков расходятся. Согласно концепции В. Шмидта, тасманийские и австралийские языки не являются родственными. Однако выдающийся исследователь Австралии Вормс приводит противоположную аргументацию.

Как же в действительности обстоит дело с культурами обоих народов? Если культуру тасманийцев нельзя считать однородной, то это тем более справедливо для культуры австралийцев. В результате сравнительных исследований в этой области установлены следующие факты. Среди всех народов Южных морей тасманийцы являются народом наиболее древней культуры. Весьма вероятно, что более шести тысяч лет назад началась миграция этого народа через перешеек, соединявший когда-то Азию с полуостровом Кэп-Йорком, вдоль восточного побережья Австралии. Вероятно также, что впоследствии тасманийцы были оттеснены австралийскими переселенцами к югу и в конце концов попали на Тасманию. Что касается предметов их материальной культуры, то они были крайне примитивны. Достаточно вспомнить их способы добывания и приготовления пищи, украшения и одежду, оружие и утварь, жилища и средства передвижения по воде. Политической организации не существовало. Руководство отдельными группами принадлежало, по-

видимому, совету старейшин. Не было, очевидно, и никаких особых культовых обрядов. Зато магия была им известна. Каждый тасманиец боялся злых духов (духов природы, духов умерших). Пантомимные танцы носили, по всей вероятности, тотемический характер, о чем свидетельствуют сохранившиеся запреты на пищу. Музыка и изобразительное искусство существовали в весьма скромных масштабах. Как ни скудны имеющиеся в нашем распоряжении сведения, мы можем назвать тасманийцев в целом примитивными охотниками и собирателями, хотя они уже значительно удалились от гипотетического «первобытного состояния человечества». Этим не отрицается их способность к развитию. Напротив. Она была убедительно подтверждена теми немногочисленными людьми, которые после колонизации жили в резервациях. От тех немногих европейцев — друзей тасманийцев, кто бескорыстно помогал им, мы знаем, что туземцы Тасмании умели быстро перестраивать свой быт. Они жили в селениях, построенных ими самими, занимались садоводством, пекли хлеб, шили себе одежду. Мальчики ходили в школу при государственном сиротском приюте в Хобарте, и их учителя не могли не признать, что, «за немногими исключениями, дети туземцев не менее способны, чем европейские дети того же возраста». Но тоска по родным местам и непривычная обстановка, отрыв от их старого образа жизни — все это привело к тому, что эта небольшая горстка людей впала в полную апатию, что ослабило их физически.

В отличие от тасманийцев австралийцы легко поддаются культурно-историческому анализу благодаря имеющемуся в нашем распоряжении богатому материалу наблюдений. Несмотря на существующую полемику по этому вопросу, работы, написанные почти полвека назад Фрицем Гребнером и Вильгельмом Шмидтом, и по сей день являются для нас

основополагающими, так как они вносят порядок, основанный на исторических принципах, в изучение австралийской культуры и, более того, в культуры народов Океании^[29]. С археологической стороны выводы этих ученых в отношении Австралии подтверждает Фюрер-Хаймендорф. Согласно данным всех названных исследователей, культура Тасмании, остатки которой можно наблюдать у племени курнаи, жившего на крайнем юго-восточном побережье материка, предшествовала так называемой древнеавстралийской культуре, носящей еще название культуры бумеранга по характерному для австралийцев виду оружия. Эта культура оставила свои следы главным образом на австралийском материке, однако со временем была вытеснена более поздними культурами пришедших на материк племен, так что ее остатки можно наблюдать у племен юин-кури, живущих на юго-востоке, в меньшей степени у племен вирадьюри и камиларои в Новом Южном Уэльсе и кое-где еще на северо-западе материка. Наряду с хозяйственным укладом, основанным на охоте и собирательстве, для этой культуры характерны ульеобразные хижины, плащи из шкур, каменные топоры, добывание огня сверлением, бумеранг, боевые щиты, плоты, спиральное плетение корзин, захоронение в нишах; в области социальной — совет старейшин, отцовское право в брачных отношениях, обряд инициации выбиванием одного из зубов; в области религиозной — колдовство и вера в верховного бога. Развитию этой древнеавстралийской культуры помешала тотемическая культура, которая у многих племен заняла господствующее положение, например в центральных и восточных областях материка, причем установлено, что по мере продвижения к югу элементы тотемической культуры ослабевали. В более или менее чистом виде она сохранилась у племени нариньери на южном побережье

материка, у племен вакка-каби на юго-восточном побережье, на северном побережье полуострова Кэйп-Йорк — этих входных ворот для всех австралийских культур — и на севере Арнхемленда. Основными «ископаемыми» остатками этой тотемической культуры считаются лодка из коры, копьеметалка, воздушное погребение, обрезание, а также тотемизм.

Последняя значительная культурная волна принесла в Австралию систему двух брачных классов с материнским правом. Эту общественную структуру называют также восточнопапуасской культурой, потому что основная область ее распространения находится в восточной части Новой Гвинеи и на прилегающих к ней островах. Двухклассовая система продвигалась, очевидно, с северного побережья вверх по течению рек и затем через горы в глубь материка, где вытеснила тотемическую культуру. Остатками этой зачахшей на австралийской земле культуры являются добывание огня пилением, похожие на булаву палицы, широкие боевые щиты, сшитые в концах лодки из коры, экзогамия с материнским правом.

О возможных путях движения этих культур можно судить по работе Вормса, в которой исследуется распространение таких важных орудий, как сверло и огневая пила (орудие для добывания огня). Гребнер и Шмидт пытались проследить предполагаемый процесс заселения австралийского материка, однако их исследования могут быть лишь началом детального анализа культур.

Вначале были выделены лишь более крупные, коренным образом друг от друга отличающиеся культуры. Затем на стыке этих культур были обнаружены смешанные культуры, как, скажем, у племен, живущих на реке Дарлинг, и у племен в западной Виктории. Здесь имело место наиболее интенсивное взаимопроникновение тотемической

культуры и системы двух брачных классов с материнским правом. Наконец, В. Шмидт установил существование наиболее поздней тотемической культуры, занесенной последним крупным переселением, с ее характерными особенностями — представлением о зачатии от духов, обрядовыми нитяными крестами и прочим. Носители этой культуры — главным образом племена аранда, лоритя и соседствующие с ними племена.

Фриц Краузе в своей «теории структур» рассматривает все культурные особенности какого-либо племени как некое единое целое и отвергает сравнение отдельных культурных особенностей различных племен. В отношении центральной Австралии он делает весьма любопытный вывод. Он считает неправомерным термин «примитивные народы», а также принятие этих народов за исходную точку в построении различных культурно-исторических схем.

В жизни каждого народа существуют факторы, как способствующие, так и мешающие его культурному развитию. На примере племен семанг и сенои полуострова Малакка, южноафриканских бушменов и племен центральной Австралии, обозначаемых этнологами как «примитивные народы», Фриц Краузе в своем исследовании о структуре культурных особенностей экзотических народов показал, что среди «примитивных народов» надо различать первичную и вторичную примитивность. Народы первичной примитивности беспрепятственно развивались на основе некой предполагаемой первобытной культуры; народы же вторичной примитивности, напротив, опустились с более высокой ступени культуры на теперешнюю, более примитивную. К последним относятся племена центральной Австралии. Их сложная социально-религиозная структура находится в резком противоречии с хозяйственным укладом, из которого она

возникнуть не могла. Очевидно, эти племена когда-то имели высокоразвитое хозяйство, которое утратили, будучи вытесненными в области с худшими природными условиями. Хозяйственный уклад этих и других австралийских племен Юлиус Липс отождествил с хозяйственным укладом «народов собирателей урожая», в чем и состоит его заслуга^[30].

Наряду с этими пришлыми культурами необходимо учесть и такие существенные факторы, влияющие на развитие культуры, как межплеменная торговля и обмен визитами, а также межплеменные сходки. Они существуют и теперь, о чем свидетельствует переход культов от одного племени к другому. Обозревая процесс культурного развития австралийцев, не следует забывать и о сравнительно поздних культурных влияниях. Впрочем, не всякое общение с иноплеменниками или иноземцами оказывалось фактором культурного влияния. Так, малайские мореходы из Тиморлаута и Макассара на острове Сулавеси, посещавшие в течение последних почти двухсот лет побережье австралийского материка между рекой Виктория и заливом Карпентария, не оказали существенного влияния на живущие там племена. Существующие культ змеи-прародителя и фаллический культ принесли в Австралию, очевидно, древние переселенцы из Азии, так как на крайнем юге азиатского континента можно наблюдать обряды тех же культов. Однако общение жителей побережья залива Карпентария с туземцами южного побережья Новой Гвинеи способствовало значительному взаимовлиянию австралийской и папуасской культур.

Столкновение с западной культурой привело буквально к катастрофическим последствиям. Культурная самобытность австралийцев почти совсем исчезла. И хотя в северо-западной и северной Австралии еще существуют племена, кочующие по обширной

территории и ведущие весьма самобытный образ жизни, большая часть австралийцев поддалась натиску европейцев. Районы охоты и сбора плодов превратились в поля и пастбища, самих туземцев поселили в резервации. От этого их материальная культура не стала выше, наоборот, она приняла уродливые формы. Хотя благодаря общению с европейцами у туземцев Австралии появились вместо каменных орудий металлические инструменты, вместо посуды из коры и сумок из травы — канистры и консервные банки и вместо набедренных повязок — европейское платье, их жизненный уровень ничуть не повысился.

Австралийцы-аборигены не пользуются теми правами, что австралийцы европейского происхождения. По вине европейцев (главным образом коммерсантов) аборигены оказались в таких условиях, что понадобились особые защитные меры властей. Впрочем, действие этих мер весьма сомнительно. Туземцы подлежат также юрисдикции судов отдельных федеральных штатов. Европейцы начали устанавливать свои порядки с того, что организовали полицейские отряды из туземцев под командованием европейцев. Однако эти отряды обладают административной властью лишь по отношению к своим соплеменникам.

Возможность успешного приобщения австралийцев к европейской культуре доказали дети туземцев, обучающиеся в школах в Квинсленде и Западной Австралии. К каким результатам приведут все эти меры, предсказать пока еще невозможно.

И все же в процессе культурных преобразований уже вырисовываются новые перспективы, как об этом свидетельствует Ломмель, побывавший в северо-западной Австралии. В отличие от других нецивилизованных народов психический склад австралийцев под влиянием цивилизации не меняется. Когда европейцы полностью подорвали авторитет

знахаря, это единственное средоточие австралийского общественного уклада, и в конце концов упразднили институт знахарей и колдунов, прежняя вера австралийцев в силу магии и духов сменилась представлениями, возникшими под влиянием европейской цивилизации. Таков культ Курангара — новый вид представлений о сверхъестественных силах, получивший распространение от племен центральной Австралии. Это культ духа, имеющего облик европейца, живущего в доме из рифленого железа, пользующегося для охоты деревянной палкой, похожей на чурингу и стреляющей, как ружье. Когда дух берет на плечо свою палку, сверкает молния и гремит гром и кенгуру замертво падают наземь. Этот дух сам изготавливает такие чурингообразные палки. Они приносят людям удачу в охоте и исцеляют от завезенных болезней — проказы и сифилиса.

Итак, в новом культе австралийцев культурный герой принял облик и обычаи европейца. По меткому выражению Ломмеля, «все новое и недоброе, что приносит туземцу европейская цивилизация, преломляется в религиозно-поэтическом воображении австралийцев сквозь призму их древних традиционных представлений».

Папуасы

Новая Гвинея и ее обитатели

Морской путь в Ост-Индию, открытый в 1498 г. Васко да Гамой, дал португальцам возможность занять важные экономические и политические позиции для продвижения на Восток, и они с присущей им дальновидностью воспользовались им. В 1513 г. португальским колонизаторам удалось завладеть Молукками, теми островами Пряностей, на которые зарились многие европейские государства, а три десятилетия спустя португальцы уже стучались во врата неведомого японского царства. С ними соперничали завидовавшие их успехам испанцы, которые к тому времени успели занять Филиппинские острова и через перуанские порты установили с ними регулярное морское сообщение. Борьба за колонии между Испанией и Португалией, этими двумя могущественными европейскими государствами, немало способствовала освоению и изучению еще совсем неизвестного Тихого океана.

Благодаря этому обстоятельству были открыты Новая Гвинея и многие близлежащие острова, например Соломоновы. В 1526 г. корабль Георга де Менезеса, которого король Португалии послал наместником на Молукки, был вблизи этих островов отогнан северо-западным муссоном к неизвестному острову, находящемуся на широте залива Гелвинка недалеко от северного побережья Новой Гвинеи. Георг де Менезес обозначил его «островом папуасов» — *Ilhas dos papuas*, пополнив таким образом географическую номенклатуру. Папуасами малайцы называли своих темнокожих соседей на востоке за их курчавые волосы. Это название применяется в науке и поныне.

Папуас с серьгой из черепашьего панциря (Новая Гвинея)

Честь открытия самой Новой Гвинеи принадлежит испанцу Ортису де Ретесу. Отправившись в 1546 г. с Тидора в Мексику, он против тогдашнего обыкновения взял более южный курс и попал к берегам совершенно незнакомой ему земли. Тропический лес на побережье и жители острова, похожие на негров, напомнили ему берега Гвинеи в Западной Африке, отчего он и назвал эту страну Nueva Guinea — Новая Гвинея. Лишь полстолетия спустя на основе наблюдений испанца Луиса Ваэса де Торреса, прошедшего пролив, названный его именем, удалось установить, что вновь открытая земля — остров. Однако испанская корона держала в тайне свое открытие, считая этот остров важной стратегической базой. О нем узнали позднее благодаря англичанам. В 1762 г. они захватили важный морской и политический центр Манилу и открыли доступ к архивам.

Но внутренние районы Новой Гвинеи еще до недавнего времени были скрыты от пытливого взора европейцев. Лишь с помощью самолетов и других средств современной техники удалось преодолеть полосу труднопроходимых тропических лесов побережья и добраться до сердца острова. Как это весьма часто бывало в истории открытий, стимулом освоения Новой Гвинеи был «золотой голод». И все-таки даже теперь на географической карте Новой Гвинеи немало белых пятен. Несомненно, что в ближайшие же годы они исчезнут.

С геологической точки зрения Новая Гвинея и прилегающие к ней острова представляют собой остатки складчатого пояса третичного периода, который когда-то вместе с Австралией образовывал огромный материк. В результате тектонических сдвигов он расчленился, превратившись в нынешнюю огромную систему омываемых морями островов. Существовавшие некогда границы материка определяются по краям сдвигов: на западе по Марианской впадине и на востоке по впадине Тонга (каждая из них глубиной в девять тысяч метров). На острове встречаются гейзеры и действующие вулканы, свидетельствующие о том, что тектонические смещения происходят и поныне. На западе Новой Гвинеи земная кора под действием гигантских тектонических сил сплюснулась, образовав горный кряж высотой в пять тысяч метров. Вершины гор этого кряжа покрыты снегом и ледниками даже на экваторе. К востоку высота гор понижается до тысячи метров.

К названной системе островов кроме Новой Гвинеи, составляющей ее ядро, относятся крупные острова Новая Ирландия, Новая Британия, Новые Гебриды, Новая Каледония и более мелкие — Адмиралтейства и

Соломоновы (их открыли испанские путешественники; пристав к этим островам, они решили, что попали в Офир — легендарную страну царя Соломона). Все эти острова населены народами с очень темной кожей и поэтому в отличие от северных и восточных островных групп объединяются общим названием Меланезия, означающим примерно «острова черных» (мелас — черный, несос — остров). Это название подходит также к пейзажу меланезийских островов, покрытых густой тропической растительностью. Этнографы называют Меланезией лишь упомянутые нами острова, тогда как географы относят к Меланезии еще двойной остров Новую Зеландию на основе его геологического строения.

Работы специалистов, все глубже изучающих район меланезийских островов, показали, что там живут народы, весьма различные по внешнему облику, культуре и языку. Преобладающую часть составляют папуасы. Как мы уже говорили, малайцы называли так «людей с курчавыми волосами», которых ловили бугинезские охотники за рабами в соседних областях Новой Гвинеи. «Папуас» и по сей день с научной точки зрения весьма неопределенное понятие; это просто собирательное название для всех племен, не принадлежащих к остальному темнокожему населению этого района, т. е. к меланезийцам. Четкое различие обеих групп — папуасов и меланезийцев — возможно лишь на лингвистической основе. В этом смысле немало сделали английские языковеды Сидней Х. Рей и Кодрингтон, определившие существенные языковые различия между папуасами и меланезийцами. В отличие от меланезийцев у папуасов существуют большие лексические различия между отдельными языками племен. Поэтому папуасские языки очень трудно классифицировать. Языковая раздробленность — характерная особенность папуасов. Пока еще

невозможно отнести папуасские языки к какой-либо более крупной языковой семье.

Папуасы населяют большую часть Новой Гвинеи. Они не живут лишь в прибрежной полосе на севере (примерно от залива Гумбольдта до залива Геркулеса и южнее залива Хьюон), хотя и там кое-где можно услышать папуасские наречия; их нет также на юго-востоке, на обширном участке от мыса Нэльсона до мыса Поссешен. Там, как и на северном побережье, преобладают племена с меланезийскими языками. На мелких островных группах, простирающихся вплоть до Новой Каледонии, лишь кое-где встречаются папуасоязычные племена. На севере острова Новая Британия это главным образом племена байнинг и сулка. Папуасы живут также в северной части Соломоновых островов и на мелких островках вблизи юго-восточной оконечности Новой Гвинеи.

Вождь с дорогими украшениями из раковин и серьгами из панциря черепахи (Соломоновы острова)

То, что говорилось о языках, относится и к внешнему облику этих людей. Из-за многократно происходившего смешения племен трудно определить характерные внешние признаки как папуасов, так и меланезийцев. У папуасов существуют по крайней мере две антропологические разновидности. Это, во-первых, люди среднего роста (до 160 см), с широким лицом и плоским носом, живущие большой сплошной группой от верхнего течения реки Раму до реки Марифутик в центральной части Новой Гвинеи, а также уже упомянутые нами папуасское племя байнинг и папуасы северной группы Соломоновых островов. Другой тип — люди высокого

роста (до 186 см), с длинным лицом и узким горбатым носом. Цвет кожи у них обычно темно-коричневый, однако встречаются и более светлые, почти бронзовые тона. Этот тип также образует довольно компактную группу племен, обитающую в средней части Новой Гвинеи от реки Чимбу до Хагенских гор.

При исследовании внутренних районов Новой Гвинеи неожиданно среди папуасских поселений были обнаружены и низкорослые люди. Это были настоящие карлики (от 135 до 150 см роста). О них сообщал еще Геродот как о живущих в Африке и называл их, несколько утрируя, человечками «величиной с кулак», пигмеями. Впоследствии существование таких же карликовых народов было отмечено и среди малайцев на полуострове Малакка, а в начале нынешнего столетия — и на Новой Гвинее. Происхождение карликовых народов уже давно занимало умы и этнографов. Они пытались установить связь между карликовыми народами Африки, Южной Азии и Новой Гвинеи. Антропологи считают, что различные племена пигмеев, населяющие Новую Гвинею, в частности район горы Седло возле Финшхафена у залива Хьюон, район Шрадерских гор у реки Раму, район истоков реки Сепик и склонов западной части центрального горного хребта (племена тапиры, пешехем и прочие) — остатки древнего этнического слоя пигмеев. На примере жителей острова Санто, одного из Новогебридских островов, швейцарский этнолог Феликс Шпейзер показал, что отнюдь не все люди низкого роста относятся к карликовой «расе». Исследуя этот вопрос на месте, он установил, что карликовый народ Санто представляет собой просто «горную разновидность» обитающего там населения, т. е. некое вторичное этническое образование, возникшее под действием природной среды.

Хотя различные племена пигмеев, населяющие Новую Гвинею, сохранили своеобразие внешнего облика — для них характерны кроме низкого роста определенный цвет кожи, от светло-коричневого до красноватого, выпуклая верхняя губа, широкий нос и, главное, темно-каштановые вьющиеся волосы, — однако у них нет ни собственной культуры, ни собственного языка. И то и другое они заимствовали у окружающих их папуасов, с которыми они, несомненно, живут с очень давних времен.

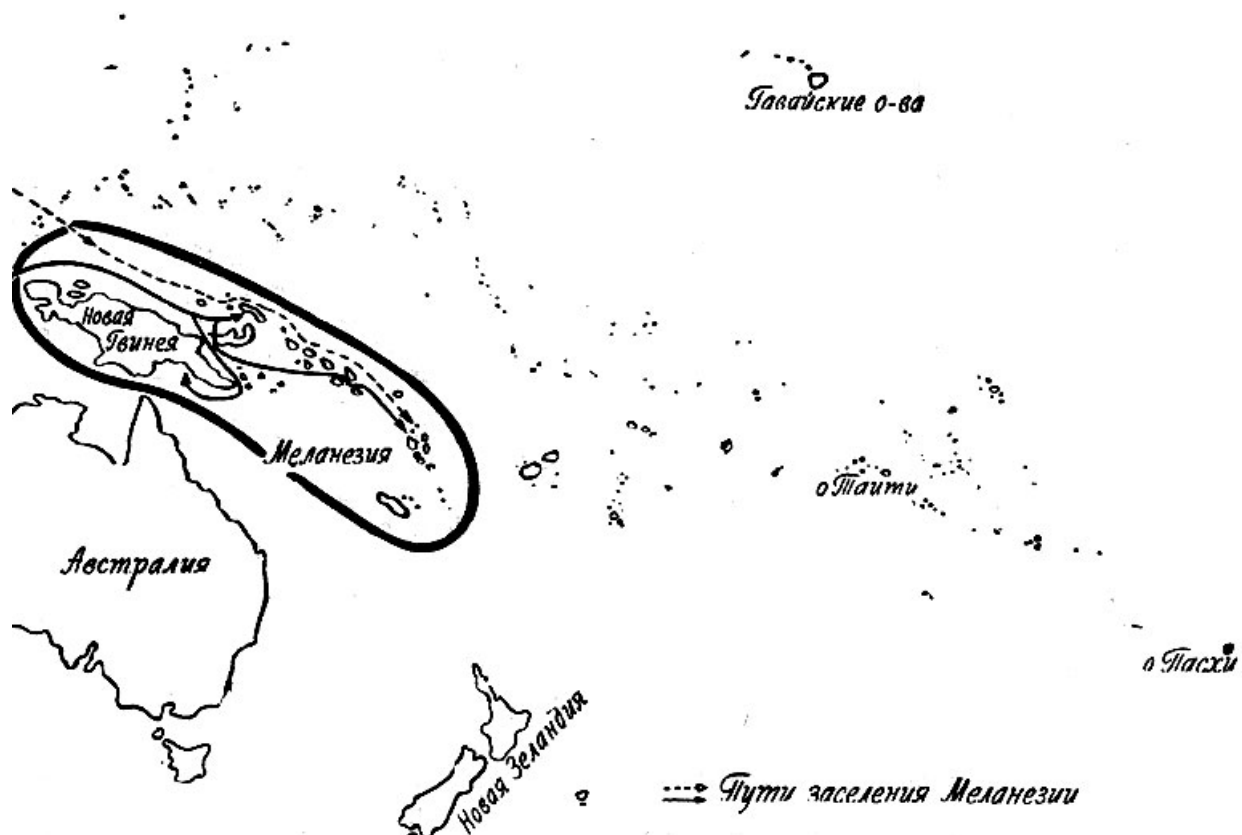

Папуас с палочкой, продетой сквозь носовую перегородку, и с калебасой для извести (Новая Гвинея)

Нельзя говорить и о едином типе меланезийцев. Меланезийские племена, обитающие на восточном и

юго-восточном побережьях Новой Гвинеи, смешались с папуасскими элементами. Это дало повод английскому ученому Зелигману обозначить их понятием «папуасо-меланезийцы». Жители крайних северных и восточных районов Меланезийских островов находятся в более или менее тесном общении с микронезийцами и полинезийцами. Островитяне — народ живой и предприимчивый. Не удивительно, что они в прибрежных районах сильнее перемешались со своими соседями.

Хотя население Меланезии с точки зрения антропологической неоднородно, для него характерны некоторые общие особенности физического склада. Цвет кожи у меланезийцев темнее, чем у папуасов, а у жителей северной группы Соломоновых островов кожа совсем черная. Волосы у меланезийцев мелковьющиеся или волнистые, лоб, в отличие от покатого лба папуасов, прямой, надбровные дуги не столь выпуклы и нос не столь крупный, как у папуасов. В общем у чистокровного меланезийца более стройная, более изящная фигура, чем у папуаса, хотя и в Меланезии встречаются люди с грубой фигурой, особенно на Соломоновых островах.

Карта заселения Меланезии

Но при классификации меланезийских племен более надежным подспорьем оказываются их языки. У меланезийцев они более однородны, чем у папуасов, и их удалось отнести к одной из существующих языковых групп. Меланезийские языки вместе с языками полинезийцев и малайцев относятся к австронезийской группе языков, образующей в свою очередь вместе с так называемыми австро-азиатскими языками, распространенными главным образом на Индостане и в Индокитае, прилегающих к нему с востока, семью аустрических языков.

Таким образом, ни с точки зрения антропологической, ни с точки зрения языковой нельзя установить наличие какого-либо родства папуасов с

неграми Африки, как предполагали открыватели Меланезии^[31]. Согласно данным современной науки, в этом районе Тихого океана существуют по крайней мере три различные биологические группы — пигмеи, папуасы и меланезийцы, из которых две последние существенно различаются по культуре и языку. Установлено, что меланезийские и азиатские языки находятся в близком родстве. Есть основание предполагать, что и папуасы являются народом азиатского происхождения.

Хотя папуасские племена весьма различны по языку, их можно объединить в крупные группы и по культуре, так как кроме чисто внешнего сходства многие из них обладают общими чертами и в своей внутренней структуре. В ходе многовекового развития эти культурные группы приняли вполне определенную форму, которая, конечно, под влиянием нашего времени непрерывно изменяется. Так, папуасские племена, живущие на западе Новой Гвинеи, в течение многих веков заимствовали некоторые элементы своей культуры у малайцев, которые там забирали в рабство людей и охотились на райских птиц. Общаясь с первыми европейскими поселенцами, папуасы соприкасались с современной цивилизацией. Это привело к тому, что их древняя культура распалась и образовалась смешанная папуасско-малайская культура с элементами европейской цивилизации. Зато на юге и особенно на высокогорных плато в средней части острова, защищенной со всех сторон горами, папуасские племена сумели сохранить свою культурную самобытность.

Открытиями последних трех десятилетий установлено гораздо большее разнообразие папуасских культур, чем это предполагалось ранее. Они неравноценны, их исторический возраст различен; это значит, что носители различных папуасских культур появились в местах их нынешних поселений в разные

времена. Так как папуасы не имеют письменности, датировать возникновение папуасских культур не представляется возможным, тем более что пока еще не начаты систематические раскопки. Самая простая из всех папуасских культур — у племен, живущих в верховьях реки Дигул и на ее притоках. Поэтому их считают наиболее древним папуасским элементом на Новой Гвинее. Наблюдая за распространением отдельных элементов этой культуры, можно сделать вывод, что прежде они были расселены шире — как в западном, так и в восточном направлении от верховьев реки Дигул. Папуасские племена нередко подвергались нападениям охотников за черепами из соседних племен, и только в 1913 г. голландские колониальные власти положили конец этим набегам. Однако вскоре после этого на Новой Гвинее появились охотники на райских птиц; кроме того, как раз в районе реки Дигул возникли печально известные концентрационные лагеря для борцов индонезийского освободительного движения.

Все это заставило многих жителей района реки Дигул переселиться на юг к верховьям реки Биан. Здесь они получили землю от властей. Однако теснимые нападениями своих новых соседей, они отошли в северном направлении, к среднему течению Дигула, где с тех пор и осели.

Не менее богата событиями история народов маюб на юге Новой Гвинеи. Они пришли туда несколькими потоками с востока из бассейна реки Флай и вытеснили жившие там до них племена в болотистые области острова Фредерик-Хендрик. Младшую ветвь народов маюб образует племя маринд-аним, называемое малайцами кая-кая. Люди маринд-аним занимаются охотой за черепами, и поэтому их страшатся жители многих областей. Особенности культуры маюбов (им знакомо употребление корня кавы и ореха бетеля), их некоторые социологические признаки с сочетанием как

патрилинейных, так и матрилинейных черт, их орнамент (спираль) позволяют сделать вывод, что они до переселения из бассейна реки Флай находились под сильным влиянием чужой культуры. Возможно также, что они происходят и из более отдаленных областей.

Хэддон, один из наиболее авторитетных исследователей Тихого океана, считает, что область распространения культуры, влиявшей на маюбов, находится на северном побережье Новой Гвинеи между заливами Хьюон и Астролябия и что носители этой своеобразной культуры пришли оттуда на реку Флай, пройдя сначала вниз по течению Раму и перейдя центральный горный хребет у 5 — 6-й параллели. Центральный горный хребет острова не преграждал путь папуасским племенам. Они переходили горный хребет через перевалы высотой в три тысячи метров, и реки в части острова, покрытой густым девственным лесом, были важнейшими, если не единственными путями торговли и миграции.

Папуасские племена, во многом схожие, несмотря на антропологические и культурные различия, в социальном укладе и религии, расселились на юге острова в разделенных лениво текущими реками болотистых низинах побережья залива Папуа, образовавшегося вследствие опускания земли.

Дифференциации культуры папуасов наряду с местными особенностями развития способствовали и другие факторы. Так, племена, живущие на западном побережье залива, отличаются по культуре от племен, живущих на восточном побережье. Несомненно, что все эти племена испытали влияние северных, живущих в районе заливов Гумбольдта и Хьюон. Установлено, что племена намау и элама пришли на юг острова в сравнительно недавнее время — примерно 150 лет назад — с гор Альберта Эдуарда. Как уже сказано, центральный горный хребет не был препятствием для

продвижения папуасов с севера на юг, и эти племена можно считать посредниками в распространении элементов северной культуры. Но на формирование культуры племен залива Папуа оказали влияние также обитавшие к востоку от мыса Поссешен меланезийские племена, торговавшие с племенами восточной стороны залива.

Более сильному влиянию меланезийских племен подверглись папуасы северного побережья острова по обеим сторонам устья Сепика, заливов Астролябия и Хьюон. Это видно на примере их гончарного производства. Когда-то северные папуасы изготавливали посуду, укладывая спиралью длинные глиняные жгуты. Позднее вместо налепа появилась техника формовки, с помощью которой изготавливались шарообразные толстостенные сосуды. Меланезийское влияние выразилось и в преобладании тайного мужского союза, который отодвинул на второй план совет старейшин, став господствующей культовой и политической организацией.

Наибольшим изменениям подверглась культура папуасских племен, живущих между заливами Мак Клур и Гелвинк. Эти племена уже давно находились под сильным политическим и культурным воздействием султанатов Тернате и Тидоре. Они раньше других папуасских племен стали общаться с голландцами и испытали влияние европейской цивилизации. Поэтому не удивительно, что среди них действуют передовые силы, которые стремятся сбросить иго колониализма и дать своему народу возможность самому распоряжаться своей судьбой^[32].

В противоположность этим племенам папуасы средней части острова, жившие многолюдными поселениями в долинах центрального горного хребта и на степных равнинах предгорий, еще несколько десятков лет тому назад оставались в стороне от

цивилизации. Благодаря большой высоте над уровнем моря (2500 м), где нет малярии, и мягкому умеренному климату люди гор — крепкие, здоровые. Они менее восприимчивы к опасным эпидемическим заболеваниям, чем люди, живущие в сырых девственных лесах низкой части острова. Но мы допустили бы ошибку, если бы предположили, что горные папуасы жили в полной изоляции от внешнего мира. Несомненно, что в прошлом у живущих в горах папуасов было оживленное общение с внешним миром, о чем говорит хотя бы уже тот факт, что папуасское население этого района состоит из трех различных антропологических групп. Наряду с высокорослым типом с пропорциональным сложением, продолговатым лицом и высоким выпуклым лбом — чаще всего в родах вождей — встречается также и низкорослый, приземистый тип с коротким широким лицом. Это, по-видимому, пигмоидный элемент. Любопытен третий тип, встречающийся, правда, реже (составляет примерно 2 %). Этот тип отличается красновато-желтым цветом кожи.

Для папуасов характерно отсутствие мореходства, что их существенно отличает от меланезийцев, полинезийцев и микронезийцев. Если селения папуасов находятся на берегах рек, то у них, конечно, существуют средства передвижения по воде. По огромным рекам Новой Гвинеи они ездят в узких долбленых лодках, в которых, впрочем, никогда не отваживались, да и не могли отважиться выйти в море. Итак, папуасы Новой Гвинеи — типичные сухопутные жители.

До сих пор окончательно не выяснено, каким путем попали живущие в северной части острова Новая Британия племена байнинг и сулка, говорящие на папуасском языке, в свои нынешние места поселений. Миссионеру Карлу Лауферу, прожившему среди них несколько десятков лет и поэтому отлично знавшему их язык и культуру, удалось установить, что племя сулка

пришло с южного побережья острова Новая Ирландия, переправившись через пролив между Новой Ирландией и Новой Британией на лодках с балансиром. Однако тот факт, что папуасы Новой Британии решились отправиться в открытое море, делает правдоподобным предположение Лауфера о некогда существовавших переселениях из Новой Гвинеи (в частности, из района залива Астролябия), с которой у папуасов Новой Британии много общего в культуре. По всей видимости, переселение за море облегчалось в этом случае тем, что в проливе Витязя, отделяющем Новую Гвинею от Новой Британии, находятся острова, где можно было сделать остановку. Использование мореходных средств хотя бы некоторыми из папуасов подчеркивает многообразие папуасских культур, которое проявляется в их языке и даже внешнем облике.

Много сделал для решения проблемы происхождения папуасоязычных племен венский этнолог Гейне-Гельдерн. Он исследовал археологические находки в Южной Азии и Океании. Он показал, что живущие на Молуккских островах малайские племена, антропологически ничего общего с папуасами не имеющие, говорят на папуасских языках. Значит, все эти языки присущи не одной какой-то антропологической группе. Пользуясь всеми средствами научного доказательства, Гейне-Гельдерн установил, что наречия, на которых говорят нынешние папуасы, равно как и употребляемый ими валиковый каменный топор, были заимствованы от совершенно иной этнической группы, пришедшей к ним с севера через Тайвань и Филиппины. Его точка зрения подкрепляется двумя существенными доводами. Во-первых, для древнего языкового пласта японского языка характерна та же препозиция генитива, что и для папуасских языков, во-вторых, существующая в Японии керамика

налепом, оставшаяся еще от эпохи раннего неолита, является также культурной особенностью папуасов.

Большое значение для разрешения вопроса о происхождении «настоящих» папуасов имеют останки скелетов, найденные в Тонкинских пещерах. Эти скелеты имеют те же формы, что и скелеты папуасов. Найдены и орудия, относящиеся, несмотря на зачатки шлифовки, к эпохе палеолита. Мелкие орудия эпохи палеолита были недавно найдены в средних областях Новой Гвинеи, а также и на других островных группах Меланезии. Это существенные находки. Однако вопрос происхождения папуасов может быть решен лишь путем систематических раскопок, которые, к сожалению, на Новой Гвинее пока еще не ведутся.

Земледельцы гор и болот

В отличие от Австралии Меланезия богата пышной тропической растительностью. Климат там жаркий и влажный, если не считать района центральной горной цепи Новой Гвинеи, находящегося на большой высоте над уровнем моря. Средняя годовая температура 21-26° по Цельсию; выпадает большое количество осадков, почти ежедневно идут проливные дожди. На побережье островов растут главным образом мангровники, кокосовые пальмы, но во внутренних районах есть и другие виды пальм: стройная арека, широколистная кентия и веерная пальма ликуала. В тропических лесах встречается вьющаяся пальма каламус ротанг, хлебное дерево и казуарина. Лианы и эпифиты обвивают деревья до самых верхушек.

Они образуют непроницаемый для солнца зеленый покров, обрекая тем самым на световой голод молодую лесную поросль и кустарники. Этот лес, подымаясь кверху по склону гор (до 900 м), постепенно уступает место столь же многообразному вечнозеленому нагорному лесу и, наконец, на высоте двух тысяч метров переходит в альпийский (менее изученный) лес.

Бесчисленные потоки, прорезая лесистые горные склоны, вливаются в могучие реки, которые, растекаясь излучинами и рукавами по широким равнинам, несут свои обильные воды к морю. В период дождей реки выходят из берегов, затопляя всю долину. При этом в некоторых местах, например в устьях рек, впадающих в залив Папуа, образуются наносы ила. Такие полузатопленные равнины, покрытые камышом, саговыми пальмами и дикорастущим сахарным тростником, весьма характерны для долин рек и прибрежных районов. Этот пейзаж на меланезийских

островах и в первую очередь на главном из них — Новой Гвинее местами дополняется широкими зелеными лугами, на которых растет трава аланг-аланг высотой больше человеческого роста. Такая же трава встречается на высокогорных равнинах в средней части островов, а также на склонах гор, где выпадает большое количество дождей.

В зоне тропических лесов фауна, в отличие от флоры, бедна. Благоприятны для существования животных только зеленые луга. Так как еще в эпоху плейстоцена Новая Гвинея составляла вместе с Австралией единый материк, в ее животном мире много общего с фауной Австралии. Из обитающих на Новой Гвинее млекопитающих наиболее крупные — кенгуру и древесные сумчатые. Иноземные переселенцы привезли на остров свиней и собак. Многообразно и красочно царство пернатых Новой Гвинее. Тут различные виды райских птиц, какаду, попугаев, голубей и так далее; водится наиболее крупная бегающая птица, похожая на австралийского эму, — казуар. Эму и казуар родственны южноафриканскому страусу и южноамериканскому нанду. Среди пресмыкающихся нет недостатка в змеях и в ящерицах. Гребенчатый крокодил встречается главным образом в болотистых низинах рек и болотистых местах, прилегающих к побережью. В многочисленных реках и ручьях обитает рыба всевозможных видов и великое множество моллюсков. Водятся здесь и москиты, причиняющие немало мучений новогвинейцам, а также муравьи и досаждающие людям скорпионы.

Флора Меланезии создает человеку несомненно более благоприятные условия существования, чем растительный мир Австралии. Меланезийские острова богаты буквально неиссякаемыми естественными источниками питания. Это целые рощи дикорастущих саговых пальм. Одна созревшая саговая пальма дает до

200 килограммов сырого саго, которым можно прокормить семью из пяти человек в течение целого месяца. Папуасы используют этот дар природы двумя различными способами, небезынтересными с точки зрения истории их культуры. Племена на западе Новой Гвинеи готовят питательную муку из внутривольной массы дикорастущих саговых пальм, листья которых усеяны крепкими колючками, и питаются почти только одной этой мукой. О них можно было бы сказать: «Не сеют, а все-таки жнут». Среди экзотических народов немало таких, которым природа дарует пищу. Известный этнолог Юлиус Липс встречал, например, среди североамериканских индейцев племена, которые питаются одним лишь диким водяным рисом. Такие народы он метко назвал «народы — собиратели урожая». В отличие от папуасских «собирателей урожая» на западе Новой Гвинеи племена, живущие в ее восточной части, перешли к возделыванию иного вида саговой пальмы. У этой пальмы нет колючек, и она вырастает из черенков. Она здесь не единственный источник пищи, ее разводят на больших полевых участках вместе с другими культурными растениями.

На болотистых берегах медленной реки Пурари густой кустарник. Там и сям из-за кустов виднеются травяные крыши жилищ. Проторенные тропинки ведут к растущим неподалеку саговым рощам. Перед своей хижинкой сидит Обадем. Он внимательно рассматривает каменный топор, вертит его во все стороны, смотрит, надежно ли еще крепление коленчатой деревянной рукоятки. Но вот он проводит рукой по каменному лезвию топора, и лицо его омрачается. Лезвие надо наточить. Обадем входит в хижину и тут же выходит из нее, держа в руках каменное точило. К нему подбегают два мальчика. Это его внуки. Они любят смотреть, как их дед работает. Шестилетний Ани бежит за водой. Он осторожно несет ее в бамбуковой трубке.

Четырехлетний Яю загребаёт ручонками песок и подает его дедушке. Ани поливает каменное точило водой, а его братишка посыпает его песком с полным сознанием важности совершаемого дела. Обадем водит лезвием топора по точилу, равномерно двигая им то в одну, то в другую сторону. Заточка топора требует терпения и времени, зато потом топор вновь сослужит хорошую службу.

А вот и Кунду, жена Обадема. Она подходит к дверям хижины. Одна большая порожняя корзинка висит у нее на перевязи за спиной, другая такая же корзинка на груди. Перевязь она кладет на голову. Кунду молча берет за руку маленького Яю и отправляется вместе с ним в саговой кустарник. Вскоре Обадем заканчивает свою работу, встает и идет вместе с Ани вслед за ними.

Из саговой рощи доносятся треск веток и глухие удары топора. Там еще несколько дней назад женатые сыновья Обадема соорудили небольшую хижину для ночлега: ведь на корчевание подлеска, которым обросли могучие саговые пальмы, приходится тратить много времени. Кроме того, нужно прорубить сквозь кустарник путь к ближайшему водоему, чтобы соорудить приспособление для промывки саговой муки. Выбивание и промывка внутривольной саговой массы требует немало времени и труда.

Кунду закидывает свои корзины в хижину и внимательно рассматривает пальмы, предназначенные для вырубki. Ее сыновья не ошиблись, здесь окажется немало саговой массы. Мужчины советуются, в каком месте лучше подрубить ствол, а Кунду идет к воде по выстланной зелеными ветками и листьями илистой тропинке. Там она начнет сооружение установки для промывания саговой массы. Ребяшки тоже не сидят без дела.

Под крепкими ударами топора кряхтит погибающий ствол. Коричневые тела мужчин блестят от пота. Обадем

еле переводит дух, ему за сыновьями не поспеть. Но вот гигантское дерево издает свой последний стон, медленно опускается его пышная крона и ветви, касаясь земли, издают гулкий треск. Сильные удары топора отделяют крону от ствола. Мужчины осторожно отдирают кору. Тем временем из кустов выходят две женщины. Они подносят корзины, наполненные снедью, — ведь мужчины уже давно проголодались. Женщины несут на плечах колотушки, которыми выбивают саговую массу. Колотушка — коленчатый стержень из твердого дерева, к короткому бедру его прикреплен бамбуковая нашлапка — рабочая часть саговывивалки. Мужчины отделяют кору от подкоркового слоя, а там уже блестит красновато-коричневая саговая масса.

— Женщины могут приступать к выбиванию саго, — говорит Обадем и вместе с сыновьями направляется к водоему, где работает Кунду. Она уже установила несколько расщепленных веток на небольшом расстоянии друг от друга. Более длинные торчат на болотистом берегу возле самой воды, далее от берега палки все короче. Подходя к берегу, мужчины видят, как Кунду что-то тащит. Сыновья помогают ей. Она тащит листовлагалища саговой пальмы, имеющие форму короткого разомкнутого патрубка. Из крепкой и гибкой их ткани сыновья Обадема делают небольшие корытца, кладут их одно к другому на развилки палок. Так получается сплошной желоб, спускающийся к берегу. Критическим взором оглядывают Обадем, Кунду и их сыновья сооруженный желоб. Кунду им недовольна. Самый верхний кусок коры кажется ей слишком узким. Она разминает его, и корытце становится шире. Затем Кунду берет кусок лубяной материи, похожей на мешковину, и натягивает ее поперек желоба на нижнем конце. Получается сито. В нем будут задерживаться при промывке саго частицы коры и ствола; оно хорошо

пропускает воду, а вместе с водой стекает в приготовленный сосуд и саговая мука. Женщины вытаскивают из лесной хижины сосуд — деревянное корыто и подставляют его под низкий конец желоба. Обадем тем временем насаживает скорлупу кокосового ореха на длинную палку — получается идеальный черпак, которым будут наливать воду из реки в желоб.

По тропическому лесу раздается сильный стук — это верное доказательство трудового усердия обеих молодых женщин. Еще несколько шагов, и мужчины выходят на поляну. Под саговой пальмой сидят две женщины и неустанно колотят по стволу саговыбивалками. Крошащуюся саговую массу они кладут в корзины. Большая часть таких корзин уже наполнена доверху. Мужчины хватают корзины и тащат их к мамаше Кунду. Гиа хочет до конца дня промыть очередную часть саговой массы. Старший сын Пейпа сильным рывком высыпает содержимое своих корзин в корыто и спешит за следующей порцией массы. Младший сын Кунга быстро берет в руки ковш с длинной рукоятью, зачерпывает им из реки воду и льет ее в желоб. Кунду берет в руки палку и сильно бьет ею по саговой массе. А Кунга все черпает воду и льет ее в желоб. Затем Кунду откладывает палку в сторону, запускает руки в кашеобразную массу и энергично месит ее. Кунга перестает лить воду.

Промывка саговой массы

— Опорожни сито, мать! — говорит он. И в самом деле, у пористой лубяной перегородки скопились твердые частички массы, они могут засорить фильтр. Кунду очищает сито. А Кунга успел уже высыпать в желоб содержимое двух корзин и опять за черпак. Пейпа подтаскивает наполненные корзины. Кунду опять берет в руки палку и с силой бьет ею по саговой массе, не зная усталости. Но Кунга заметно сбавил темп, он сильно проголодался.

Обадем уже развел костер. Рядом уселись ребяташки. Они наблюдают, как отец достает из корзины небольшие камни и ловко укладывает их деревянными щипцами в огонь. Женщины бросают свои колотушки и заходят в хижину. Оттуда они выносят корзину с высушенной саговой мукой. Муку осторожно размалывают в деревянной миске и смачивают кокосовым молоком. Затем при помощи раковинки

женщины извлекают из кокосовых орехов хлопья кокосовой массы и, замешивая их саговой мукой, приготавливают пышное тесто. Несколько ловких движений рук — и из этого теста получаются плоские лепешки. Лепешки женщины аккуратно обертывают листьями. Обадем гасит костер и деревянными щипцами раздвигает камни. Женщины осторожно кладут на них лепешки и прикрывают такими же раскаленными камнями. На эти камни они насыпают горячую золу и накладывают листья.

Через некоторое время подходят Кунду и Кунга. Лепешки уже готовы. Женщины быстро снимают камни и золу с печи. Пахнет вкусным свежесвеженным хлебом. Обадем и его семья с чавканьем поглощают свой ужин.

Папуасы не ограничились умением готовить муку из дикорастущей или посаженной саговой пальмы и все без исключения перешли к земледелию. Правда, в интенсивности и способах обработки земли у них существуют различия, и не только чисто локальные. Папуасские племена западной части Новой Гвинеи, питающиеся диким саго, занимаются лишь весьма примитивным, можно сказать, даже убогим земледелием. Зато папуасы, живущие на востоке Новой Гвинеи и особенно на плоскогорье центральной части острова, обладают очень высокой земледельческой культурой.

Чтобы иметь земли для посева, людям этого тропического района пришлось в значительной мере изменить местный пейзаж. Для расчистки участка под посев обычно выбирался сухой сезон. Участок леса, подлежащий засеву, вырубался. Это делали в большинстве случаев несколько семей сообща. Женщины выполняли более легкую работу — подрезали кустарник и лианы, мужчины, орудуя тяжелыми каменными топорами, валили деревья. Однако

расчистка леса не производилась с той тщательностью, с какой это делается у нас. Рубя лес, папуасы кое-где оставляли деревья для тени, чтобы солнце не слишком сильно иссушало землю. Оставляли и деревья-гиганты, срубить которые стоило бы немало труда, однако с них снимали кору, срубали суки, чтобы дерево засохло. Иногда под таким деревом разводили еще и костер, чтобы лишить дерево питательных соков. Вырубку менее толстых деревьев папуасы нередко облегчали себе тем, что рубили их не под корень, а на уровне примерно одного метра от земли. Для того чтобы все-таки свалить особенно крупные деревья, сооружали помост примерно на такой высоте. Чтобы защитить посевы от одичавших свиней, новогвинейцы из остатков вырубленного леса сооружали ограду. Когда под палящими лучами солнца высыхали поваленные стволы и ветки, их сжигали, дабы избавить себя от трудоемкой работы по очистке вырубленного участка. При этом, чтобы не возник лесной пожар, строго следили за направлением ветра. Ценные деревья, которые хотели сохранить, обкладывали снизу свежими ветками, чтобы огонь не захватил ствол. Подобный подсечный метод распространен в западной части Новой Гвинеи везде, где живут папуасы, вплоть до горного рубежа высотой в 3000 м над уровнем моря.

Значительно меньшего труда требовала обработка земли в районе лугов. Там сначала оббивали траву. Делали это деревянными палицами или остореребрыми бамбуковыми палками. Несколько дней спустя траву сжигали. К сожалению, до сих пор ни жителям лесных районов, ни туземцам, живущим в районе лугов, не пришла в голову мысль о том, что зола, образующаяся при пожаре леса и травы, могла бы быть хорошим удобрением для почвы. Размеры расчищаемого участка леса зависят от особенностей почвы, а главное, от численности семьи. Так, у папуасов, живущих в

местности, прилегающей к заливу Астролябия, на каждого члена семьи расчищают с полгектара леса, что соответствует площади 25 пригородных огородов в Германии (по 200 кв. м в каждом). Это, конечно, очень много в сравнении с площадью, которую у нас считают на душу населения. Но использование почвы у папуасов далеко не столь интенсивно, как у нас. Племена западной части Новой Гвинеи засевают участок расчищенного леса в том виде, в каком он был после пожара. В покрытой золой и обуглившимися ветками почве, из которой там и сям торчали пни высотой в рост человека и стволы с обгоревшей корой, женщины где попало рыли остроконечными палками ямки и бросали в них семена. Остальное делала сама природа. Племена, живущие в этих местах, не имеют ни малейшего понятия об уходе за посевом, даже о самой обычной прополке. Это объясняется тем, что они — типичные «народы — собиратели урожая». Их пища — главным образом дикорастущая саговая пальма.

Надо расценивать как значительный прогресс тот факт, что папуасские племена восточной части острова перед засевом освобождают расчищенный участок леса от сучьев и травы, разбивают его на наделы, огораживая их лиановыми изгородями, соблюдают при посадке определенные интервалы между растениями и систематически очищают посевы от сорняков. Так как эти племена не знают никаких удобрений, часто почва истощалась после первого же урожая, и каждый год приходилось корчевать новые участки леса. Лишь лет через семь можно было снова обрабатывать прежний надел. Так расчистка все росла и разрасталась наконец настолько, что уже нельзя было обозреть все поле и пройти в оба конца за один день. Приходилось строить хижину для ночлега. Полевые работы в таких условиях были нелегкими.

Совсем иным и гораздо более рациональным было полевое хозяйство горных папуасов, обитающих на плоскогорье центральной части Новой Гвинеи. Там сажали на расчищенном лесном участке, и этот участок был прорезан канавами, разделен лиановыми изгородями и столбиками. Поле походило на огромную шахматную доску.

Ко и его род с самого утра на ногах. Едва первые лучи солнца возвестили начало дня, как во всех хижинах уже кипит жизнь. Наступила страдная пора полевых работ. Мужчины ворошат в очагах жар погасшего огня, и все — и стар, и мал, — продрогши за ночь, греются подле него. Еще не успев разогнать сон, они вытаскивают из золы печеные бататы. Тут же уничтожаются остатки вчерашнего ужина.

Старик Ко выводит своих свиней на пастбище. К каждой он обращается с ласковыми, нежными словами. Чтобы хрюшки не убежали в поле, где они могут попортить посевы, передние ноги у них связаны шнурком. Соседи Ко тоже не прохлаждаются. Все хлопочут, собираются в дорогу. Женщины перекидывают через голову сетчатые сумки, и они висят у них за плечами. Одни кормят грудью малышей, другие упаковывают провиант. Берут землекопалку — ею не только разрыхляют землю, на нее опираются при ходьбе.

Ко беседует со своими соседями. Он простирает руку к солнцу. Оно все жарче и жарче. Период дождей прошел, и теперь нужно успеть засадить новое поле.

— Разве вы не слышали птицу кейманга? — сердится Ко. — Вот уже несколько дней, как она все кричит и кричит: «Пона эта, пона эта!» — «Не забывай свое поле!» Чего же вы еще ждете?

Сухой месяц июль давно наступил, а все еще каждодневно приходится прибегать к уговорам, чтобы заставить людей выйти в поле. Прошла уже почти

неделя с тех пор, как они шли в долине реки через зеленые луга с разбросанными купами деревьев. На расстоянии одного дня пути до густой полосы леса, обрамляющей берег реки Ваги, они нашли место, подходящее для засева. Тут была неплохая почва, и расчистка шла куда легче, чем в лесу. Благодаря большому числу рабочих рук удалось повалить траву аланг-аланг по всему участку. Жесткую слоновую траву пришлось сначала подрубать каменным топором, а потом выкорчевывать корни остроконечными землекопалками. Прямые крепкие стебли слоновой травы — отличный материал для ограды. Полевым работам благоприятствовала сухая погода. Поваленная трава и кустарник настолько высохли, что, когда их подожгли, они быстро вспыхнули, и многие не успели отскочить, их сильно обожгло.

Длинной вереницей растянулись женщины. Они идут медленно и степенно. Многие из них ведут за руку детей. Ко со своими друзьями Юимпом, Катлипом и Раклпой идет впереди. Вместе с ними он спешит отмерить канавы до подхода остальных, чтобы те сразу же приступили к рытью. Мужчины работают не за страх, а за совесть, ведь поле, принадлежащее их роду, обязательно должно быть самым лучшим в их местности. Вот Юимп и Раклпа натянули по земле лиану, а Ко и Катлимп с обеих сторон лианы проводят остроконечной палкой по земле черточки с промежутком в одну пядь. Эти черточки обозначают края канав. Работа кипит. Солнце еще не очень припекает, и все пока чувствуют себя бодро. Сделать предстоит немало, ведь параллельно первой канаве нужно прорыть следующие. Но и тогда сооружение системы канав еще не будет завершено: под прямым углом к продольным канавам придется прорыть поперечные, что придаст всему полю вид гигантской шахматной доски.

Ко бросает копалку и распрямляется во весь рост. Прислушивается: «Идут! Надо спуститься к тропе и разбить идущих на рабочие группы!» Зорким взглядом окидывают поле Ко и его спутники. «Сколько придется еще потрудиться, прежде чем начать сбор бататов!»

Подходят остальные. Впереди Нумуыди, Ае и Оип. Ко смотрит на них, не нарадуется. Есть на кого положиться. Они будут следить за работой каждой рабочей группы.

— Слушайте меня, Нумунди, Ае и ты, Оип! — говорит Ко. — Вот там у кустарника мы уже разметили несколько канав. Возьмите с собой женщин, выройте канавы, а затем вскопайте грядки!

Над горизонтом уже показались мрачные тучи, предвестники сезона плохой погоды, — нужно торопиться!

Уморившись от долгой ходьбы, женщины и дети садятся отдохнуть. Ко смотрит на них с негодованием.

— Мы должны всего за три дня посадить бататы! — говорит он. — Поторапливайтесь!

Мужчины деревянными копалками роют между отметинами землю и отбрасывают в сторону комья. Канавы роются лишь на глубину одной ладони, но, чтобы не обрушились их стенки, нужно работать очень осторожно. Поэтому землю, отделенную от пласта, лучше откидывать руками, а дно канавы и стенки подравнивать небольшой палочкой. И вот постепенно мужчины выкапывают канаву, а женщины размалывают выброшенные комья и равномерно раскладывают разрыхленную землю по прямоугольным грядкам площадью примерно в три квадратных метра. Теперь грядки, расположенные между канавами, находятся на некотором возвышении.

— Принести сумки с рассадой! — кричит жене Ко. Жена его Кете взваливает на спину большую сетчатую сумку с саженцами и перекидывает через голову перевязь. Медленным тяжелым шагом с копалкой в

правой руке она подымается по склону горы к мужу. Уже более десятка грядок готово для засадки.

— Сюда, Кете, сюда! — кричит Ко.

Воткнув свою копалку в землю, он берет у жены сумку. Кете достает из сумки коричневые комочки и протягивает их мужу. Ко, осторожно держа их в руках, подносит к губам, дует на них и торжественно говорит:

— Пусть вырастут бататы такими же громадными, как скалы на реке Ваги, такими же большими, как на реках Кломант и Роу!

Это сильное заклинание. Дед и отец Ко не раз произносили его и всегда собирали хороший урожай. И сейчас заклинание возымеет свое действие.

Кете почтительно прислушивается. Она помнит, что этот обычай соблюдался в ее родном селении, правда, ее отец произносил тогда другие слова заклинания.

— Итак, можно приступать к работе! — говорит Ко и берет в руки свою остроконечную землекопалку. Он сверлит ею рыхлую землю. Сильно надавливая на землекопалку, Ко выкапывает широкие ямки, в которые Кете аккуратно укладывает саженцы. Так Ко выкапывает в первой грядке десять ямок. Быстро осмотрев грядку, Ко вместе с Кете подходит к следующей. Вдруг раздается отчаянный визг. Супруги озираются.

— Не пугайся, это Оип режет жертвенную свинью, — говорит Ко и как ни в чем не бывало продолжает копать. Кете слова мужа причиняют боль. «Если бы он знал, как мы, женщины, любим своих животных! — думает Кете. — Они нам как дети. Мы и гладим их и разжевываем для них корм и, чтобы они окрепли, даже кормим их грудью. Но так и должно быть». С тихим вздохом она достает из сумки следующую порцию саженцев.

После того как поле засажено, ухаживают за ним исключительно женщины. Они регулярно выходят в поле и небольшими остроконечными палками пропалывают

сорняки. Выполотой травой они обкладывают ростки культур, чтобы солнце и ветер не иссушили почву. Ну, а если не будет дождя? Эта мысль всегда тревожит новогвинейских земледельцев. Чтобы предотвратить неурожай, они прибегают к колдовству, средству, по их представлениям, во всех отношениях чрезвычайно действенному. Они жгут на берегу реки корни и ветки, поливают огонь водой и бормочут свои заклинания. Они уверены, что поднимающиеся клубы пара должны по принципу «подобное вызывает подобное» привлечь тучи и, следовательно, дождь.

Обычно месяца через четыре после посадки женщины снимают первый урожай. Делают они это очень рационально: нащупывают рукой в земле самые крупные клубни и собирают только их, а мелкие оставляют дозревать. Так урожай одной посадки собирают в течение целого года. В отличие от других папуасских племен горные папуасы после сбора урожая не забрасывают свое поле. Мужчины срывают ползучие усики убранных бататов и вместе с сорняками сбрасывают их в неглубокую яму, выкопанную посреди каждой грядки. Через некоторое время они мотыгами или просто руками набрасывают землю с краев прямоугольной грядки на ее середину и засыпают яму, наполненную травяным удобрением. Так возникают большие грядки в виде холмиков. В их хорошо разрыхленный грунт голыми руками втыкают саженцы. Так как в подобного рода грядке укладывается не более пяти саженцев, под каждым кустом батата созревают крупные клубни. После снятия этого и еще 4-5 урожаев на таком поле накапывают грядки только в виде холмиков.

Помимо полевых участков у каждой семьи есть приусадебный огород. Здесь устраивают также четырехугольные грядки, которые, однако, после снятия урожая не переделывают в круглые. В огороде

выращиваются ямс, бобы, сахарный тростник, бананы и овощи. Есть определенное чередование засевов. Пятый — восьмой урожай бананов уже гораздо беднее первого: почва истощается. Да и полевая хижина становится ветхой — пора перебираться на новое место.

Не везде природные условия столь благоприятны для земледелия, как на плоскогорье в средних районах Новой Гвинеи. На крутых склонах гор огороды и поля приходится защищать от размыва почвы, который может произойти во время тропического ливня (например, у племени генде в горах Бисмарка). Там устраивают поперечные заграждения из бревен. Если бревна не удерживаются на пнях, их закрепляют деревянными кольями. На ряды бревен, расположенные на расстоянии 10–12 м одно от другого, накладывается целая груда камней и деревянных колод.

Наименее благоприятные условия для земледелия на острове Фредерика-Хендрика. Однако даже на этом острове, где местность почти целиком болотистая, туземцы занимаются земледелием. Несмотря на тяжелые природные условия, папуасские племена, оттесненные в этот неуютный край, сохранили свои формы ведения хозяйства. Они нашли весьма своеобразное решение возникшей перед ними задачи, и это позволило им не менять форму своего традиционного хозяйства. Там, на бесконечных топях, они прежде всего соорудили для каждой хижины небольшой островок и подготовили специальные островки для посева. Для этой цели они в течение всего сухого периода руками доставали из болота глинистый ил и складывали его в кучи вместе со стеблями пальмовых веток, стволами банана, листьями и щепками. Они сооружали таким способом высокие площадки, которые в период дождей и подъема уровня воды не затоплялись. Кроме того, чтобы получить хорошо удобренную, перегнойную почву, на эти

искусственные островки и огороды наваливались листья и корни болотных растений. На этих островах в изобилии созревают фрукты и корнеплоды.

Число съедобных и полезных растений, известных папуасам, невелико, особенно по сравнению с числом видов дикорастущих плодов, используемых австралийцами. Однако это лишь кажущийся недостаток. Он компенсируется тем, что в течение длительного времени из каждого культурного растения развилось множество разновидностей и сортов. Это относится главным образом к корнеплодам. Из них нам наиболее хорошо известен сладкий картофель, или батат, являющийся, впрочем, основной овощной культурой лишь у горных папуасов; остальные же племена предпочитают таро и ямс. Корнеплод таро, родственник с распространенным у нас комнатным растением аронником, образует реповидный клубень длиной до метра и весом до двадцати пяти фунтов. Некоторые его сорта сажают как на сухой почве, так и на болоте, и сухой таро, равно как и болотный, известен наряду с ямсом всем народам Океании. Однако ямс в отличие от таро — типичное вьющееся растение, растущее лишь на сухой почве.

О наиболее важном из культивируемых деревьях — саговой пальме мы уже говорили. Конкурирующим с ней плодовым деревом является хлебное дерево. Его черенки уже на четвертый год дают мучнистые плоды величиной с человеческую голову и весом от двух до девяти фунтов. Несмотря на то что хлебное дерево приносит немалую пользу, его разводит лишь одна обособленная группа папуасов на юге Новой Гвинеи; зато оно наиболее характерное дерево островов Микронезии и Полинезии. Пища новогвинейцев, содержащая белки, — это главным образом бананы. Мясо папуасы едят крайне редко, так как дичи, пригодной для охоты, на Новой Гвинее очень мало, а

свиней для жертвоприношения закалывают не так уж часто. Жиры дает кокосовая пальма. Она растет преимущественно в прибрежной полосе, но папуасы разводят ее и во внутренних районах острова.

Папуасы хорошо знакомы с культурой сахарного тростника. В сосудистых пучках его стройных стеблей высотой до шести метров содержится сахаристая сочная масса, которую туземцы высасывают. Это растение, родиной которого является Индия, разводят даже горные племена, живущие в глубине острова. Немаловажную роль (главным образом у горных племен) играет табак. Правда, папуасы его не столько курят, сколько жуют. Любопытно, что о табаке они впервые узнали не от европейцев. Различными способами узнавали они от других народов о наркотиках и способе разведения соответствующих культур, таких, как кава и бетель, характерных для полинезийцев и меланезийцев.

Одна из особенностей сельского хозяйства папуасов в том, что они держат животных и даже занимаются их разведением. Это тем более важно, что на Новой Гвинее количество диких животных и рыб все время сокращается и потому охота и рыболовство постепенно утрачивают свое значение. В связи с этим усиленно развивается свиноводство. Оно необходимо не только для питания, но и для культовых жертвоприношений. У папуасов несколько разновидностей домашней свиньи. За свиньями женщины ухаживают, как за детьми. Днем свиньи бродят на воле. Во избежание путаницы и споров с соседями на ушах свиней сделаны надрезы — своего рода клейма. На ночь животных загоняют в хлев. Держат папуасы и собак. Собака — верный спутник папуаса на охоте, она незаменима и во время травли одичавших свиней. Более всего распространена порода желтошерстных собак, встречаются и пятнистые. Для развлечения папуасы держат казуаров — их перья используют как украшение, — древесных медведей, забавных своей неуклюжестью, и «говорящих» какаду.

Папуасские женщины, как и многие женщины Европы, считают, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. Об этом красноречиво свидетельствуют полигамные браки: та жена пользуется особым расположением мужа, которая может похвастаться своим кулинарным искусством. Правда, у папуасов хорошая хозяйка не столько умеет разнообразить меню, сколько использовать всевозможные специи и овощи для гарнира. Однако для этого требуется не только хорошее знание местной флоры, но и немало труда — ведь все растения для приправы женщине приходится собирать самой. Труд папуасов нелегок, и удивительно, что они едят плотно

всего один раз в сутки — под вечер. Тот, кто хочет есть в другие часы, должен довольствоваться остатками трапезы, а если таковых не имеется, приходится утолять свой голод наспех поджаренными или просто сырыми клубнями или плодами.

Приготовление пищи у папуасов не есть чисто женская обязанность. Женщина приготавливает только растительную пищу, а мужчина готовит мясные блюда. И здесь исключения подтверждают правило.

В большинстве случаев папуасы, подобно австралийцам, тушат мясо и овощи в земляной печи, хотя они и знакомы с обжариванием их на костре или в горячей золе. Величина такой земляной печи зависит от числа едоков, участников трапезы. Различные племена в средней части Новой Гвинеи, а также папуасское племя байнинг на Новой Британии вместо земляной печи пользуются своеобразной духовкой, в которую закладывают приготовленные блюда попеременно с горячими камнями. Такую духовку устраивают либо в крупном куске коры, либо в выдолбленном бревне длиной примерно в метр. Хотя папуасы знакомы и с варкой в глиняных горшках, но этот способ приготовления пищи применяется лишь там, где владеют гончарной техникой или приобретают глиняные сосуды. Так, в глиняных сосудах варят пищу папуасские племена хинтерланда северной прибрежной полосы Новой Гвинеи и бассейна рек Сепик и Юат. Кухонная утварь папуасов, общавшихся с торговцами-европейцами, в свое время пополнилась жестяными канистрами и металлическими кастрюлями, что, впрочем, ее отнюдь не украсило. Несмотря на то что папуасы, живущие и в средних районах острова, уже знакомы со спичками, на Новой Гвинее еще кое-где существуют племена, добывающие огонь стародавним, дедовским способом. Применяемое для этой цели орудие похоже на «огневую пилу» австралийцев.

Папуасское приспособление для добывания огня состоит из продолговатого куска дерева, расщепленного вдоль примерно до половины. В щель, раздвинутую щепкой или камнем, запихивается сухая трава, служащая трuтом. Этот кусок дерева кладут поперек на бамбуковую или ротанговую тетиву и придавливают к земле ногами. Концы тетивы энергично оттягивают руками то в одну, то в другую сторону. Чтобы образующиеся деревянные опилки загорелись, тетиву нужно двигать очень быстро. Человек, добывающий огонь таким способом, будь он даже самым опытным и умелым мастером своего дела, буквально обливается потом. Через полминуты или минуту показывается дымок, и пиление сразу же прекращается. Туземец накладывает на брусок сухую траву и щепки и, стоя на коленях, раздувает искры. Трава и щепки загораются.

Этот неудобный способ добычи огня папуас всячески избегает. Он следит за тем, чтобы в очаге всегда оставалось несколько тлеющих поленьев. А если огонь заглохнет совсем, он, вместо того чтобы приниматься за утомительное пиление, предпочтет попросить огня у соседа[\[33\]](#).

Дома на сваях и деревьях

Благодаря развитию земледелия отпала необходимость постоянной смены места стойбища. Человек стал строить себе прочные жилища. Небольшие хижины для временного пребывания сооружаются лишь на отдаленных полях и в саговых рощах.

Несмотря на то что для строительства жилищ в этих широтах пользуются материалами преимущественно растительного происхождения, типы домов у разных папуасских племен весьма различны. Однако при более тщательном рассмотрении все эти жилища можно свести всего лишь к нескольким основным типам. Наиболее распространенный — дом на крепких деревянных сваях. До сих пор такую конструкцию объясняли тем, что селения папуасов находятся в затопляемых местах; однако против этого общепринятого объяснения возражает Тишнер, подробно исследовавший строительство жилищ на всех островах Океании. И вообще он считает, что существующие суждения о строительстве домов у папуасов случайны и «чисто гипотетичны». Взять хотя бы район реки Мимика на западе южной части Новой Гвинеи, где есть все предпосылки для строительства домов на сваях. При наводнениях хижины у реки Мимика оказываются под водой, и, несмотря на это, там не строят домов на сваях. С другой стороны, дома на сваях встречаются в горах, где как будто в этом нет особой необходимости.

К сожалению, мы знаем очень мало о том, как у народов, все еще находящихся на уровне каменного века, строят жилища, требующие значительных технических навыков и знаний.

Дома на сваях — это строения самой различной величины. Величина дома зависит от того, сколько человек в нем живет. В таком доме может жить одна семья, а может разместиться и целое селение. Свайные дома последнего типа известны преимущественно во внутренних областях Новой Гвинеи.

Исследователь Шульце-Иена описал один из таких домов у реки Октябрь, верхнего притока большой реки Сепик, следующим образом. В этом доме проживало свыше пятидесяти человек. Он был не менее семнадцати метров в длину, а со стороны фронтона имел десять метров в ширину и восемь в высоту. Дом стоял на двухстах(!) сваях на уровне четырех метров от земли. Чтобы проникнуть внутрь, приходилось взбираться по лестнице до отверстия в настиле. Через это отверстие посетитель попадал в своеобразную переднюю, открытую со стороны фронтона. Здесь хранились домашняя утварь и рыболовное снаряжение, тут же был очаг. Им обычно пользовались только пожилые женщины. Площадь передней — сорок квадратных метров. Она служила также и гостиной для всех жителей дома. За ней находилась такая же по величине комната — собственно жилое помещение, отгороженное перегородкой из кусков коры. Через узкое входное отверстие, через щели в полу и промежутки между стенами и кровлей проникал свет, и видны были опорные столбы крыши. На некоторых из них торчали воткнутые топоры, на стропилах виднелись суки для подвешивания сумок и корзин. В очаге на ротанговой решетке жарилась свинина.

К этому помещению сбоку примыкала ничем не отгороженная мужская спальня. Над лежанками на сваях висели луки со стрелами, каменные топоры и сумки, а также деревянные танцевальные барабаны в форме песочных часов и громоздкие музыкальные духовые инструменты из дерева. На них играли во время

культовых празднеств. С другой стороны главного помещения находилась женская спальня, отделенная перегородкой из кусков коры. Из жилого помещения, расположенного между двумя спальнями, посетитель, пройдя через небольшое отверстие в стене, попадал на заднюю веранду. На ней обычно располагались женщины с маленькими детьми. Крыша веранды, крытая листьями саговой пальмы, опиралась на сваи высотой не менее шести-восьми метров. Но при всей своей импозантности это строение не имело никаких украшений. Сваи были не отесаны, пласты коры не покрашены, без резьбы, без узоров. Хотя стропила в местах скрещения и были оплетены лианами, по-видимому, это было сделано не для украшения.

Подобные общие дома с островерхой двухскатной крышей встречаются и в северо-западной части Новой Гвинеи. Там также женщины и мужчины спят в разделенных помещениях. Они отделяются широким коридором, который проходит через весь дом.

В районе залива Гелвинка широко известны подобные дома с крышей, несколько напоминающей панцирь черепахи, а в долине реки Флай — с седловидной крышей. Как в той, так и в другой местности общие дома без свай были бы просто немыслимы, потому что в районе залива Гелвинка они стоят вдоль побережья прямо над водой, а в долине реки Флай — на илистой почве богатого осадками района залива Папуа. Там, на реке Флай, живут в длинных домах, растянувшихся на значительное расстояние. Мужчины спят во внутреннем неразделенном помещении, проходящем сквозь весь дом по всей его длине, женщины и дети — в комнатах, расположенных по обеим его сторонам. Размеры этих строений поистине грандиозны. Их длина — от тридцати до ста метров, самый большой на острове Киваи имел в длину ни больше, ни меньше, как сто пятьдесят четыре

метра! У такого дома фронтон — высотой и шириной в 8-10 м, пол лежал на уровне двух метров от земли. Конструкции этих зданий и искусству расстановки свай могли бы позавидовать даже европейские и американские строители.

Сквозь густые камыши и кустики дикорастущего водяного риса виднеется сверкающая поверхность болота. На ней, как сапфиры, сверкают голубые и белые цветы лотоса. Вот где раздолье водоплавающей птице — уткам, гусям, лысухам, цаплям и аистам. Но природа не забыла и о человеке. На небольшом возвышении в тени кокосовых пальм и бананов расположилось селение. Его единственный дом, похожий на огромный эллинг дирижабля, утопает в листве деревьев. На площадку перед домом можно взобраться по громадному бревну с зарубками. Это своеобразная лестница. Строительство дома началось несколько недель назад, так как прежний грозил обвалиться. На ветру развеваются расщепленные листья саговой пальмы, которыми юноши украсили стропила отстроенного здания.

Не откроют ли они нам свои тайны, не расскажут ли о бурном новоселье, об ужасном убийстве, совершенном старейшиной рода, о том, как он окропил кровью жертвы опорные сваи постройки, дабы уберечь новый дом от несчастья?

Первым в еще не достроенное жилище вселился старейшина рода Тото со своей семьей. А сейчас по мере того как отделяются помещения, в них поселяются остальные семьи. Все хлопочут и суетятся. Одни тащат свой скарб, другие сидят на площадке перед входом и балагурят. Знахарь Пия держится в стороне. Он сидит, подобрав под себя ноги. На его круглом черепе красуется плетеная ротанговая шляпа. В ней он похож на клоуна. Пия роется в четырехугольной плетеной сумке, лежащей у него на коленях. Из сумки он

извлекает плод величиной с грецкий орех. Это бетель. При помощи раковинки он неторопливо отрезает от него небольшой кусочек и обертывает его листиком перца. Этот своеобразный жевательный табак он с жадностью отправляет в рот. Затем подвигает к себе желтовато-коричневый сосуд из тыквы и просовывает в его узкое горлышко костяную палочку. Кончиком ее, как лезвием ножа, достает из пузатого туловища сосуда белый известковый порошок и осторожно вбирает его губами. На лице Пии полное блаженство. Он поглядывает своими карими глазами то на одну, то на другую группу рядом сидящих женщин. Пия то и дело выплевывает свою жвачку, и она летит дугой над площадкой.

Усевшиеся в кружок женщины на Пию даже не смотрят. Уж очень они заняты своим делом. Они плетут из длинных листьев пандануса большие циновки для лежанок, мелькают их проворные руки. Рядом с плетельщицами циновок работают две женщины, прикрепляющие к внутренней стороне конических остовов колючие ветки ротанговой пальмы. Они делают верши, которые будут подвешиваться на небольшом расстоянии одна от другой к канату, протянутому поперек реки. А в тени высокого фронтона мелькает какая-то странная женская фигура. Никто не обращает на нее внимания. Тело ее сплошь обмазано глиной. С головы свисает сетчатый мешок. Ее взгляд выражает полную апатию. Уж не прокаженная ли это? Нет, это Аи, вдова, скорбящая о своем покойном муже, павшем в бою. Жизнь потеряла теперь для нее всякий смысл, всякую радость. Пия замечает Аи. Он смотрит на нее глубоким, задумчивым взглядом. Не распознал ли ее дух умершего мужа даже под маскарадным нарядом и не лишил ли рассудка? Так размышляя, Пия достает из своей лубяной сумки очередную порцию бетельной жвачки.

Мужчина, жующий бетель

Исследователь Пауль Вирц, который много путешествовал по Новой Гвинее и там недавно скончался, установил, что общие дома в долине реки Флай вначале были населены членами одного рода. В последующие десятилетия можно было наблюдать, как меняется назначение этих домов. Такие дома, находящиеся поближе к восточному побережью, превращались в особые обрядовые помещения. Вход в них разрешался только мужчинам. Что же касается женщин и детей, то они жили в небольших хижинах, куда свободно могли входить женатые мужчины. По всей вероятности, красивые и оригинальные культовые дома в больших деревнях на Сепике вначале тоже были родовыми домами.

У большинства папуасских племен люди различного пола, как правило, живут в разных помещениях. Неженатым мужчинам разрешается ночевать только в мужском доме. В этом доме в любое время могут находиться также и женатые мужчины, но ни одна женщина не имеет права туда войти, если только запрет не снимается по случаю особого торжества. Эти величественные строения обычно являются также культовым центром селения. Здесь ведется подготовка к различным празднествам, изготавливаются и хранятся необходимые для этого принадлежности. Отсюда идут невидимые нити к миру духов и умерших.

Замужние женщины живут вместе со своими детьми в небольших отдельных хижинах, в которых пребывают и их мужья. Поэтому такие хижины носят характер семейных домов. Они также стоят на сваях, но по общему контуру и форме крыши они довольно разнообразны. Упомянем лишь некоторые из существующих типов строений.

Наиболее распространенный — это прямоугольный дом с фронтоном и двухскатной крышей. Коньковая балка у него либо прямая, либо седлообразная. Форма фронтона варьируется. Дома с односкатной крышей, похожей на школьную парту, встречаются только на юге западных районов Новой Гвинеи, между Оемаром и Мимикой. Кроме того, у живущих там папуасских племен существует тот же обычай, что и у малайцев, — пристраивать дома один к другому торцовой стороной, благодаря чему все селение размещается как бы в огромном длинном доме. В районе залива Гумбольдта есть четырехугольные дома с пирамидальной крышей. Лишь в немногих районах средней части Новой Гвинеи встречаются хижины с характерной конической крышей, которая опирается на стены, образующие цилиндр.

Юанаи бредет по пустынной деревенской площади, обрамленной стройными кокосовыми пальмами. Он

проходит мимо ребяташек и видит, как они запускают свои незамысловатые волчки — палочки с насаженным плодом. Юанаи направляется прямо к своему дому, одному из многих массивных строений на сваях у реки Сепик. Медленно взбирается он по лестнице-бревну, приставленному к его жилищу, и попадает в помещение, в каждом углу которого горит очаг. Это кухонные глиняные плиты. Над каждой такой плитой сушится на подставке рыба. Около плит на полу лежат сети, сумки, деревянные ложки и миски. Их приготовили женщины перед выходом на работу в поле. Вдоль стен стоят своеобразные сооружения, сплетенные из камыша. Это защищенные москитной сеткой лежанки. Кроме самого Юанаи и его жены в доме живут его три женатых сына. Сначала Юанаи кажется, что в доме никого нет, но вот за небольшой плетеной перегородкой мелькает чья-то тень. Это дочь Юанаи, которая уже два месяца не выходит из своей темной каморки и под строгим контролем пробудет там еще несколько недель, пока не завершится обряд инициации. Юанаи не обращает на нее ни малейшего внимания. Он что-то ищет на стропилах крыши, нависших над его лежанкой. Юанаи снимает с одного из стропил полдюжины длинных тростниковых стрел. Они неоперенные, но зато с острыми бамбуковыми наконечниками. Затем Юанаи снимает деревянный лук с туго натянутой ротанговой тетивой. В длину этот лук с рост человека. Свое оружие Юанаи осторожно прислоняет к стене, у которой стоит несколько деревянных копий с зубчатыми наконечниками. Юанаи вовсе не настроен воинственно, но оружие надо держать всегда наготове. Он хочет завершить работу над массивным деревянным щитом. Его руки испытующе ощупывают художественную резьбу. Если придется когда-нибудь всерьез воспользоваться этим щитом, то с него будет смотреть на врага страшный лик получеловека, полужверя с

огромными исступленными глазами, с неестественно крупным носом и длинным высунутым языком. Юанаи опускает в кокосовую чашу с белой минеральной краской деревянную палочку и уверенными мазками грунтует щит. Затем он опускает свою палочку в сосуд с кашеобразной охрой и этой яркой краской покрывает язык и глаза страшилища.

Юанаи рассматривает свою работу и вдруг слышит шум приближающихся голосов. Ах, не стоит отрываться, едва ли произошло что-нибудь особенное. Да и вообще, быть может, все это не касается Юанаи. Пока он, держа щит в руках, раздумывает в нерешительности, не пустить ли по белой грунтовке густые черные пятна, в дом с шумом вбегают двое мужчин. Это Дангуан и Вунджебаа. Едва переводя дыхание, Дангуан восклицает:

— Скорей, скорей! Мы только что поймали и прикончили казуара. Ты должен взглянуть на него! В нем столько мяса!

Юанаи пытается умерить их восторг. Но Вунджебаа перебивает Юанаи:

— Казуары ведь нынче совсем повывелись, и вдруг, вообрази, мы увидели у реки одного. Тут несколько парней с собаками окружили его и загнали в воду. Ты бы только видел, как ловко он плавает. Но это его не спасло. Уж мы постарались не выпустить его из воды.

— Да, нелегко было словить казуара, — прерывает Дангуан своего друга. — Но под конец казуар настолько устал, что нам уже нетрудно было его пришибить.

И Вунджебаа нетерпеливо просит Юанаи пойти вместе с ними. Юанаи уже разобрало любопытство, и он поспешно сходит вниз по бревну. А там наверху остается недокрашенный щит, с которого смотрят огромные кроваво-красные глаза чудовища.

Всюду, где живут папуасские племена, домов, стоящих прямо на земле, крайне мало. К ним относятся

прямоугольные дома с двухскатной крышей, например у племени маринд-аним на юге; дома цилиндрической формы с конической крышей у некоторых горных племен, например генде и мбовамб, и даже в форме пчелиного улья. Интересный образец домов этого типа встречается на острове Фредерика-Хендрика.

Бесшумно вздрогнул от толчка маленький стройный челн. Он врезался в илистый берег небольшого островка. Здесь на огромной заболоченной равнине близ населенного пункта Колепом великое множество таких островков. Томбо подтянул лодку и направился к небольшому возвышению, на котором среди зарослей камыша и мангровника стоят две различные по виду хижины. Одна из них похожа на гигантский улей пяти-шести метров в высоту и столько же в диаметре. Это спальная хижина семьи Томбо. Плотная камышовая кровля опирается на остов, сплетенный из крепких волокон саговых листьев, и свисает до самой земли.

Из небольшого, едва заметного дверного отверстия выползает женщина. Это Беха, жена Томбо. В спешке она не замечает своего мужа. Он идет за ней ко второй хижине. А это всего лишь крыша, крытая листьями, на четырех столбах. Здесь сидят две дочери Томбо. Беха подсаживается к ним. Они плетут капюшоны, необходимые им в этих широтах более, чем любая другая одежда. Папуасы всегда боятся попасть под тропический ливень, от дождя их буквально бросает в озноб. Но вот взорам женщин предстает Томбо. Встревоженные его внезапным появлением, они прерывают работу.

Селение с домами на деревьях

— Ты уже вернулся? — удивляются они. — А где же Туан и Лукки? Разве они с тобой вместе не возвратились?

Беха жестом указывает на небольшой догорающий костер перед сараем, где помещается их мастерская. На костре жарятся плоды пандануса, обернутые листьями. Томбо вождественно щелкает языком: плоды пандануса — его любимое блюдо. «Вкушая эти замечательные плоды, можно забыть все на свете», — думает Томбо. Он берет

одну из приготовленных трубочек. Женщины тоже не зевают. Они, причмокивая, поглощают мякоть плода и обсасывают маленькие косточки. От пандануса у Томбо поднимается настроение, и он начинает рассказывать. Его слушают с огромным вниманием.

Томбо со своими друзьями Туаном и Лукки ходил на днях в соседнее селение. Там задира Мери съязвил насчет его огорода. У Томбо, мол, ямс до того чахлый, что даже свиньи есть его не станут. Томбо был возмущен. Ведь любой подтвердит, что он и женщины его семьи от зари до зари трудятся на своем островке-огороде и до сих пор собирали неплохие урожаи. Просто Мери злился за то, что ни одна из дочерей Томбо не хочет выйти за него, Мери, замуж. Ну погоди, Мери, завтра возвратятся Туан и Лукки, и Томбо решит с ними, как тебе отплатить.

Женщины понимают, что их присутствие тогда будет нежелательным. Но Беха по опыту прошлых лет знает, что за такую обиду убивают. С тревогой смотрит она на Томбо. Наступает вечер. Беха ведет мужа и дочерей в хижину. Женщины располагаются внутри на высокой галерее, а Томбо внизу разводит небольшой костер и тщательно закрывает вход связкой камыша. Так только и можно спастись от кровососных москитов. Где-то вдалеке лают собаки. Временами тишина ночи прерывается криком какой-то ночной птицы. А по небу, как призраки, плывут причудливые тучки, предвестники дождя.

Самый своеобразный тип новогвинейского жилища — это дома на деревьях. Как правило, такие дома встречаются на Новой Гвинее лишь спорадически и ими пользуются в большинстве случаев как сторожевым постом или укрытием во время войны. Древесные дома как постоянное жилище существуют лишь на северо-западе. Там, несколько южнее северного побережья, в таких домах живет, например, племя криси. Жилища на

деревьях отнюдь не являются остатками доисторической эпохи. Это сравнительно позднее явление — следствие постоянных набегов враждебных племен. Обычно такие дома сооружаются на каком-нибудь крупном дереве и представляют собой своеобразные технические шедевры, построенные следующим образом. На уровне шести-семи метров от земли к вилообразным ветвям дерева, образующим опоры дома, привязывают горизонтальную прямоугольную раму — основу. Для сооружения «воздушного» жилища нужно выбрать оптимальный диаметр несущих стержней. Он должен быть достаточно малым, чтобы вся конструкция в целом не превысила допустимой нагрузки, и вместе с тем достаточно большим, чтобы несущие опоры выдержали нагрузку двух площадок — перекрытий и двухскатной островерхой крыши. Такие горизонтальные площадки, установленные близко одна над другой, мы часто видим на строительных лесах. Нижняя площадка папуасского воздушного дома, на которой помещается кухня, делается из коры саговой пальмы. Для верхней площадки используются доски из ствола пальмы кентии. Здесь находится сторожевой пост. Дома со сторожевыми постами расположены в местах, наиболее благоприятных в стратегическом отношении. Башня устраивается над крутым обрывом (высотой примерно в 11 м), под которым течет река, образуя естественный водяной ров. Вокруг простирается пойма реки, лишенная растительности, и поэтому вся окрестность легко просматривается, что очень удобно для защиты от вражеских нападений.

Чтобы уберечь свое селение от набегов, папуасы селились в самых глухих местах тропического леса, не строили никаких дорог, а дома свои сооружали на сваях, даже если в их местности никогда не бывало наводнений. Кое-где их селения окружены палисадами.

Эта защитная мера заимствована, очевидно, у племен, живущих на открытой местности. Там, где не было естественных средств обороны, приходилось возводить высокие оборонительные палисады с опускаемыми воротами. Такие селения находятся в долине реки Сепик. Многие папуасские племена, живущие на открытой местности, образовали весьма многолюдные селения, насчитывающие до тысячи жителей; они знали, что, чем крупнее селение, тем безопаснее в нем жить.

Каменные орудия

Тропическая природа создала папуасам Меланезии и особенно Новой Гвинеи более благоприятные условия для добывания пищи и строительства домов, чем австралийцам. Это не могло не сказаться на развитии технических навыков папуасов. В области материальной культуры они намного превзошли австралийцев. Решающим в их развитии оказался переход от необработанных каменных орудий палеолита к шлифованным каменным орудиям неолита. В этот период у папуасов появился каменный топор со шлифованным лезвием, сделавшим возможной более разнообразную обработку дерева. Известны две разновидности такого топора.

Наряду с обычным каменным топором, схожим с нашим колуном, у папуасов существует еще тесло, у которого рабочая часть расположена поперек рукояти. Для топора и тесла применяются наиболее твердые породы камня, долго не притупляющиеся при обработке даже самого твердого дерева. Когда орудие все же притупляется, лезвие затачивается при помощи воды и песка на каменном точиле. Клинок топора привязывается к крепкой деревянной рукояти ротангом, так что орудие оказывается намного прочнее австралийского. Если племя живет в болотистой местности, где для топора нет подходящего материала, то его выменивают у соседних племен.

По форме все клинки папуасского топора одинаковы — в поперечном сечении они похожи на линзу, — но по размеру весьма различны. Эти топоры за округлость их клинков называют валиковыми, хотя клинки не обладают, да и не должны обладать симметричной округлостью валика. Такой клинок толще

в середине и тоньше к лезвию и к обуху. Лезвие имеет закругленную форму. Клинок обладает поразительной симметричностью, достигнутой на глаз, без каких-либо измерительных инструментов. Он великолепно отполирован, и способ его полировки и поныне остается секретом папуасов.

Типы крепления клинка у разных племен или племенных групп различны. Распространение этих типов крепления является важным свидетельством исторических связей. Наиболее древний, распространенный на западе Новой Гвинеи, — проушковое отверстие, сделанное в утолщении рукояти, крепление без обвязки. Значительным техническим усовершенствованием можно считать тот тип крепления, при котором каменный клинок топора вделан в разделенную надвое втулку, вставленную в отверстие булавовидного утолщения рукояти. Такой клинок можно повернуть в любую плоскость, пользуясь им и как теслом, и как колуном. Топоры с креплением этого типа распространены на северном побережье острова в районе залива Гумбольдта и на юге у реки Флай.

Совсем иное крепление топора у папуасов средних областей Новой Гвинеи. Там к клинку прикрепляют разделенную надвое гильзу, которую вставляют в коленчатую рукоять. И клинок и рукоять обвязывают ротангом. У более древних видов таких топоров с коленчатой рукоятью клинок укрепляется без всяких гильз к короткой части рукояти. Особые типы крепления топора можно увидеть у племени мбовамб и у других папуасских племен средней части острова. Там клинок необычайно плоский и четырехугольный. Он помещен в расщелину одного из колен рукояти. Колено продолжено на такое же расстояние в противоположную сторону, так что топор имеет Т-образную форму.

Каменными топорами пользуются обычно при рубке леса, на постройке деревянных домов и лодок, а также

для изготовления мисок, барабанов или предметов культа. За них берутся обеими руками. Как правило, работают ими мужчины, хотя иногда ими пользуются и женщины, чтобы нарубить дрова для костра. А теперь посмотрим, как делается лодка-однодеревка, которая для папуасов, живущих на берегах рек, служит важнейшим средством передвижения, хотя кое-где пользуются и плотами.

Лодка-однодеревка с балансиром и укрытием (Рифовы острова)

Вот уже несколько дней, как речной волной прибывает к берегу плавучий лес. Все это время мужчины выискивали среди огромных бревен наиболее подходящее. И вот они вознаграждены за терпение: прямо к дверям дома выбрасывает волной стройный могучий ствол. Мужчины обхватывают его крепкими руками и общими усилиями выкатывают на берег. Тотчас

же каменными топорами обрубаются поломанные ветви. Каири, старейшина рода, пытливо оглядывает бревно.

— А где же Канибаи и Пара? — спрашивает он. — Они думают, что мы будем строить нашу семейную лодку без них?

— Ушли за листьями и ветками, чтобы прикрыть ими бревно, — отвечает старый Торо.

Против этого трудно что-либо возразить: ведь когда в работе наступит перерыв, который продлится несколько дней, бревно нужно будет защитить от солнечных лучей, ибо дерево не должно высыхать слишком быстро.

— Давайте обрубим его сверху, — говорит Каири и со всего маху ударяет топором по бревну. Остальные мужчины, распределив между собой работу, также обтесывают верхний срез ствола. Через несколько дней начнется выдалбливание лодки.

Внезапно шелест листьев и треск сучьев становится громче. Приближаются Канибаи и Пара, они сбрасывают с себя громоздкую ношу и берутся за топоры. Раздается неугомонный стук.

Каири обходит бревно. Он проверяет работу. Достаточно ли гладки и ровны будут края бортов? Понравится ли лодка жителям селения во время водных состязаний?

— Ну, на сегодня хватит! — говорит Каири. — Теперь накидайте на бревно веток. Через четыре дня мы снова придем сюда и воспользуемся сухой погодой.

Все подходят к куче хвороста, берут по охапке, бросают на бревно, и вскоре оно исчезает под густым покровом веток и листьев.

Четыре раза проплывает солнце по своему обычному небесному кругу. Каири первым приходит на строительство лодки и снимает с нее накиданные ветки и листья. Постепенно подходят и остальные. Теперь нужно правильно распределить работу. Чтобы в бревне

не было трещин, оно должно обсыхать постепенно. А для этого выдалбливать полость в лодке нельзя слишком быстро. В противном случае придется делать лишнюю работу, тогда понадобится заделывать трещины щепками или замазкой. Каири предлагает своим родичам долбить медленно, оставляя несколько перемычек, которые под конец будут выбиты.

— Я думал, мы будем выжигать лодку, — говорит Пара, — ведь так гораздо легче!

Каири задумывается, но сразу согласиться с Парой не решается.

— Ну ладно! — вдруг вырывается у него. — Тогда разводите небольшой огонь в том месте, где вы собираетесь долбить. Обуглившееся дерево, пожалуй, легче долбить.

— Когда лодка будет готова, — добавляет Торо, — обугли ее немножко снаружи, чтобы нашу замечательную работу слишком быстро не испортили ракушки.

— Не беспокойтесь, — отвечает Каири, — здесь все продумано. Но было бы лучше, если бы мы на некоторое время прервали работу. Пусть дерево просохнет!

Работа прекращается.

С тех пор трижды обновлялась полная луна. На берегу лежит аккуратно обструганный стройный челн-однодеревка с закругленным днищем. Он похож скорее на очень длинное корыто, нежели на лодку. Каири со своими сородичами завершает работу. На форштевне вырезается голова крокодила, держащего в своей пасти птицу. Каири шлифует резьбу кожей ската, чтобы поверхность резьбы была гладкой и лодку можно было легко покрасить. Остальные мужчины острыми обломками камня вырезают по краю борта волнистую линию. Она будет выкрашена в ярко-красный цвет. Каири приносит чашу из кокосового ореха с красной минеральной краской. Кисточкой служит ему пучок

шелухи со скорлупы кокоса. Ею он накладывает краску на борта лодки.

— Скоро ли начнутся лодочные состязания? — спрашивает Торо.

— Долго ждать не придется, — бодро отвечает Каири. — Люди йоу уже построили свою лодку, да и люди адиба не отстают.

— Тогда нам нужно торопиться, — говорит Пара. — Не забудь, Каири, что тебе еще надо сделать боевой щит для лодки.

— Уже сделал, — отвечает Каири. — Хочешь покажу? Идем! — и, не дожидаясь ответа, Каири идет к дому. Он быстро взбирается по качающемуся бревну на площадку.

— Вот он! — восклицает Каири, с гордостью указывая на стену. Торо одобрительно кивает головой. И в самом деле, у стены стоит палка, к палке прикреплен круг. А с круга глаза стилизованная маска.

— Я уже просверлил на носу лодки отверстие для этой палки. Думаю, что у нас получится здорово! А сейчас пойдем, еще раз взглянем на нашу лодку, украсим ее перьями и листьями и начнем готовиться к состязанию!

В настоящее время папуасы каменными топорами не пользуются, так как через европейцев уже знакомы с железными орудиями. В первые годы своего общения с европейцами папуасы работали кусками железных обручей, позднее — резцом рубанка, а нынче среди их орудий преобладают европейские железные топоры.

После появления белокожих колонизаторов захла еще одна замечательная техника обработки каменных орудий — сверление камней, которые насаживались на палку и служили боевой палицей. По свидетельству компетентного ученого Георга Хельткера, там, где живут папуасские племена, камни с таким отверстием применялись некогда шире, чем к началу европейской

колонизации, так как во многих районах Новой Гвинеи хотя и встречаются просверленные каменные наконечники, однако не как часть оружия, а лишь как загадочные орудия магии. Хёльткер полагает, что этот своеобразный способ обработки камня унаследован папуасами от некоего «предшествовавшего населения»; но он еще несколько десятков лет назад существовал лишь на весьма ограниченной территории в глубине острова (примерно между 6 и 7° южной широты). Как изготовлялись такие камни для палиц, нам известно благодаря некоторым удачным наблюдениям. Камню придавалась сначала определенная форма, но обрабатывался он после так, чтобы не задеть отверстие, просверлить которое стоило большого труда.

Эти камни, насаживавшиеся на упругий деревянный стержень, обычно тщательно шлифовались и полировались. Некоторые дискообразные наконечники имели удивительно правильную форму круга, точно его описали циркулем. Другие были шарообразными или овальными, третьи напоминали средневековую булаву. Нечто среднее по форме представляли собой каменные наконечники для палиц, похожие на ананас.

После того как камню придавалась определенная форма, в нем проделывалось отверстие. Так как железо папуасам было незнакомо, работа производилась при помощи заостренного куска камня, которым неумоимо колотили по одному и тому же месту. При долблении этим способом, называемым английскими исследователями *pecking* (от *to peck* — «долбить клювом»), получалось отверстие, сужающееся в глубину. Чтобы отверстие продолбить насквозь, каменотес переворачивал обрабатываемый камень и долбил его с другой стороны. Продолбленное таким образом отверстие имело биконическую форму с общей вершиной. Далее отверстие подвергалось обточке при помощи кораллов. В конце концов отверстие

становилось таким, что в него можно было воткнуть палку. Отверстие имело три с половиной сантиметра в ширину и достигало иногда двенадцати сантиметров в длину. Какая для этого нужна была выдержка, какой точный расчет!

Папуасские племена знали еще один способ просверливания отверстий, применяемый для изготовления украшений из раковин, которые нанизывались на шнурок. Для сверления в этом хрупком материале употреблялись маленькие обломки камня. При этом их держали просто пальцами.

Гончарное производство в одном из селений на юге Новой Гвинеи

Крохотный кусочек камня, приделанный к деревянной палочке, очень облегчал работу, однако папуасы не смогли додуматься до коловорота с

маховиком, нередко встречающегося у островитян Океании.

Если каменные орудия являются достоянием всех папуасских племен и даже там, где камней не бывает, например в болотистых местах, то глиняную посуду изготавливают и употребляют лишь в том небольшом районе, где имеется необходимый для этого материал. Здесь благоприятные условия способствовали возникновению особого промысла, который развился благодаря спросу со стороны соседних племен. Но не только папуасские племена были знакомы с изготовлением глиняной посуды. Горшки из глины делали и в других областях Океании. И все же любопытно, что из двух наиболее распространенных способов изготовления глиняной посуды — укладка глиняных жгутов спиралью и способ формовки — первый считается особенностью папуасов, тогда как второй в районе Тихого океана был введен меланезийцами. При изготовлении глиняной посуды способом формовки из комка глины делается заготовка, в которую сверху одной рукой ввертывается небольшой камень. Одновременно, держа в другой руке плоскую деревянную колотушку, бьют ею по заготовке снаружи и таким образом ее закругляют и выравнивают. Однако папуасы глиняную посуду делают совсем иным образом.

В тени своего дома среди разбросанной утвари сидят три женщины — мать с двумя дочерьми. На руках и ногах у них засохшие пятна глины. Женщины ведут оживленный разговор, громко выкрикивают какие-то слова, заливисто хохочут. Еще бы не быть им в хорошем настроении! Ведь они не работают в поле под палящим солнцем. А тут благодать, сиди себе в тени да лепи горшки. А горшки потом можно будет выменять на ямс у племен побережья. Обмен внесет разнообразие в меню и, кроме того, даст возможность поболтать с новыми людьми. Старшая дочь Ану берет в руки комок глины,

приготовленный ее младшей сестрой, и кладет его на лежащую перед ней широкую подставку, сделанную из листовлагалища саговой пальмы. Она отрывает от этого комка небольшой кусочек и ладонями скатывает из него длинный жгут, который передает матери. Мать уже успела выскрести щепкой внутреннюю поверхность большой глиняной чаши.

— Молодец, мать! — говорит старшая дочка. — Теперь бы тебе сделать небольшой узор по краям!

Мать критически оглядывает сосуд и отвечает:

— Нет! На этой чаше не надо. Узор сделаю на другой. — И она осторожно снимает сосуд с подставки и приставляет его к вылепленным сосудам, стоящим тут же в тени; затем берет у дочери из рук приготовленную глиняную колбаску, энергично прокатывает ее между ладонями, кладет на небольшую циновку и наворачивает спиралью. Ану снова подносит матери глиняную колбаску, и та производит ту же операцию.

— Смотри, Алил, и учись, — говорит мать младшей дочери, — жгуты должны плотно прилегать друг к другу! А когда ты их отшлифуешь, дно горшка должно иметь правильную форму, иначе сосуд разобьется! — Тем временем мать укладывает колбаски одну на другую по краю днища сосуда, возводя таким способом его стенки. Затем она велит дочкам натаскать хворосту, чтобы обжечь сосуды. И радуясь возможности вырваться из-под родительского надзора, девочки убегают.

Пышная тропическая растительность дает папуасам немало самого разнообразного полезного материала. Этот материал со временем использовался у них все более и более рационально. Взять хотя бы одежду. Мужчины и женщины носят, как правило, различную одежду, если не считать немногих племен в глубине острова, которые вообще ходят голыми. У большей части племен мужчины прикрывают свой срам кожей тыквы. Некоторые мужчины носят набедренные повязки из

крученых лубяных шнурков. Чем большим почетом пользуется носитель набедренной повязки, тем длиннее у него шнурки. Женщины носят чаще всего небольшую юбку из лубяных волокон. У племен западного побережья залива Папуа такие юбки делают из листьев саговой пальмы. Эти листья предварительно разрезают на полосы, выбивают, высушивают и красят. Для окраски их опускают в раствор желтой краски, получаемой из корней куркумы, или в ярко-красный сок плодов пандануса — любимого лакомства папуасов.

Женщины носят пучки волокон на поясном шнурке; пучки размещаются в различном порядке, что свидетельствует о различиях моды. Одни женщины носят совершенно замкнутую юбку, другие — две половинки, одну спереди, другую сзади, так что бедра остаются совсем открытыми; третьи ограничиваются единственным пучком волокон. Он продет между ног, а концы подсунуты под поясной шнурок. Как мужчины, так и женщины любят затыкать себе за поясной шнурок листья драцены и кордилины. Эти растения используются для надобностей культа, их даже специально выращивают в огородах. В «одеяние» из них облачаются главным образом при совершении магических обрядов.

Гораздо чаще из листьев или нарезанных полосок листьев различных растений сплетают плотные куски. Так, из полосок листьев пандануса делают цветные женские капюшоны, циновки для сидения и лежания, стены хижин, а из расщепленного бамбука — запястья. Для папуасских племен на западе острова типичными были крепкие нагрудники, сплетенные из ротанга. Кое-где из такого материала изготавливаются маски для культовых обрядов.

Из полосок древесного луба делают крученые шнурки, катая их ладонью по бедру. Луб заготавливают следующим образом: срубают ветви различных деревьев

и кустов, вымачивают их в воде, снимают кору и, наконец, отделяют полоски луба. Из лубяных шнурков в центральном районе острова плетут мужские и женские колпаки, а главное, сумки всевозможных размеров. Эти сетчатые сумки — наиболее характерные для Новой Гвинеи предметы материальной культуры. В больших крупно плетеных сетках носят тяжелые вещи. Делают это, как правило, женщины. Сетки поменьше и более мелкого плетения как своеобразный несессер для табака, бетеля и прочих мелочей употребляют мужчины. В художественном украшении этих сетчатых сумок проявляются богатая фантазия и хороший вкус. На этих сумках — плетеные узоры из крученых лубяных шнурков разных цветов. Коричневую, синевато-серую, черную, желтую и красную краски папуасы получают из всевозможных листьев, коры и корней; к сожалению, нам недостаточно точно известны способы изготовления этих красок. Во всяком случае туземцы знают целый ряд рецептов, по которым они могут создавать различные оттенки основных цветовых тонов.

Важная часть одежды папуасов — широкий (до 40 см) пояс из коры. Мужчины племени мбовамб повязывают вокруг тела полосы свежеснятой коры внутренней стороной наружу. Полосы скрепляются шнурками. Когда пояс подсохнет, снять или надеть его не так-то просто. Приходится буквально влезать в него или вылезать из него. Такие пояса распространены у племен северного побережья. Они, по всей вероятности, служили когда-то защитой от вражеских стрел, а позднее стали применяться только как украшение.

Кое-где из древесной коры делают своеобразную лубяную материю, которую полинезийцы называют тапа. (Тапа — самая распространенная материя на островах Полинезии.) Кору определенных видов деревьев скоблят и вымачивают, а чтобы размягчить, бьют по ней рифленым деревянным брусом, реже камнем, иногда

даже жуют. В конце концов образуется материал, похожий на ткань. Из этого материала делают налобные повязки и одеяла.

Танзор в наряде из перьев, в руках у него барабан

Добыча и переработка животного сырья у папуасов намного отстает от использования растительного материала. На Новой Гвинее слишком мало пушного зверя. Небольшие куски шкур древесных сумчатых применяются лишь как украшения, которые носят на голове и шее, и особой обработке не подвергаются. Процесс дубления кожи папуасам неизвестен. Зато

внимание новогвинейцев привлекают пестроперые наряды птиц. Жители Новой Гвинеи охотятся на пестрых попугаев, на ослепительных райских птиц различных видов и казуара. Наибольшее применение находят перья казуара. Эта бегающая птица встречается не так уж редко и, кроме того, дает довольно много мяса. Перья казуара в пучках, со вкусом подрезанные и уложенные слоями, обильно украшают длинные деревянные копья и весла. Гораздо чаще перья казуара надевают для танца либо в виде диадемы, либо в виде особого украшения волос на темени, когда эти перья подстригают «под щетку». К праздникам такими же пучками перьев украшают гребни, заколки для волос и браслеты. Из названных выше более мелких птиц многие племена чаще всего насаживают на шесты чучела или, как, например, горное племя мафулу, прикрепляют желтые, красные и зеленые перья определенных видов попугаев к широкой налобной повязке, что требует немалого труда. У племен внутренних областей острова из птичьих перьев делают даже мозаичные узоры, причем перышки либо наклеиваются на деревянное основание, либо, как, например, у племени мбовамб в центральных горах, привязываются к тонким бамбуковым палочкам танцевального шлема. У этого племени лишь немногие мужчины способны на такую тяжелую работу. Устроители празднеств соседних племен специально для этого приглашали их к себе.

Разнообразное применение находят кости и зубы животных. В давние времена зубы животных использовались очень редко; они были слишком большой ценностью. Наиболее распространенным украшением были клыки собаки и свиньи. В них у основания просверливали отверстие и нанизывали на шнурок. Никакой другой обработке они не подвергались. Некоторые племена северного побережья Новой Гвинеи разрезали пополам бивни кабана и на плетеной

ротанговой основе укрепляли их в лучеобразном порядке. Так делали нагрудное украшение. Из костей животных употребляли прежде всего большую берцовую кость казуара; один конец кости затачивался как острый кинжал. Таким же образом из костей свиньи делались крепкие скребки и лопаточки.

Но это еще не все. Специальной обработке подвергались также черепа умерших и убитых; в соответствии с определенными религиозными представлениями их препарировали, как будет показано ниже, для целей культа.

У папуасов, как и у австралийцев, существует разделение труда по половому признаку. Мужчины обычно обрабатывают древесину, камень, бамбук и кости. Женщины делают горшки, сумки, корзины, плетут и шьют. Некоторые работы выполняются как мужчинами, так и женщинами, например в поле или на строительстве дома. При этом, правда, мужчины берут на себя наиболее трудные участки. Но бывает и так, что мужчинам приходится делать чисто женскую работу. В этом смысле наиболее характерно племя мбовамб, живущее в центральном горном районе. Там при изготовлении циновок мужчины выполняют совершенно определенные задачи. Они собирают листья пандануса, распрямляют, сушат их на солнце, но чтобы они не стали ломкими, свертывают, не давая им высохнуть совсем. В таком виде листья хранятся. В случае надобности женщины достают их, сшивают костяными иглами и изготавливают циновки. Другой пример: в то время как плетением обычно занимаются женщины, у племени мбовамб эту работу выполняют только мужчины. Они плетут даже предметы, которые носят и употребляют исключительно женщины.

Всеми этими трудовыми навыками владеет каждый из папуасов. Но уже существуют предпосылки для профессионального разделения их труда. Нередко

отдельные люди и даже отдельные небольшие группы людей отличаются особо высоким мастерством. Иногда этому способствуют природные условия, когда селение или племя оказывается на территории своего обитания владельцем и, таким образом, монополистом ценного сырья, например глины, соли, камня.

Благодаря сравнительно совершенным орудиям производства папуасы создали немало таких предметов культуры, которых нет у австралийцев — кочующих охотников и собирателей. Появление этих предметов привело в свою очередь к повышению производительности труда. Люди поняли, что их изделия можно менять на те, которые они сами не производят, но в которых они испытывают потребность. Правда, межплеменные торговые связи усложнялись тем, что папуасские племена говорили на различных наречиях. Недоверие к людям иногоязычного племени нередко выливалось в открытую вражду. Поэтому не удивительно, что даже среди экономически более развитых племен мы находим еще примеры «немой торговли», признака первобытных отношений. Берман, один из наиболее известных исследователей бассейна реки Сепик, установил, что прибрежные племена, живущие у устья этой реки, ведут немую торговлю с племенами, живущими в соседнем болотистом районе, богатом саговыми пальмами. Один ученик миссионера, сопровождавший Бермана, показал ему однажды окруженную кустарником «рыночную площадь». Люди, живущие на побережье, в определенное время приходят на это место, складывают там рыбу и возвращаются обратно в свои селения. Они не сомневаются в том, что жители района саговых пальм оставят им там взамен свертки с саговой массой.

Межплеменная экзогамия, обычно соблюдаемая папуасами при вступлении в брак, также способствовала развитию дружественных связей за пределами

собственной территории и благодаря этому подготовила благоприятную почву для межплеменной торговли. У некоторых племен были даже специальные связные, устанавливавшие торговые отношения. Так, мальчики из деревни Малу на реке Сепик посылались на некоторое время в деревню Куомэ, находившуюся в глубине острова, и, наоборот, мальчики из деревни Куомэ посылались в деревню Малу. Вдали от родных мест они изучали чужой язык, чтобы со временем стать переводчиками и посредниками в межплеменных сделках и спорах. В тех местах, где общение племен не затруднено языковыми различиями, идет оживленная межплеменная торговля и люди одного племени нередко отправляются в далекую поездку к людям другого племени. Так общаются живущие в средних областях острова племени языка метльпа, насчитывающие около 40 тысяч человек. А там, где колониальные власти и миссионеры способствуют примирению племен, где забыты распри и охота за черепами, там развилась необычайно оживленная торговля, причем на весьма обширных участках. В этом отношении блестящим примером может служить племя маникор, живущее выше устья Торасси, пограничной реки между Ирианом и Папуа. Ежегодно мужчины каждой деревни этого племени совершают пешком торговые путешествия на запад до окрестностей Мерауке, резиденции голландских колониальных властей. Прежде они выменивали себе по пути нациновки и сумки бетель, табак и барабаны. Ныне они покупают у обосновавшихся там европейских и азиатских коммерсантов стеклянные ожерелья, топоры и ножи. Районов, находящихся севернее их маршрута, они избегают, потому что населения там немного и торговля кажется им маловыгодной.

Природа не балует новогвинейцев полезными ископаемыми. Места, богатые ими, всегда, как магнит,

притягивали к себе окрестные племена. Жизненно важное значение имели некогда залежи камней, пригодных для выделки топоров и каменных палиц. В горах Циклопов (южнее залива Гумбольдта), Астролябии и Оуэн-Стэнли в юго-восточной Гвинее и особенно в бассейне реки Джимми (центральный горный хребет) находились знаменитые «каменоломни» и рядом центры производства каменных орудий. Горы Эртцен богаты глиной, благодаря чему жители деревни Балай, расположенной в этих горах, поставляют многим окрестным деревням глину для гончарного производства. Особенно ценным минералом на Новой Гвинее всегда была соль. Источников соли у папуасов крайне мало, и соль, следовательно, — «дефицитный товар». Прилипшая к жареной пище корочка золы не восподняла в достаточной мере отсутствия соли. В центральных областях Новой Гвинеи известны лишь два соляных источника: один на территории племени энга, другой на земле племени мбовамб. Но этих источников не хватает для снабжения солью сотен тысяч людей. Поэтому соль стоит чрезвычайно дорого. Племя энга добывает это «белое золото», вымачивая в течение нескольких недель ветки определенных видов деревьев в морской воде. Когда ветки хорошо пропитаются соленой водой, их жгут на костре, окропляя их той же водой. Добыча соли в долине реки Ваги более совершенна. Здесь еще до прихода европейцев сложным способом добывалась сравнительно чистая соль.

Торгуют на Новой Гвинее и другим естественным сырьем. Так, жители гор хинтерланда юго-востока Новой Гвинеи всегда были поставщиками перьев, они снабжали прибрежные племена весьма ценным товаром: чучелами ослепительных райских птиц и особенно одного их вида — с красными перьями по бокам. В западной части залива Папуа важным предметом экспорта всегда была кожа болотной змеи. Она

отсылалась на север и восток, где употреблялась для обтягивания барабанов для танцев.

Торговля у папуасов всегда была лишь меновой, что делает ненужным единый эквивалент, такой, как наши деньги. Насколько широки были торговые связи отдельных племен, свидетельствует пример племени генде, живущего в горах Бисмарка. Хотя племена центрального горного хребта, к которым относится и племя генде, достигли в своем культурном развитии по сравнению с остальными папуасскими племенами удивительно высокой ступени, у них еще не отводятся особые места для рынка и не назначаются для торговли определенные дни. Конечно, у отдельных племен есть свои партнеры, с которыми они поддерживают регулярный обмен товарами. Так, племя генде, обитающее на северо-восточном склоне гор Бисмарка, торгует с племенем арава, живущим юго-западнее его, и с племенем куман, живущим по другую сторону гор, несмотря на то что эти горы высотой в 4000 м. Племя генде снабжает своих торговых партнеров ротангом и лианами, из которых делаются пояса и прочие вещи, овощами, плодами хлебного дерева, таро, ямсом и маниоккой, а также морскими раковинами и улитками, большей частью уже переработанными в ожерелья. Раковины и улитки люди генде покупают у жителей долины реки Раму. В этом случае торговцы из племени генде являются лишь посредниками, как и при торговле свиньями. Они покупают у племени арава поросят, откармливают и затем перепродают их обитателям долины Раму. Точно так же люди генде в больших количествах выменивают соль, которую переправляют племенам, живущим в глубине страны. Для нас выглядит в высшей степени современным тот факт, что племя генде поставляет племени арава луб определенных видов дерева, а люди арава из этого луба делают сетчатые сумки, которые отправляют тому же племени

генде, получающему таким образом готовую продукцию из собственного сырья. В порядке обмена племя генде получает от племени арава также каменные топоры, перья райских птиц и копья.

Другие торговые партнеры племени генде — жители долины большой реки Раму, которые поставляют генде не только свиней и соль, но также луки и стрелы, копья, бамбуковые трубки для курения, циновки и нарядные набедренные повязки. А жители долины Раму продают племени генде деревянные миски и глиняные горшки, но в первую очередь морских улиток и раковины, которые попадают к ним по торговым путям с побережья.

Торговые пути проходят обычно по суше. Повсюду, где только возможно, для перевоза товаров пользуются и водой. В отличие от густого тропического леса поросшие травами широкие равнины более пригодны для сухопутного сообщения. Поэтому там нередко можно увидеть исхоженные тропинки, ведущие в горы и на перевалы высотой в три тысячи метров. Через реки и ущелья переправляются различными способами, смотря по ширине преграды. Проще всего повалить стоящее на берегу дерево так, чтобы оно упало вершиной на другой берег. Нужно обладать особым умением туземцев поддерживать равновесие, чтобы перейти пропасть или реку по шатающемуся сырому и скользкому стволу, да еще на головокружительной высоте. Не менее опасен переход по висячему мостику, сооруженному хотя и весьма искусно, но всего лишь из ротанговых лиан между стволами двух деревьев, стоящих на противоположных берегах. Для сухопутной транспортировки груза люди, живущие в этих широтах, применяют лишь плетеные и сшитые сумки, перевязь которых женщины перекидывают через голову. У папуасов нет ни телег, ни волокуш, ни каких-либо средств передвижения на полозьях. Все это им совершенно неизвестно.

Однако на воде папуасы пользуются весьма мобильными средствами передвижения. Это стройные лодки-однодеревки длиной до 25 м, вмещающие до 35 человек. До чего уверенно и легко водят туземцы эти узенькие бескилевые суденышки! Пловец стоя гребет одним веслом, и лодка никогда не переворачивается. Для быстрого преодоления зарослей камыша лопатки весел, как хвост ласточки, раздвоены. Такими веслами без труда раздвигается плавающая трава и камыши, которых особенно много на реке Сепик. Разумеется, бескилевая лодка преодолевает подобного рода препятствия легче, чем обычная с килем. Период дождей — наиболее удобное время для передвижения по воде, так как в половодье исчезают все мели. Иногда река меняет свое русло. Тогда прибрежные селения через несколько лет оказываются уже не прибрежными. Чтобы не лишиться возможности водного сообщения, люди этих селений прорывают каналы. Берман и Резике, исследователи бассейна реки Сепик, в различное время установили наличие таких искусственных водных путей. Так, в селении Майдангер проведен канал длиной в 150 и шириной в 3 м, глубина канала 3–4 м. При этом необходимо отметить, что у туземцев не было ни лопат, ни современных землеройных орудий. Рыли они простыми палками-копалками, а грунт выгребали деревянными мисками, а то и голыми руками.

У жителей приречных селений наиболее распространенным средством передвижения по воде служит лодка-однодеревка. Это неотъемлемая часть их быта. Число таких лодок в селении намного превышает число домов. В селении Каулагу на реке Сепик, насчитывающем 48 домов, 80 лодок-однодеревок, а в селении Енчемангуа с 33 домами таких лодок 90!

Большая плотность населения Новой Гвинеи (по сравнению с Австралией) способствовала развитию торгового предпринимательства папуасов. Некоторые

папуасские племена установили торговые отношения даже с европейскими захватчиками и сразу же подладились к их вкусам. Туземцы быстро сообразили, что европейцам нравятся резьба по дереву и статуэтки, и во многих районах острова стало развиваться производство изделий, предназначенных исключительно для белокожих. Конечно, теперь, когда папуасы пользуются современными металлическими инструментами и анилиновыми красками, изделия новогвинейских кустарей уже далеко не прежнего качества и все же всегда находят своего верного покупателя в лице приезжающих сюда со всех концов света праздных туристов.

Сколько стоит жена?

На севере Новой Гвинеи, в средней части района, в котором живут папуасские племена вевек и бойкин, есть «озеро духов». В одном из туземных мифов рассказывается о том, что когда-то, в очень давние времена, духи извлекли из этого озера людей, и те стали жить на суше. Со временем их стало очень много. Однажды люди шли по широкой равнине и присели отдохнуть. Вдруг откуда ни возьмись на них напал целый рой ядовитых ос. Тут люди и разбежались во все стороны. Одни помчались на восток, другие на север, третьи к реке Сепик. Но укусы ос были настолько сильными, что у многих стал «заплетаться язык». Получилось так, что отдельные группы людей перестали понимать друг друга и каждая такая группа стала говорить на своем языке. Когда люди опомнились от этого ужасного потрясения, они стали думать над тем, какой им установить правильный порядок бракосочетания. Вначале мужчины отдавали в жены своих сестер и брали себе в жены чужих сестер. Но и такой порядок никого не удовлетворил. После долгой неразберихи согласились наконец на том, что все люди должны быть разделены на две части — группу белого попугая и группу черного ястреба — и что каждый мужчина должен брать себе жену из другой группы. С тех пор так и повелось.

Женщина со свадебным украшением, ожерельями из раковин (юго-восток Новой Гвинеи)

В этом вкратце изложенном мифе одного из папуасских племен отражены отношения людей в пределах большой общины. Последняя состоит у всех папуасских племен по меньшей мере из двух брачных классов, из которых каждый ассоциируется с каким-нибудь животным. Это животное считается либо духом-хранителем брачного класса, либо его духом-предком. Однако тотемические представления, с которыми мы уже познакомились на примере австралийцев, лишь позднее добавились к упомянутой системе брачных классов. Оба явления — система брачных классов и тотемизм — существенно влияют на жизнь папуасской общины. Они укрепляют чувство сплоченности и товарищества и прежде всего упорядочивают взаимоотношения полов. У папуасов уже есть здоровое ощущение неприязни к бракам людей одной крови. По их представлениям, тот, кто посягает на тело от собственной плоти и крови, совершает грех кровосмесительства. Но у папуасов понятие кровосмешения гораздо шире, чем у нас. У них строго порицаются браки людей одного брачного класса, одного тотема. Когда-то нарушение этого обычая каралось смертью.

Тем самым выбор мужа или жены строго ограничивался. Но и при соблюдении этих неписаных законов о браке люди не могли просто соединиться до тех пор, пока жених не уплачивал выкуп. В чем был смысл такого обычая? Дело в том, что каждая женщина нужна своему роду как рабочая сила. Когда она выходит замуж, ее род, теряя рабочие руки, требует компенсации. Эта компенсация у отдельных племен выражена в весьма простой форме: как и в рассказанном мифе, отдать девушку в чужую родню приходится и семье жениха. Следовательно, происходит двойной брак, при котором брат жены оказывается мужем сестры того же мужчины. Если подобный обмен девушками

невозможен, утрата рабочих рук компенсируется в иной форме. Компенсация дается в виде уплаты выкупа, чаще всего продовольствием и вещами. Размеры выкупа определяются не столько красотой девушки, сколько степенью уважения, которым пользуется в общине семья, получающая компенсацию.

Этот обычай привел к тому, что во многих папуасских племенах отцы уже заранее подыскивают подходящего спутника жизни для своих подрастающих детей. Здесь, как и у австралийцев, существует обычай помолвки детей. Отцы обоих будущих супругов скрепляют свой уговор торжественной трапезой и с этого дня считают себя друзьями. Такой уговор признается и всеми жителями селения. Нередко бывает, что, когда помолвленные дети подрастут, некоторое время мальчик живет в семье помолвленной с ним девочки, а девочка — в семье помолвленного с ней мальчика. В чужих семьях будущие супруги подвергаются как бы испытанию.

У племен центральных гор существует вид сватовства, который нам, европейцам, более по нутру, так как в этом случае проявляются личные симпатии. Юноши и девушки одного селения встречаются в каком-нибудь заброшенном домике и поют там песни. Нередко на спевку приглашаются юноши-ровесники из соседних селений. Молодежь усаживается как попало у костра. Каждый юноша может здесь свободно выбрать себе невесту, каждая девушка — жениха. Эта торжественная встреча происходит в час, когда начинают сгущаться сумерки. Всей этой церемонией руководят несколько солидных женатых мужчин. Они запевают песню, которая подхватывается парой справа и переходит по кругу от одной пары к другой. Затем организаторы встречи запевают другой куплет, который проделывает тот же путь. Плавное и задушевно звучат молодые голоса, и сидящие парами юноши и девушки нежно

склоняются друг к другу. Через несколько куплетов происходит обмен местами, но меняются только юноши, они передвигаются на два места дальше по кругу. Начинается новая песня, которая точно так же переходит от одной пары к другой. И так всю ночь. При всей благопристойности совершаемой церемонии случается, что та или иная парочка вдруг исчезнет в темноте. Никто не относится к этому с осуждением. Напротив, подобного рода знакомства одобряются. Люди племени генде, о которых мы уже рассказывали, так и говорят: «Если юноша и девушка приглянулись друг другу на спевке, то они и после свадьбы всегда будут вместе. В иных же случаях нельзя поручиться за прочность брака». Следовательно, брак по любви и у папуасов оказывается прочнее брака по расчету.

Ни для кого не секрет, что Нори ищет себе жену. Уже не раз поведывал он ветрам свою тоску по любимой.

— Где же девушка Кен из племени покатель? — жалобно причитает Нори. — Я сижу на берегу Кломанта и зову ее! Услышать бы мне только ее голос, и я смогу радоваться жизни.

Кен, младшая дочь старика Мара, завладела сердцем Нори, и вот несколько дней тому назад Нори решился наконец через своего брата послать свинью в дар старику Мара. А сегодня в селении все очень взволнованы. Нори выставит на всеобщее обозрение ценные вещи, которые предназначил для семейства своего будущего тестя как выкуп за невесту. Тут семнадцать хорошо обработанных и заточенных каменных топоров. На первый топор Нори осторожно положил четыре сверкающие как золото перламутровые чаши и нагрудное украшение, сделанное из трех панцирей подводной улитки. Но это еще не все. Рядом он положил полдюжины плотных четырехметровых снизок раковин каури, такой же длины снизку панцирей улиток passa и пять крупных овальных панцирей

ослепительно белой улитки ovula. Родичи Нори — люди состоятельные. Но на сей раз они показали такие сокровища, которые никому и во сне не снились. Внимательно рассматривают жители селения драгоценности.

— Да, неплохие вещички, — замечают они, — видать, не на наших горах растут. Тут все с берега морского, все от племени к племени переходило. Стоит, конечно, не дешево. Что ж поделаешь, не каждому суждено быть богатым!

Когда солнце достигает зенита, родичи Нори складывают подарки жениха и отправляются в селение невесты. Но самому Нори приходится остаться дома, таков уж обычай. Тем временем маленькая Кен принарядилась. Женщины так натерли ее свиным жиром, что все ее коричневое тело заблестело, как полированное красное дерево. Обильно смазаны жиром даже ее плетеный пояс и свисающая с него бахрома набедренной повязки. А по случаю особого торжества невеста провела себе по лбу и до самого кончика носа широкую желтую полосу и надела налобную повязку из белого меха древесного медведя. И вот Кен застыла в ожидании, стоя позади молодых мужчин, встречающих гостей. Первым появляется старый Ко, выступающий в роли свата. Ко исполнен чувства собственного достоинства. В правой руке он держит дорогой церемониальный топорик, грудь его украшена множеством ожерелий из перламутровых раковин, а это целое состояние! Что и говорить, вид у него внушительный! И вдруг все голоса стихают. Это посланцы Нори расстилают циновку и торжественно кладут на нее выкуп за невесту. Такие церемонии уже не раз бывали в их родной деревне.

Старик Мара доволен тем, что семейству Нори дорого обойдется свадьба. Но и он скрягой не будет и дочь свою снабдит хорошим приданым. И вот старик

Мара закладывает в большую сетчатую сумку шесть каменных топоров и сочную хребтовую часть двух тушеных свиных туш. Перевязь сумки с подарками Мара перекидывает через голову дочери. Другие родичи невесты тоже хотят внести свою долю в приданое. Они кладут рядом с расставленными для выкупа вещами невесты несколько свиней.

Через некоторое время главный сват Ко медленно выступает вперед. Серьезным тоном говорит он:

— Все мои родные умерли. Я же всего лишь маленький, незаметный человек. Поэтому не взыщите, что так мало вещей ставлю на выкуп невесты!

Ко смущенно смотрит на своих сопровождающих, и тогда на его место выходит Айе и повторяет те же слова. Мара и его братья взволнованы. Они подбегают к главному свату, всплескивают руками и восклицают:

— Нам всего достаточно! Вы же принесли массу вещей!

И вот Мара усаживается перед расставленными дарами. В одну руку он берет только что подаренную сверкающую перламутровую раковину, в другую — свою собственную. Испытующим взглядом рассматривает он обе вещи. Медленно поворачивается он к мужчинам своего семейства и спрашивает:

— Вот, посмотрите, одинаково ли ценны обе вещи?

Мужчины с любопытством подходят поближе. Они основательно, с подчеркнутой обстоятельностью рассматривают обе раковины. Им нравится подаренная раковина.

— Раковина что надо! — восклицают они.

Подаренную раковину Мара снова кладет к выкупу, а собственную, в счет приданого, вешает дочери на шею. Смотр даров, предназначенных для выкупа невесты, продолжается. Он то и дело прерывается восторженными возгласами. На лицах присутствующих

родичей жениха и невесты сияет довольная радостная улыбка.

А вот и Кен. На ней столько всего понавешено, что она еле продвигается сквозь толпу гостей. Отец передает ей еще один топор, она держит его в руках, а рукоять кладет на плечи. И вдруг по щекам Кен катятся слезы. Грустно и ее друзьям, жаль расставаться с Кен. Из толпы гостей выходит дядя невесты, брат старика Мара, берет ее за руку и подходит вместе с ней к старику Ко, другу и доверенному лицу жениха.

— Помни, что Кен еще очень молода, относись к ней бережно и терпеливо!

Ко нарочито резко хватает девушку за руку и подводит к матери Нори. Старуха пришла вместе с шествием сватов и скромно уселась где-то позади всех гостей. Отныне Кен будет находиться на ее попечении.

Пока процессия с невестой готовится в путь, брат старика Мара разрезает бамбуковым ножом тушеную свинину. Каждый отдавший что-либо в приданое невесты получает порцию мяса. Даже пришедшие сюда из чистого любопытства, и те не уходят с пустыми руками. Постепенно толпа рассеивается, и жители деревни невесты расходятся по домам. Уходят и сваты Нори. Кен идет рядом со своей будущей свекровью. А та всю дорогу утешает ее. Мужчины, мол, очень довольны, все прошло хорошо. А ведь не всегда так бывает. Ко еще не забыл, как печально завершилось одно сватовство. Это было в тот день, когда он был сватом своего покойного друга и родственника Кундитла. У Ко развязался язык, и он рассказывает своим попутчикам, как родственники невесты догнали тогда возглавляемую им процессию. Неистово размахивая руками и крича во все горло, мужчины из семейства невесты потребовали отдать ее назад. Они были недовольны выкупом. Чтобы успокоить возмущенное семейство невесты, Ко

пришлось тогда пустить в ход весь свой дипломатический талант.

Процессия подходит к деревне жениха. Женщины деревни уже вышли встречать сватов и невесту. Они обнимают невесту, от души ее поздравляют, и Кен быстро преодолевает смущение. Однако Нори пока еще не смеет приближаться к своей невесте. До самого дня свадьбы Кен должна находиться в хижине будущей свекрови.

Проходит несколько месяцев. За это время Кен неплохо помогала своей будущей свекрови по хозяйству. Она сажала бататы, выкормила трех свиней. Теперь молодая хозяйка на славу угостит свининой всех, кто подарил ее будущему мужу что-нибудь для выкупа.

И вот наступает день, когда празднично наряженные новобрачные вместе с Торе, свадебным церемониймейстером племени, спускаются к реке. За ними вслед шествуют многочисленные родичи. Жених ударом палицы убивает свинью, которую двое крепких юношей притащили на шесте. Церемониймейстер Торе быстро достает из маленькой корзиночки женскую набедренную повязку и окропляет ее кровью убитой свиньи. Затем он вешает эту набедренную повязку на один из воздушных корней, свисающих целыми гроздьями с крон гигантских деревьев. Это жертвоприношение духу Караво. Торе молча подходит к кустарнику. Все уже знают, что он ищет волшебные растения. Мужчины на берегу реки устраивают земляную печь и опаливают на ней тушу свиньи. Нори бамбуковым ножом разрезает тушу на крупные части. К костру подходит Торе, в руке он держит пучок растений, которые растирает над кусками мяса; затем обертывает куски листьями и укладывает на горячие камни земляной печи. Все усаживаются на траве, а церемониймейстер берет за руки жениха и невесту и подводит их к реке. Смущенные Кен и Нори стоят на

берегу, а Торе тем временем окунает в воду пучок из перьев казуара и несколько веток нгорики. Произнося заклинание, Торе машет этим веничком и так окропляет жениха и невесту водой, затем приводит их назад к костру. Этот момент для всех — большая радость: ведь теперь можно вынуть из земляной печи ароматные свертки с едой. Торе еще раз посыпает мясо растертыми листиками волшебных растений и снова произносит заклинание. Затем он кладет в рот жениху и невесте по пареному клубню сладкого картофеля и по куску мяса.

— Ешьте! — восклицает Торе. — А теперь идите с миром и живите вместе.

Кен и Нори становятся супругами.

Уплата выкупа за невесту у всех папуасских племен — неперемное требование, предъявляемое жениху. Стоимость и вид уплаты выкупа различны. У племени вевек северного побережья Новой Гвинеи наряду с ожерельями из собачьих зубов и раковин улиток самой драгоценной вещью считаются браслеты, высверленные из отшлифованных раковин. Ныне, как и прежде, за невесту необходим выкуп, но мерило ценностей изменилось. Главной ценностью считаются теперь железные топоры и английские фунты.

Не каждый жених в состоянии уплатить выкуп за невесту. Тут-то и приходят на помощь родственники. А если у молодого мужчины таких родственников нет, ему, бедняге, приходится оставаться холостым. С другой стороны, состоятельные мужчины могут иметь несколько жен, хотя полигамия — явление не частое. Основания для многобрачия не столько эротического, сколько экономического свойства. С числом жен растет достаток мужчины, а вместе с ним и его престиж. У такого мужчины бывает большое потомство, способствующее в свою очередь увеличению его богатства.

Появление детей в любом случае приветствуется. У папуасов, как и у нас, дети укрепляют брачные узы. Иногда при бездетном браке мужчина возвращает жену ее семейству и требует назад весь выкуп. Поэтому вполне понятно, что у папуасов в противоположность австралийцам детоубийство не только не принято, но, наоборот, бывает чрезвычайно редко. Зато папуасам известны средства удаления плода при беременности. Если папуасские супруги не хотят иметь детей, они прибегают к колдовству. На самом деле беременность часто не наступает в силу длительности периода кормления предыдущего ребенка. Папуасские женщины не отлучают от груди своих детей нередко свыше трех лет.

Когда женщина чувствует приближение родов, она уходит из дому в небольшую хижину, находящуюся где-нибудь на отлете в тени кустарника. Там за роженицей ухаживает ее мать или другие женщины, родственницы или подруги. С этого момента муж избегает своей жены, и, кроме того, ему приходится воздерживаться от некоторых блюд, чтобы не нанести вред ребенку. У племени мбовамб в центральной части Новой Гвинеи муж в таких случаях приносит духам предков жертвы, для чего закалывает свинью, а свиньи в тех местах большая ценность. Чтобы уберечь новорожденного от многих опасностей, подстерегающих его в начале жизненного пути, женщина тоже должна воздерживаться от многих блюд.

Родившийся ребенок сразу же причисляется к семейству своего отца (отцовское право). Правда, у мбовамбов сохранился еще обычай, оставшийся от некогда существовавшего материнского права. Согласно этому обычаю, ребенка признают членом семейства отца лишь после того, как отец устроит пиршество для родных своей жены.

Новый гражданин земли привлекает внимание общины лишь тогда, когда он получает имя. Это происходит у различных племен в различное время. В районе залива Папуа имя ребенку дают через четыре недели после рождения. Туземцы объясняют этот обычай тем, что тогда-де у ребенка впервые появляется улыбка — несомненный признак присутствия души. У других племен до наречения ребенка может пройти даже целый год. Наречение производится одним из родственников, чаще всего братом матери ребенка. Происходит это без всяких церемоний. Дядя передает для ребенка подарок, скажем, свинью, сетчатую сумку, какое-нибудь украшение вроде кольца из раковины или пояс.

У племени мбовамб имена даются по названию животных или растений, у генде также по названиям животных и растений, но по имени деда или бабки. В районе залива Папуа не довольствуются только одним именем. Ребенку дополнительно дают имена выдающихся людей, что связано с верой в переселение душ.

Из веры в переселение душ у племенной группы маюб возник жестокий обычай добывать череп какого-нибудь человека, именем которого должен быть наречен ребенок. Набег на вражеское селение совершался на рассвете. В этом случае человека не рубили сразу насмерть, а старались сначала лишь ранить, чтобы узнать его имя, после чего жертве бамбуковым ножом отсекали голову. Новорожденный нарекался именем убитого. У всех этих народов имя — это не просто «звук пустой». Имя для них как бы сосуд, содержащий психическую жизненную силу человека. Чтобы обрести власть над ней, достаточно произнести имя. Отсюда понятен своеобразный запрет произносить свое имя или имя своей жены.

Папуасы горячо любят своих детей, но часто, особенно в первые годы их жизни, не дают им необходимого воспитания. В этом повинен скорее всего длительный срок кормления — ведь подросшие дети все еще остаются грудными. Самых маленьких, еще совсем не одетых папуасские женщины носят в корзинках или сетчатых сумках спереди или на спине. Для детей, которые уже могут сидеть, женщины племени маринданим на юге Новой Гвинеи изготавливают плетеные сиденья, укрепляемые на спине. Таким способом женщины могут носить с собой детей на большие расстояния.

Как и все экзотические народы, папуасы не ведут записи рождений, по которым можно определить возраст человека. Зато все люди распределены у них по возрастным группам, имеющим определенное обозначение. Принадлежность человека к той или иной возрастной группе распознается по его наряду. Примером в этом отношении могут служить племена маюб на юго-западе Новой Гвинеи. У них мальчики и девочки младшего возраста носят на груди две перекрещивающиеся плетеные ленты, на руках выше локтя браслеты и на шее ленты с семенами плода коикс. Если девочкам повязывают вокруг пояса простой шнурок, то у ровесников-мальчиков — шнурок с бахромой из лубяных волокон. Девочкам и мальчикам уже в этом возрасте прокалывают уши и в отверстия на мочках втыкают бамбуковые палочки. Через несколько лет наряд меняется. Мальчики перестают носить перекрещивающиеся нагрудные ленты и пояс с лубяной бахромой, зато на их руках появляются браслеты из высушенных яичек кабана. Примерно в возрасте десяти лет число браслетов увеличивается, кроме того, браслеты надеваются на предплечья и икры ног. Девочки начинают носить набедренные повязки из крашенных лубяных полосок.

С момента достижения брачного возраста, который торжественно отмечается целым циклом различных обрядов, наряд выглядит наиболее пышно и затем во время свадьбы дополняется некоторыми деталями. Самый важный отличительный признак девушки, достигшей брачного возраста, это лубяные косички, которые она вплетает себе в волосы. Таких косичек около девяти! Как девушки, так и юноши брачного возраста носят набедренную повязку из большой раковины или — так как это вещь довольно дорогая — из скорлупы кокосового ореха. Юноши носят, кроме того, налобные повязки, ожерелья из ротанга, а также браслеты на руках, икрах, лодыжках. Юноши опять носят на груди перекрещивающиеся ленты, но теперь на них наклеивают семена плода коикс. В проколотых мочках ушей висят кольца из гнутых стержней перьев казуара, в носовой перегородке костяным шильцем или деревянным шипом проколото отверстие. Достигнув возраста владения оружием, юноши надевают на руки высокий плетеный ротанговый браслет, поддерживающий лук. Этому браслету надлежит принимать на себя отдачу тетивы.

Если в туалет девушки входят сумка и палка для выкапывания клубней, то неотъемлемой частью наряда юноши являются оружие и средства защиты. Сюда относятся прежде всего бамбуковый, реже деревянный лук с ротанговой тетивой и длинными неоперенными тростниковыми стрелами, на которые насажены деревянные или бамбуковые наконечники, украшенные затейливым узором; длинные деревянные копья с резными зубцами на конце или с насаженным бамбуковым наконечником; круглый или овальный щит, который, впрочем, известен не везде; мечевидные деревянные палицы и такие же палицы с тяжелым в виде симметричного диска, шара или звезды каменным навершием, в котором тщательно просверлено

отверстие для крепления. Более примитивные папуасские племена носят тяжелые ротанговые панцири, а племена, пришедшие на остров позднее, пользуются копьеметалками в виде расколотого вдоль бамбукового ствола. От австралийской копьеметалки они отличаются лишь по форме, но у них то же применение и то же действие.

В пожилом возрасте папуасы становятся менее суетными и перестают носить многие украшения. Старые люди лишь прикрывают срам да носят несколько браслетов на руках и ротанговое кольцо на шее.

Люди определенных возрастных групп из суеверных побуждений уродуют себя, просверливают отверстие в носовой перегородке, а то и в обеих стенках ноздрей, прокалывают мочки и края ушной раковины. У некоторых папуасских племен принято даже иметь рубцы на теле, которые делаются весьма искусно. Кожу царапают заостренным инструментом и в кровоточащую рану втирают золу или какую-нибудь едкую жидкость. Больное место вздувается, и образуется шрам.

Жизнь людей каждой возрастной группы у папуасов, как и у многих других народов, издавна проходит по заранее предписанному пути. Первые годы их жизни отмечены счастливой беззаботностью детства. В юности папуасы проводят свой досуг в различных играх. Мальчики состязаются в метании копий и стрельбе из лука. Правда, папуасы не устраивают столь крупных состязаний в борьбе или владении оружием, как полинезийцы. Зато у папуасов очень популярны игры в веревочку с волчками, которые когда-то имели магический смысл. В игре малыши подражают взрослым, их труду, к которому детей постепенно приучают родители. Женщины знакомят дочерей с их будущими обязанностями, отцы — сыновей. Со времени наступления половой зрелости — этого чрезвычайно важного скачка в жизни человека — мальчики и девочки

строго разобщены. Там, где семья живет под одной крышей, мужчины и женщины спят раздельно. Если в селении есть специальный дом для неженатых мужчин, мальчики поселяются в этом доме. Мальчики и девочки обучаются жизневедению и религии, что входит в комплекс обрядов инициации. Их знакомят с историей племени, с его законами, обычаями и обрядами. Лишь после этого они считаются взрослыми.

Девочки за игрой в веревочку

Общественная структура папуасских племен столь же пестра, как и картина материальной культуры. Племя расселено по нескольким деревням, общины которых состоят из отдельных семей, входящих в роды — более крупные объединения с общим мифологическим предком. Эти роды экзогамны, то есть людям одного рода не разрешается вступать в брак между собой. Казалось бы, при гораздо более развитом, чем у

австралийцев, хозяйственном укладе руководство деревней или всем племенем должно быть в руках одного какого-нибудь человека, скажем вождя... Однако ничего подобного у папуасских племен нет. У них все еще существует господство старших. На реке Дигул самым почетным человеком в селении считается самый старший. Правда, он не наделен никакой властью и никто ему не обязан повиноваться. Лишь при устройстве празднеств и колдовстве он несет некоторые функции, заключающиеся, однако, только в отеческих советах. При всем уважении к нему все взрослые мужчины, в том числе и неженатые, имеют неограниченную свободу действий. Так, каждый мужчина может сам мстить за обиду, нанесенную ему или его семье, — за измену жены, кражу урожая и так далее. В мести ему содействуют друзья, и никто не откажет ему в этом, ведь обидеть могут каждого. Любопытно, что наиболее примитивные отношения, схожие с традициями австралийцев, существуют как раз у наиболее древней группы папуасов, а именно у племен реки Дигул.

Старшие в роду пользуются почетом у всех папуасских племен, и хотя в различных местах острова «форма правления» варьируется, основа ее везде одна и та же: почитание старших. По системе правления весьма прогрессивно южногвинейское племя маринд-аним, подробно изученное Вирцем. Там ответственность за судьбу племени находится в руках стариков. Но старики там не «правят», ибо они не облечены властью по закону. Да им, собственно, и не нужно никакой власти, потому что они по доброму обычаю племени пользуются большим общественным авторитетом, как люди, хотя и несильные физически, но зато умудренные жизненным опытом. Каждый, кто восстал бы против этого неписаного закона, подверг бы себя всеобщему презрению.

Старики особым образом влияют на жизнь общины. Они не дают никаких приказаний, они лишь дают советы пожилым женатым мужчинам, которые обсуждают их вместе с молодыми женатыми мужчинами. Те в свою очередь сообщают предложения стариков юношам брачного возраста. Как видите, у маринд-аним существует разделение по возрастным группам и в политической жизни. Каждый пользуется правом возражать, но, чтобы к его голосу прислушались, доводы его должны быть хорошо обоснованы. Собственные соображения могут высказывать лишь пожилые женатые мужчины. Почтение к возрасту распространяется также на пожилых женщин. Община прислушивается к их предложениям. Молодые женщины лишены права высказывать свое мнение по делам общины. Когда однажды голландские колониальные власти сами назначили правителей из числа женатых мужчин, оказалось, что эти мужчины не пользуются никаким авторитетом. Их назначение противоречило издавна принятому обычаю.

У папуасов центрального горного района, живущих между реками Ваги и Химбу, существует совет племени, состоящий из глав родов. Подчиняются совету племени только добровольно. Члены этого совета не имеют диктаторских полномочий даже внутри своего рода. Авторитет этих глав родов зиждется не на их жизненном опыте, а на сравнительно большом материальном состоянии, выделяющем их из среды всех остальных. У этих племен существуют явные сословные различия, определяющиеся богатством представителей племени. Есть люди, не имеющие собственного дома, которые, живя у богатых, пасут их свиней, за что и получают пищу и одежду. Большинство людей племени относится к этим беднякам с пренебрежением. Их даже не замечают. О них, мол, и говорить не стоит. Обычно в таком положении находятся низкорослые люди. Этот

факт очень примечателен, так как население центрального горного района состоит из явно различных биологических групп. Весьма вероятно, что эти несвободные люди являются остатками древнего низкорослого населения (пигмеев), которое когда-то покорилося вторгнувшимся в их пределы людям более высокого роста.

Другая, менее угнетаемая группа населения, называемая туземцами «бедные», также находится в экономической зависимости от богатых. Но эти люди уже могут держать свинью и обладать некоторыми ценными вещами. О них говорят в презрительном тоне: «нищий, грязный, плохой» или «этот всегда был бедняком, нечего его и слушать». И все же о бедных людях, хотя и с презрением, но говорят.

Полноправным членом общины считается лишь тот, кто имеет не менее четырех свиней и так называемую раковину мока, представляющую большую ценность. С таким достатком мужчина уже может жениться, но опять-таки лишь на одной женщине. Однако как бы ни был мужчина трудолюбив и добропорядочен, он пока еще не имеет никакого общественного веса. Лишь тогда он начинает оказывать влияние на общественную жизнь, когда его состояние увеличивается до восьми свиней и до нескольких раковин мока; он может тогда прокормить уже несколько жен.

Если мужчина имеет двух, трех и четырех жен и держит по меньшей мере восемь свиней, это значит, что он человек состоятельный. У такого мужчины могут быть и слуги. Однако очень богатым считается лишь тот, чью жизнь услаждают семь-восемь жен, у кого немалое число слуг, на чьем пастбище пасется по меньшей мере двадцать свиней и кто владеет большим запасом раковин мока. Вот эти-то богатые люди и есть главы родов.

У племен залива Папуа стали постепенно появляться вожди селений. Мы уже рассказывали о том, что там все селение состоит из одной родовой общины и размещается в одном доме. Но так как род разделен на две части, одна половина живет на левой стороне дома, другая — на правой. Каждая подчиняется какому-нибудь влиятельному человеку из своей среды. Кроме такого человека там есть еще своеобразный староста селения. Он возглавляет свою половину рода и в то же время уже обладает некоторыми правами старосты селения. Он назначает дни охоты, в которой принимает участие все селение, посылает мужчин на рубку леса для постройки домов и лодок; отвечая за поддержание общественного порядка в селении, наказывает воров. Но самая важная и необычная его прерогатива состоит в том, что он может еще при жизни передать свою должность старшему сыну, которому во всяком случае надлежит принять эту должность после смерти отца.

Однако наиболее интересное развитие общественных отношений наблюдается у папуасов северного побережья Новой Гвинеи. Как и у племен залива Папуа, деревенская община здесь распадается на два брачных класса, только каждая семья живет в отдельном доме. Однако в церемониальном доме тайного союза советы старейшин подверглись коренной перестройке. В них вошли более молодые люди, члены тайных мужских союзов — организаций, играющих весьма важную роль как в политической, так и в религиозной жизни общины. В тайном союзе существует строгая субординация. У племен северного побережья положение каждого человека в общине определяется его «степенью», или «рангом», в тайном союзе. Чем лучше член тайного союза понимает смысл и задачи своей организации, чем лучше владеет определенными навыками, тем ранг его выше. Члены самой высокой группы тайного союза, достигшие «верха

совершенства», считаются у папуасов «настоящими людьми». Лишь они решают все внешнеполитические и внутривнутриполитические вопросы и даже вопросы мира и войны. Правда, предварительно все эти вопросы обсуждаются на открытых собраниях.

Эти примеры показывают лишь некоторые формы господства старейшин, которые варьируются в соответствии с особенностями местного развития. Интересно, что наиболее примитивную из всех известных нам социальных структур папуасов мы находим у самых древних племен, обитающих в западной части Новой Гвинеи, в долине реки Дигул, тогда как восточные группы племен (маюб и горные папуасы) обладают уже сравнительно сложной общественной структурой. С точки зрения исторической это вполне объяснимо. Как маюб, так и горные папуасы пришли на остров позднее других племен и за время своего исторического развития подвергались сильному влиянию более поздних культур. Это отразилось в общественной жизни племен. Так как у папуасских племен маюб и горных папуасов не было письменности, процесс исторического развития их можно проследить лишь косвенным путем сравнительного изучения их культур.

Духи землетрясений, бог молнии и тайные союзы

Нелегко европейцу разобраться в совершенно чуждых ему общественных отношениях экзотических народов, но еще труднее проникнуть в мир их идейных представлений. Эта задача под силу лишь тому, кто владеет туземным языком, кто, прожив долгий срок среди племени, сумел завоевать его полное доверие. Таким требованиям удовлетворяют, разумеется, лишь немногие ученые. К тому же в научных наблюдениях не исключена возможность субъективного подхода. Поэтому ученым никогда не удастся до конца раскрыть одну из самых интересных сторон человеческой культуры — религию экзотических народов и их духовный мир, отображенный ими в живописи и пластике.

Мы не знаем, все ли папуасские племена задумываются над сущностью мироздания, над его возникновением, как горные папуасы мбовамб. В их загадочной по происхождению культуре проявляются в высшей степени своеобразные черты. Люди мбовамб представляют себе небо как твердый свод, раскинутый над землей, как обитель предков, опекающих своих живых потомков. Но небо, по их представлениям, простирается и под нижней стороной земного диска, на которой живут духи землетрясений. Эти Духи не злые, но когда они гnevаются, сотрясается земля. Солнце и луна (таким же образом персонифицируемые) живут в далекой стране на востоке. Оттуда они начинают свой путь на запад и, продолжая его под землей, снова возвращаются в свою страну. И так в вечном, бесконечном движении снова и снова повторяют они свой путь. Солнце и луна не играют никакой роли в

религиозных представлениях папуасов. Хотя культовые церемонии с давних времен совершаются при полнолунии, пока еще не доказано, существовало ли у них когда-либо поклонение луне.

Вечное созидающее начало вселенной горные папуасы представляют себе весьма вещественно. Небо и Земля, существа мужского и женского пола, пребывают в объятиях любви, отчего разражаются грозы и проливается животворный дождь, благодаря которому люди могут жить. Этой «творящей жизнь чете» посвящен праздник плодородия. Однако совершение этого праздника не означает, что небу и земле поклоняются больше, чем божествам растительности. У горных папуасов нет представления ни о божетворце, ни даже о культурном герое, тогда как у других племен оно существует, например у племен залива Папуа. У последних культурный герой ассоциируется даже с молнией. От него происходят все культурные ценности, а особенно добывание огня и танцы. Рождение его было необычным; по мнению одних, культурный герой вышел из птичьего яйца, по представлениям других, он происходит от какого-то двойственного существа женского пола. Смерть этого бога молнии так же таинственна, как и его рождение. Он внезапно исчез, и никто не знает, куда. Но всюду, где еще живы подобные представления, верят в будущее пришествие культурного героя, верят, что этим ознаменуется наступление новой, чудесной эры. Вера в мессию издавна существует и у папуасов и у других экзотических народов. Она особенно окрепла в течение прошлого столетия, в чем далеко не последнюю роль сыграли миссионеры. Под влиянием этой веры появились религиозно-фанатические организации, деятельность которых особенно оживлялась в политически беспокойные времена, какими были годы первой и

второй мировых войн, оказавших немалое влияние на жизнь всех народов Океании.

Казалось бы, папуасы никогда не задумывались над возникновением мироздания, над появлением человека и довольствовались лишь тем, что объясняли происхождение особенностей своей культуры. Но это далеко не так. Патеру Лауферу, бывшему в течение более двадцати лет миссионером среди папуасского племени байнинг на севере Новой Британии, удалось подробно изучить их мир представлений. Ему помогло знание языка и прежде всего то огромное доверие, которое он завоевал у байнингов во время совместного пребывания с ними в японском концентрационном лагере.

Люди байнинг, как и соседнего племени сулка, рассказали ему о некоем бесполом и бестелесном существе. Ему подвластны земля, вода, животные, на которых ведется охота, и растения. Это существо распоряжается жизнью и смертью людей. Оно произвело на свет первых людей — мужчину и женщину, которые вознеслись на небо, после того как обучили своих детей, теперешних людей, племенным обычаям. Существо, сотворившее мир, вручило первому мужчине Солнце в виде зажженного факела, а первой женщине — Луну. С тех пор Солнце и Луна в руках первых мужчины и женщины — неугасимые факелы, вечно освещающие путь людям. К «доброму отцу», «великому», «почтенному», как люди племени байнинг называют этого творца мира, взывают в минуту горя, в честь его у «святых мест» в горах совершаются жертвоприношения. Но культу высшего существа в мире религиозных представлений папуасов не отведено столь видного места, как культу духов и демонов. О том, что представление о высшем существе имеется и у папуасов Новой Гвинеи, свидетельствует исследователь Ауфенангер, проживший долгие годы среди племени

генде в горах Бисмарка. Люди генде перед охотой на древесного медведя или перед сбором плодов взывали в своих заклинаниях к божеству, сходному по своим чертам с богом-творцом байнингов. Правда, смешение культур ослабило представления об этом божестве.

В гораздо большей степени мыслями и чувствами папуасов владеют сверхъестественные существа, духи и демоны. В большинстве своем духи и демоны человека не любят, и поэтому их приходится задабривать при помощи таинств. Некоторым духам природы, так сказать безобидным, особого почтения не оказывают, например Солнцу и Луне. Люди генде считают их супружеской четой, совместно совершающей свой путь, причем муж — Луна — всегда преданно следует за своей женой — Солнцем. Олицетворяются и другие небесные тела, а также явления природы, но они не слишком волнуют воображение папуасов.

Другое дело — злые духи природы. По облику они не отличаются от человека, однако сразу же бросаются в глаза своим диким видом. Они предвещают болезнь, войну или голод, и поэтому в случае надобности их изгоняют. В 1933 г. много путешествовавший этнограф Неверман наблюдал в папуасском селении Какайю изгнание злого духа по имени Акон, который считался виновником вспыхнувшей там эпидемии гриппа. На месте совершения обряда стоял прямой столб из ствола бетелевой пальмы, расписанный красно-белыми полосками, как древко флага. Столб венчало кольцо из волокон листьев кокосовой пальмы. У подножия этой мачты был разведен костер, и туда бросали большие куски бамбука, которые с громким треском лопались от жара. Устрашающий треск должен был изгнать из селения злого духа. Но для того чтобы тот знал, куда ему надлежит отправиться, произносились названия нескольких соседних враждебных селений.

Со злыми духами ассоциируется и малярия, нередко свирепствующая в болотистых долинах рек. Племя мбовамб представляет себе злых духов в обличье безобразного чудовища с коротким туловищем и чрезвычайно длинными конечностями. Такие чудовища живут в пещерах, кратерных озерах и дуплах деревьев. Многие из них могут обернуться крокодилом, змеей, птицей или свиньей или принять вид скалы или дерева. В этом отношении любопытен случай, описанный Вирцем. Один миссионер попросил у туземца горного племени энга разрешения срубить его дерево. Но дерево было не простое. Оно считалось священным, потому что в нем обитал злой дух Вема. Когда распространился слух о том, что хотят срубить священное дерево, люди забеспокоились, говорили, что тогда кто-то непременно умрет. Дерево было срублено, а день спустя над рекой оборвался висячий ротанговый мостик и в воду упали два воспитанника миссии. Случайность ли это или злой дух Вема разгневался? Происшествие настолько взволновало туземцев, что они изгнали из селения своего соплеменника, разрешившего срубить священное дерево, и разорили его огород.

Надежной защитой от демонов и других злых духов считаются амулеты. Особая защитительная сила приписывается выращиваемым имбирю и кустарнику кротон.

Иначе обстоит дело с тотемами. Тотемизм мы наблюдаем далеко не у всех папуасских племен. Характерно, что племена долины Дигула, наиболее древние представители папуасской народности, с этими религиозными представлениями не знакомы. Есть также племена, как мбовамб и генде, лишь названия которых дают основание для предположения о том, что у них когда-то были тотемические представления. Наиболее яркие формы тотемизма присущи племенной группе маюб, живущей на юге Новой Гвинеи. Так, у племени

йенан еще в 1933 г. существовал 31 различный тотем! Это были саго, вода, исполинский аист, морской орел, крокодил, казуар, райская птица, кустарник кротон, ротанговая пальма, цапля, журавль, кокосовая пальма, ядовитая змея, бетелевая пальма и различные виды рыб.

Танзор со знаком отличия тотема (юг Новой Гвинеи)

Так как брак мужчины и женщины одной и той же тотемной группы недопустим, родители каждого человека принадлежат к двум различным тотемным группам, и каждый человек причисляется к тотему своего отца. У этих племен на употребление в пищу тотемного животного или тотемного растения не накладывается никаких ограничений. Следят лишь за

тем, чтобы при съедении собственного тотемного животного или растения не забыли громко произнести слова: «Ах, до чего же вкусно!» Следовательно, папуасский тотемизм существенно отличается от австралийского, при котором запрет на употребление в пищу тотемного животного или растения снимается лишь на время празднеств, чтобы вступить в общение с тотемным предком. Тем не менее было бы ошибочно расценивать отсутствие такого запрета у папуасов как явление упадка. Дело в том, что у австралийцев растительный и животный мир не столь богат, как у папуасов, и поэтому там подобного рода ограничения на пищу вполне естественны. В то же время щедрая природа Новой Гвинеи позволяет папуасам не иметь запретов на пищу^[34].

В противоположность австралийцам папуасы всегда боятся повстречаться со своим тотемным предком. От этой угрозы они пытаются избавиться при помощи волшебной лопатки, по форме и по назначению похожей на дощечку-гуделку.

У каждой тотемной группы, обозначаемой иногда на английский лад кланом, есть свой знак отличия. Он сделан из дерева, травы или какого-либо другого растительного материала и представляет собой либо символическое, либо реалистическое изображение тотема. Подобные знаки отличия малых размеров служат своеобразным способом общения. При посылке подарков людям отдаленных селений препровождается знак отличия тотемной группы, по которому получатель распознает отправителя. Такие же знаки отличия прикрепляются к полезным растениям. Они охраняют собственность от посягательств. Тотемные значки имеют то же значение, что и значки на посыльной палочке австралийцев.

Хижины с бочковидной крышей (Торресовы острова)

Тотемные знаки отличия с большим мастерством делают люди племени маринд-аним, о которых идет недобрая слава охотников за головами. Эти люди — искусные резчики по дереву. Они делают всевозможные резные украшения и фигуры, изображающие тотемного предка. Украшения и фигуры они промазывают древесной смолой и оклеивают красным и иссиня-черным горохом, а также беловато-серыми семенами «богородицыной травки». Маску тотемного предка носят на голове; кусками пальмовой коры покрывают спину и грудь. Взрослые мужчины облачаются в этот наряд лишь тогда, когда хотят воспроизвести некоторые эпизоды из жизни своего мифического тотемного предка. Тогда они не только принимают его облик, но и верят, что сами

становятся своим тотемом. Эти впечатляющие культовые спектакли устраиваются на празднествах совершеннолетия и инициациях. Прежде торжественные церемонии инициации нередко носили характер магических обрядов и превращались в оргии сладострастия во имя плодородия земли. В церемониях инициации, длившихся целыми неделями, в большинстве случаев участвовали члены тайного союза, в который мог вступить каждый взрослый папуасский мужчина, считавший себя достойным человеком. Для вступления в тайный союз мужчина должен был отдать определенное количество раковинных денег, свиней или еще что-нибудь. По свидетельству исследователя Генриха Мейера, прожившего среди папуасов северного побережья несколько десятков лет, тайный союз освящен какой-нибудь религиозной идеей. В нее верят (или делают вид, что верят) его члены. Чтобы ввести в заблуждение непосвященных женщин и детей, члены тайного союза придают своей деятельности таинственный смысл, рассказывают, что дух, которому они, мужчины, поклоняются, — чудовище, обладающее сверхъестественной силой. По их рассказам, этот дух-чудовище живет, мол, где-то неподалеку, в лесу, и свое приближение к людям возвещает таинственными звуками. А на самом деле два человека из тайного союза дуют в бамбуковые дудки, и эти звуки выдаются непосвященным за голос духа. Заслышав «голос духа», женщины с детьми покидают деревню. А оба музыканта, замаскированные зелеными ветками и перьями, появляются на деревенской площади и сразу же заходят в обрядовый дом, служащий в то же время мужским домом. И снова раздаются звуки дудки. «Это плач духа», — говорят непосвященные жители селения. Отчего же он плачет? Не от того ли, что ему нужны саго и свиньи? И женщины тотчас же тащат мешки с саго и приводят свиней. Но матерям дают понять, что дух

хочет сожрать и возмужавших мальчиков. И тогда отроков насильно забирают из семьи и приводят в мужской дом. Здесь совершаются таинства, долженствующие обновить и повысить жизненную силу инициантов, а также взрослых мужчин. Мальчики, не желающие подвергнуться инициации, считаются трусами. О таких говорят, что они не будут больше расти и утратят мужественность.

Желанной физической зрелости мальчики достигают благодаря своеобразной церемонии, обозначаемой некоторыми исследователями (ошибочно) как обрезание. Тут скорее своеобразное самоистязание, типичное для некоторых австралийских племен. Инициантам наносятся колючками растений или какими-нибудь острыми предметами раны в область половых органов. Такие раны каждый мужчина должен время от времени наносить себе сам. Туземцы полагают, что таким способом можно изгнать из тела «плохую кровь», из-за которой мужчина становится слабым и неработоспособным, из-за которой его руки и глаза становятся ненадежными для охоты и войны. Поэтому, приступая к какой-нибудь трудной работе, отправляясь на охоту или на войну, мужчины совершают это самоистязание. Генрих Мейер, которому туземцы поведали эти интимные подробности своих обрядов, считает, что преждевременное старение мужчин и частые смертные случаи среди них объясняются как раз подобного рода «хирургическими операциями».

Спектакли, устраиваемые тайным союзом, должны способствовать плодородию земли. Члены тайного союза часто говорят о том, что, если бы эти церемонии запретили, всем пришлось бы умереть с голоду, ибо «дух» не дал бы им тогда ни саго, ни плодов, ни добычи на охоте. И все это для туземцев не фарс, не игра, а священная вера. Ее особенно сильно почувствовал миссионер Мейер, когда туземцы сказали ему: «У вас,

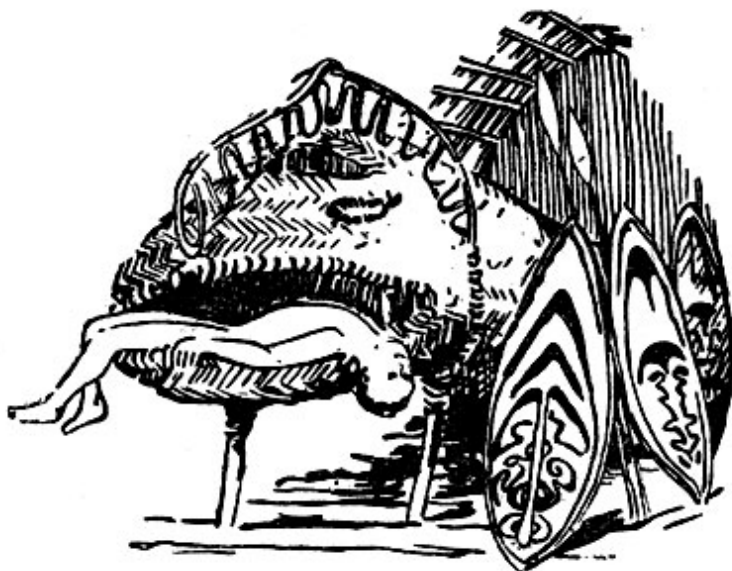
белых, свой бог, а у нас свой — наш священный дух Парак!»

В своеобразных школах, находящихся в лесу, мальчиков знакомят с обычаями, традициями и религиозными обрядами племени. Лишь после этого обучения их, «вновь рожденных», отпускают в родное селение и причисляют к взрослым мужчинам.

Упомянутый нами дом обрядов можно назвать средоточием культурной и религиозной жизни селения. По своему внешнему виду такие дома весьма различны, но все они как бы стремятся превзойти друг друга в пышности и богатстве убранства. Стены и фронтоны покрашены, да к тому же еще обвешаны резными деревянными фигурками, изображающими людей, змей, птиц-носорогов, летающих собак и легуанов. Выбор украшения определяется особенностями религиозных представлений соответствующего тайного союза. Чаще всего украшение обрядового дома — тотемические изображения. В инвентарь дома обрядов входят кроме уже упомянутых нами бамбуковых дудок дощечки-гуделки и щелевые барабаны или гонги. Их грохот воспринимается как голос духа Парака. Но самое главное — это деревянные танцевальные маски с резными узорами. К этим маскам надевают сетчатую накидку или юбку из полосок листьев. Такие маски — не только олицетворение священного духа, но, по признаниям туземцев, и его воплощение. Во время культовых танцев дух в них вселяется, он их «одушевляет».

Совсем по-другому протекают обряды инициации у племен реки Пурари на восточном побережье залива Папуа. Они выглядят более первобытными. Там разыгрывают следующую сцену: мальчиков, подвергшихся некоторой изоляции в доме культа, символически проглатывает и затем отдает обратно чудовище (Кая-иму), после чего они становятся

полноценными мужчинами. Во время этого праздника инициантов знакомят с божеством гор и морей, которое изображает одна из танцующих масок. Голос этого божества символизируется звуками дощечки-гуделки. Значительно проще происходит инициация девочек. Когда у них наступают первые регулы, их помещают в отдельную хижину. Там их подвергают ритуальному омовению и надевают на них новую травяную набедренную повязку. Но с культом Кая-имуну их не знакомят.

Символическое проглатывание мальчика чучелом мифического чудовища (залив Папуа)

Носителем культа Кая-имуну у племен Пурари является тоже тайный мужской союз. В громадном, вытянувшемся на значительную длину доме, который служит одновременно домом культа и домом мужчин, в конце широкого среднего прохода имеется особое помещение. Там стоят сплетенные из тростника около четырех метров длиной изображения

крокодилоподобного чудовища с раскрытой пастью, местом обитания которого каждый клан считает какую-нибудь реку. Очень большое место в изобразительном искусстве при оборудовании обрядовых домов на Новой Гвинее и соседних островах отводится крокодилу, и это позволяет предположить, что фигуры чудовища Кая-имуну — не что иное, как символический крокодил. Каждые пять-шесть лет юноши, справляющие свое совершеннолетие, обновляют эти фигуры. Совершается особая церемония. Взрослые мужчины кладут инициантов в пасть чудовища. После того как чудовище символически проглатывает иницианта, он становится полноценным членом общины. От дяди со стороны матери инициант получает пояс из коры с резными узорами и новую одежду — лубяную набедренную повязку. Существенная особенность этого вида инициации: духи Кая-имуну отождествляются с предками, что свидетельствует о некогда существовавших тотемических представлениях.

У Кая-имуну есть как добрые, так и злые черты. Когда в жизни человека должно наступить что-нибудь важное, когда он, к примеру, предпринимает путешествие или постройку дома, Кая-имуну является ему во сне и возвещает свою волю. Чтобы умиловить Кая-имуну, его угощают изысканными яствами, то есть кладут их ему в пасть. До европейской колонизации такими яствами были люди. Их специально для этого убивали. Мужской дом организовывал поход. Мужчины отправлялись в своих лодках в саговые рощи или рыбные затоны соседних племен и убивали там первого попавшегося человека, будь то мужчина, женщина или ребенок. Труп убитого доставляли в мужской дом, клали в пасть чучела Кая-имуну и на следующий день съедали.

Череп жертвы хранился в ларце; такие ларцы были у мужчин каждого рода в жилом отделении мужского дома. Перед ларцом для черепов стояли обычно

продолговато-овальные деревянные щиты с резной раскрашенной человеческой фигурой. Хотя мы и знаем, по каким поводам изготавливались эти щиты, значение их неизвестно. Такими резными человеческими фигурками украшают лодки, дома, их дарят новорожденным, как мальчикам, так и девочкам. Этот факт во многом перекликается с аналогичными явлениями в центральной части Новой Гвинеи, где каждому новорожденному дарят тщательно отполированный камень — залог здорового физического развития. То же значение, что и эти дощечки, имеют, очевидно, и особые символические дощечки-гуделки, которые настолько велики, что по назначению своему не используются. Здесь напрашивается параллель с австралийскими чурингами аналогичного происхождения.

Инициации и деятельность тайных союзов связаны между собой и у горных папуасов, что находит свое выражение в культе Кор-Нганп. В этом культе особенно ярко проявляется и по сей день необъяснимое своеобразие культуры горных папуасов, отличающее их от остальных папуасских племен Новой Гвинеи. Приготовление к этому празднеству длится несколько лет. На танцевальной площадке племени выделяется участок, огораживаемый забором, — так называемое место таинств. На этом участке для праздничных церемоний сооружаются специальные дома. Одна лишь доставка строительного материала требует огромных усилий, потому что эти дома хотя и временные, но размеров немалых: около пятидесяти метров в длину, четыре метра в ширину и два метра в высоту! Когда мужчины направляются к месту таинств строить эти дома, впереди шагает музыкант. Он играет на флейте, чтобы отогнать непосвященных. Тут строят четыре праздничных дома. Два из них предназначаются для участников празднеств, в двух других помещают священные камни. Это речные камни красивой формы.

Одни из них посвящены духу Нганап, понимаемому как женское начало, другие — духу Вопа, мужскому началу. Остальные камни олицетворяют умерших, но есть и такие, которые персонифицируют живущих. Хотя женщины и не участвуют в этом культе, им тоже выделены камни. Форма и величина камней различны сообразно возрасту и полу их обладателя. Камни мужчин и мужского духа Вопа конусообразные, длиной до 80 см, у мальчиков они поменьше. Камни женщин и женского духа Нганап шарообразной формы. Символика здесь вполне ясна: конус означает мужской половой орган, шар — женский. Священный камень, по представлениям туземцев, приносит здоровье и благосостояние его обладателю. Один туземец, обладатель такого камня, как нельзя лучше выразил сущность подобных представлений. Он сказал: «Этот камень — я сам. А это значит, что я буду богатым человеком и доживу до глубокой старости». Вот почему папуасы ревностно оберегают эти священные предметы, особенно во время вооруженных междоусобиц, когда совершаются кражи. Употребив для надобностей культа, туземцы закапывают их в каком-нибудь потаенном месте.

Любопытно, что главы родов горных папуасов, носителей более поздней культуры, чуждой древним обычаям, свято хранят тайну этого самого древнего обычая. Они следят, чтобы никто из неимущих не проведал, в чем именно состоит таинство со священными камнями. Случается, что неимущие люди находят речную гальку описанной нами формы, но не знают, как ее применить, ибо от них сокрыта тайна жертвенного освящения. Лишь оно наделяет камни волшебной силой. Поэтому непосвященные могут принять участие лишь в танцах и дележе мяса, но не в таинствах со священными камнями.

Сами исполнители тайного культа, главы родов, собираются перед началом празднества, извлекают из

потайных мест священные камни, раскладывают их на листьях и приносят в жертву свиней. Камни натираются свиным жиром и расписываются красными, желтыми и черными полосками. Затем они раскладываются в определенном порядке в специально отведенном для этого доме. Камень Вопа, духа мужчин, и камень Нганап, духа женщин, кладутся спереди. За ними полукругом раскладываются круглые женские камни, а за ними длинные мужские камни. Празднество открывается жертвоприношением в честь предков племени, в котором принимают участие все жители селения, для чего закалывается крупная свинья. Это делается старейшиной рода на площадке для обрядовых танцев в момент восхода солнца. О масштабах жертвоприношения дают примерное представление такие цифры: однажды у племени тика на двадцати двух площадках для обрядовых танцев, принадлежавших двадцати двум родам, было заколото сразу почти восемьсот свиней, а в другом случае один английский исследователь насчитал даже свыше тысячи. Мужчины получают свою долю мяса жертвенных животных. Жрецы, под руководством которых совершаются жертвоприношения, разделяют затем всех мужчин селения на две группы. Одна группа отдается на попечение Вопа, духа мужчин, другая — в распоряжение Нганап, духа женщин. После того как каждого участника праздника наградят легким ударом кнута, обе группы мужчин сомкнутыми рядами шествуют к огороженному месту таинств. Там они выстраиваются перед обоими домами, в которых хранятся священные камни.

После выкликаания обоих духов — Вопа и Нганап — мужчины заходят в праздничные дома. Они рассаживаются у продольной стены таким образом, что каждый представитель группы мужского начала сидит против представителя группы женского начала. Между

обоими рядами находятся ямы, где в земляных печах варится пища. Столь необычное разделение мужчин на группы мужского и женского начал соблюдается всегда очень строго. За нарушение этого порядка можно поплатиться жизнью! В таком положении все участники праздника должны молча оставаться всю ночь. На рассвете при помощи священных камней еще раз вызываются духи, после чего мужчины снова занимают свои места. Тогда жрецы приносят несколько священных камней и докрасна накаляют их в земляных печах. Затем их вынимают деревянными щипцами и посыпают какой-то травой. Золу этой травы заворачивают в листья. Тем временем мужчины со своими сумками для мяса выстраиваются в колонну. Один из жрецов вручает выстроившимся по куску свинины, другой посыпает этот кусок травяной золой, только что освященной раскаленными священными камнями, а третий, разжевав во рту кусочек благовонной коры какого-то дерева, дует участнику церемонии в лицо. Все съедают свою долю мяса. Совершенно очевидно, что этой священной церемонией папуасы пытаются причаститься той магической силе, которой, по их представлениям, обладают их священные камни.

Туземец говорит в этом случае не «ем жертвенное мясо», а «ем духа»! Он убежден, что, когда он ест это мясо, в его тело входит плоть, в которой пребывает дух их священного предка. После подобного общения с духом мужчины со своими свертками мяса проходят мимо разложенных священных камней. Кульминационный пункт церемонии наступает в момент, когда жрецы жарят яичники жертвенной свиньи. Они съедаются участниками праздника и призваны повысить детородную способность мужчин. Обрядовая часть праздника духа Нганп заканчивается дележом мяса жертвенной свиньи. После дележа мяса снова прячут в потаенные места священные камни, и

начинается «художественная» часть празднества, которая открывается танцами.

Култ Кор-Нганап — тайный култ, женщинам он неведом. Однако у горных папуасов он существенным образом отличается от култов других папуасских племен. В культе горных папуасов мальчиков, достигших половой зрелости, хотя и приобщают к культовой жизни, совершая над ними обряд инициации, но здесь нет мотива проглатывания мальчика чудовищем и нет также специальных масок и костюмов. Зато горные папуасы верят в чудодейственную силу священных камней, олицетворяющих мужское начало Кор-Воп и женское начало Кор-Нганап, верят, что эти камни — первоначальная сила вселенной, они отождествляют с ними участников празднества. При этом сексуальных эксцессов, как у южных папуасов, здесь не бывает.

Другой тип сверхъестественных существ возник из представлений папуасов о смерти, отразившихся в похоронных обрядах. Эти обряды позволяют нам судить об особенностях мышления папуасов. Еще совсем недавно, каких-нибудь двадцать-тридцать лет назад, у племен, живущих на реке Дигул, умершего хоронили со всеми принадлежавшими ему украшениями и орудиями либо на специальном помосте, либо в деревянном или корьевом гробу на крыше дома. Труп быстро разлагался, и выделявшуюся трупную жидкость собирали; родные покойного добавляли ее к пище и втирали в лицо и тело. Столь странный обычай, существующий и у других племен, можно объяснить лишь тем, что вместе с этой жидкостью туземцы хотят обрести ту силу, которой при жизни обладал умерший. Не менее странен обычай в этой области, когда в случае чьей-либо смерти женщины, перевязав свой пульс, ампутируют себе каменным или бамбуковым ножом фалангу пальца. Таков один из своеобразных ритуалов самоувечья. Что это, только внешнее проявление скорби,

жертвоприношение умершему или какое-нибудь колдовство?

Тот факт, что череп и кости полностью разложившегося трупа сжигаются, то есть тело умершего подвергается полному уничтожению, а дом, на крыше которого хоронят, навсегда покидается, свидетельствует о суеверном страхе и о вере в то, что умерший может увлечь за собой живых. Характерно, что эти наиболее первобытные представления существуют как раз у исторически самой древней группы папуасского населения, не знающей ни тотемных предков, ни тайных союзов. Туземцы долины реки Дигул, видимо, не имели представлений о втором «я», носителе жизненной силы, проявляющейся в дыхании, в тени или в отражении в воде. Это «я» мыслится отчасти весьма вещественно, и поэтому один из наиболее видных представителей этнической психологии, Рихард Турнвальд, дал этому второму «я» весьма меткое определение: «духовная плоть».

По представлениям туземцев, духовная плоть может покинуть телесную оболочку человека. Все, что происходит с духовной плотью в ее странствиях, человек узнает в сновидении, воспринимаемом им как реальность. Если по какой-либо причине духовная плоть, не имеющая, кстати, ничего общего с нашим понятием души, не возвращается после своего путешествия обратно в тело, то человек умирает. Но пока они составляют единство, человек живет. Если тело и духовная плоть разлучаются, наступает биологическая смерть. Хотя, по убеждению папуасов, и тело и духовная плоть продолжают свое существование самостоятельно, однако тогда они приносят людям скорее зло, чем благо. О том, что в представлении этих папуасов умерший существует в своем телесном обличье, которое можно созерцать и осязать, очень наглядно повествует рассказ жителей острова Киваи, помещенный финским ученым

Ландманом в его обширном собрании сочинений. Вот вольное изложение этого рассказа.

Однажды у дверей мужского дома стояло несколько мужчин. Среди них был Дуане. Вдруг он заметил, что со стороны кладбища приближается какой-то человек. Все сначала думали, что это кто-то из своих. «Кто бы это мог быть?» — спрашивали мужчины. «Дуане здесь?» — крикнул один из них. «Здесь», — откликнулся Дуане. И вдруг кто-то из мужчин сказал: «По-моему, это какой-то дух!» Дуане испугался: прямо на него шагал его умерший друг Аруба. Тут Дуане пришли на ум последние слова, которые тот, умирая, сказал ему: «Когда умру, как следует похороните меня, не то я вернусь». Дуане очень хорошо помнил эти слова. Поэтому ему хотелось поймать духа Арубы, и он попросил мужчин вести себя спокойно. Дуане вышел из дома через боковую дверь. Но все из любопытства, желая видеть, что случится, бросились за ним и испугали духа, а тот бросился наутек. Несколько мужчин, грозно потрясая оружием, преследовали духа Арубы до самого кладбища и там увидели, как он вошел в свою могилу. А Дуане был очень рассержен. Его умерший друг, несомненно, побеседовал бы с ним, если бы его не вспугнули.

У жителей острова Киваи вера в продолжение существования человека после его смерти проявляется и в похоронных обрядах. Близкие родственники умершего сооружают над могилой небольшую хижину и перед ее входом в течение нескольких недель поддерживают костер. Пища и личные вещи умершего подвешиваются на столбе. Таким образом, он и в «ином мире» имеет все, в чем испытывал потребность при жизни. Во всяком случае для людей он существует до тех пор, пока жива память о нем. В представлении об этом живущем трупe проявляется вера в известный контакт между телом и «духовной плотью». Поэтому у северных папуасских племен Новой Гвинеи родственники умершего никогда

не забывают воткнуть в могилу бамбуковую трубочку, да так, чтобы она пришлась как раз над головой покойника, дабы «духовная плоть» в течение хотя бы недолгого времени после смерти человека имела доступ к своей прежней оболочке.

Это призрачное существо, в общем обозначаемое как дух умершего, превращается в привидение и бродит по родному селению, держа всех в трепетном страхе до тех пор, пока не справят по нему поминки. Лишь после торжественной церемонии поминок, устроенной близкими родственниками, на которой совершаются немалые жертвоприношения, дух умершего удаляется в страну мертвых. Однако страх перед умершим, заставляющий уничтожать его имущество, его саговые и кокосовые пальмы, его посевы и орудия, у большей части племен сочетается с почтительной любовью к нему. Эти чувства вызваны ощущением тесной связи между мертвыми и живыми. Поэтому нередко череп умершего по истечении определенного срока — чаще всего после торжественных поминок — эксгумируют, очищают и хранят в жилом помещении. Очень часто из этого черепа делают с помощью глины точный скульптурный портрет человека, вставляют в глазницы раковинки или панцири улиток, наклеивают на череп настоящие волосы. На реке Сепик такой смоделированный череп даже расписывают тем узором, которым умерший при жизни украшал себя для танцев или военного похода. Этой посмертной привилегией пользуются главным образом весьма почтенные люди, занимавшие видное положение в деревенской общине. Их черепа устанавливаются в обрядовом доме на специальных расписанных полках. Там же стоит для них еда и питье, чтобы они не испытывали ни голода, ни жажды. Родственники умершего верят его черепу все свои нужды и желания, ведь мертвый для них вездесущ и поэтому может помочь в беде. Но бывает и

так, что в поклонении черепу, как мы называем этот обычай, преобладает страх. Мы это наблюдаем у племен, живущих на побережье залива Папуа. Там череп снова предают земле, настойчиво произнося: «Не возвращайся!»

Любовь к умершему и боязнь его возвращения характерны и для папуасов юго-западной части Новой Гвинеи; родственники умершего не смеют входить в дом покойного, и поэтому там портятся все продовольственные запасы, которые были по-хозяйски накоплены умершим при жизни, иногда даже большие количества ценнейшей саговой муки. Вместе с тем принято, посещая место захоронения трупа, подолгу находиться там, ночевать и прислушиваться к голосу умершего, который может произнести имя того, кто колдовством навлек на него смерть. Для того чтобы родственники покойного могли подольше общаться с умершим, над его могилой сооружают широкий двускатный навес.

Особенно интересны у папуасов побережья залива Папуа внешние проявления скорби. Женщины носят длинную травяную набедренную повязку и украшенный желтыми полосками из кожицы орхидеи длинный свисающий головной убор. Благодаря такой маскировке женщина должна быть неузнаваемой для духа ее умершего мужа, который бродит вокруг, так как муж хотел бы и на «том свете» иметь свою жену при себе. Однако вдовцы не очень спешат переоблачиться, хотя и существует особый траурный наряд для них (плетеная шапка, нагрудное кольцо, ручные и ножные браслеты). Траур по умершему состоит не только в особом одеянии, но и во множестве всяких табу — запретов на некоторые блюда, на пение и танцы, на проход в определенных местах и на многое другое. Период траура, длящийся иногда больше года, завершается поминками. Они справляются ночью. Начинается обряд траурными

причитаниями, затем открывается шествие вокруг могилы. Лишь после этой церемонии родственники умершего снимают траурное облачение и прячут его. На дороге, ведущей к посевам умершего, старший в роду втыкает в землю стрелу острием кверху. Туземцы не знают, что означает это символическое действие. Весьма вероятно, что это магический акт самозащиты, долженствующий объяснить духу умершего, что живые не желают иметь с ним ничего общего.

Примечательно, что папуасы побережья залива Папуа применяют для обозначения «духовной плоти» (т. е. духа умершего) несколько названий в зависимости от состояния ее телесной оболочки. У племени йенан пока родственники умершего еще могут беседовать с ним в гробнице, ее называют нананге, позднее вабоб — демон. К этому времени теряют свою силу все табу, вдовы могут выходить замуж, а вдовцы жениться.

Для поминок родичи умершего приносят огромные количества съестных припасов, плодов, саговой муки, кокосовых и бетелевых орехов. Приносят что-нибудь и другие жители селения. Все это продовольственное богатство выставляется на всеобщее обозрение в специально отведенном доме. После того как каждый вдоволь насладится созерцанием вожделенных лакомств, производится их раздача. Участники поминок возвращаются домой нагруженные съестными припасами. Дома они готовят из принесенных продуктов пищу, едят ее в тесном семейном кругу. Поминальных торжеств, в которых участвовали бы все жители селения, люди племени йенан не устраивают.

Горные папуасы, из которых нам лучше всего известно племя мбовамб, тоже относятся к своим умершим со смешанным чувством любви и страха, но проявляется это иначе. Здесь тоже сказывается особое положение, которое горные папуасы занимают среди других папуасских племен. Из страха перед покойником

труп умершего связывают, руки кладут на грудь, ноги сгибают в коленях и подтягивают к подбородку. Хотя посевы умершего и не уничтожают, но в дом, где он умер, никто не заходит, а циновку, на которой он спал, сжигают. Страх перед «живущим трупом», боязнь возвращения умершего особенно велики при погребении женщины. Умершую женщину хоронят немедленно. Труп ее предусмотрительно заваливают тяжелыми камнями и деревянными колодами, дабы она не явилась вновь к своим родичам и не увлекла их за собой. Если обнаруживаются признаки появления духа покойницы, что приносит всем жителям селения немало беспокойства, приглашается опытный знахарь, который должен этого духа изловить. Поймав духа в сетчатый мешок, знахарь относит его в дом жертвоприношений. Там для изгнания злого духа произносят особые формулы заклинаний и совершают жертвоприношение, для чего закалывают свинью. Так разделяются с призраком умершего.

Однако особенно боятся тех, кто умер от какой-нибудь заразной болезни, например от фрамбезии^[35]. От призраков этих умерших избавляются весьма примитивным, хотя и радикальным способом. Мешок с трупом покойника вопреки элементарным требованиям санитарии бросают в реку. Пусть его унесет течением подальше от родных берегов!

В культе мертвых у горных папуасов сохраняется различие между богатыми и бедными. Бедняков хоронят в земляной яме глубиной не более одного метра. Состоятельные люди кладут своего покойника на деревянную решетку, которую устанавливают над ямой. Труп покрывают ветками и широкими листьями. Через некоторое время кости трупа очищают от мяса, обертывают листьями и предают земле на кладбище его родовой общины. Куски трупного мяса закапывают в яму. Особым образом поступают с черепами богатых

людей и прежде всего с черепом старейшины родовой общины. Его смазывают снадобьями, красят (хотя и не делают из него скульптурного портрета) и устанавливают в небольшом домике, похожем на башню. Смысл этой процедуры люди племени мбовамб объясняют так: «Если мы голову умершего человека выбросим, то он нас и в самом деле покинет, и тогда враги наши нас одолеют».

И все же горных папуасов тревожит мысль о том, что «духовная плоть» будет появляться на родовом кладбище и после поминального пиршества. Продолжительность и пышность поминального пиршества определяются общественным положением, которое занимал умерший. Горные папуасы верят, что дух умершего будет по ночам посещать живых и уйдет в страну, мертвых, находящуюся где-то на востоке, после полного разложения трупа. «Духовная плоть» может являться людям и в обличье животных, поэтому горные папуасы никогда не убивают живых существ вблизи кладбища: ни сумчатых, ни птиц, ни змей.

Папуасы верят в существование тесной связи между духом умершего и родовой общиной, к которой принадлежал покойный. Они полагают даже, что дух умершего мужа или умершей жены имеет с вдовой или вдовцом половые сношения. Оставшиеся в живых всячески ублажают духов умерших родственников. Чем больше свиней они принесут в жертву, тем лучше, — ведь только духи умерших могут помочь им обрести влияние и богатство, добиться победы над врагами на войне, избежать грозящей опасности. Эти духи даруют им также и детей. Если духи в чем-либо не помогают, значит, они не удовлетворены жертвоприношениями и поэтому рассержены.

Как известно, тотемные животные, растения и духи природы находят свое воплощение в резных или вылепленных фигурках, которые служат предметами

культа. Точно так же и умершие. Их образ запечатлевается масками и деревянными фигурками, причем это не портрет, как у нас, а символическое изображение в древнем традиционном стиле, который у каждого племени нашел свое вполне определенное выражение. Мы знаем, что во время церемонии инициации или на празднике плодородия маски символизируют появление умерших. Но мы не знаем, служат ли изображающие предков фигуры, особенно типичные для бассейна реки Сепик, только напоминанием об умерших или же это своего рода вместилище для духа, замена истлевшей телесной оболочки. Судя по фигуркам, встречающимся в долине Юат, притока Сепика, и получившим известность лишь в последние годы, все такие изображения суть именно вместилища для духа умершего.

Патер Лауман в своем обстоятельном сочинении рассказывает, что у папуасов наиболее выдающиеся личности окружаются ореолом всемогущего, возвышенного существа. Этот божественный нимб вокруг какой-нибудь высокой особы, как мы увидим ниже, может существовать в течение жизни четырех поколений! В старину, особенно во время войны, вызывались духи этих предков. Для этой цели воины прислоняли помазанные снадобьем копья к фигурке, изображавшей какого-нибудь грозного предка, дабы его «чрезвычайно действенная сила» перешла на оружие. Когда европейские колонизаторы положили конец охоте за черепами и межплеменным войнам, фигурки, изображавшие предков, стали все больше и больше переосмысливаться как божества охоты. Им стали жертвовать птицу, наркотики и прежде всего печень убитых на охоте животных. Туземцы полагают, что в противном случае духи истребили бы всех людей в селении.

В одной из деревень на реке Юат жили две различные племенные группы — андоар и марамба. Каждая из них занимала отдельную часть селения. Однако жизнь деревни не обходилась без конфликтов. Так, однажды люди андоар, повздоров с людьми марамба, убили жену некоего Воалама. Боясь кровной мести обиженного рода, андоарцы поспешили прочь и основали собственное селение.

А что делал вдовец Воалам? Похоронив убитую жену, он день-деньской трудился над каким-то куском бревна длиною в метр. Он вырубал острым каменным топором куски дерева, и бревно постепенно обретало формы человеческого тела. Четко вырисовывались широко раскинутые плечи и крепкая грудь. Появились тонкие руки и как бы под тяжестью тела изогнутые ноги. При помощи особого резца — заостренного зуба вепря — Воалам вырезал на бревне круги и несколько полумесяцев, расположив их один над другим. Они изображали шрамы, украшавшие кожу убитой, — следы тяжелых ритуальных порезов, которым когда-то она сама себя подвергла. Воалам надел на фигуру набедренную повязку из волокон листьев и уселся отдохнуть. Но закончил ли он свою работу? Хотя у фигуры есть шея — небольшой шип на бревне, но где же голова? Воалам грузно поднялся со своего места и медленно поплелся к своей хижине. Вскоре он вышел оттуда. Он нес череп умершей жены. Этот череп через несколько дней после ее смерти Воалам выкопал из могилы, вычистил и высушил. И вот сейчас он насадил его на шип. Лишь теперь его работа завершилась.

В течение многих дней и недель Воалам держал у себя в хижине фигуру, изображавшую его жену. Лишь после поминального пиршества с танцами череп жены Воалама обрел наконец вечный покой, его снова положили в могилу. Но от этого фигура умершей не обесценилась. Правда, ее значение изменилось с

течением времени: она стала женой божества войны и охоты Мюндабале.

Такие всевозможных форм и размеров фигуры, изображающие предка, часто встречающиеся во всех местах обитания папуасов и особенно у реки Сепик, — лишь этап в изготовлении фигур из дерева целиком. Скульптор начинал свою работу, разумеется, только в том случае, если окончательное захоронение умершего производилось в согласии с обычаем и потому исключалась возможность эксгумации черепа с последующим захоронением.

Папуас не только страшится сил природы, злых духов и духов умерших, которых всячески пытается умиловить жертвоприношениями и молитвами; он также ощущает воздействие незримых магических сил, переходящих от одного человека к другому. Среди каждой папуасской общины всегда можно найти лишь очень немногих людей, обладающих магической силой. Применяя эту силу, они держат всех своих соплеменников в состоянии нервного напряжения. Таких людей величают колдунами, знахарями и прочими званиями, но подлинный смысл этих званий установить довольно трудно. Роль этой особой категории людей, которые у папуасов отнюдь еще не составляют профессиональную группу, у разных племен различна. Любопытно, что у племен — представителей древнейшей папуасской культуры аккумулятором магической энергии может быть каждый смертный, тогда как у племен, стоящих на более высокой ступени культурного развития, эта функция переходит к колдунам и знахарям.

Правда, и у племени реки Дигул есть узкий круг «специалистов», помощью которых пользуются в случае болезни. За определенную мзду они лечат больного магией. Среди всех народов Тихого океана распространено представление, что болезнь вызывается

действием чьей-то магической силы. Поэтому избавиться от болезни можно только посредством превосходящей магической силы. У племен Дигула легочные больные обращаются обычно к одному из немногих обладателей священных камней. Проведут таким камнем по груди и спине, и больному становится легче. Если при слабых недугах каждый пускает в ход свою магическую силу, то в случаях тяжелого заболевания обращаются к знахарю. Жители селений на реке Дигул невероятно страдают от москитов. Чтобы избавиться от этого бедствия, туземцы применяют такой способ: берут несколько москитов, засовывают их в ствол тростниковой стрелы и посылают эту стрелу в направлении деревни, с которой враждуют. Это магическое действие основано на широко распространенном представлении о том, что если что-либо случается с частью целого, то же неизбежно произойдет и с целым («pars pro toto»). Следовательно, когда благодаря такому способу устраняется несколько москитов, они непременно должны увлечь за собой и всех остальных.

Люди племени маринд-аним верят, что могут и без помощи колдуна отводить надвигающуюся грозу. Распрямив ладонь, они протягивают ее в сторону нависшей грозовой тучи, которую затем символически хватают, сжав пальцы в кулак, и откидывают.

Никому из людей племени маринд-аним не возбраняется применять любовные чары. Чтобы приворожить мужчину, женщина незаметно достает лопаточкой из его калебасы кусочек извести и съедает его (в извести мужчины хранят свою бетелевую жвачку). Это действие основано на представлении о том, что мана мужчины переходит на женщину через его слюну и что женщина в свою очередь передает мужчине жар своей любви через оставленные ею на лопаточке частицы слюны, которые этот мужчина, жуя бетель, проглатывает.

Характерно, что представители более поздних папуасских культур, как, например, горное племя мбовамб, придают одному звучанию слов столько магического смысла, что, произнося их, они уже не считают нужным ни жертвоприношение, ни какое-либо символическое действие. Чтобы привязать к себе своего мужа, жена шепчет магическое заклинание над его едой. При иных обстоятельствах люди племени мбовамб также произносят заговоры: мужчины — когда расставляют капканы для сумчатых животных, женщины — когда засаживают поле. При помощи заклинаний каждый может выйти из затруднительного положения. Но избавиться таким способом от болезни нельзя. Лечение болезней и у горных племен — дело знахаря, обладающего гораздо большей магической силой. Массируя тело больного, знахарь пытается удалить возбудитель болезни. По представлениям туземцев, возбудитель болезни есть некая магическая субстанция. Завершив процедуру, знахарь показывает больному колючку, кость или какой-нибудь другой острый предмет, в котором якобы и была заключена магическая субстанция болезни. А бывает и так, что больного обрызгивают жеваным имбирем, который считается оберегом от злых духов и колдовских наговоров.

Как бы ни чтили знахаря за его целительную магию, боятся его гораздо больше — ведь он иногда применяет и черную магию — насылает смерть. У маринд-аним знахарь пользуется для этого скорлупой небольшого кокосового ореха, которую он наполняет кровью кенгуру, а также волосками и ногтями избранной жертвы. Отверстие он затыкает листьями. Этот магический орех знахарь кидает из какого-нибудь укрытия в свою жертву. После этого тот, против кого совершается колдовство, должен умереть. Бросая магический орех, знахарь не всегда намерен убить

своего противника сразу. Как полагают туземцы, он иногда орехом лишь оглушает свою жертву, а затем, воспользовавшись ее бессознательным состоянием, насылает колдовством порчу на жизненно важные органы. Правда, очнувшись от удара, человек может еще кое-как дойти до своего жилища, но он уже околдован. Не пройдет и дня, как его не будет в живых. Подобного рода насылание смерти колдовством известно и другим папуасским племенам, живущим к северу от центральной горной цепи. Весьма вероятно, что в некоторых случаях дело не обходится без отравы.

Есть и другое орудие колдовства. Это деревянная лопатка, сделанная в виде стилизованной змеи. Если колдун кинет такую лопатку, она превратится в живую змею, которая бросится на жертву и поразит ее смертельным укусом. Против такой опасности применяют амулеты, но многие, веря в неотразимую силу наговора колдуна, впадают в летаргию, притупляющую их волю и в конце концов доводящую их до смерти.

Хотя людей, наделенных магической силой, не так уж много — обычно это мужчины, — все же кое-кто имеет иногда возможность, вознаградив знахаря, обрести эту силу, если только обладает необходимыми для этого психическими способностями. Однако наличие таких способностей определяет сам знахарь. Он отводит своего ученика в потаенную хижину и потчует его каким-то зельем. У маринд-аним знахарь дает в таких случаях питье кава, смешанное с трупной жидкостью, имбирем или другими ингредиентами. Соискатель звания знахаря посвящается в тайны магии при закрытых дверях. Он должен до мельчайших деталей запомнить все процедуры, все заклинания, ибо малейшая ошибка может свести на нет всякий успех. Знахари передают знания своим детям, а те даже

продают их. Это значит, что знахарство становится особой профессией.

Несмотря на то что знахарей за их тайное искусство и чтят, и боятся (скорее боятся, нежели чтят) и профессия их приносит им неплохой доход, они все же не занимают видного общественного положения. Так, у горных папуасов знахари принадлежат к сравнительно бедным слоям населения. Они производят впечатление людей опустившихся, ходят грязные, с длинными волосами, у них угрюмое, коварное выражение лица. Во внутренней части острова тайны магии известны только наиболее древнему населению, но неведомы пришедшим сюда позднее большерослым племенам.

Одна из особенностей горных папуасов и племен, живущих от них к северу, состоит в том, что там каждый знахарь является обладателем волшебных камней, применяемых как орудие магии. Их мана, как называют «чрезвычайно действенную силу», присущую определенным вещам и существам, наделяет знахаря особым даром — способностью изменять свой внешний облик. Эти волшебные камни передаются по наследству. Они — личная собственность их обладателя. Каждый ученик знахаря должен сам позаботиться о том, чтобы найти один из тех волшебных камней, которые помогут их обладателю завоевать уважение соплеменников.

Для знахаря в его колдовстве особую значимость имеют сны и приметы; в них, по представлениям туземцев, проявляется воля духов умерших знахарей. Это общение с духами и особенно с духами умерших у всех знахарей непереносимое условие успешной деятельности. У папуасских племен, живущих на севере Новой Гвинеи, наряду со знахарями существует еще особая группа людей, которые могут посредством определенных действий вступить в прямой контакт с духами. Они жуют кору какого-то дерева, отчего впадают в состояние транса. В этом состоянии знахарь

разговаривает с духами и получает от них ответы на все вопросы своих «клиентов». В данном случае мы, несомненно, имеем дело с ранней формой шаманизма, который знаком и другим народам Океании. Правда, у них шаманизм в отличие от народов Арктики не получил широкого развития.

Посланцы запада

Первые европейцы, с которыми познакомились папуасы, были далеко не всегда достойными представителями цивилизованного мира. Это охотники за райскими птицами на западе Новой Гвинеи, искатели золота в ее восточной части, вербовщики рабочей силы на всей территории острова, люди с биографией авантюристов, одержимые стремлением к богатству и процветанию. Однако все они немало сделали для раскрытия тайн Новой Гвинеи. Правда, колониальные власти, укрепив свое положение, ввели строгий контроль над предприятиями белокожих, и уже прошли времена, когда при слове «золото» трепетали сердца людей, когда «золотая лихорадка» завлекала европейцев в дебри тропического леса. Мы знаем, что с появлением на Новой Гвинее белого человека, стремившегося к быстрому обогащению, для коренного населения наступали мрачные дни. Европейцы жестоко эксплуатировали и угнетали туземцев, да к тому же еще заражали их болезнями. Многие ученые и миссионеры не раз выступали в защиту коренного населения Новой Гвинеи, но тщетно. Никто не прислушивался к их голосам. Одним из ученых, самоотверженно защищавших интересы своих папуасских друзей, был русский путешественник Миклухо-Маклай. В течение почти пятнадцати лет он, живя среди папуасов, занимался исследованием северного побережья Новой Гвинеи, названного его именем, и был полностью отрезан от цивилизованного мира^[36]. Он настоятельно требовал от тогдашнего английского губернатора прекращения эксплуатации туземцев. Его корреспонденции тех лет — документ высокого гуманизма, документ большого исторического значения.

Немалую роль сыграли и миссионеры. Преследуя благотворительные цели, они в трудной обстановке заботились об улучшении санитарно-гигиенических условий своих приходов. Миссионеры вели самоотверженную борьбу против тропических болезней, в те годы еще неизвестных, и часто выступали против злоупотреблений колонизаторов.

В наши дни в жизни папуасов, как и всюду на земле, есть и приметы современности, хотя быт папуасов в сущности не изменился. Вместо вербовки туземцев для работы на плантациях и в рудниках, этого самого омерзительного вида охоты за рабами, там производится наем рабочей силы по контракту. Однако несмотря на то, что договорные отношения контролируются колониальными властями, жестокая эксплуатация туземцев не прекратилась. Во многих районах Новой Гвинеи, в ее западной части, например, папуасы, хоть и в скромных масштабах, стали сами включаться в единую систему мирового хозяйства. Они занимаются сбором смолы дамарра и других видов растительного сырья, а также поисками тех удивительных чудес природы, которым каждый народ дал свое поэтическое название. Это необыкновенные птицы. Малайцы называли их птицами богов, португальцы — солнечными, а немцы — райскими.

Папуасы стали ощущать тяжелые последствия колебания цен на мировом рынке. Однако кризис капиталистического производства не привел их к полному обнищанию, как полинезийцев, потому что изобилие природных богатств всегда обеспечивало им возможность возвращения к их стародавнему жизненному укладу. Благодаря тому что в туземных школах на специальных занятиях по ремеслу стали прививаться трудовые навыки, во многих районах острова (на реке Сепик и других) появилось кустарное

производство, изделия которого предназначены исключительно для приезжих.

Произошли значительные перемены и в культовой жизни благодаря деятельности миссионеров. Но здесь часто сказывается косность мировоззрения: люди более склонны видоизменить старые обряды, нежели отказаться от них совсем. Отошла в область преданий охота за черепами, которой некогда столь рьяно занимались многие папуасские племена. Однако папуасы северного побережья острова, чтобы сохранить хотя бы внешние формы обряда человеческого жертвоприношения, при постройке обрядового дома или лодки находят следующий выход из положения: вновь построенную лодку кропят не кровью убитого человека, а кровью жертвенной собаки. Опорные столбы сооружаемого обрядового и мужского дома они окрашивают уже не человеческой кровью, а просто красной краской и вместо черепов убитых на шпиль остроконечных крыш надевают кокосовые орехи. Так меняется внешняя форма ритуала, и его духовно-религиозная сущность постепенно предается забвению. В итоге остается лишь то, что английский этнолог и фольклорист Тэйлор называет «survival» (пережиток), первоначальный смысл которого можно установить лишь на основе глубокого исторического исследования.

Соприкосновение с европейской цивилизацией породило у папуасов, как и у других экзотических народов, разумеется, немало новых потребностей. Железо, стеклянные украшения, соль, ткани — вот вожделенные товары, ради которых туземцы попадали и до сих пор еще попадают в сильную зависимость от иностранных торговцев. Однако при всем своем положительном отношении к благам современной цивилизации папуасы с большим недоверием принимают требования гигиены. Медицинское обслуживание (в западной части Новой Гвинеи оно в руках индонезийцев)

все еще встречает сопротивление туземцев. Некоторые мероприятия колониальных властей не дали должного эффекта. Так, не привело к желаемому результату расселение туземцев в типовых деревнях, что должно было частично устранить бедственное положение местного населения и в то же время упростить административное управление. Вместо того чтобы жить в новых домах, туземцы соорудили тут же рядом более соответствующие их вкусу хижины и поселились в них^[37]. Колониальные мероприятия отрицательно повлияли на семейно-родовые отношения туземцев. «Вожди», назначаемые властями, не пользуются тем уважением, которое добровольно оказывалось прежним родовым старейшинам. Правовые нормы европейцев совершенно не принимаются, и заключение в тюрьму, скажем, за людоедство и охоту за черепами не считается постыдным. Напротив, старика Бонга из Комадеау земляки стали больше уважать, и он прослыл у них «знающим свет» человеком, оттого что во время заключения близко узнал белых. Хотя многие меры колониальных властей бесспорно направлены на улучшение условий жизни местного населения, правовое положение туземцев на Новой Гвинее не лучше, чем в Австралии. Отсюда стремление прогрессивных элементов папуасского населения к свободе и независимости. Заря свободы уже занялась над западной частью Новой Гвинее, где благодаря общению новогвинейцев с индонезийцами освободительное движение стало развиваться особенно активно

^[38].

Меланезийцы

Краткий исторический обзор

Термином «Меланезия» Дюмон-Дюрвиль ^[39] обозначил Новую Гвинею и расположенные вокруг острова, европейцы же называли меланезийцами племена, пришедшие вслед за папуасами на северное и южное побережья Новой Гвинеи и на прилегающие к ней Новую Британию, Новую Ирландию, Соломоновы острова, Новые Гебриды и Новую Каледонию. Однако название «меланезийцы» неправильно, потому что живущие там люди, за небольшим исключением, какие угодно, но только не «черные» ^[40]. Внешний облик меланезийцев различных племен, подобно внешнему облику папуасов и австралийцев, не поддается обобщенной характеристике. Вследствие происходившего в течение многих столетий смешения меланезийских племен друг с другом и с более древним папуасским населением возникли многочисленные варианты, которые, впрочем, на основе некоторых характерных признаков можно свести к нескольким группам. Так, западные племена Новой Британии обнаруживают большое внешнее сходство с племенами, живущими на побережье залива Папуа к востоку от мыса Поссешен — самого крайнего пункта поселения меланезийцев на юго-восточном побережье Новой Гвинеи. Не меньшее внешнее сходство существует между жителями южного района Соломоновых островов и Новых Гебрид.

***Дощатая лодка, инкрустированная перламутровыми пластинками
(Соломоновы острова)***

Цвет кожи меланезийцев имеет все оттенки от светло-до темно-коричневого, и только жителей северного района Соломоновых островов можно по праву назвать меланезийцами: они действительно черные, черные как смоль. Отличаются они от других меланезийских племен и телосложением. По сравнению с другими меланезийскими племенами, обладающими более деликатным строением тела, жители Соломоновых островов и островитяне Новых Гебрид выглядят очень и очень грубыми. Словом, определить тип меланезийца вообще не представляется возможным, да и вряд ли такой тип когда-либо существовал. По биологическим данным меланезийцы, или меланиды, считаются разновидностью негроидного (т. е. черного) населения нашей планеты.

Однако следует отметить, что все меланезийцы имеют единый язык, называемый меланезийским, объединяющий всех жителей островов от архипелага Бисмарка до Новой Каледонии, если не считать небольших диалектных различий^[41]. Вместе с полинезийскими и индонезийскими языками они образуют австронезийскую группу языков, поэтому в последнее время за меланезийцами закрепилось название австро-меланидов. Что же касается существования отдельных папуасских племен среди меланезийцев, таких, скажем, как байнинг и сулка, то объяснение этого факта дает нам исторический процесс заселения Океании.

Жители меланезийских островов в противоположность австралийцам и папуасам — хорошие мореходы и поэтому подвижны и экспансивны. На протяжении своей многовековой истории они не раз меняли места поселений, благодаря чему происходило смешение племен. Несмотря на отсутствие письменности у меланезийцев, сравнительное исследование позволяет установить, что в места своего нынешнего обитания они пришли с запада. Плыли они на парусных лодках. Это произошло в те времена, когда на Новой Гвинее уже обосновались папуасы. Точно датировать появление меланезийцев на их островах не представляется возможным. Что же касается мест, откуда меланезийские мореходы группами шли на восток, то Фридрици в своем фундаментальном труде удалось доказать, что они переселились в места своего нынешнего обитания с Молуккских островов, расположенных в восточной части Индонезии. Но эти острова были лишь последним этапом продвижения меланезийцев на восток.

***Меланезийка, держащая пучок пальмовых листьев над ребенком
для защиты его от солнца (Рифовы острова)***

Гейне-Гельдерну удалось более точно установить происхождение меланезийских племен путем сравнения их орудий труда с орудиями труда других народов. Характерен для меланезийцев каменный тщательно заточенный валиковый топор с удобной рукоятью. По мнению Гейне-Гельдерна, носители культуры валикового топора, населившие меланезийские острова, примерно между 1800 и 600 гг. до н. э. покинули пределы Восточной Азии и отправились через Тайвань и Филиппины, а затем через Молукки и микронезийские острова на нынешнюю родину меланезийцев шли две волны миграции. Вместе с меланезийцами продвигались некоторые папуасские племена, однако юго-западную группу папуасов сюда причислять нельзя. Опорным пунктом предков нынешних меланезийцев в их продвижении на восток оказалась Новая Гвинея, ее северное побережье. Продвижение меланезийцев через Новую Гвинею подтверждается тем, что меланезийские племена густо населяют северное и юго-восточное побережья Новой Гвинеи вплоть до мыса Поссешен в заливе Папуа. Вместе с тем меланезийские переселенцы обосновались когда-то и на Новой Британии и Новой Ирландии. Переселение меланезийцев распространялось к югу от одной группы островов к другой и затем к островам на востоке, ставшим впоследствии родиной полинезийцев.

Среди переселившихся меланезийцев есть группа племен, которая обращает на себя внимание своими замечательными каменными памятниками, так называемыми мегалитами. Эти племена так и называют «мегалитическими». Они были, очевидно, последним крупным отрядом меланезийских переселенцев, оказавших культурное влияние и на другие районы Океании. Новейшие исследования показали, что одно из ответвлений мегалитической группы племен, двигавшееся с севера, осело на северном побережье

Новой Гвинее и оттуда стало распространяться на запад, затем от побережья продвинулось вдоль рек в глубь острова и там смешалось с папуасскими племенами. Другие мегалитические племена обосновались на юго-восточной оконечности Новой Гвинее.

Впоследствии Новая Гвинея подверглась влиянию другой культуры, точнее, некоторых ее ответвлений. Это была североаннамская донгсонская культура бронзового века, которая в начале следующего доисторического периода распространилась в Индонезии. Таким образом, меланезийские племена и их культура — плод весьма бурного и интенсивного процесса смешения рас и культур. Известный швейцарский ученый и путешественник Бюлер в своем труде о жителях островов Адмиралтейства показал, насколько различны биологически меланезийские племена, населяющие даже самые мелкие острова. Поверхность островов Адмиралтейства составляет около 1700 кв. км; общая численность населения 14 тысяч человек. Ведь это во много раз меньше числа жителей какого-нибудь крупного города. И вот это немногочисленное меланезийское население, живущее на столь незначительной территории, состоит из четырех различных биологических групп, из коих каждая имеет собственную культуру!

Наиболее древние поселенцы этих островов — племя усяи. Теснимое со всех сторон другими племенами, оно со временем осело на юго-востоке главного острова архипелага. Затем с северо-востока или запада пришло племя матанкор, обосновавшееся на юго-восточных островах. С запада пришло племя манус, живущее на юго-западных островах. Вклинившись между племенами матанкор и манус, живет племя палуан, переселившееся сюда позже. Несмотря на то что все эти четыре племени говорят на одном меланезийском языке, по телосложению они существенным образом отличаются.

Так, у людей племени палуан ярко выраженный малайский и даже восточноазиатский тип сложения. Хотя за многие столетия совместного существования этих четырех племен их культуры взаимно сблизились, но культурные особенности каждого племени сохранились и до наших дней. То же можно сказать и о других меланезийских островах. Всюду мы наблюдаем резкие биологические и культурные различия между жителями побережья острова и его внутренних районов, между «salt water people» и «bush people», как их называют английские исследователи.

За последние десятилетия на меланезийских, а также полинезийских островах были найдены искусно обработанные каменные орудия, которые часто называют «доисторическими». Отсюда возникла проблема существования древнего населения (не папуасского, а какого-то иного), обитавшего на этих островах еще до меланезийцев. На меланезийских островах чаще всего не систематическими раскопками, а случайно находили каменные чаши, пестики, иавершия палиц со сквозным отверстием, колотушки для тапы и тому подобное. Некоторые из найденных предметов применялись в быту еще во времена колонизации, однако большая часть таких предметов нынешним туземцам незнакома, и их происхождение им неизвестно. Такие находки туземцы обычно ассоциируют с духами предков и пользуются ими для колдовства. Исследования Хёльткера и Бюлера показали, что найденные при раскопках предметы отнюдь не являются доисторическими в привычном для нас смысле. С большой вероятностью предметы, найденные в Меланезии, можно связать с теперешними культурами Океании. Так, наивершия палиц со сквозным отверстием принадлежат доавстронезийскому населению, к которому относятся папуасоязычные племена. Большая часть находок свидетельствует о том, что там когда-то

жили так называемые австро-меланиды, которые еще до прихода полинезийцев в их нынешние места обитания распространились по островам Полинезии. Зато удивительно мало находок, представляющих собой предметы мегалитической культуры, оказавшей столь сильное влияние на Меланезию, если не считать оставшиеся от этой культуры менгиры и каменные террасы^{[\[42\]](#)}.

Лодка с балансиром и ее торговые рейсы

На темнокожих мореходов, пришедших с Молукков, побережье Новой Гвинеи и прилегающие к ней острова произвели весьма выгодное впечатление. Поэтому эти люди высадились там, как говорится, с легким сердцем, что с ними бывало не всегда. На склонах гор вулканического происхождения они увидели тропическую растительность, пышно расцветающую при ровном, теплом и влажном климате. Там, где лава и серные пары действующих вулканов еще не погубили всего живого, где топор человека еще не нанес смертельных ран девственной природе, там буйно разросся тропический лес. А там, где лесу пришлось отступить под натиском поселенцев, строивших дома и расчищавших землю под посевы, впоследствии появились широкие луговые равнины, часто переходящие в целые районы саванн. Новое жизненное пространство, бедное млекопитающими, но зато богатое птицами всевозможных видов, едва ли чем-нибудь отличалось от Индонезии — родины переселенцев. Следовательно, на Новую Гвинею они прибыли не в поисках более плодородных земель. Покинуть свою родину заставили их другие причины — возможно, политические трения в стране или перенаселенность.

Состояние судоходства, которое на меланезийских островах застали первые европейцы, не дает и малой доли представления о тех отважных меланезийских мореходах, которые когда-то бороздили просторы Тихого океана. Когда благодаря вмешательству колониальных властей меланезийские племена перестали враждовать и отпала необходимость в военных судах, когда благодаря широкому

строительству дорог стали появляться более надежные и более удобные сухопутные средства передвижения, судостроение и судоходство меланезийцев пришли в упадок. Теперь для морского сообщения можно было в случае нужды воспользоваться европейским каботажным судном. Ныне меланезийцы строят разве что плоты. Их былая судостроительная техника предана забвению.

В ранний период европейской колонизации у жителей меланезийских островов и некоторых участков побережья Новой Гвинеи были лодки самых различных конструкций и назначения. По большим рекам Новой Гвинеи папуасы плавали на стройной однодеревке. Правда, она легко опрокидывалась при сильных волнах и поэтому не годилась для морских рейсов, но ею пользовались для ловли рыбы в прибрежных водах. Однодеревка меланезийцев, как и многие лодки других народов Океании, снабжена для большей устойчивости параллельным ее корпусу деревянным поплавком-балансиrom, укрепленным на поперечных стержнях. Таким образом лодка получает большую опорную площадь, и ей меньше грозит опасность опрокинуться. В своих обстоятельных исследованиях Фридрици отмечает поразительный факт: не говоря уже о прочих конструктивных особенностях, поплавки и их соединительные стержни на однодеревках меланезийцев (например, в западной части Новой Британии) такие же, как на лодках жителей Молуккских островов. Длина подобных однодеревек достигает 20 м; но для такой длины они слишком узки — их ширина не более 70 см, и поэтому гребцам приходится сидеть на бортах.

Борта лодок обычно наращиваются досками, которые сшиваются лианами и ротанговой тетивой. Швы между досками промазываются смолой ореха паринариум. Эти лодки, па которых передвигаются при помощи весел,

развивают поразительную скорость. Особенным мастерством гребли отличаются племена северо-запада Новой Ирландии. Они гребут одним веслом-гребком, как на байдарке. Фридрици был однажды свидетелем того, как такая лодка отправилась с важным донесением из одного пункта побережья в другой на расстояние 38 км и ровно через сутки, выполнив задание, вернулась обратно, проделав за 24 часа 76 км!

Значительно более пригодны для морских рейсов лодки с балансиром у меланезийцев, живущих на северном побережье Новой Гвинеи. Правда, и эти лодки всего лишь однодеревки с одним балансиром; однако помимо досок, которыми обычно надстраивают борта, на лодке устанавливается своеобразный деревянный ящик. Эти лодки так и называются «лодки с ящиком». Украшенные фигурной резьбой на носу и корме и ярко расписанные по бортам, они имеют весьма импозантный вид. Кроме того, на них установлена мачта (а нередко и две) с четырехугольным парусом из циновки.

Не менее красивы лодки жителей островов Санта-Крус к северу от Новых Гебрид. Сколько изящества в их стройных силуэтах, вырисовывающихся на фоне ясного неба! Эти лодки, вмещающие сорок человек, обращают на себя внимание высокими клешневидными парусами. Такие паруса можно увидеть и у своеобразных лодок-лакатоэв на побережье залива Папуа. В инвентарь этих лодок помимо весел и шестов входят бочонки с ручками. Это деревянные черпаки, которыми вычерпывается вода, постоянно проникающая сквозь дно и борта лодки. На каждой такой лодке имеется рожок из раковины. Это своеобразный сигнальный инструмент, необходимый для связи с другими лодками и берегом.

Хотя меланезийцы и не достигли той степени мореходного мастерства, которой отличаются микронезийцы и полинезийцы, их достижения все же значительны. Чтобы не терять ориентиров, лодки

меланезийцев ходят лишь вдоль берега. Опасные места у рифов отмечены торчащими из воды сучьями и палками. На побережье в местах, где особенно сильный прибой, на большом расстоянии от берега сооружены волнорезы из коралловых глыб.

Кроме лодки с балансиром меланезийцы пользуются так называемым моном — дощатой лодкой без балансира. Такая лодка «сшита» из отдельных досок и промазана смолой паринариума. Однако мон отличается от лодки с балансиром не только конструкцией, но и способом гребли. В моне гребцы сидят попарно, и каждый в паре гребет только на стороне своего борта. Кроме того, в дощатой лодке скамейки гребцов довольно низкие, отчего весло при взмахе часто ударяет по борту. Мон ведет свое происхождение от лодки орембай. Она встречается на Молуккских островах в районе пролива Сент-Джордж, отделяющего Новую Ирландию от Новой Британии, а также на Соломоновых островах. Это свидетельствует о том, что трасса меланезийских странствий затрагивала побережье Новой Британии, проходила по проливу Сент-Джордж и заканчивалась в районе Соломоновых островов.

Эти замечательные лодки сооружают только там, где растут стройные корабельные деревья тима. Их высокие стволы, почти не имеющие сучьев, — наилучший материал для изготовления дощатых лодок. Сооружение такой лодки требует большого умения. На рубеже XIX–XX веков на архипелаге Бисмарка в строительстве монов отличился некто Панаке, вождь племени ламасса. С тех пор его имя стало широко известным. Селение, где он жил, превратилось в сплошную верфь. Далеко гремела слава Панаке. Люди со всего побережья съезжались в его селение и там у искусных мастеров-судостроителей буквально вырывали из рук готовые лодки. По размерам и по красоте эти моны уступают разве что монам соломонийцев, у

которых такая лодка забирает до девяноста человек. Моны соломонийцев своими высоко вздымающимися носом и кормой похожи на лежащий серп луны. На севере архипелага такие лодки украшали резными фигурами предков. Красно-черно-белая раскраска этих фигур резко контрастирует с цветом бортов. На юге архипелага лодки красили в черный цвет и борта их искусно инкрустировали перламутром. На форштевень лодок как первого, так и второго типа насаживали крупные, сверкающие белизной панцири улиток овула (ovula) и устанавливали фигуру предка в характерной позе на корточках; фигура предка — это дух-хранитель и талисман для всех плывущих на этой лодке.

Центры кораблестроения, пользовавшиеся особой известностью, были и на Соломоновых островах. Это небольшой остров Бука, верфи которого снабжали лодками племени западной части архипелага. А остров Рубиана продавал свои дощатые лодки с великолепными перламутровыми инкрустациями жителям других островов, вплоть до островов Шуазель и Исабель. Жители Рубианы продавали даже обработанные доски, и этот товар ценился весьма высоко. Из обработанных досок жители некоторых островных групп сколачивали лодки.

Обитатели восточного побережья Папуа пользуются весьма импозантными лодками-лакатоями. В давние времена лодки-лакатои у любивших торговать прибрежных племен залива Папуа были единственным средством передвижения для торговли с другими племенами. Каждый лакатой состоял по меньшей мере из двух больших спаренных однодеревек длиной по двадцать метров. Иногда соединяли несколько однодеревек, и получался своеобразный плот. Возможно, что эти спаренные лодки появились у меланезийцев под влиянием полинезийцев, у которых двойные лодки были самыми распространенными

морскими судами дальнего плавания. На лакатое установлены один или два паруса, похожие на раковые клешни и по форме поразительно напоминающие паруса на лодках жителей островов Санта-Крус.

После рейса лакатой затаскивали на берег, чтобы его не унесло в море и не разбило бурей. Но на берегу лакатой пересыхал. Он как бы скручивался штопором. Поэтому лакатой ставили на специальные деревянные подпорки, паруса свертывали, мачты складывали, балансиры с поперечинами снимали и, наконец, все это заботливо накрывали циновками и листьями. Когда лодкой долгое время не пользовались, ее закатывали в специальное помещение.

Если на Соломоновых островах громадные моны были настоящими военными судами, то у большей части населения Меланезии все средства передвижения по воде служили только мирным целям. Более мелкие и простые лодки с балансиром применялись в рыболовстве, более крупные — для дальних торговых рейсов и визитов. Слава искусных мореходов и торговцев закрепились главным образом за жителями островов Тумлес, Сиасси, Тами и Били-Били. Земля этих мелких островов не могла прокормить всех меланезийских поселенцев, и поэтому им приходилось порой возделывать поля на находящемся по соседству с ними новогвинейском побережье. Но при плохой погоде им было не так-то просто до него добраться. Тогда предприимчивые островитяне стали производить сверх собственной потребности горшки, деревянные миски, предметы украшения и лодки. Эти товары они завозили единым рейсом во многие прибрежные селения Новой Гвинеи, как ближние, так и дальние, выменивая различные съестные припасы.

Еще на рубеже XIX и XX веков жители Тами ходили под парусами со своими товарами на 200 км, до самого южного мыса Новой Британии, а жители островов Сиасси

стали посредниками в торговле между селением Сикава, расположенным в одной из бухт северного побережья Новой Гвинеи, и селением Аруэ на южном побережье Новой Британии. Жители острова Били-Били продолжили свои рейсы до острова Дампир, отстоящего от них на 60 км.

Предприимчивыми мореходами и купцами были и жители архипелага Луизиада и Соломоновых островов. Люди острова Саа (Соломоновы острова) совершали шестидневные торговые рейсы к островкам Санта-Анна и Санта-Каталина, а жители острова Алитэ ходили морем на Гвадалканар и выменивали там предметы украшения на продовольствие. В группе Новых Гебрид важную роль в торговле с островом Тикопиа играл остров Ваникоро. Его жители поставляли отличный корабельный лес и слыли хорошими строителями лодок. Они охотно приобретали предметы украшения в обмен на циновки. Классический пример морской торговли меланезийцев — это так называемые рейсы хири, совершавшиеся людьми племени моту (восточное побережье залива Папуа). Моту возили горшки собственного изготовления на запад, в селения на побережье залива Фрешуотер, отстоящие от них на расстоянии двухсот километров, и приобретали там свою излюбленную провизию — саговую муку. За один такой рейс шестьсот человек из племени моту перевезли однажды на лакатях тридцать тысяч горшков. На них они выменяли 4000 ц саговой муки. Как ни огромно это количество, саговая мука не наводнила рынок, так как ее тут же перепродавали охотно покупавшим ее жителям соседних деревень.

Лучение рыбы острогой (Соломоновы острова)

Юго-восточный муссон постепенно стихает. В окрестных селениях Порт-Морсби кипит работа. Предстоят рейсы хири. Каждый лакатой поведут два капитана. Один, называемый бадитауна, будет командовать на пути к месту назначения, другой, доритауна, — на обратном пути. Оба сидят на деревенской площади, подыскивают себе команду.

На лакатое, как и на каждом приличном судне, без повара не обойтись. Повар должен быть неженатым, капитаны выбирают его с большой осторожностью. Каждый капитан подбирает себе помощника, юношу для особых поручений. Своим будущим матросам капитаны рассказывают о прежних походах, знакомят их с обязанностями. За беседой не худо и покурить табак.

Вынимаются бамбуковые трубки, зажигаются головней листики туземного табака. Мужчины с упоением затягиваются. Они буквально пьют этот дым и не выпускают его обратно, как это делаем мы. От таких затяжек священнодействие курения нередко сопровождается сильным покашливанием.

Опускается ночь, и все расходятся по домам. Пока капитаны их не вызвали, будущие матросы занимаются обычными делами. Но жизнь самих капитанов идет уже по иному руслу. Они должны от многого воздерживаться. Им нельзя не только иметь половые сношения с женами, но даже разговаривать с ними. Им придется теперь отказывать себе в некоторых блюдах. Эти табу — неременное условие успеха предстоящей поездки. Они возникли на основе одного туземного мифа, герой которого первым совершил рейс хири.

Проходит несколько недель. В начале августа командиры лодок созывают свои команды. Прежде всего надо подготовить лодки для путешествия. Часто соединяют две, еще чаще три или четыре лодки, а иногда и более в одно массивное судно. Борта лодок надстраивают досками. На эти доски кладут широкий, выступающий за борта помост, на котором размещается вся команда. И вот подготовка к отплытию прерывается в один прекрасный день своеобразной церемонией. Колдун Аруа из Эльвары с таинственным видом поджигает пучок имбиря, в который завернуты когти казуара и рыбы головы, торжественно ходит с ним вокруг лодок, и коптящий дым окутывает их борта. Это колдовство принесет успех рейсу, теперь корабли помчатся по синим волнам со стремительностью казуара, бегущего по степи, с легкостью рыбы, плывущей по подводным просторам, и нос корабля будет уверенно и быстро разрезать волны океана. На следующий день на рассвете участники предстоящего рейса уже на ногах. Неподалеку в мангровнике

сваливают несколько стволов и притаскивают их к деревне. Это материал для мачт. Тяжелыми каменными топорами срубают сучья. На верхушках оставляют рогатину, через которую перекидывают тросы для парусов. Затем обрубают корни дерева на определенную длину таким образом, чтобы мачту можно было прочно прикрепить к палубной балке. Перед тем как установить эти гигантские мачты, на верхушке каждой из них укрепляют рамку с большими ракушками улитки овула. У многих народов Тихого океана это символ удачи и в то же время эмблема.

Тем временем другие жители деревни сшили из циновки большие паруса. Они выглядят как огромные клешни рака, расправленные поперечными стержнями. Не менее важен невзрачный на вид якорь. Это бесформенная каменная глыба, укрепленная на ротанговом канате и лежащая на борту. Во время рейса несколько человек из команды всегда сидят у этой глыбы, чтобы в случае большого волнения на море немедленно бросить якорь. Для размотки ротангового каната нужны сильные, крепкие руки. На судне строго следят за тем, чтобы никто не перешагнул через размотанный канат, ибо это может навлечь гибель на судно. Однако корабли считаются готовыми к отплытию лишь тогда, когда они прошли испытание в гавани.

С давних времен для всех моряков это был праздничный день, и вот сейчас все мужчины Эльвары в самом лучшем настроении. На корме лакатоя трудится полдюжины гребцов, а остальная команда затягивает одну из многих мелодичных песен, поющих обычно только на лакатое. Смысл песни непонятен самим поющим:

Оалабада овириа нанаиа
Арио визиу о вери ауко
Богебада эрароиа нанаиа

Иропе уманаи эла дауко!

Пение сопровождается боем небольших деревянных барабанов, и девушки со сверкающими белыми ожерельями из ракушек, в развевающихся нарядах из перьев танцуют на передней площадке корабля. Правда, обоим капитанам запрещено участвовать в веселье. Они все время находятся в своей «каюте», как требует от них традиция. Лодки снова медленно скользят к берегу. Кили со скрипом врезаются в прибрежный песок.

А женщины тем временем обвернули изящные круглые горшки, изготовленные ими за многие недели, сухими листьями банана. Сейчас они складывают горшки в трюм. Люди, живущие к западу, в них очень нуждаются, ведь там нет гончарного производства. Зато лакатои привезут оттуда плетеные корзины с белой саговой мукой, которой в Эльваре так мало.

Через несколько дней после торжественного испытания кораблей в их трюмах уже стоят хорошо упакованные горшки. Все готово к отплытию. Нет только попутного ветра. Поэтому настроение у всех подавленное. Но бывалые капитаны знают, что скоро появится северо-восточный муссон.

Занимается день. С надеждой вглядываются капитаны в наступающее утро. Они не ошиблись. Уже доносится легкий шелест пальм. Это бриз — лучшее, чего могут желать перед отплытием моряки. Тотчас же собираются команды, и вздувающиеся паруса уносят суда от родных берегов. Корабли идут с отличной скоростью, и уже к вечеру показывается деревня Меабада. Они берут курс на Меабаду и становятся у берегов ее на якорь. А на рассвете следующего дня снова в путь. Ветер крепчает. Туго приходится кормщикам у тяжелого кормила, того гляди собьешься с курса. В ящиках с песком, огороженных с наветренной

стороны циновками, горят огни очагов, где стоят горшки с кашей из саговой муки; она ждет проголодавшихся моряков.

Корабли проходят пролив Халл Зунд, и начинается церемония, издавна совершаемая в этом месте. Юноши — помощники капитанов — бросают об мачты пучки казуаровых перьев, производя при этом характерные телодвижения. Вся команда подбадривает их громкими выкриками, как бы прогоняя какое-то чудовище. И в самом деле, этой церемонией надлежит отогнать духов умерших из племени лоло, духов тех, кого некогда убили предки наших моряков. С тех пор их духи преследуют суда моту. Колдовство должно спасти от всех напастей, и люди племени моту верят, что именно благодаря колдовству их корабли благополучно пройдут жуткое место. Но вот уже пролив Халл Зунд позади, и остров Юле постепенно скрывается за горизонтом.

Ветер по-прежнему раздувает паруса, скрипят мачты, стонут снасти. Время от времени налетает шквал, но он не страшен отважным морякам. Несколько человек находятся в трюме, они вычерпывают корьевыми черпаками захлестнувшую воду. То и дело раздается голос капитана, дающего рулевым короткие команды. Те удерживают тяжелый руль ногами, наваливаясь на него всем телом. Без компаса, без карты капитаны ведут корабли строго по курсу. Им помогает опыт многих поколений мореходов.

Снова спускается вечер, и на горизонте появляется остров Баилала. И опять суда направляются к берегу и становятся на якорь, чтобы переждать ночь. На следующий день корабли прибывают к месту назначения — деревне Каимаре. Все с нетерпением вглядываются в даль берегов; зоркие глаза моряков уже заметили и жителей деревни, которые взволнованно бегают вдоль берега. Как их встретят? Этот вопрос

волнует всех участников рейса, и они высказывают друг другу свои предположения. Корабли, словно ведомые невидимой рукой, подходят к берегу. Капитаны велют спустить паруса. Медленно скользят корабли между рифами. Уже нетрудно различить людей в толпе, собравшейся на берегу. Они что-то выкрикивают и размахивают руками. Но вот сначала слегка, а затем все сильнее и сильнее раздается скрип, и путешественники ощущают резкий толчок. Это их корабли врезались в морской берег. Капитаны довольны — ведь с этого момента снимаются все табу, которые им приходилось соблюдать во время рейса.

В то время как матросы закрепляют лодки, к гостям приближается торжественное шествие жителей Каимаре во главе с вождем племени. Дружелюбные лица этих людей сияют радостью. Капитаны со своими экипажами степенно шагают навстречу местным жителям. После традиционного обмена приветствиями каждый прибывший житель Эльвары выбирает себе среди жителей Каимаре друга, о чем оповещает всех присутствующих тем, что снимает с себя какое-нибудь украшение и дарит его своему избраннику. Это символ дружественного визита. После непродолжительной беседы с прибывшими жители Каимаре устраивают в честь высоких гостей торжественное пиршество. Каимарцы закалывают свиней и собак и тушат их в земляной печи. На камнях очага стоят огромные глиняные чаны, в которых бурлит саговая каша. Тут знают, чем можно отблагодарить друзей. Собираются все участники рейса, и начинается пиршество, длящееся до глубокой ночи.

На рассвете матросы принимаются за дело. Они выгружают горшки на берег и распаковывают их. Каждый ставит сделанные им горшки на определенное место и кладет в горшок по две деревянные палочки. Один за другим подходят покупатели. Они испытующе

осматривают товар. Когда какой-нибудь житель Каимаре намеревается купить горшок, он обращается к его владельцу. Тот вынимает из горшка палочки, одну дает покупателю, другую оставляет себе. По числу таких палочек определяется число торговых сделок. Палочки аккуратно связываются и так в связках хранятся до расчета саговой мукой. Все настолько друг другу доверяют, что покупателям разрешается уносить выбранные горшки к себе домой еще до совершения расчета. Ряды расставленных горшков быстро редуют, ибо весть о прибытии кораблей уже облетела все соседние селения и привлекла многочисленных покупателей. К вечеру большая часть привезенного товара уже продана. Оставшиеся горшки раскупаются на следующий день.

Шумно в день торгов в самом селении и у причала кораблей, зато на следующий день там тихо и спокойно. Корабли чуть покачиваются на легких прибрежных волнах. Команды трудятся над канатами и парусами, они готовят суда к обратному рейсу. Деревня Каимаре точно вымерла. Лишь собаки да свиньи бегают около хижин, выискивая остатки пищи. Кое-где подле своей хижины сидит старик или старуха. С грустью глядят они куда-то вдаль. Старики понимают, что никому уже не нужны, ведь каждый, кто еще может работать, отправился в ближайшую рощу за саговой мукой, чтобы оплатить горшки. Проходит еще несколько дней, и на берегу выстраиваются сплетенные из листьев корзины с мукой. Непрерывным потоком поступают все новые и новые корзины. При помощи учетных палочек продавцы и покупатели производят все свои расчеты, и благословенная молочно-белая масса наполняет трюмы. И так все больше и больше саговой муки скопляется во чреве кораблей, и корпуса их оседают все глубже и глубже.

Приближается день отплытия. Торговые партнеры еще раз встречаются на торжественном пиршестве. Установление дружественных отношений знаменуется взаимным преподношением подарков. Как всегда в эти месяцы, ветер в районе залива дует в северном направлении. Раздаются краткие команды капитанов. Подымаются широкие тяжелые паруса, раздуваемые ветром, и словно дрожь, словно стон проходит по судам. Чинно vyplывают корабли из гавани. А люди селения Каимаре стоят на берегу и машут и машут, покуда корабли им видны.

С момента отплытия от родных берегов прошло уже пятьдесят суток. Жена капитана, называемого бадитауна, ведет точный счет этим суткам. Каждый день на длинном лубяном шнурке, прикрепленном к кровельной балке хижины, она завязывает маленький узелок. Каждый десятый день она завязывает на шнурке толстый узел. Жена бадитауны в любой момент точно знает, сколько времени прошло со дня отплытия кораблей. Сейчас она знает по опыту прошлых рейсов, что корабли уже скоро вернутся, и с радостью сообщает всем об этом. Женщины Эльвары ежедневно взбираются на холм Хухунамо, откуда можно обозреть море на 40 км от берега. Корабли на обратном пути никуда не заходят, женщины знают это, и все уже приготовились к торжественной встрече с возвращающимися. Их взоры устремлены на горизонт. Не показались ли там корабли?

Раковины и собачьи зубы как звонкая монета

Обычная форма торговли жителей меланезийских островов — это простой обмен товарами. Однако некоторые племена меланезийцев уже перешли к постоянному эквиваленту, считающемуся в их районе средством платежа. Так как и здесь власть над людьми достигается материальным богатством, меланезийские деньги стали скапливаться в руках людей определенных общественных групп. Правда, меланезийские деньги совсем не похожи на наши, это не металлические монеты и не бумажные денежные знаки. Деньги меланезийцев выпускает сама природа. Это какой-нибудь естественный материал: кости, зубы, панцири животных. Их тщательно обрабатывают, и поэтому они представляют определенную ценность. Обработанные кости, зубы и панцири носят и как украшения. От количества таких украшений зависит общественный престиж носящего их человека.

Наибольшее распространение имеют раковинные деньги. Это обозначение не всегда точно, потому что здесь наряду с раковинами моллюсков употребляются и раковины улиток. У прибрежных племен полуострова Газели острова Новая Британия в качестве денег применяются раковины маленькой улитки насса величиной не более ногтя. Когда в песчаных бухтах полуострова Газели улиток насса полностью истребили, пришлось добывать их далеко на западе Новой Британии, в районе обитания племени наканаи. Были времена, когда ловля этих улиток производилась ежегодно, для чего устраивались специальные рейсы. Такие рейсы совершались вблизи берегов, и все же они были небезопасны. На охотников за улитками нередко

нападали вооруженные наканайцы. Но очень скоро люди племени наканаи сами сообразили, что ловля улиток — дело выгодное. Поэтому теперь добывать раковинки насса можно только посредством торговли с наканайцами.

Обработка раковины под деньги не очень сложна. Требуется лишь отбить верхушку. Оставшиеся части без труда нанизываются на ротанговый шнурок. Он проходит через естественное и пробитое отверстия раковины. На каждый ротанговый шнурок длиной в 10 см нанизывается примерно 25–35 подобных дисков. Нитка с 5–6 дисками — валюта наименьшего достоинства, эквивалентная нашей медной монете. Стоимость снизки раковин, называемой в этой области «диварра» или «тамбу», определяется ее длиной. В качестве основной единицы снизки берется расстояние от середины груди до кончиков пальцев вытянутой руки. Более мелкие деньги этого типа, необходимые для ежедневных покупок, носят в плетеных корзинах. Люди, получающие крупные барыши, скажем, туземные вожди, заставляют молодых мужчин селения собирать раковины улиток, вознаграждая их за это лишь незначительной долей улова. Из ротанговых шнурков с насаженными раковинами они делают огромные ожерелья — достигающие величины человеческого роста (!) — и обертывают их листьями банана. Такие драгоценности хранятся владельцами в хижинах, построенных специально для этой цели. Их по всяким торжественным поводам выставляют напоказ, несмотря на то что обладателю драгоценностей приходится нести некоторый расход, ибо толпа любопытных требует от такого богача обильного и вкусного угощения.

К началу европейской колонизации вожди племен располагали поразительными денежными средствами. У одного из них оказалось 20 тысяч снизок раковин, что составляло сумму примерно в 30–40 тысяч германских

марок! Когда такой «капиталист» умирал, его состояние не доставалось наследникам. После публичного показа покойного во всем блеске накопленного им богатства все его имущество раздавалось толпе. Так увековечивали имя умершего.

На небольшой группе островов Герцога Йоркского, расположенных в проливе Сент-Джордж, совсем рядом с полуостровом Газели, также применяют в качестве платежного средства раковинные деньги, называемые там «пелле». Материалом для этих денег служат мелкие ракушки *modiola* и *mytilus*. Диаметр дисков, обработанных под деньги, — три миллиметра, максимум шесть, толщина — не более миллиметра! Здесь на всех островах такие деньги изготавливаются женщинами. Мелкие ракушки добывают на главном острове, самом крупном, и затем обрабатывают их на более мелких островах, таких, как Миоко или Утуан. Сначала раковинки просверливают, а затем нанизывают на тонкие волокна из воздушных корней пандануса. Деньги пелле, как ни странно, пользуются большим спросом лишь у жителей побережья полуострова Газели, в то время как в близлежащих районах Новой Ирландии они не имеют хождения.

Европейцы-колонисты всегда принимали туземные деньги как средство платежа, и поэтому потребность в этих деньгах постоянно возрастала. Женщины островов Герцога Йоркского, стараясь изготовить побольше денег, переставали обрабатывать раковины так тщательно. Несмотря на то что изготовление пелле было делом куда более трудоемким, чем изготовление диварра, пелле так и не достигли стоимости диварра. 450 дисков диварра соответствуют 2300 дискам пелле. О масштабах труда на «монетных фабриках» этих племен можно судить по следующим данным. В 1894 г. женщины острова Миоко изготовили примерно 1200 м

раковинных денег, для которых понадобилось не менее 1 200 000 мелких панцирных дисков.

Другой тип раковинных денег распространен на севере Новой Ирландии и на прилегающих к ней с востока небольших островах. Здесь из мельчайших ракушек *spondylus* и улиток *conus* оттачиваются тончайшие круглые диски диаметром в 3–4 миллиметра. 10–14 таких пластинок умещаются на одном сантиметре шнура. Кроме того, там встречаются еще более мелкие пластинки, но большей толщины; они производят впечатление жемчужин. Цвет таких денежных снизок различен в зависимости от материала: и белый, и желтый, и светло-серый, и красноватый. Особым своеобразием отличаются высоко котирующиеся деньги «капут» и «бирок». Они не нанизываются, а просто прикрепляются к шнуру в одной плоскости с ним.

Снизки раковинных денег длиной в несколько метров украшаются либо обернутыми в листья косточками плодов, либо четырехугольными кусочками тонкого разноцветного плетения, либо свиными хвостиками. Когда-то европейцы-колонисты полагали, что на деньги, украшенные свиными хвостиками, можно купить только свиней. На самом деле свиные хвостики — это талисманы. Такими связками денег платят, разумеется, и за свиней, которых по какому-нибудь торжественному поводу в огромном количестве закалывают. Поэтому эти деньги ценятся особенно высоко. Раковинные деньги в ходу и на Соломоновых островах, и на островах Банкс, и на Новой Каледонии. Там тоже деньги такого типа скапливаются у вождей.

На мелких островках, расположенных к востоку от Новой Ирландии (Анери, Танга, Табар, Симбери, Ниссан), находится в обращении особый тип денег. Это огромные белые раковины *tridacna*. Из замковой части этих раковин туземцы вытачивают тонкостенные трубки длиной до шести сантиметров и украшают их снаружи

бороздками. Эти оригинальные «манжеты» когда-то носили как ручные браслеты. Вожди тщательно хранили их как своеобразные государственные сокровища.

Диски тридакны на острове Ниссан, хотя и грубо обработанные, представляют известную ценность. Несмотря на то что на их обработку потрачено меньше труда, чем на обработку раковин улиток, уплата возмещения после вооруженного конфликта производится именно дисками тридакны.

На островной группе Санта-Крус, где ощутимо влияние полинезийской культуры, имеют хождение перьевые деньги, которые в больших количествах скапливаются у знатных семей. Перьевыми деньгами уплачивается и выкуп за невесту.

Делаются эти деньги следующим образом. Из шнурков сплетается пояс, который оклеивается полосками черного луба. На пояс наклеиваются одно на другое алые перышки. По расположению они напоминают черепицу крыши. Есть особой породы попугаи, у которых из-под больших перьев крыла виднеются как раз такие перышки. Они — большая редкость, и поэтому в них и сосредоточена вся фактическая стоимость перьевых «монет».

Не менее странное впечатление производят собачьи зубы, служащие средством платежа. Еще в начале колонизации собачьи зубы, причем только клыки, котировались очень высоко. Несмотря на то что собак на меланезийских островах довольно много — их держат как домашних животных и по торжественным поводам закалывают, — добыча собачьих клыков не настолько велика, чтобы понизилась их стоимость. Еще в 1880 г. выкуп за невесту оплачивался сотней собачьих клыков, а за один собачий клык можно было получить сто (!) кокосовых орехов. Европейские торговцы наживались на этом. Они привозили огромные массы собачьих клыков, что вызвало инфляцию местной валюты.

Однако самая крупная денежная единица меланезийцев — это домашняя свинья. Стоимость свиньи определяется не ее весом, а формой клыков ее нижней челюсти, которые у самца развиты сильнее, чем у самки. Чем больше кривизна клыков, тем выше стоимость свиньи. Поэтому на некоторых островах и особенно на Новых Гебридах, для того чтобы у свиньи лучше росли клыки, ей выламывают коренные зубы. Это очень болезненная операция, от которой животное может даже потерять способность принимать пищу. Тем, кто занимается «выращиванием клыков», нередко приходится силой раскрывать свинье пасть и запихивать туда корм, чтобы животное не подошло от голода. В особых случаях клыки загибаются кольцом, а иногда даже двойным. Такая свинья ценится очень высоко. Ее принимают даже как плату для вступления в тайный союз.

С появлением твердого средства платежа, а с ним и накопления сокровищ у меланезийцев стала развиваться кредитная система, которая ныне является одной из характерных особенностей их экономики. Такая же кредитная система появилась под влиянием меланезийцев и у горных папуасов в центральной части Новой Гвинеи. Вообще всюду в Океании, где существует кредитная система, она является элементом меланезийской культуры. Эта система создала экономическую зависимость должника от кредитора, который нередко буквально терроризирует должника и в конце концов разоряет его. Феликс Шпейзер (один из самых больших знатоков культуры меланезийцев) наблюдал на Новых Гебридах такую сцену.

Один мужчина, принадлежавший к высокому рангу Сукве (тайного союза), прельстился молодой вдовой, которая, согласно обычаю, до истечения ста суток со дня смерти мужа жила у своего брата и считалась его собственностью, так как у ее покойного мужа не было

больше родственников. А она была влюблена в другого мужчину, тоже из союза Сукве, но более низкого ранга, и ее возлюбленный усердно копил деньги на ее выкуп. Но однажды совершенно неожиданно влюбившийся в молодую вдову вождь тайного союза потребовал от ее брата возратить одолженных свиней, к чему тот был совершенно не подготовлен. И забегал брат молодой вдовы по всей округе и стал выпрашивать займы свиней, чтобы расквитаться с вождем. Но никто не согласился одолжить ему, быть может, боясь вождя. Брат молодой вдовы оказался несостоятельным; вождь отклонил предложенную компенсацию деньгами. Молодая вдова не испытывала ни малейшего желания выйти замуж за вождя, но он велел своим людям схватить ее и привести к себе. Таким образом вождь добился своей цели. И это всего лишь один из многих случаев терроризирования простых смертных. Вполне понятно, почему каждый туземец стремится обрести высокое звание в союзе Сукве, не говоря уже о религиозных мотивах; ведь вожди высокого ранга — единственные обладатели свиней с клыками, а потому они и кредиторы всех простых смертных. Давая займы, они баснословно наживаются и держат огромную массу людей в повиновении. Вожди позволяют себе все, что им заблагорассудится. Они ловко натравливают одних людей на других, и действия их никем не контролируются. Приверженность народа к своим вождям, вера в силу их колдовства вполне гарантирует им безопасность. Всех, кто не повинуется их воле, вожди устраняют.

Колониальные власти уже давно ввели европейскую систему платежных средств, если не считать бумажных денег, применение которых в сношениях с туземцами запрещено. Эти платежные средства получают все большее и большее распространение. Наряду с металлическими деньгами в качестве своего рода

разменной монеты особенно популярен табак, плотно спрессованный палочками длиной в 18 см: ведь все туземцы — заядлые курильщики. Так, за перенос тяжестей платят по две палочки в день на каждого носильщика. Несмотря на все эти изменения в денежной системе, прежние платежные средства не вышли из употребления. Оплата танцоров, выступающих в масках на культовых празднествах, оплата резчиков, создающих деревянные фигуры предков, все еще производится в старых туземных деньгах, и молодому человеку, желающему жениться, приходится оплачивать выкуп за невесту прежним способом. На островах Адмиралтейства бывали случаи, когда юноши, накопившие немало серебряных монет на плантациях европейцев, не могли жениться из-за того, что у них не было раковинных денег. В настоящее время туземные деньги изготавливаются крайне редко, и поэтому стоимость их возрастает. Этот процесс не поддается регулированию. Прежние туземные деньги постепенно становятся раритетами.

Деревня на сваях (острова Адмиралтейства)

Первые ремесленники

Если у папуасов профессиональные группы ремесленников только еще появляются, то у меланезийцев они уже существуют. Теми или иными ремесленными навыками владеют лишь определенные семьи и даже отдельные люди; а бывает и так, что все селение в целом или же все жители острова занимаются каким-нибудь одним ремеслом. Такое положение можно объяснить различными причинами. Главная из них, по-видимому, — более совершенные орудия труда и, что очень важно, сообразительность их обладателей, которая постоянно — и более всего у прибрежных племен — укреплялась и развивалась благодаря дальним торговым поездкам. Так появилось производство деревянных мисок, горшков, предметов украшения и масок, легких и даже изящных по форме, без какой-либо деревенской тяжеловесности и примитивности.

Как и все народы Южных морей, меланезийцы пользуются каменными орудиями. Как и папуасы, они обтачивают свои орудия со всех сторон. С давних пор большой ценностью и важным предметом торговли считаются топоры. В области северных Соломоновых островов они изготавливаются главным образом на острове Бугенвиль и продаются жителям островов, расположенных к северу от него — Бука и Ниссан. Особым своеобразием отличаются топоры, изготавливаемые на острове Бугенвиль жителями Кайзеровых гор. Это тонкие валиковые клинки, прикрепленные к рукояти двойной ротанговой петлей. В наши дни непостижимо, как могут меланезийцы столь несовершенным орудием изготовить такие тонкие изделия.

Широкую известность получили клинки сулога. Они изготавливаются из темно-зеленой со светлыми прожилками породы камня афанита, залежи которого имеются на острове Муруа (группа островов Вудларк) к востоку от островов д'Антракasto близ гавани Сулога. Материал добывается жителями острова в каменном карьере «священной» горы Тубукуиа, подвергается ими небольшой обработке и продается. Нередко клинки проходят дальнейшую обработку на других островах. Жители острова Киривина, например, большие мастера по части их обработки. Они искуснейшим образом затачивают их и шлифуют. Для этого они применяют определенный вид песка, который покупают на другом острове. Клинок к рукояти прикрепляют на третьих островах. Здесь мы имеем дело с весьма современным производством, при котором в изготовлении одного товара принимают участие различные «фирмы». Готовые топоры проделывают путь в несколько сот миль, вплоть до залива Папуа. Наибольший сбыт они находят на островах близ юго-восточной оконечности Новой Гвинеи, образующих район Массим. Но настоящие шедевры — это каменные клинки роскошных парадных топоров (бенам). Они сравнительно большой длины и очень хорошо заточены. Клинок самого крупного топора такого типа из всех найденных этнографами на этом острове имел в длину 33, в ширину 16,5 см и весил 5 фунтов. Другой клинок такого же типа при длине 22,5 см и ширине 10,5 см имел толщину всего лишь 3,5 см и вес 750 г.

Не меньшее восхищение вызывают мастера Новой Каледонии. Из серпентинообразного материала, а еще чаще из нефрита, зеленого камня, который в Германии обрабатывают в городе Идаре на реке Наэ лишь при помощи резцов самой твердой стали, они с утра до вечера выделывают плоские диски, обтачивают их и шлифуют. По краю диска плотно одно к другому

просверливаются два отверстия. Через отверстия продеваются коричневые шнуры, сделанные из шерсти летающей собаки. Этими шнурами тяжелые каменные диски прикрепляются к деревянной рукояти. Так изготавливаются топоры, которые служат знаком отличия вождя племени. Топоры передаются по наследству. Когда под натиском европейской колонизации начался распад древней культуры Новой Каледонии, эти топоры стали большой редкостью и ныне относятся к числу ценнейших экспонатов этнографических музеев.

На меланезийских островах найдены каменные орудия палеолитического типа — факт поразительный, но вполне объяснимый. Материал этих орудий — черный обсидиан, вулканическое стекло, обладающее теми же свойствами, что и наше европейское промышленное стекло. Он встречается лишь на некоторых из островов Адмиралтейства. Обсидиан добывался в своеобразных рудниках. Эти рудники были собственностью вождей. Вожди и члены их семей — мужчины сами работали на таких рудниках. В небольших шахтах при свете факелов из кокосовых листьев они отбивали крупные куски породы. Отбитые куски — редкий товар. Люди из состоятельных семейств буквально охотились за ним. Из ценнейших кусков обсидиана они делали себе трехгранные наконечники для копий и кинжалов.

Меланезийская культура каменных орудий, от которой остались лишь некоторые характерные предметы, до европейской колонизации находилась на гораздо более высоком уровне, чем теперь. За последние десятилетия найдено большое количество каменных предметов, относящихся к «доисторической» эпохе. Несмотря на то что эти предметы были изготовлены на много поколений раньше, они принадлежат к нынешним меланезийским культурам. К этим предметам относятся по форме похожие на кружки

или чаши ступки — ими пользовались для приготовления пищи, для растирания вареных клубней ямса и таро, — а также долбленные каменные горшки цилиндрической формы (такие, скажем, как на Соломоновых островах) для варки жидкой пищи. В этих горшках пища варилась посредством бросавшихся в них раскаленных камней. В качестве урн для пепла умерших применялись высокие узкие четырехугольные каменные горшки с крышками, украшенными изображениями предков. Подобные сосуда мы находим также в восточной Индонезии (острова Банда).

К так называемым доисторическим каменным орудиям относятся также терки и песты, применявшиеся, очевидно, вместе с упомянутыми нами ступками. Терки похожи на палицы. Это правильной формы шары или плоские диски с длинной тонкой рукоятью. Хотя нынешнее население Меланезии не знает производства таких предметов и считает их изделиями духов, а потому наделяет магической силой, установлено, что когда-то предки теперешних обитателей Меланезии владели развитой техникой обработки камня. По некоторым разрозненным находкам видно, что производство каменных орудий было сосредоточено лишь в определенных местах. Новейшие исследования Хёльткера и Бюлера, посвященные доисторическим каменным орудиям островов Тихого океана, показали, что эти замечательные изделия принадлежат аустро-меланидным этническим элементам.

Каменная ступка с пестом, найденная при раскопках на Новой Гвинее. Эта находка относится к раннеисторическому периоду

Особой специализации достигла обработка дерева: лодки, резные украшения домов, фигуры, культовые статуэтки и барабаны. О значении отдельных судостроительных центров уже говорилось. Один из таких центров был на островах Сиасси в проливе, отделяющем Новую Гвинею от Новой Британии. Здесь есть селения, где лодки строились только для продажи! Судостроение на этом острове достигло высокого уровня и главным образом благодаря имеющимся там естественным строительным материалам. Наиболее важное значение имело наличие материала для связывания, ибо ремесленникам Меланезии, как и другим народам Южных морей, гвозди неизвестны. На островах Сиасси наилучшим связующим материалом служит вьющийся папоротник, растущий на обширных прибрежных болотах. Его качества привлекали даже жителей островов Тами, снискавших себе, как и обитатели Сиасси, славу опытных судостроителей. Однако природа не балует тамийцев ни строительными материалами, ни сырьем. На островах Сиасси богатый выбор древесных пород, но самым лучшим корабельным лесом считается красная древесина кедра. Она легкая,

не портится от перемены погоды, хорошо поддается обработке и сохраняет свои ценные качества лет восемь.

Известным «индустриальным центром» производства деревянной домашней утвари, посуды для пиршеств и прочего являются острова Тами. Туземцы этих островов, не имея ни циркуля, ни линейки, лишь при помощи своих примитивных орудий изготавливают правильной формы овальные блюда с острыми концами. Украшаются эти блюда барельефами рыб — персонажами меланезийских мифов. Углубления в барельефах заполняются золой сожженных раковин. Кроме того, блюда натираются марганцевой землей, отчего приобретают густо-черный цвет, как у эбенового дерева. Примечательно, что на дне блюда ставится «фабричная марка» изготовителя, которая, по всей вероятности, является знаком соответствующего клана. Считается бесчестным ставить на изделии символ чужой семьи. Другая «специальность» жителей островов Тами — это богато орнаментированные снаружи черпаки и сосуды для воды из скорлупы кокоса.

Среди населения островов Адмиралтейства, весьма разнообразного по этнической принадлежности и культуре, искусными резчиками считались люди племени матанкор. Их резьба, будь то орнаментировка блюда, щелевого барабана или домовой лестницы, поражает своим совершенством; прочие этнические группы островов Адмиралтейства этим ремеслом почти не занимались. В группе Соломоновых островов резьбой по дереву славились жители средних и южных островов. Лодки, блюда, весла тщательно инкрустировались отполированными кусочками перламутра и красились в черный цвет отваром древесной коры.

Другой известный «промышленный центр» находился на архипелаге Массим, на островах, прилегающих к юго-восточному побережью Новой Гвинеи. Это остров Киригина, где изготавливались

плоские, подчас весьма крупные круглые чаши и похожие на применяющуюся в полиграфическом производстве гладилку известковые лопатки — едва ли не самые замечательные произведения искусства меланезийцев. Рукоять этого орудия длиной от 20 до 30 см украшена искусной резьбой замысловатой орнаментировки. Узоры натирались известью, отчего особенно выделялись. В этом тонком искусстве проявляется не только высокое техническое мастерство, но и богатая творческая фантазия. То же можно сказать и о культовых фигурах, о которых мы, к сожалению, знаем очень мало; у меланезийцев они вырезались также лишь определенными мастерами.

Центром меланезийской классической школы резьбы по дереву была северная часть Новой Ирландии и расположенный к востоку от нее маленький островок Табар. Еще полвека назад там славилась своей искусной работой резчики, которые выполняли специальные заказы за определенную мзду раковинными деньгами. Для ежегодных торжеств, посвященных поминанию умерших, они изготовляли карнизы и фигуры, а также большие колонны, до четырех метров в высоту. Колонны обильно разрисовывались и украшались ажурной резьбой. Резчиков часто приглашали в отдаленные деревни, где в течение нескольких месяцев заказчики кормили их.

После того как где-нибудь в стороне от селения сооружалась хижина-мастерская, туда доставлялся необходимый материал — мягкое, похожее на тополь дерево; материал подносили жители селения. Дальнейшая обработка резных изделий, или, как их там называют, маланганов, производилась при помощи каменных и раковинных орудий. Чтобы их никто не беспокоил, мастера работали в полной изоляции от жителей селения.

Для шлифовки резьбы применялись шероховатые, высушенные на солнце листья неизвестного нам дерева. Работа завершалась покраской. Красную краску получали из очищенной и затем вымоченной в воде коры какого-то кустарника. В черный раствор, каким он был вначале, добавляли имбирь. От этого раствор окрашивается в желтый цвет. Затем добавляли известь, и получалась краска густокрасного цвета. Краска не должна растворяться в воде — ведь резные изделия очищаются от пыли морской водой, после чего их высушивают на солнце. В скульптуры и маски для танцев вставляли глаза, сделанные из переливающихся зеленоватым цветом, окаймленных желтоватой полоской раковин улиток turbo, что придавало изображениям вид каких-то страшных существ.

Даже такие важные вещи, как оружие, каждым для себя лично не изготовлялись. Существовали самые настоящие «центры оружейной промышленности». Так, на северных Соломонах жители горных деревень изготовляли крепкие луки с туго натянутой крученой тетивой из волокон неизвестного нам растения, а также неоперенные тростниковые стрелы со всевозможными наконечниками, на которые насаживались мельчайшие обломки костей. Такими наконечниками можно нанести тяжелые раны.

Для рыболовства изготовлялись главным образом крупные бочковидные верши из расщепленных полосок бамбука, такие, какими пользуется племя гунантуна, обитающее на северном побережье Новой Британии. Изготовление таких вершей было делом лишь определенной группы ремесленников.

Связки отшлифованных и просверленных раковин изготовлялись чаще всего на небольших островках. Этим делом занимались главным образом женщины; оно требовало большой терпеливости и умения. Так, на островах Герцога Йоркского в проливе Сент-Джордж

собранные раковины улиток и моллюсков сначала разбивали, затем раздавливали на мелкие кусочки; каждый такой кусочек просверливали своеобразной дрелью и нанизывали на шнурок. Для шлифовки нанизанных кусочков раковин женщина обычно закрепляла шнурок петлей за большой палец ноги. Натягивая шнур рукой, женщина водила пемзой по плотно нанизанным кусочкам, придавая им таким образом поразительно правильную круглую форму.

Местным промыслом было, наконец, и гончарное производство. Его технология у меланезийцев и папуасов различна. Женщина вкручивает левой рукой небольшой кусок камня в лежащий перед ней комок глины и бьет по этому комку снаружи плоской дощечкой. Словом, горшок как бы выбивают из куска глины.

Итак, в Меланезии существуют небольшие профессиональные группы мужчин и женщин, производящие определенные виды изделий сверх собственных нужд. При этом ни мужчины, ни женщины Меланезии еще не утратили способность самостоятельно изготовить ту или иную вещь. Но там, где для изготовления изделия требуется либо большой опыт и особое терпение, либо какой-нибудь редкий материал, там уже появляется специализация, на основе которой вырастает иногда целое сословие ремесленников. Так, например, на Соломоновых островах развилось производство водонепроницаемых корзин.

На ловлю черепах

Если папуасские племена, обитавшие во внутренних районах островов многих архипелагов, жили главным образом растительной пищей, то пришедшие туда позднее меланезийцы, поселившись на побережье, в более благоприятных условиях, добывали себе средства к жизни рыболовством. Меланезийцы принесли с собой со своей древней родины, находящейся на юге Азии, более совершенные приемы земледелия и рыболовства. На новых местах они, подобно папуасам, сажали корнеплоды и плодовые деревья и разнообразили свое меню всевозможными видами овощей. Сельскохозяйственные культуры они знали еще задолго до того, как рис начал свое триумфальное шествие по всему азиатскому континенту. Об этом свидетельствуют их предания о происхождении некоторых культурных растений. Те же предания мы находим у племен восточной Индонезии. Вот, например, одно из таких преданий, рассказанное людьми племени бола, живущего на северо-западном побережье Новой Британии.

«Однажды, когда мужчины и женщины деревни искали пищу на морском берегу, а дети резвились на солнышке, женщина по имени Рунепаи подошла к малышам и спросила:

— Где ваши родители?

— Они пошли на берег за макундукато, — сказали дети.

Рунепаи попросила объяснить, что такое макундукато, и дети показали ей какую-то подозрительную черную массу. Тогда Рунепаи сказала:

— Давайте лучше соорудим земляную печь; принесите-ка поленьев.

Дети принесли поленьев, и Рунепаи разожгла костер. На горящие дрова она положила небольшие, величиной с кулак, камешки и, когда они накалились, велела снять их деревянными щипцами. А когда накалившиеся камешки были убраны, Рунепаи легла на горячую золу и попросила детишек укрыть ее теми самыми горячими камешками и широкими листьями, как укрывают взрослые пищу, которую готовят в земляной печи. Дети исполнили просьбу Рунепаи и снова стали резвиться на солнышке. А Рунепаи все переворачивалась с боку на бок. Вдруг произошло небывалое чудо. Когда Рунепаи повернулась к хижине, из ее груди вырос банан „ру на вуди“ („банан из женской груди“), а когда повернулась к дороге, из груди ее выросли таро, ямс, сахарный тростник и овощи.

А тут как раз подошли дети. Им было очень интересно знать, что с нею произошло. До чего же они удивились, когда увидели все эти новые растения. Дети достали из земляной печи клубни и попробовали их. Оказалось, что клубни ямса, таро и прочих овощей куда вкуснее, чем черный макундукато. Когда пришли родители и принесли свою черную еду, дети радостно воскликнули:

— Бросьте ваш макундукато. У нас тут есть кое-что повкуснее.

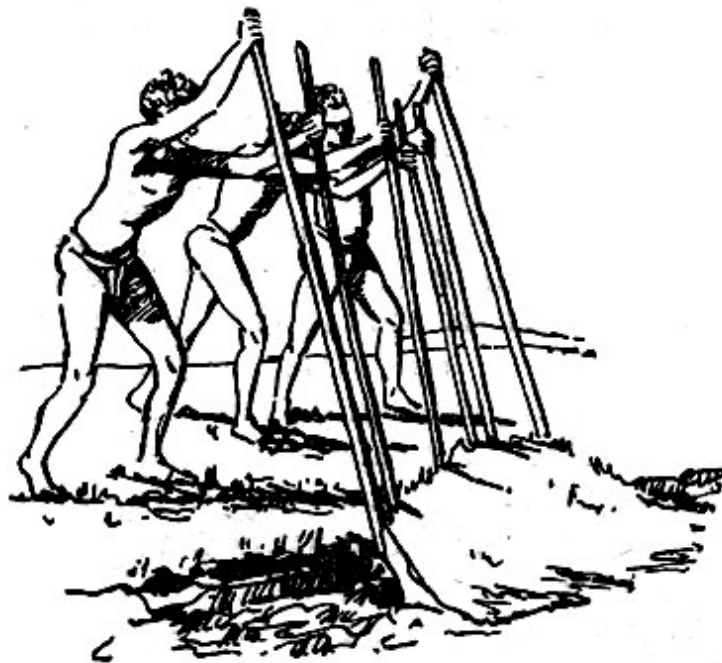
Взрослые послушались и отведали новых плодов. Эти плоды им так понравились, что они расчистили большой участок земли и посадили там саженцы новых растений».

Исследования Йенсена показали, что все эти мифы, обозначаемые им термином «мотив хаинувеле», мифы, сюжет которых — превращение какого-нибудь некогда существовавшего создания в плодоносящие растения, характерны для народов, возделывающих корнеплоды. Зато в эпосе племен, разводящих зерновые культуры, встречается так называемый мотив Прометея. Согласно

ему, зерна на посев крадут на небе вопреки воле божества.

По многим мифам мы видим, что люди всегда задумывались над происхождением культурных растений. Каждый народ пытался по-своему объяснить, откуда эти растения появились. Любопытно, что меланезийцев мало интересовал вопрос о приемах возделывания культурных растений. Собственно говоря, этого и следовало ожидать: ведь по сравнению с папуасами их земледелие более интенсивно, отчего они всегда собирают большие урожаи. Они возделывают почву гораздо тщательнее, чем другие народы.

После того как определенный участок леса расчищен, остатки деревьев убирают. Затем освобожденную от леса землю делят между семьями и наделы огораживают деревянными жердями или лианами. Однако гораздо важнее совершенно новый способ обработки земли — глубокое, тщательное разрыхление почвы, как это мы делаем лопатами.

Вскапывание поля

Если папуасы не разрыхляют почву своей землекопалкой, а выкапывают ее лишь небольшие ямки для саженцев, то меланезийцы вскапывают землю тяжелыми колями^[43]. Мужчины, принадлежащие к одному роду, работают в большинстве случаев маленькими группками. Вытянувшись цепочкой, они по команде всаживают в землю свои тяжелые, заостренные книзу шесты и сообща переворачивают пласт. Иногда мужчины держат обеими руками свои землекопалки и все сразу по команде втыкают их в почву. Крупные пласты земли разбивают мужчины, а более мелкие пласты и комья разрыхляют идущие следом женщины и дети. Разрыхлив почву деревянной колотушкой, они довершают свою работу руками. Они выбирают камни, вырывают корни, словом, получается почва, как через сито просеянная. Если работают на горах, то поперек склона кладут бревно или воздвигают из камней изгородь, чтобы не дать сильному дождю смыть почву. В столь тщательно подготовленную почву аккуратными рядами с определенным интервалом сажают таро, ямс, бананы, сахарный тростник и овощи самых различных видов и даже между грядками основной культуры — бананы и сахарный тростник. Весьма распространены холмообразные круглые грядки. Женщины ежедневно пропалывают их и очищают оставшиеся пни от молодых побегов. Иногда огороды находятся в нескольких часах ходьбы от селения, и поэтому приходится ночевать в сколоченной на скорую руку хижине. Через семь-девять месяцев после засадки корнеплоды созревают, наступает сбор урожая, сопровождающийся праздничными пиршествами и танцами.

Все полевые работы производятся по определенному плану. У жителей островов Тробриан, прилегающих к юго-восточной оконечности Новой Гвинеи, существуют различные типы посадок. Есть и огороды скороспелых культур смешанной засадки. Благодаря таким огородам туземцам хватает пищи от урожая до урожая. Урожай скороспелых овощей с этих огородов, а также таро достается вырастившей его семье, но урожай главных огородов, засеянных ямсом, получают родственники женского пола со стороны мужа.

Выкопав острыми палками клубни, все члены семьи усаживаются под навесом своей полевой хижины и принимаются за их очистку. При помощи раковин клубни очищаются от земли и корневых волокон. Самые крупные и здоровые клубни складываются конусообразной кучей — предмет гордости каждой семьи. У каждой семьи тщеславное стремление добиться самого лучшего урожая. Между отдельными селениями заключаются соревнования на лучший урожай. Присуждение звания победителя вызывает такое волнение, что нередко возникают драки.

Узы родства обязывают каждого мужчину, имеющего огород, отдавать часть урожая замужним сестрам, которых, согласно традиции племени, он должен опекать. Доставка уложенного в корзины ямса — дело нелегкое. Приходится прибегать к услугам своих друзей-соседей. Чтобы снискать расположение людей, которые согласились бы перетащить груз, их поят прохладительными напитками. Эти люди празднично украшают тюки и тащат их в деревню сестер нанимателя. Перед домом получательниц вырастает аккуратно сложенная куча овощей. После того как всем этим дарам отдается должная дань восторга, они отправляются на склад. Это весьма импозантное помещение, украшенное искусной резьбой.

Таким образом, меланезийцы уже научились делать запасы. Они запасаются главным образом ямсом, потому что его клубни сохраняются довольно долго. Бататы и таро они оставляют в земле до употребления, так как на воздухе они очень быстро портятся.

Тот же порядок ведения хозяйства существует и в животноводстве — отрасли, весьма характерной для сельского хозяйства этого народа. Из домашних животных и птицы меланезийцы держат собак, свиней и кур, привезенных ими с их исконной родины. Куры никогда не играли большой роли в питании меланезийцев, даже куриные яйца меланезийцы почти не употребляли. Они ценят кур лишь за перья, которыми по праздникам украшают шляпы для танцев, палицы и копья. В давние времена преобладала низкорослая порода кур, у которых перья были даже на лапках. Позднее белокожие колонизаторы завезли кур европейских пород. Эти куры оказались без всякого присмотра, ночью они спали на ветвях деревьев, днем сами искали себе пищу возле хижин, на дороге и в кустарниках.

Точно так же небрежно меланезийцы обращались с собаками. Собаки были хорошими помощниками на охоте, а из их мяса по праздникам приготавливались изысканные блюда. Большое значение в меланезийском хозяйстве имеет разведение свиней, родственных малайским. В настоящее время существует несколько пород меланезийских свиней. Уход за свиньями состоит не только в том, чтобы давать им корм. В домашнем хозяйстве меланезийцев уже имеются зачатки продуктивного животноводства. За животными пока еще никто не смотрит, но на Соломоновых островах и Новых Гебридах, например, свиней загоняют в стойла, по крайней мере на ночь. Регулярно утром и вечером они получают корм. Если у кого-нибудь более 40 свиней, как, например, у Мамоко, внука знаменитого вождя Канги на

острове Бугенвиль, то животные находятся на попечении слуг, которые получают за это вознаграждение раковинными деньгами.

Женщины особенно привязаны к молодняку. Новорожденных поросят они в течение первых двух недель держат на привязи и выкармливают, как детей, а иногда даже кормят грудью. В тех местах, где домашние животные бегают без присмотра по деревне, владельцы отмечают их своим клеймом — делают им надрезы на ушах. Свинья-самка не в цене. Никто не следит за тем, какой самец ее покроет. Зато выращиванию свиней-самцов уделяют гораздо больше внимания. Продуктивным свиноводством занимаются лишь на некоторых мелких островах Новых Гебрид, где разводят свиней-гермафродитов с аномальностью половых органов. Их называют «раве». Туземцы ценят лишь тех представителей этой породы, у которых есть клыки. Феликс Шпейзер, наблюдавший проявление этого своеобразного вкуса, писал следующее: «Туземцы по своим наблюдениям знают, что если в опоросе свиноматки есть один „раве“, то в следующем опоросе возможен еще один. Это значит, что у свиноматки есть особая предрасположенность к появлению подобного рода аномальности в ее потомстве. Поэтому туземцы берут на развод поросят от таких свиноматок и выросшую нормальную самку случают с нормальным самцом, происходящим из опороса, в котором был поросенок-гермафродит. И в самом деле, таким методом удается достичь большого поголовья „раве“. На некоторых островах их очень много; ясно, что без вмешательства человека эта ненормальность была бы лишь единичным явлением». Такие свиньи ценятся как жертвенные животные для культовых церемоний тайного союза Сукве. Мясо этих свиней есть нельзя. Свинья, по-видимому, является священным животным во многих районах Меланезии; так, на Соломоновых

островах существует представление о духах предков, ездящих верхом на свиньях.

Наряду с земледелием меланезийцы, живущие на морском побережье и по берегам рек, занимаются рыболовством, которое, впрочем, развито довольно слабо. Крупными бочковидными вершами наиболее успешно ловят рыбу жители хорошо защищенного бухтами побережья полуострова Газели. В других местах верши большого распространения не имеют, разве что при ловле раков пользуются ими. Не в ходу и большие неводы с деревянными поплавками и грузилами из раковин. Такие сети можно увидеть лишь на одном участке побережья Новой Британии, ибо не везде дно моря гладкое и песчаное.

Наибольшее распространение имеет ловля рыбы удочкой. К длинному бамбуковому шесту подвешивают простой крючок из черепашьего панциря, укрепленный на блестящей раковинке. Ныне всюду применяют железный крючок. Однако более богатого улова туземцы достигают другим способом. Они травят рыбу, бросая в воду растертые ядовитые лианы или орехи, рыба всплывает, и ее без труда собирают. Эта рыба вполне съедобна в жареном виде, так как при поджаривании исчезают ядовитые вещества. Широко распространена ловля рыбы лучением, для чего применяется стрела или копье с несколькими наконечниками. Но так как полезный эффект такого способа довольно мал, а количество затрачиваемого труда сравнительно велико, к ловле рыбы лучением меланезийцы проявляют, по-видимому, чисто спортивный интерес. Весьма своеобразный вид охоты — ловля черепах.

Старик Нканда вышел из дому обеспокоенный. Близилась пора ловли черепах (в деревне Валока он один пользовался правом морской охоты), а сеть все еще не была готова. Рассердился Нканда на своих молодых помощников. Три недели назад они пошли в лес, нашли

там недалеко от горячих ключей деревья вару, содрали со стволов длинные полосы луба и разложили их на открытом месте. Так этот луб в течение нескольких дней сушился на солнце, а когда высушился, мальчики стали сплетать из его волокон шнуры. Заготовив шнуры, они принялись вязать, из них крупноячеистую сеть и до сего дня непрерывно работали, но сейчас все словно в воду кануло, никого не найти. А разве мало Нканда их угощал, разве мало делал им всяких подарков? Огорчился старик. Тут сосед его Ланголаи незаметно подошел к нему и спросил:

— Чем ты, Нканда, так озабочен? Какой длины сеть тебе нужна, Нканда?

И немного подумав, Нканда ответил:

— До стометровой не хватает еще метров тридцать. А чтобы ловля была удачной, надо обязательно дотянуть до стометровой. Прежде-то сети у нас были куда больше.

А Ланголаи только головой кивнул.

— А вот если, — продолжал Нканда, — сеть будет шириной в шесть метров, то к верхнему краю нужно приделать поплавковые шесты, а к нижнему — каменные грузила.

— Не забудь прикрепить свои резные украшения, — перебил его Ланголаи.

— Не беспокойся, — не без гордости улыбнулся Нканда, — они уже ждут меня в моем доме. Хочешь, покажу?

И Нканда повел Ланголаи к своему дому.

Вдруг из кустарника выбежали шумные мальчишки. Их было десять — двенадцать. Как ни в чем не бывало они быстро расселись вокруг оставленной ими сети и стали продолжать работу. Сразу умолкли их шумные голоса, замелькали проворные руки, и до того усердно они работали, что Нканда и Ланголаи, увидев их, не смогли удержаться от улыбки.

— Где вы пропадали? — спросил Нканда.

— Мы были у мамыши Тамбука, — ответил один из мальчиков.

— Так, так, а о своей работе и не подумали.

— Нет, мы о ней не забыли, — отвечали мальчики, — но мамаша Тамбука рассказывала нам всякие интересные истории, и мы у нее засиделись.

— Думаете, я не знаю никаких историй? — сказал Нканда. — А знаете ли вы сказку о свинье и черепахе?

Все смолкли, и Нканда стал рассказывать сказку.

«В давние времена свинья жила в море, а морская черепаха — на суше. Однажды свинья и черепаха встретились на берегу. Свинья сказала черепахе:

— Дай-ка я попробую, поживу на суше.

— Ну что ж, поживи, — ответила черепаха, — а я посмотрю, каково мне будет в море.

И черепаха бухнулась в воду и поплыла. Море ей понравилось, и, выбравшись на берег, она сказала свинье:

— Давай меняться. Оставайся ты на суше, а я буду жить в море.

А свинья, пока черепаха плавала, успела вывалиться в грязи и наестся диких плодов. Ей на суше понравилось. С тех пор свинья живет на суше, а черепаха — в море».

Через несколько дней сеть была готова, и Нканда пошел со своими юными помощниками к морю. Старик решил вознаградить мальчиков за труды и позвал их с собой на морскую охоту. На берегу началась возня. Нгаполе и другие соплеменники Нканды спускали на воду лодки. Женщины и девушки приносили клубни таро для охотников. Эти клубни охотники обычно варят на огне, который разводят в ящике с песком на помосте, соединяющем корпус лодки с ее балансиром. В каждом таком очаге тлеет небольшое полено.

К лодкам подошел сгорбленный беззубый старик с морщинистым, изъеденным оспой лицом. Это был колдун Пеперо. Он достал из своей сумки несколько кусочков коры; никто не знал, что это за кора. Неторопливо он размолот их, порошок взял в рот и выплюнул его прямо на сеть. При этом он нашептывал заклинание, которое должно было принести богатый улов.

Затем юноши крепкими руками схватили сеть и потащили ее к лодке Нгаполе. Нканда и другие стали затаскивать сеть на помост, соединяющий лодку с балансиrom.

— Куда поедет, Нканда? — спросил Нгаполе, владелец лодки.

— К отмели Ванга, пожалуй. Там еще никто не охотился, ведь в прошлый раз мы ловили у Матанарого.

— Ты прав. На Матанарого уже всех черепах повыловили. Что ж, поедет на Вангу.

Тут юные помощники Нканды, крича и визжа от радости, один за другим попрыгали в лодку. Мужчины сели за весла, и лодка тронулась. Колдун Пеперо расположился возле сети. Он не смотрел ни на сосредоточенные лица гребцов, ни на голубеющее небо. Он глядел куда-то вдаль, и губы его беззвучно шевелились. Никто, по-видимому, не обращал на него внимания.

Через некоторое время после отплытия Нгаполе вытащил из горячей золы печеные клубни таро, роздал их гребцам, и те, положив весла, стали с аппетитом уплетать мучнистые клубни. Но недолго они ели, вскоре вновь заработали веслами-гребками, и лодка взяла курс на отмель Ванга. До нее оставалось уже совсем немного. Колдун Пеперо еще раз обрызгал сеть своей волшебной жвачкой и произнес таинственное заклинание.

Когда лодка приблизилась к отмели Ванга, одни мужчины принялись закидывать сеть, другие, прыгнув в

воду, растягивали ее. Сеть медленно погружалась. Вдруг на лодке все разом закричали, произнося самые грубые ругательства. Они предназначались черепахам, которых таким образом загоняли в сеть. Тут же нырнули в воду и мальчишки и на равном расстоянии друг от друга поплыли за сетью. Один конец сети был прикреплен к одной лодке, а другой, противолежащий, — к другой лодке. Сеть таким образом широко растянулась дугой. Мужчины на остальных лодках с громким криком гребли ко входу в полукруг, образуемый сетью; чтобы загнать черепах в сеть, они сильно били веслами по воде. Как только поплавок шесты зашевелился — а это означало, что одна из черепах попала, — пловцы с воем бросились на черепаху, перевернули ее на спину и потащили в лодку. Когда солнце приближалось к линии горизонта, в лодках лежали уже четыре черепахи. Нканда был доволен. Не зря, видно, Пеперо колдовал. Тут Нканда приказал возвращаться. На обратном пути он думал о том, сколько раковинных денег, копий и украшений ему придется отдать своим помощникам.

«Уж тут не поскуплюсь, — думал Нканда, — ведь еще не раз понадобится их помощь».

Акул ловят самой обычной петлей, столь незамысловатой на вид, что кажется, будто это не настоящая охота, а только игра. Тем не менее этот способ ловли акул распространен среди туземцев Новой Ирландии, южных Соломоновых островов, островов Санта-Крус и восточной части Новой Гвинеи. Здесь используется одна поразительная особенность акулы: ее безграничное любопытство.

Охотники за акулами выходят в море на лодке с балансиром. Их странный рыболовный снаряд по виду напоминает большой двухлопастный пропеллер. Сквозь него протянута мертвая петля каната, сплетенного из растительных волокон. Акулоловы берут с собой

короткую, но тяжелую деревянную палицу и широкий ротанговый обруч, к которому прикрепляют куски скорлупы кокосового ореха. Они трясут этим обручем, и кусочки скорлупы ударяются друг о друга, отчего раздается громкий треск. Этот треск может обратить в бегство человека, но он привлекает акулу. Она осторожно подплывает к лодке, что и нужно ловцу, и тогда ей на голову накидывают петлю, резким рывком затягивают ее, и хищник морей оказывается в плену у человека. Акулу убивают сильными ударами палицы.

Казалось бы, столь искусные морские охотники должны быть не менее искусными на суше. Но это не так. Дело в том, что фауна меланезийских островов чрезвычайно бедна пригодными для охоты животными и дичью. Лишь дикие или, вернее, одичавшие свиньи обилием мяса привлекают внимание туземных «немвродов». На дикую свинью охотятся еще потому, что она разоряет огороды и посевы. В большинстве случаев на диких свиней устраивают настоящую облаву. Прежде всего мужчины молят предков об удачной охоте, затем расставляют в кустарнике крупноячеистые сети длиной до 20 м. Огораживается обширный участок леса. Мужчины располагаются позади натянутых сетей, а юноши, крича и стуча палками по деревьям, гонят зверя прямо на сети. Здесь мужчины убивают его палицами и копьями.

Таким же образом охотятся на казуара, который водится только на архипелаге Бисмарка. На казуара, как и на дикую свинью, охотятся также в одиночку. Охотник берет с собой собак, накормленных особым колдовским снадобьем — размельченными корнями имбиря с крапивой. От этого зелья собаки до того свирепеют, что иногда набрасываются на своего хозяина. На тропах, по которым ходят казуары и дикие свиньи, расставляют ямы-ловушки глубиной до трех метров. Ямы накрывают

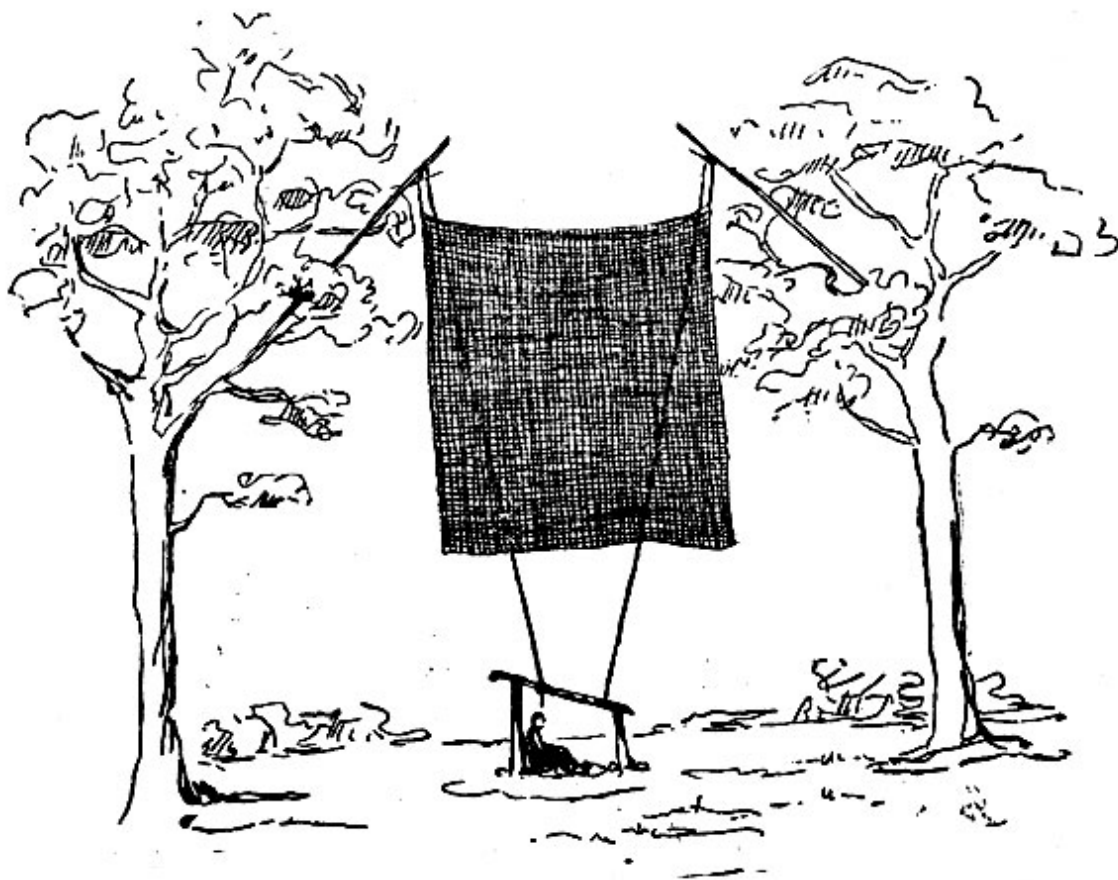
зелеными ветками. Наступив на ветки, животное проваливается в яму.

Островитяне архипелага Бисмарка часто охотятся на древесного сумчатого медведя — кускуса. Его мясо считается деликатесом, а из зубов его делают высоко ценимые ожерелья. Кускус — ночное животное, величиной с кошку, с длинным хвостом, которым он обхватывает ветви деревьев. Днем кускус крайне беспомощен, и его легко поразить камнем или копьем, а то и вовсе снять голыми руками, взобравшись на дерево. Островитяне любят охоту и на всякого рода летучих животных. Чаще всего туземцы этих мест, всегда испытывающие недостаток в мясе, охотятся на летучую собаку, несмотря на то что это странное животное связывается в их воображении с духами умерших. Летучая собака — типичное ночное животное. Днем целые колонии летучих собак дремлют на ветвях тропического леса. Мужчины любят ловить их на рассвете и в сумерки. Именно в эти часы летучие собаки садятся на плодовые деревья или летят к месту своего ночлега.

Для индивидуальной охоты пользуются сачком, сделанным следующим образом: к одному из концов бамбукового шеста лучеобразно прикреплены ротанговые прутья. Эти прутья опираются на тростниковые кольца, образуя воронковидный каркас, обтянутый сеткой. Держа в руках это приспособление, охотник сидит на ветвях плодового дерева и постукивает себя кулаком по груди, отчего раздается гулкий звук, похожий на шум полета летучей собаки. Стук привлекает подстерегаемых животных. Одна за другой летучие собаки садятся на ветви деревьев. Тогда охотник быстро накидывает на одну из собак свой сачок; животное пытается выпорхнуть, но тщетно: оно застревает в сетке сачка.

Еще больше распространена коллективная охота, при которой используется широкая натяжная сетка. В лесу к ветвям двух плодовых деревьев, отстоящих друг от друга на небольшом расстоянии, прибивают по длинной палке в направлении полета летучих собак. К концу каждой палки прикрепляют бамбуковую перекладину с ротанговой петлей, через которую продевают веревку, чтобы подымать и натягивать сетку. Группы охотников с зажженными кокосовыми факелами в руках кидают в кроны плодовых деревьев камнями, и испуганные собаки взлетают вверх. В темноте они наталкиваются прямо на сетку. Этот способ весьма эффективен; применяя его, туземцы ловят 40-50 летучих собак в день.

Что же касается пернатых, то они в жизни меланезийцев существенной роли не играют. Если меланезийцы и охотятся на птиц, то только ради ярких разноцветных перьев. Предпочтение отдается птицам-носорогам, а также голубям и попугаям всевозможных видов. На некоторых островах туземцы пользуются на охоте пращей или луком со стрелами, причем с насаженной на них тупой деревянной головкой. Но густая лесная поросль препятствует меткой стрельбе из лука или пращи, поэтому туземцы предпочитают ловить птицу петлей или длинным прутом, намазанным клеем. Они обрывают листву с небольшого деревца и оголенные ветви обмазывают клейким веществом. К этому деревцу привязывают пойманных попугаев, которые, громко крича, привлекают своих сородичей. Ничего не подозревающие попугаи садятся на ветки, и клейкая масса тотчас же прихватывает их лапки, да так крепко, что птицам иногда отрезают ноги, чтобы снять их с ветвей.

Сетка для ловли летучих собак

При ловле силком петлю подвешивают перед самым гнездом. Как только птица сунет голову в гнездо, петля тотчас же затягивается либо спрятавшимся охотником, дергающим шнурок, либо сама по себе. И все же в целом охота на птиц в жизни меланезийцев не имеет особого хозяйственного значения.

Бытовые противоречия

Как бы ни было трудно проследить культурное развитие какого-нибудь народа, чтобы познать типичное в его культурном своеобразии, понять взаимоотношения людей у этого народа, внутренний смысл человеческих отношений еще труднее. Только немногие исследователи, занимаясь в полевых условиях изучением быта отдельных племен, смогли в какой-то степени постичь смысл существующих у них отношений. Для этого одинаково важно и достаточно продолжительное пребывание среди изучаемого племени, и знание его языка. Но самое главное для европейца-исследователя, стремящегося проникнуть в духовный мир туземцев, это завоевать у них полное доверие. Изучение брачных отношений требует, разумеется, большого терпения и такта. Наряду с некоторыми ценными наблюдениями миссионеров выдающиеся работы Хильды Турнвальд и Бронислава Малиновского дают нам возможность подробно ознакомиться с существующими у меланезийцев взаимоотношениями полов, столь сложными и многогранными, сколь вообще разнообразны человеческие характеры. На меланезийских островах поведение людей, вытекающее из естественных человеческих склонностей, регламентируется извечными неписаными законами. Но, несмотря на это, жизнь меланезийцев не обходится без бытовых трений. Об этом свидетельствует запись Хильды Турнвальд, которую мы приводим ниже в сокращенном виде.

Поселок Колекая был расположен на круглой площадке, окруженной высокими деревьями. Он состоял из нескольких покоящихся на сваях домов, в которых жили родители Колекая и его братья со своими женами.

(По обычаю острова Бугенвиль девушки, вышедшие замуж, должны жить в семье родителей мужа.) Посреди этих свайных домов находился открытый для всех рабочий дом, а позади помещалось стойло для свиней.

Однажды, когда Колекай лежал больной в своем доме, жена его Моноку, как обычно, отправилась к реке за рыбой. Вдруг откуда ни возьмись из-за кустарника вышел Камелуои и преградил ей дорогу. Этот мужчина в течение вот уже нескольких недель пытался ею овладеть. На сей раз Камелуои решил не отступать. Но Моноку отвергла его. Тогда Камелуои проследил ее путь к реке. Когда ничего не подозревающая Моноку, стоя на берегу, наклонилась над водой, Камелуои, боясь, что Моноку расскажет о его домогательствах, схватил ее и утопил в реке.

Овдовевший супруг сперва полагал, что произошел несчастный случай, но позднее до Колекая дошли слухи об убийстве: Камелуои где-то проболтался.

Колекай поручил одному человеку, пользовавшемуся репутацией опытного убийцы (буруругачи), убить Камелуои. Тот исполнил поручение, и, так как подобная месть нисколько не противоречила давней традиции, узаконенной правовыми нормами общины, инцидент был исчерпан. После этого Колекай женился на своей двоюродной сестре Талии. Впрочем, вторично жениться он мог бы, согласно законам племени, и при жизни первой жены, но Колекай не делал этого, потому что сильно любил Моноку.

Браки по любви заключаются у меланезийцев ничуть не реже, чем у нас, и даже известны случаи, когда овдовевший супруг или супруга не могут пережить своего горя и кончают жизнь самоубийством.

Талиа рожала восемь раз. Не удивительно, что она казалась старше своих лет. С утра до вечера она неустанно хлопотала по хозяйству. Ухаживала за свиньями, а их у нее было немало, смотрела за

огородом, ловила рыбу, носила дрова. В отличие от Талии ее молодые дочери не любили трудиться, зато любили наряды. Но далеко не все были такие. Макуния, жена старшего сына Колека, всегда была занята каким-нибудь делом и никогда не унывала. Звонким и легким голосом она напевала сочиненные ею самой детские песенки, вызывавшие восхищение односельчан. И несмотря на восторги окружающих, она ничуть не зазналась и осталась такой же скромной и доброй, какой была. Вот одна из ее песенок:

Детки мои милые, попугайчики мои,
Спуститесь ко мне, дайте взглянуть на вас.
Ваши глазки, как звезды на небе,
Вы, мои звездочки ясные, все еще спите в
высоком доме на сваях,
Ваши глаза, как звезды на небе,
Вы, мои звездочки ясные, спите там, где
хранятся раковинные
деньги, где обитают духи
предков,
Детки мои милые, попугайчики мои,
Храните раковинные деньги, храните, чтобы
ничего не пропало.
Детки мои милые, попугайчики мои,
Вы спите там в большом доме возле снизок
раковинных денег
моей милой сестры.

А вот еще одна характерная сценка, наблюдавшаяся в той же местности. Пятидесятилетний Коба после смерти своей первой супруги женился вторично. Его новую жену звали Манта, и родом она была из соседнего селения. Скупой и хитрый Коба любил похвастать тем, как дешево он добыл ее. Дело в том, что Манта была в

разводе. Первый муж выгнал ее из дому за измену, и Манта возвратилась в дом своих родителей. Отец уже не раз пытался выдать дочь замуж, но тщетно. И вот наконец объявился жених. Кобе надлежало внести выкуп первому мужу Манты, так как тот остался после развода в накладе: отец Манты не вернул ему выкуп за невесту. Конечно, семьдесят снизок раковинных денег — сумма немалая, но за невесту с «безупречной репутацией» платят больше. В общем этот «дешевый» выкуп оказался для Кобы не таким уже дешевым, ведь Манта, будучи разведенной женой, не привела с собой ни одной свиньи. Дети Манты от первого брака оставались, как этого требовал обычай, у родного отца. Зато Манте приходилось воспитывать дочь Кобы.

Характер Кобы проявился в полной мере, когда Манта неожиданно скончалась. Коба тотчас же велел отнести труп жены в ее родную деревню. Это противоречило издавна существующему обычаю. Овдовевший супруг должен был оповестить родственников жены о ее смерти, чтобы те успели прибыть к нему на похороны. Отчего же Коба позволил себе нарушить этот обычай? Да оттого, что был скуп. Он хотел избавить себя от расходов, связанных с сожжением трупа, как этого требует ритуал, соблюдаемый на острове Бугенвиль.

После смерти второй жены Коба жил вместе со своей дочерью. Однажды дочь Кобы, которой тогда еще не было семнадцати лет, прибежала в миссию и попросила защиты у сестер-монахинь. Отец хотел выдать ее за пожилого мужчину, своего приятеля, потому что тот намеревался дать хороший выкуп раковинными деньгами. Но девушка любила юношу, который тщетно просил у Кобы ее руки. Разгневанный Коба примчался в миссию за дочерью и собрался, как это не раз бывало в таких случаях, пустить в ход свою грозную палку. Но сестры-монахини его переубедили, и Коба разрешил

своей дочери выйти за молодого человека. Когда несколько позднее Кобу спросили, как он обходится со своим зятем, на его тощем лице появилась широкая улыбка, и он, подмигнув, сказал на пиджин-инглиш: «He good fellow na me like stop long house belong him na piccanini belong me he all time cook him good fellow kaikai na me catch him plenty». «Он славный малый, и я люблю гостить в его доме, и дочь моя готовит ему вкусную пищу и меня потчует вдоволь».

Несколько недель спустя Коба, никогда не мывшийся, носивший вместо одежды какую-то грязную тряпку, к чему его ровесники-односельчане уже давно привыкли, вдруг предстал перед своими соплеменниками вымытым, напмаженным, аккуратно одетым, с пучком пахучей травы под наплечным браслетом. Ему опять захотелось жениться. Его избранницей оказалась бездетная вдова Унитаи из дома его друга, вождя Кокобы, который собирался отдать ее за сто снизок раковинных денег. Коба стал сначала торговаться, но в конце концов согласился с назначенной ценой, хотя ему и пришлось часть денег занять у друзей. Однако из полученных ста снизок Кокоба оставил себе лишь десять, сорок он отдал своему брату, одному из верховных вождей племени, в подчинении которого находился, человеку, получившему от колониальных властей пост начальника, остальные пятьдесят — родственникам умершего мужа той вдовы, на которой собирался жениться Коба.

Как человек предусмотрительный, Коба построил своей жене дом в ее родной деревне. Жена жила в этом доме, тогда как он сам находился то у нее, то у своей дочери. Так прошло несколько недель, и Коба узнал, что жена его сбежала. Рассердился Коба и помчался за ней. Он догнал ее и привел назад в ее дом, но теперь жена избегала его. Хильда Турнвальд посетила однажды супругу Кобы в ее опрятном домике и не постеснялась

сказать старому ловеласу, что жена его для него слишком молода. Это замечание его обеспокоило. Теперь, возвращаясь к дочери, он взял с собой молодую жену. Он боялся, что она снова сбежит от него. Это был самый разумный шаг со стороны недоверчивого мужа; действительно, прошло еще несколько месяцев, и молодая жена Кобы подружилась с его дочерью и в конце концов примирилась со своим положением.

В супружеских отношениях меланезийцев преобладает легкость и непринужденность. Однако они регламентируются своеобразными правилами хорошего тона. Так, выражать нежные чувства словами или жестами считается неприличным. Если мужчина и женщина ходят в обнимку или хотя бы взявшись за руки, они подвергаются общественному осуждению. Супругам строго воспрещается улыбаться друг другу или взирать друг на друга влюбленным взглядом. Пример, весьма характерный для этих нравов, приводит Малиновский. Однажды он куда-то шел с одной туземной супружеской четой. Вдруг женщина поранила ногу и захромала. Он посоветовал мужчине взять свою жену под руку. Но оба супруга смущенно заулыбались и потупили взор. И как только белый человек мог подумать о такой непристойности!

Казалось бы, такие отношения супругов свидетельствуют об отсутствии взаимной симпатии. Однако это не так. Хотя между ними и возникают иногда разногласия, все же семейные ссоры, постоянное озлобление, сцены ревности у них редки. Но если такие эксцессы случаются, то из-за излишнего самолюбия и честолюбия кончаются обычно трагически. Малиновский иллюстрирует эти нравы множеством интересных примеров. Ниже мы приведем в сокращенном виде два описанных им случая, которые могут дать представление о внутреннем мире туземцев и

обрисовать создающийся при таких происшествиях социальный конфликт.

Гумалуйя был женат на Кутавоуйе. Но однажды Гумалуйя влюбился в Илапакуну и вступил с ней в связь. Тогда жена Гумалуйи отказалась вести хозяйство. Перестала варить пищу, носить воду, и Гумалуйе пришлось прибегнуть к помощи своей замужней сестры. Однажды вечером, когда все жители деревни сидели возле своих хижин за трапезой, Кутавоуйя устроила своему мужу публичную сцену. Она истошным голосом честила мужа:

— Ты все развратничаешь, тебе нужны одни любовные похождения, ты совсем отбился от рук!

И далее полился целый поток самых отборных ругательств. Звонким эхом отдавались ее крики во всех концах тихой деревушки. Кутавоуйя в ярости своей расходилась все больше и больше. И вдруг Гумалуйя вне себя от гнева стал бить жену палкой и бил ее до тех пор, пока та не потеряла сознание. На следующий день Кутавоуйя покончила жизнь самоубийством. Она съела желчный пузырь одной из разновидностей рыбы-шар, яд которой действует мгновенно.

Не менее трагично закончилась жизнь молодой трудолюбивой Исакапу. Она искренне любила мужа, но он буквально замучил ее безмерной ревностью. Возвратившись однажды после долгого отсутствия домой, он затеял скандал. Он ругал жену на чем свет стоит, нещадно бил, и она, обливаясь слезами, убежала из дому. В отчаянии она кричала:

— На мне живого места нет, спина ноет, голова разламывается! Вот взберусь сейчас на высокое дерево и брошусь с него!

Через два дня она надела самые красивые украшения, вскарабкалась на дерево и крикнула мужу:

— Посмотри на меня в последний раз! Я всегда была тебе верной женой. Ты же бил и оскорблял меня без

всякой причины. Смотри, я сейчас убью себя!

Муж полез на дерево за женой, но не успел он долезть и до половины, как та бросилась с дерева и разбилась.

У меланезийцев существуют понятия о браке, которые нам могут показаться странными. В жизни супругов строго разграничены сферы трудовой деятельности мужа и жены, и даже в тех случаях, когда оба супруга делают одно и то же, делают они это по-разному. Так, женщины носят корзины на голове, а мужчины только на плече. Ни одному из супругов никогда не придет в голову хотя бы в шутку понести свою ношу как-либо по-иному. Мужчина обязан смотреть за грудным ребенком, он должен не только носить его и качать на коленях, но и кормить кашцей из размельченных корней, обмывать его и вытирать. Это типичная привилегия отца, и если белокожий чужеземец хочет завоевать доверие меланезийских мужчин, ему следует похвалить их детишек. Желание иметь детей и собственную семью у меланезийцев ничуть не меньше, чем у других народов. Эта потребность сильнее выражена у мужчин, потому что там холостяки считаются неполноценными людьми; ведь благодаря женитьбе мужчина приобретает ценные вещи, повышающие его общественный престиж. Правда, выбор супруги или супруга в известном смысле ограничен в силу существующей общественной структуры. Каждое меланезийское племя разделено на локальные группы с отцовским правом и два тотемных класса с материнским правом. Каждый тотемный класс носит название священного животного; члены класса считаются родственниками. Люди, принадлежащие к одной локальной группе и одному и тому же брачному классу, считают себя родственниками, хотя по крови могут таковыми не быть. Брак между такими родственниками не допускается. Есть и другие ограничения. Так, брак

признается неравным, когда одна локальная группа считает себя более высокородной, нежели другая. Вступление в брак в значительной степени регламентируется имущественным положением и рангом родителей жениха и невесты.

После свадебного обряда молодожены устраивают для всех своих односельчан пиршество, и только после этого брак их считается действительным. Затем родители мужа и жены преподносят друг другу подарки, насколько это им позволяет имущественное положение. Здесь и продовольствие (овощи, свинина), и вещи (топоры, связки раковинных денег, всевозможные украшения). Бывает и так (например, на островах Тробриан), что родители жены обязуются ежегодно отделять семье своей дочери определенную часть урожая. Это нелегкое обязательство, особенно если у родителей жены много дочерей.

Расторгнуть брак так же легко, как и вступить в него. Для расторжения брака существует немало причин: измена, нерадивость, неудовлетворенность и разочарование одного из супругов. В таких случаях жена забирает свои пожитки и уходит к родителям. Так называемый выкуп за невесту не возвращается, за исключением тех случаев, когда разведенная жена выходит вторично замуж.

Бездетность считается несчастьем и часто оказывается причиной охлаждения отношений между супругами, а то и поводом для разрыва. Однако бывает и так (например, на северных Соломоновых островах), что женщина явно не хочет иметь детей. Она либо убивает новорожденного, либо для предотвращения зачатия применяет стерилизующие средства, изготовление которых является профессиональным занятием старух. Истинные мотивы этих действий, разумеется, весьма различны, и определить их не так-то просто. По мнению Хильды Турнвальд, отрицательную роль в этом

отношении сыграла проституция. Было время, когда мужчины из семей вождей прибегали к услугам проституток, и те, чтобы не плодить незаконнорожденных, применяли средства прекращения беременности.

В период беременности женщина вместе со своим супругом соблюдает определенные правила: они воздерживаются от некоторых блюд, которые, по их мнению, неблагоприятно влияют на развитие ребенка. На Новой Британии женщина в последний период беременности не делает никакой тяжелой работы. Столь гуманное установление принято далеко не у всех меланезийских племен. Редким исключением является даже такой совершаемый при первой беременности ритуал, описанный на островах Тробриан. Там родственницы жены торжественно вручают молодой женщине лубяные юбки и плащи. Эти вещи освящаются магическими заклинаниями, и молодая мать носит их в течение некоторого времени после родов. Когда женщина чувствует приближение родов, она в сопровождении своей матери и подруг отправляется в особую хижину в стороне от жилищ. Поодаль находится также хижина, где женщины пребывают в период менструации. Разрешение от бремени пытаются ускорить с помощью колдовства. Какая-нибудь «мудрая» женщина произносит заклинания над листьями благовонного куста, которыми растирают тело роженицы. Несмотря на массаж и грелки, ускоряющие роды, нередко возникают осложнения, с которыми туземцы, не умеющие разобраться во всех особенностях этого физиологического процесса, не в состоянии бороться, и тогда молодая роженица может и умереть. Ныне благодаря врачебной помощи такие осложнения устраняются.

Детей, рожденных с дефектами тела или слабосильных, сразу убивают. Та же участь постигает

первороденного из двойни. Если рождается тройня, то в живых остается ребенок, появившийся на свет последним. Рождение первенца вызывает большую радость. Через несколько дней после его появления на свет устраивается пышное празднество с торжественным пиршеством и танцами, в котором принимают участие все односельчане. Новорожденного украшают побрякушками. Появление на свет нового гражданина земли знаменуется множеством ритуальных церемоний. Его окуривают в дыме небольшого костра, стригут и красят ему волосы, перевязывают головку лубяной лентой, чтобы череп рос в длину и благодаря этому был менее чувствителен к ударам и толчкам. Этот обычай, существующий на юге Новой Британии, известен также на юге острова Малекула (Новые Гебриды) и считается характерным элементом культуры одного из миграционных слоев меланезийского населения.

В обращении с детьми всех возрастов меланезийцы всегда соблюдают определенные гигиенические правила. Маленьким либо протирают лицо кокосовым маслом, либо моют их в воде, подогретой раскаленными камнями. Как ни странно, меланезийцы для мытья ребенка применяют именно этот стародавний способ нагревания воды, хотя для приготовления пищи пользуются глиняными горшками. Дело в том, что туземцы scrupulously соблюдают старинные обычаи в обращении с ребенком.

Растя своих малышей, меланезийская мать встречается со множеством трудностей, особенно в связи с кормлением. Эти трудности она вряд ли осознает, но именно они и приводят к убийству детей и к половому воздержанию супругов во время кормления. Так как у меланезийцев нет домашних животных, дающих молоко, кормящая мать вынуждена растягивать период кормления до трех лет. В течение этого периода она не может родить еще одного ребенка. Хотя

меланезийских грудных детей и подкармливают кокосовым молоком, в какой-то мере заменяющим материнское, и уже с самого раннего возраста начинают прикармливать мягким вареным таро и ямсом, все же при отлучении от груди у них бывают тяжелые расстройства пищеварения.

Когда ребенок начинает ходить, он увлекается играми. В раннем возрасте мальчики и девочки играют вместе. Меланезийские дети знают огромное количество игр с хороводом и песнями. Забавляются также и волчком. Это какой-нибудь плод, насаженный на палочку. Играют в «камушки», для чего употребляют орехи, и во всевозможные игры со шнурками. Любопытно, что меланезийцы в отличие от своих восточных соседей не устраивают никаких спортивных состязаний. С наступлением половой зрелости дети прекращают эти невинные забавы. В этот период намечается окончательное разобщение обоих полов, так как мальчик уже тяготеет к отцу, а девочка — к матери, и каждый подросток знакомится со своими будущими обязанностями. Через некоторое время происходит пространственное разобщение, что приводит к известному ослаблению семейных уз. На острове Гуадалканал (Соломоновы острова), где муж и жена спят в разных хижинах, мальчик покидает жилище матери уже на третьем-пятом году жизни и спит с отцом, тогда как дочь остается с матерью. Однако в период от наступления половой зрелости до женитьбы единственное дозволенное юношам место пребывания — это мужской дом или дом для холостяков. Обычно это весьма импозантное здание, расположенное в самом центре деревни. Здесь юноши получают от взрослых наставления и проходят некоторое обучение. Так, у западных племен Новой Британии каждый юноша находится на попечении взрослого наставника, обучающего его изготовлению оружия (пращи, копья),

охотничьих ловушек, рыболовных сетей, а также обращению со всеми этими вещами.

Прежде женщинам и девушкам под страхом смерти запрещалось посещение мужского дома или дома холостяков. Но на островах Тробриан существовал, как ни странно, противоположный обычай. Там дом для холостяков с одобрения общины был превращен в своего рода любовную беседку для юношей и девушек. Здесь нет ничего от проституции, хотя на меланезийских островах она и существует в известных формах, а на Соломоновых даже поддерживалась вождями.

По мнению Малиновского, которому мы обязаны приведенными сведениями, свободное общение между молодыми людьми не имеет также ничего общего с групповым браком или групповым промискуитетом. Партнеры не меняются, оргий не происходит, ибо поведение каждого регламентируется определенным моральным кодексом. Хотя любовники и разделяют ложе, каждый живет своим бюджетом, питается у своих родителей, ибо совместная трапеза означала бы публичное объявление о бракосочетании. Нередко из такого свободного сожительства возникают настоящие, прочные браки.

С наступлением совершеннолетия меланезийские юноши и девушки проходят посвящение. Совершаемые при этом обряды отчасти связаны с приемом в мужской или тайный союз, и для мальчиков их гораздо больше, чем для девочек. Кандидаты отбираются общиной и размещаются в специальной огороженной частоколом хижине, находящейся где-нибудь за деревней, в лесу. Иногда и девушки (на Новой Ирландии, например) должны в течение продолжительного времени пребывать в специально отведенных местах. Если девушки хотят принять участие в танцах женщин, выйти из своих обиталищ они могут, лишь закутавшись с головы до ног. При посвящении меланезийским

мальчикам делают обрезание. Этот обычай неизвестен папуасам, его нет и на Соломоновых островах. Кроме того, на островах Меланезии мальчикам преподают своеобразные уроки жизневедения и религии. Их знакомят с предметами культа (на Новой Ирландии, например, со священными резными фигурами, выставляемыми напоказ во время поминальных празднеств). Их обучают также игре на «волшебных» дудочках. На острове Вогео (близ северного побережья Новой Гвинеи) мальчикам надрезают язык, чтобы игра их была более искусной. Язык мальчикам надрезают еще и для того, чтобы избавить их от «плохой крови», которую они, по представлениям туземцев, унаследовали от своей матери. Каждый, кому надрезают язык, превращается в нового человека. Об этих представлениях можно судить по заключительной церемонии ритуала посвящения, наблюдающейся в некоторых областях Новой Ирландии. Там мальчиков (а также девочек) кладут на помост и велят им представиться мертвыми, то есть заснуть. Когда мальчики или девочки заснут, их будят, и это означает пробуждение к новой жизни, как бы рождение заново. После этой церемонии юноша или девушка становится полноценным членом общины, получает все права члена общины и соблюдает все ее установления. Поведение их отныне строго контролируется общественным мнением. Отношения между супругами, по представлениям меланезийцев, не прекращаются и тогда, когда один из них умирает. Независимо от истинных чувств родственников покойного производятся традиционные траурные церемонии. Когда больной умирает, сразу же начинаются громкие причитания. Они тем сильнее, чем большей любовью, уважением и престижем пользовался покойный при жизни. В большинстве случаев вдове и ее родственникам надлежит скорбеть гораздо дольше и сильнее, чем вдовцу. Иногда родственники умершего,

боясь магических излучений трупа, отказываются отдать покойному последнюю дань любви и уважения. Этому служат некоторые табу. Омовение и наряжение покойника, равно как и его захоронение, совершаются обычно женатыми или замужними сородичами умершего. Они выражают свою скорбь тем, что стригут себе волосы, раскрашивают свое тело и накосят себе удары. Вдова умершего ходит закутанная в циновки, а иногда даже «уходит от мира»: живет где-нибудь (как это принято, например, на островах Тробриан) одна и не выходит из своего обиталища в течение нескольких месяцев. В это время о ней заботятся ее домочадцы.

Существующее у меланезийцев материнское право точно определяет положение детей после смерти родителей. Дети остаются на попечении матери, которая возвращается в семью своих родителей. Если нет в живых и матери, то опекуном детей становится ее старший брат. Частная собственность одного из супругов не переходит во владение другого. В личную собственность жены помимо одежды и украшений входит также кухонная утварь, тогда как мужчине кроме его одежды и украшений принадлежат оружие, силки, сети, каменные топоры и танцевальные барабаны. Мужчине принадлежит также недвижимое имущество, такое, как плодовый сад, дом, лодка, и живой инвентарь, например свиньи. Все эти вещи в случае смерти мужа или жены делятся между определенной группой наследников. Собственность мужчины достается его младшему брату или племяннику, то есть сыну брата его жены. При этом иногда возникают довольно необычные ситуации. Некоторые из них наблюдал Малиновский на островах Тробриан.

Бывает, например, что отец, горячо любящий своего родного сына, еще при жизни отделяет ему часть своего имущества, не требуя за это никакой компенсации. Так

отеческая любовь преодолевает препоны давнишнего правопорядка — ведь после смерти отца сын должен уступить отцовское имущество законному наследнику. А тут часть имущества уже принадлежит сыну и поэтому передаче не подлежит. Но бывают случаи, когда законный наследник претендует на известную долю имущества отца при его жизни. Тогда законному наследнику соответствующая часть имущества вручается, однако за это он должен заплатить определенную сумму.

Подобного рода отношения, развившиеся в условиях материнского права, в Меланезии явление довольно редкое, ибо они уже претерпели некоторые изменения в связи с распространением идеи отцовского права. На некоторых островах Новых Гебрид брат умершего мужа берет на себя заботу о вдове и ее детях. Проникновение в общественную жизнь меланезийцев двух принципиально противоположных воззрений — материнского права и отцовского права — есть следствие исторического развития. В отношении Соломоновых островов установлено, что там на древнее тотемическое материнское право рода наслоилося отцовское право пришедшего туда позднее населения^[44]. Эти изменения не могли не сказаться на взаимоотношениях полов. Возможно, что они еще более углубили существовавшие разногласия, обусловленные различием человеческих характеров и темпераментов.

Привилегии и касты

Чем больше укреплялась власть европейских держав в колониях, тем меньше становилось политическое влияние так называемых вождей; прежде вождями называли всех, кто мог считаться предводителем людей. Но исследования этнографов показали, что понятие «вождь» применимо не всегда, и здесь существуют весьма тонкие различия. Если судить по данным, которые в свое время удалось установить официальному австралийскому этнологу Хогбину на острове Вогео близ северного побережья Новой Гвинеи, — высшая политическая власть у меланезийцев находилась в руках *clan headman*, то есть старейшины рода, или коквала, как его называют на туземном языке. Хотя власть коквала распространялась всего на 50–60 членов рода, авторитет он завоевывал исключительно благодаря своей энергии и ловкости. Он мог также быстро и потерять свой авторитет, если чем-либо себя компрометировал. Своего преемника он назначал еще при жизни. Это был один из старших сыновей его жен. Так как в деревнях, как правиЛО, было по два-три рода, там имелось столько же коквалов, или родовых старейшин, дома которых по сравнению с жилищами прочих членов клана имели весьма представительный вид. Поэтому когда нам рассказывают о том, что на небольших меланезийских островах в деревнях было «несколько вождей с их сторонниками», то, очевидно, речь идет о старейшинах родов или кланов. Но и на более крупных островах так называемый вождь селения играет, по всей видимости, роль *primus inter pares*, то есть первого среди равных, который в важных вопросах всегда совещается с главами семейств, прежде чем принять какое-либо решение.

Одним из таких влиятельных лиц был седовласый Паломг Пуло из деревни Кинв на юге Новой Ирландии. Он устраивал танцевальные празднества и самолично руководил всеми танцами. Паломг Пуло имел право приглашать на празднество людей из соседнего селения. Туземцы отзывались о нем с особой почтительностью, называли его *big fellow luluai*, то есть большой вождь.

На Соломоновых островах местами наблюдалась та же картина. Там в отличие от многих районов Африки передача звания вождя по наследству встречала резкое осуждение, хотя на отдельных островах мванекама, то есть политический предводитель туземцев, пользовался некоторыми прерогативами верховной власти, а во время войн руководил войсками. Но о северных Соломоновых островах мы знаем, что там с приходом большерослых, хорошо сложенных темнокожих людей с грубыми чертами лица возникли новые общественные условия. Пришельцы проявляли большую политическую активность. Всего несколько сот лет назад большерослые люди — женщин среди них было совсем мало — поселились на северных Соломоновых островах и взяли в свои руки политическое руководство.

Благодаря организованности и превосходящему вооружению, то есть более совершенным лукам и стрелам, а главное, благодаря впервые завезенным экономическим ценностям (некоторые виды сельскохозяйственных продуктов, раковинные деньги, свиньи) они заняли особое положение среди коренного населения, превратились в своего рода знать. На севере Соломоновых островов такую знать составляли «великие вожди» селений, называемые мумиратутоберу. Они владели землей. Эту землю великие вожди отдавали в пользование своим братьям. Подвластные мумира туземцы были его кабальными (китере) и получали от него ленные пожалования, за что обязаны были служить

ему и его родственникам. Мужчины господствующей касты имели право брать на свои празднества девушек из среды кабальных и отдавать их в распоряжение приглашенных мужчин.

Туземная знать северных Соломоновых островов стремилась сохранить свое преимущественное положение тем, что допускала браки только в своем кругу. Однако недостаток женщин вынуждал их к отступлению от этих правил. Аристократам приходилось иногда жениться на девушках из среды своих кабальных. Сыновья от этих смешанных браков образовали новое наследственное сословие — группу вассалов (минеи). Они добровольно состояли на службе у великого вождя, который в свою очередь оберегал их жизнь и имущество, а за особое усердие даже жаловал их кабальными.

Великие вожди часто заключали между собой оборонительные и наступательные союзы, к чему их побуждали возникавшие конфликты, связанные с введенной ими охотой за черепами. Добычу вражеского черепа великие вожди считали делом чрезвычайно важным, ибо полагали, что каждый убитый враг усиливает мощь духа войны и тем самым закрепляет их личные военные успехи. Рихард Турнвальд еще лет 50 тому назад насчитал у одного вождя свыше 60 трофейных черепов, выставленных в специальном павильоне. Охота за черепами приняла на Соломоновых островах такие размеры, что опустошались целые деревни. Английский естествоиспытатель Вудфорд был однажды свидетелем, как такого рода «экспедиция» возвращалась с 32 черепами! Не удивительно, что селения на Соломоновых островах с их овальными и четырехугольными домами, стоящими либо просто на земле, либо на земляном или каменном цоколе, либо на сваях, укреплены глинобитными стенами, если только не построены на неприступных горных кряжах. Несмотря

на свое привилегированное положение, великий вождь в среде туземной аристократии является также лишь первым среди равных. Его звание наследует старший сын. Нередко сын вождя благодаря силе характера добивается исключительного положения. Таким человеком был когда-то «король» Горей на Шортлендских островах. Он пользовался огромной властью, и даже европейцам приходилось отдавать ему дань уважения. Но бывали и обратные случаи; например, жители деревни на западном побережье острова Бука в один прекрасный день свергли своего вождя за неспособность руководить, прогнали его и избрали другого.

Касты вождей существуют и на островных группах, расположенных к юго-востоку от Новой Гвинеи. Там, как и на Соломоновых островах, вождю и его родственникам принадлежит вся земля, и подвластные вождю жители деревни должны нести определенные службы. Они даже обязаны оказывать ему особые почести. Ни один подданный не смеет ни в чем превосходить вождя, даже в росте, и при встрече с ним простым смертным приходится низко наклонять голову. Весьма своеобразны в Меланезии, пожалуй, единственные в своем роде причины многоженства туземных вождей этого района. Вождь «наследует» жен от своего умершего предшественника, сам он имеет собственных, которыми обзаводится еще в молодости, и сверх того каждый клан дает ему по одной жене. Если одна из жен, отданных кланами, умирает, вождь тотчас же получает замену. Благодаря этому своеобразному обычаю вождь имеет крупный доход. Родственники его жен регулярно выплачивают ему дань натурой. Так как с жителей деревни он не взимает никаких налогов или податей, ему приходится финансировать строительство лодок и домов, путешествия и войны за счет дохода от многоженства. Вождь Киривины имел 60 жен, и

родственники каждой жены обязаны были ежегодно доверху наполнять ямсом его амбар, а иногда и два амбара, вмещавшие около 50 ц ямса. Следовательно, годовой доход этого вождя составлял не менее 3 тысяч ц ямса.

Смена способов политического руководства, наблюдаемая нами на Соломоновых островах, происходит также на Новой Каледонии и в южном районе Новых Гебрид. Там звание вождя, появившееся вместе с возникновением патриархата, является наследственной привилегией. Вожди тех мест носят на шее как символ своего достоинства сверкающие белизной раковины улиток овула. Эти украшения в Меланезии особенно ценятся там, где туземная знать стремится и внешне выделиться из всей остальной массы людей. Но знаки отличия вождя — это не только панцири улиток овула. На Новой Каледонии, например, крыши громадных хижин вождей украшались роскошной резьбой с большими раковинами тритона рога; знаками отличия новокаледонских вождей и вместе с тем их личным оружием были каменные топорики. Они сделаны из гладко выточенного нефритового диска, а рукоять обмотана шнурком из шерсти летучих собак.

Возвращение с охоты за черепами на дощатой лодке

У меланезийских великих вождей есть соперники. Это вожди мужских или тайных союзов, люди с особым престижем, которые, впрочем, не везде соперничают с ними.

В северной части Новых Гебрид тайные союзы пользуются столь сильным влиянием, что там института великих вождей вообще не существует. Как мы уже сообщали, меланезийские тайные мужские союзы занимались обычно совершением обрядов инициации и прочих таинств. В этом у них много общего с тайными союзами папуасов. В чем именно состоят ритуальные церемонии меланезийского тайного союза, вступить в который, заплатив определенную сумму, должен каждый мужчина, посторонние, не члены этого союза, не знают. Зато никто не скрывает своей принадлежности к такому союзу. Наоборот, ее всячески афишируют, ибо она повышает общественный престиж. Все члены

тайного союза стремятся получить более высокий ранг и благоговеют перед его обладателями.

Не подлежит сомнению, что тайные союзы играли весьма важную роль в общественной жизни меланезийцев, практикуя тайные суды. Члены тайного мужского союза притесняли остальных людей, не посвященных в союз, обирали их и даже не гнушались насылать на них смерть колдовством или, попросту говоря, отравлять ядами. Трудно сказать, были ли эти проявления дикости, сопровождавшиеся порой эротическими эксцессами, симптомами нравственного распада. Ясно лишь одно: меланезийские тайные союзы с их костюмированными танцами и всевозможными колдовскими таинствами (в частности, совершаемые ими обряды поклонения предкам и духам) имели прямое отношение к культу. Это относится прежде всего к тайному союзу Иниет у племен побережья полуострова Газели. Там каждый мужчина, заплатив определенную сумму раковинных денег, мог стать членом союза Иниет. На большом ежегодном собрании с участием многих тысяч членов союза из различных областей — на это время объявлялся гражданский мир — производился прием новых членов.

Кандидатов в члены тайного союза сначала поселяли в хижине в лесу, в месте, называемом «маравот», и посвящали там в тайны союза. Им внушали, что они, став членами союза, в состоянии будут при содействии духов совершать колдовство. Им показывали символ тайного союза — морского орла, нарисованного на листе банана, и налагали на них запрет употреблять свинину. В период посвящения в тайны союза от них не требовали физической работы, зато их обучали пению и танцам. Старые члены союза тоже разучивали новые танцы и песни, которые сочинял кто-нибудь из их собратьев, «вдохновленный» духом какого-нибудь умершего. Эти новинки считались собственностью сочинителя, который

мог продавать их своим собратьям. Исполнение танцев и песен и составляло главную часть празднеств. В отличие от других тайных союзов танцоры Иниет выступали без масок. Зато тело их было пестро расписано узорами, волосы покрашены в красный цвет и припудрены чем-то белым и синим, сами они одеты в богатый наряд из перьев. Они танцевали, сильно притопывая. Исполнялись обычно групповые танцы. На танцевальной площадке стояла хижина, где хранились различные культовые фигуры союза Иниет. Это очень грубые, расписанные узорами скульптуры предков, сделанные из мягкого известняка. Кандидатам в союз показывали и разъясняли значение скульптур. При этом каждый посвящаемый получал новое имя — имя покровительствующего ему предка, которого олицетворяла какая-нибудь фигура. Лишь после этой церемонии кандидаты становились полноправными членами тайного союза. Им давался самый низший ранг. Из множества членов союза Иниет лишь немногим удавалось достигнуть ранга «осведомленных», а тем более ранга «посвященных во все тайны»; ведь люди этих двух высших рангов были связаны с более сильными духами и обладали тайной самого действенного колдовства. Эти люди не хотели посвящать в свои тайны других членов союза и делить с ними власть. Если они это и делали, то лишь за изрядную сумму раковинных денег. Союз Иниет не имел единого руководителя, его члены высокого звания нередко несли функции «вождя» или «колдуна».

В прибрежных районах полуострова Газели и на прилегающих к нему островах, отчасти на Новой Ирландии существовал еще один тайный союз, известный под названием Дук-дук. Члены этого союза занимались не столько колдовством, сколько организацией костюмированных танцев. Они часто изображали героев мифа Тубуана и Дук-дука. Маски,

изображающие Тубуана и Дук-дука, имеют коническую форму, но определенным образом различаются. Общее в нарядах, которые носили вместе с масками, — одеяние, состоящее из множества плотно уложенных листьев магу, закрывающих все тело. Маска, изображающая Тубуана, — это невысокий черный, сплетенный из ротанга конусообразный колпак с двумя нарисованными на нем белыми кружками, обозначающими глаза, и с большим пучком белых куриных перьев; маска Дук-дука — это такой же колпак, только высокий и красный. Кроме того, к колпакам прикрепляются небольшие резные фигурки и венки из перьев.

Распознать значение этих масок пытался миссионер Пеекель. Туземцы называли их «птицами», и Пеекель полагал, что силуэт масок обозначает казуара. Туземцы представляют себе птицу Тубуан как мать дук-дуков, которых она время от времени рождает. Это связано со следующим мифом.

«Один мужчина пошел к реке купаться. Там он увидел самку казуара с птенцами. Они тоже купались. Мужчина взял камень и бросил им в птенцов. Затем он схватил самку казуара и потащил в лес, и там провел с нею ночь любви. Она родила ему двух сыновей. А потом он обидел свою казуарку, и та убежала от него».

Тубуан и Дук-дук

Пеекель усматривает в этой символике особое представление о луне (самка казуара — затемненная часть луны, ее два сына — оба серпа луны), которое свидетельствует о некогда существовавшем культе луны, замененном впоследствии другими культами (культом предков или культом солнца), но еще сохранившемся в тайных союзах в виде своего рода маскарада^[45].

Примечательно, что в каждом локальном союзе Тубуана мог изображать лишь один человек; правом изображать его пользовались лишь состоятельные люди. Эту привилегию они нередко продавали за крупную сумму раковинных денег. Владелец маски Тубуана принимал просьбы о приеме в тайный союз юношей, приводимых к нему их отцами. Он объявлял юношам о том, что скоро появится Тубуан. Через несколько дней со скрытого места танцев союза раздавался громкий

выкрик. Тубуан здесь! Юноши рассаживались на лужайке и ждали его появления. Вдруг из леса выскакивал танцор в маске Тубуана и подбегал к перепуганным юношам. Он проносился между ними в бешеном танце и бил их палкой по голове. Подбегали и другие члены союза и также били юношей палками по голове. А в это время матери юношей сидели в своих хижинах и плакали по ним. Вся эта церемония стоила отцам юношей немало раковинных денег. Деньги делились между членами тайного союза. Затем мальчикам давали поесть, и тут их ждал большой сюрприз: Тубуан открывал себя, он снимал свой маскарадный колпак, и все сразу видели того, кто скрывался под маской. Затем юношей обучали танцам, которые им впоследствии придется танцевать на костюмированных празднествах. Юношам запрещалось под страхом смерти рассказывать об этом нечленам тайного союза. После урока танцев устраивалось пиршество, финансируемое также отцами юношей. Кульминационный пункт церемонии — это раздача масок Дук-дука новым членам союза, ибо они могут быть только дук-дуками — в соответствии с мифом, по которому остальные члены союза являются лишь детьми Тубуана.

О «рождении» дук-дуков возвещают щелевые барабаны. Если место празднества находится близко от побережья, то Тубуан со своими детьми прибывает на лодках. Ряженные в масках проходят торжественным шествием к месту празднества. Здесь устраиваются танцевальные выступления, смотреть которые разрешается также женщинам и детям. Танцующие в масках вдруг начинают крепко колотить своих ненаряженных собратьев по союзу, и те стараются побороть боль, чтобы убедить нечленов союза в своей силе. Затем все члены тайного союза садятся в круг, посередине которого стоит Тубуан. Ему вручается

крупная сумма раковинных денег. Новые члены союза тоже не уходят с пустыми руками. Так всем, не состоящим в тайном союзе, демонстрируются материальные преимущества его членов. В заключение церемонии устраивается шествие, заканчивающееся на праздничной площади, где ряженные снимают с себя маски.

В следующие дни новые члены союза вместе с ряженными старыми его членами шествуют от поселка к поселку и требуют подношения пищи. Затем на праздничной площади устраивается пышное пиршество, на котором съедается вся собранная снедь. Месяца через два Тубуан оповещает всех о конце празднества. Маски Дук-дука рвут на куски, ибо дук-дуков уже «нет в живых». Однако Тубуан не умирает. Он вечен. В течение последующих дней в домах, где живут вновь вступившие в тайный союз, собирается много гостей. Это изготовители масок, родственники и прочие односельчане, которые требуют от новых членов союза денежного вознаграждения за оказанные услуги. Так как у новых членов союза нет наличных денег, им приходится работать на полях или помогать рыбакам. Оплатив все свои долги, новички снова устраивают торжественную трапезу и приглашают Тубуана, которому преподносят какой-нибудь подарок. И только после всего этого молодые люди действительно становятся членами тайного союза.

Совершенно очевидно, что институт тайных союзов утратил свой культовый характер, хотя тубуаны и дук-дуки все еще выступали на поминальных празднествах у богачей и на торжествах в честь предков, за что получали денежное вознаграждение. И хотя форма тайного союза сохранена, по сути он превратился в светское учреждение. Союзы выражали интересы общины, поддерживали общественный порядок и заменяли вождя там, где его нет. Тубуан имел право

взимать денежные штрафы как с членов, так и с нечленов тайного союза, и, чтобы уберечь поля от расхищений, он мог также и объявлять табу. Несомненно, союз Дук-дук воспитывал в своих членах послушание и сдержанность, а также прививал любовь к труду. Но постепенно он превратился в источник дохода для своих членов, что все больше и больше укрепляло их власть; в глухих районах из этих союзов возникли даже террористические организации.

Классическим примером союза, превратившегося в настоящий клуб, может служить союз Сукве на Новых Гебридах. Он возник, несомненно, из тайного союза, занимавшегося общением с духами умерших и прочими духами; в отдельных случаях союз Сукве устраивал танцы с масками, применяя для этого дощечки-гуделки, трубы и прочее. Хотя члены этого союза и стремились блеснуть перед соплеменниками, тем не менее они не пускали им пыль в глаза, не пытались создать впечатление о своем причастии к великим тайнам. Там, где в союзе Сукве выступали ряженные в масках, они превратились просто в своего рода клоунов. С умершими у членов Сукве существует, как пишет Феликс Шпейзер, своеобразное духовное общение. Любопытную особенность Сукве представляет собой система рангов, знаков отличия и правила поведения. Число рангов в этом союзе на различных островах Новых Гебрид было различно. Каждый член союза стремился занять наиболее высокое положение, отдавая в союз для этой цели свиней с хорошими клыками, циновки и раковинные деньги. Существует поверье, что, чем выше звание человека, тем сильнее его мана, то есть его физические и психические потенции, а следовательно, престиж и власть, которыми он будет обладать и в загробном мире. Каждому члену союза предстоит на том свете питаться теми самыми свиньями, которые он

пожертвовал при жизни. Никто, конечно, не намерен на том свете голодать.

Если вступить в мужской союз юноше помогал отец или дядя — ибо каждый род стремился иметь там как можно больше своих членов, — то после вступления в союз средства для продвижения юноше приходилось добывать самому. А это не так-то просто, ведь чем выше звание, тем больше сумма его выкупа. Да к тому же различными подарками приходилось добиваться расположения членов следующей ступени, от которых зависело получение более высокого звания. Часто бедняге не оставалось ничего другого, как брать свиней взаймы. А их требовалось огромное количество. Так, на острове Амбрим для приобретения самого высокого звания надлежало отдать триста свиней.

Церемония выкупа звания совершалась на широкой площадке, обрамленной цикасовыми пальмами и кустами кротона. Чаще всего это деревенская площадь. По сторонам площадки лежат каменные плиты, под которыми погребены черепа умерших членов высшей ступени мужского союза. Среди плит стоят домики со скульптурными изображениями предков и большие щелевые барабаны. Форма барабанов зависит от чина погребенного рядом члена союза Сукве. Эти массивные деревянные, вырезанные из целого куска барабаны у низших рангов без всяких украшений, у средних — с резной грубой работы деревянной головой какого-нибудь предка, а у высших — с двумя, а то и тремя головами, расположенными одна над другой! На маленьком острове Вао от площадки, где совершалась церемония выкупа звания, идут широкие окаймленные камешками тропы, ведущие к другим площадкам, на которых длинными рядами стоят каменные плиты высотой в метр. Каждая такая плита представляет собой памятник жертвенной свинье.

Место для совершения обрядов с фигурой предка, щелевыми барабанами и домиками, где хранятся черепа (Новые Гебриды)

Члены мужского тайного союза носили знаки отличия, присвоенные его рангу, укрепленные под поясом и свисающие над сидением листья кротона различных видов. Темных тонов (фиолетовые и черные) листья носили члены высших ступеней. О ранге человека судили по количеству раковин улиток на его нагрудных и налобных ожерельях, по ширине браслетов, сделанных из обломков раковин и скорлупы кокосового ореха, по форме набедренных повязок, по их узорам. Людей высокого звания распознавали также и по татуировке, а когда произносили их имена, называли и ранг. Кроме того, перед своими домами они развешивали нижние челюсти заколотых жертвенных

свиней и выставляли напоказ как символ своего ранга фигуры, сделанные из ствола древовидного папоротника. В мужских домах близ танцевальной площадки стоят весьма впечатляющие, сделанные из травы и хвороста, раскрашенные фигуры. На каждую такую фигуру насажен череп умершего члена союза Сукве высшего ранга. При помощи глины и красок из этих черепов делают настоящие скульптурные портреты. Статуям с черепами подносили еду и питье, ибо, по представлениям туземцев, умерший еще некоторое время после смерти обитает среди живых. Разделение соответственно рангу соблюдалось и в мужском доме.

Группы людей одного ранга имели свой отдельный очаг, иногда и отдельное жилое помещение. Если бы член союза низшего ранга посмел воспользоваться очагом члена союза высшего ранга, он грубо нарушил бы обычай. Чинопочитание достигло в союзе Сукве таких масштабов, что в дом человека высокого ранга нельзя было войти, не доложив заранее о своем посещении и не передав для него подарка.

Этот своеобразный клуб существовал на островах Банка и в северной части Новых Гебрид. Со временем такие же организации появились на соседних островах, заимствовавших прежде всего систему рангов и обычай закалывать жертвенную свинью. В отдельных случаях создавались такого же типа женские организации. Характерно, что в этом районе не было наследственных вождей. Дела деревенской общины вершили высшие члены союза Сукве. Они пользовались столь огромным влиянием, что ни одно важное дело не начиналось без их ведома и согласия. Но сами они не участвовали в проведении предпринимаемых дел и не несли никакой ответственности за их исход. Поэтому сановников из союза Сукве нельзя отождествлять с вождями, тем более что они не были политическими деятелями

племени, и власть их распространялась только на жителей их же деревни.

Таким образом, в Меланезии наряду со старейшинами рода у исконного меланезийского населения существуют верховные вожди и окружающая их знать, состоящая из представителей населения, пришедшего туда позднее^[46]. Вместе с тем на основе прежних тайных мужских союзов культового характера возникла организация светского направления с делившимися по рангу группками, имевшая значительное влияние на жизнь деревенской общины.

Помимо этих двух светских институтов большим авторитетом пользовались знахари и колдуны, которых не столько уважали, сколько боялись. Провести четкое разграничение между колдунами и знахарями не всегда представляется возможным. Знахари, как правило, лечат больных, и методы их лечения нередко основываются на реальных серьезных познаниях, тогда как колдуны занимаются преимущественно черной магией, то есть злым колдовством, иногда даже с применением смертельного яда. В принципе каждый человек может в какой-то мере творить колдовство, например привораживать. Определенные виды работ без колдовства вообще не производятся (строительство лодок, домов, а также полевые работы). Обычно навыками колдовства владеет руководитель данного вида работ. Таким образом, в сфере оккультной деятельности налицо своего рода специализация, тем более что все тайны магии передаются по наследству. Однако никакой кастовости здесь нет, потому что отдельные «рецепты» колдовства продаются за определенную мзду. Иногда знахарю или колдуну, добившемуся в своих оккультных делах успешных результатов, общественное мнение приписывает особый дар. Однако ни знахари, ни колдуны не составляли у меланезийцев особой социальной группы и не

пользовались тем огромным общественным влиянием, какое имели тайные союзы и знать. В противном случае неизбежно произошло бы столкновение интересов знахарей и колдунов, с одной стороны, и тайных союзов и знати — с другой. Высшие чины союза Иниет, занимавшегося исключительно колдовством, а также союза Сукве были в то же время самыми сильными колдунами. Любопытно, что отдельные этнические группы, если даже и смешивались (например, на Соломоновых островах), то все же сохранили собственных колдунов и знахарей.

Действенной силой колдовства обладают произносимые слова, нашептываемая фальцетом формула заклинания или какое-либо символическое действие по принципу «подобное вызывает подобное». Часто символическое действие и формула заклинания связаны между собой. Так, на Новой Ирландии тому, кого хотят приворожить, подмешивают в пищу немного грязи, соскобленной со своего тела, и несколько собственных волосков. На Новой Британии к дому намеченной жертвы ворожбы подвешивают маленькую украшенную перьями «колдовскую» сумку, содержащую смесь извести, красной краски и какого-нибудь едкого растительного вещества. На полевых работах либо произносят заклинания — во время посадки, например: «Да будет таро мое таким же круглым и толстым, как луна и наши дети» или «Да будет ямс мой таким крупным, чтобы почву, как свинья, разворошил», — либо закапывают в землю большие круглые речные гальки или другие камешки причудливой формы, напоминающие какой-нибудь овощ. Но чтобы получить хороший урожай, мало одних «полевых» заклинаний. Приходится еще заклинать погоду. В средней части Новой Ирландии знахарь размалывает водянистый стебель дикого банана, лианы и другие растения и полученной смесью, к которой добавляет двух

сороконожек, наполняет кокосовый орех с отбитой верхней частью. Для этой цели знахарь выбирает незрелый орех, содержащий еще только воду, которую предварительно выливает на землю. Наполненный орех он закрывает крышкой и зарывает на морском берегу в песок со словами: «Сороконожки, поднимитесь наверх! Дождь, поднимись наверх!» Теперь, подобно тому как из растений и ореха вытекла вода, из туч польется дождь. С другой стороны, подобно тому как сороконожки поползут вверх по стенам хижины, облака подымутся на горизонте. Зарывание кокосового ореха в прибрежный морской песок гарантирует действие колдовства. Иногда прибегают к помощи умершего знахаря. В потайное место в лесу прячут скорлупу огромной раковины тридакны, в нее кладут череп умершего и наливают туда воду. Мана, еще содержащаяся в черепе, должна принести полям долгожданный дождь. Лечение болезней также входит в обязанности меланезийского знахаря. Несмотря на то что знахарь, как это ныне установлено, обладает определенными медицинскими знаниями, для лечения он прибегает главным образом к колдовству, ибо, по представлениям туземцев, болезнь возникает не естественным образом, а от какого-нибудь злого колдовства.

Старая слепая Сойе сидела на корточках перед своей хижинкой. Она грелась на солнце, выглянувшем наконец из-за туч после периода дождей. Сойе была погружена в раздумье, но вдруг лицо ее преобразилось. Где-то тихо стонал ребенок и женский голос успокаивал его. Затем послышались шаги, и перед старухой предстала запыхавшаяся женщина. Это была Марит. На спине она держала двенадцатилетнего сына. По озабоченному лицу Марит стекали струйки пота.

— Кто тут? — спросила Сойе.

— Это я, матушка Сойе, Марит, жена Куа, стою перед тобой. Помоги сыну моему, матушка Сойе. Его терзает

злой дух. Помоги моему мальчику, помоги мне.

— Посади передо мной ребенка. Пусть он перестанет плакать, — спокойно, почти безучастно сказала Сойе.

Маленький пациент испуганно замолк. Руки старухи потянулись к мальчику. Вот они охватили его голову, чуть прикоснулись к макушке и медленно начали поглаживать уши, щеки, шею. Тихо и плавно двигались эти руки. Мальчик недвижно сидел на месте. Затем Сойе морщинистыми пальцами стала водить по плечам и предплечьям мальчика все в одном и том же направлении, от головы книзу, и наконец по туловищу и бедрам. А когда легкие ладони старухи приближались к ступням мальчика, он уже не стонал и не ощущал боли. Ладони старухи едва касались его тела. Сойе никогда не делала своим пациентам массаж. Зато она применяла весьма действенное заклинание, которое нашептывала во время колдовского сеанса:

Попугай улетел,
И кукушка улетела,
И бекас улетел,
А теперь и болезнь улетела.

Мальчик внимательно прислушивался к заговору; успокоившись, он прижался к матери, стоявшей подле него на коленях.

— Тебе лучше, мой мальчик? — спросила Марит.

— Ему лучше. Он здоров. Можешь идти с ним домой, — голос старухи звучал спокойно и уверенно, и Марит увидела, как ее сын повеселел. Злому духу пришлось, видно, отступить.

Способ лечения, при котором болезнь как бы извлекается из ступней ног больного легким поглаживанием его тела, отличается от массажа. Во всяком случае массаж, или разминание тела, как

основной способ лечения никогда не применяется. Знахарь или знахарка пытаются сначала под видом магического массирования нащупать в теле очаг болезни. Затем они стараются его обезвредить. «Возбудителей болезни» — камешки, табак, бетелевый орех, мясо животных и прочее, — которыми, по представлениям туземцев, больного околдовал какой-нибудь злой человек, после сеанса лечения показывают пациенту как вещественное доказательство его исцеления — ведь раз инородное тело извлечено, больной должен исцелиться! Хильда Турнвальд благодаря своей дружбе со знахарем Локобау и знахаркой Кидоу поняла, что такого рода лечение не шарлатанство, а некий прием. Верить в силу этого приема не перестают даже те туземцы, которые долгое время посещали миссионерские школы. Ученица Турибойру упорно утверждала, что она видела, как лечивший ее знахарь извлек из ее тела бетелевый орех величиной со сливу.

Другой весьма часто применяемый способ лечения состоит в том, что знахарь дует на пациента и выплевывает на него какую-то жвачку, требуя при этом от злого духа болезни тоном решительным и суровым немедленно покинуть тело больного. У гуантуна на побережье полуострова Газели знахарь берет в руки немного извести и имбиря, произносит заклинание, отправляет известь с имбирем в рот, разжевывает и выплевывает на пациента. Под конец он натирает больного известью. Имбирь и известь во всех частях Меланезии считаются действенными средствами против насылаемой колдовством порчи. Туземцы говорят, что имбирь «согревает» внутренности больного, доставляя ему тем самым «приятное ощущение», и полностью устраняет «сухость во рту». Это объяснение свидетельствует о том, что колдовские приемы знахаря нередко основываются на эмпирических знаниях.

Локобау, когда его приглашали к больному ребенку, приносил с собой водянистый стебель какого-то особого, никому не известного вида лианы и соком его натирал голову своего маленького пациента. Нередко знахарь назначает диету, запрещая есть орехи галип, свинину и прочую пищу. У меланезийцев есть даже светила в своей области. Так, люди племени моту около Порт-Морсби на юге Новой Гвинеи своим знахарям предпочитают чужих из соседнего племени коита, считая их более опытными и умелыми.

Знахарю противостоит колдун, который занимается черной магией, насылает на людей болезнь и даже смерть. Для того чтобы наслать порчу или смерть колдовством, достаточно взять несколько волосков или ногтей избранной жертвы, какие-нибудь ее выделения и остатки съеденной пищи. С этим «материалом» колдун (на Новой Ирландии, например) уединяется где-нибудь в лесу. Из стружек дерева определенных пород и порошка раздробленных костей особо чтимого умершего колдун prepares смесь и наполняет ею бамбуковую трубочку длиной примерно в 40 см. Трубочку он ставит на землю и произносит такое заклинание:

Ауа татататата!

Он хрипит уже, он хрипит.

А лицо его смертельно-бледное.

Тело его бледное, как увядший лист тополя.

Кишки его горят от жара.

Печень его горит от жара.

Он хрипит, он хрипит.

Там, на перепутье, он помрет

И будет лежать без сознания, недвижно, как бревно.

Скоро он станет трупом.

Вот он уже хрипит.

Затем колдун прячется в чаще кустарника, где наблюдает за действием своего колдовства. Сразу после сеанса магии ему должны явиться три духа: дух умершего, из костей которого приготовлена магическая мука, личный дух-хранитель колдуна, без помощи которого он — как мы еще увидим — вообще не может ничего сделать, и, наконец, душа жертвы. Если перед колдуном встает это видение, если он видит этих трех духов, то он не сомневается в том, что избранная жертва заболеет или даже умрет, ибо дух умершего и дух-хранитель колдуна непременно уведут душу жертвы в царство мертвых и таким образом жизнь человека прекратится.

Но больше всего меланезийцы страшатся «великой магии смерти». От нее нет спасения, и никто не знает, когда его постигнет месть духа смерти, которого жители района Порт-Финш (северная Новая Гвинея) называют офангом. По их представлениям, этот самый офанг, вооруженный палицей и копьем, где-то втайне подстерегает свою жертву. Офанг носит на груди мешочек с колдовскими травами. Увидев этот мешочек, а тем более если офанг колдовским мешочком задел свою жертву, человек со страху теряет сознание. Офанг вспарывает своей жертве живот, вынимает печень и место ее заполняет своими колдовскими травами. Кровоточащая рана тотчас же зашивает, и не остается даже рубца. Затем офанг дает своей жертве пинка ногой и говорит ей: «Все, что сейчас с тобой произошло, ты забудешь и скоро умрешь». После этого жертва офанга, ничего не помня, возвращается к себе в деревню. Но уже через несколько дней исполняется приговор офанга.

Каждый колдун избирает себе преемника — какого-нибудь юношу. Ученик колдуна должен соблюдать различные табу в еде и в конце концов выпить отвар из

всякой мешанины, который приводит его в состояние неистовства и делает из него настоящего офанга.

Это представление многие прибрежные племена Новой Гвинеи называют «сангуна» или «селама». Еще не известно точно, какого оно происхождения — меланезийского или папуасского. Совершенно такое же представление под названием «веле» — страх перед насылаемой колдовством смертью — существует в районе средних Соломоновых островов. Нечто похожее мы находим и на островах Тробриан. Несмотря на разъяснительную деятельность миссионеров, страх перед вредоносной магией там и по сей день господствует над чувствами людей. Возможно, что колдун просто отравляет свою жертву ядом.

Однако как ни совершенно искусство знахарей и колдунов, оно было бы тщетно без участия сверхъестественных сил. Это либо духи предков, либо злые духи, поддержкой которых должен заручиться начинающий знахарь, а также колдун. Благодаря доверию, оказанному ей туземцами, Хильде Турнвальд удалось выяснить, в чем именно состоит процесс духовидения. Так, знахарка Кидоу умела вызывать духов четырех предков своего родственника, пожилого знахаря Камбочи. Для того чтобы увидеть духов, Кидоу впадала в состояние обморока. Наставления по части общения с духами давал ей сам Камбочи, ее учитель. Еще до окончания обучения колдовству Кидоу впадала иногда в обморочное состояние, вероятно, вследствие гипноза. Именно духи предков сообщают знахарю или знахарке, чем болен пациент и как его лечить. Эти же духи ловят душу, покидающую тело больного, и возвращают ее в свое обиталище.

В других частях Меланезии знахари точно так же входят в транс, обычно пожевав какие-то листья и плоды, и в этом состоянии общаются с духами предков.

Однако у них не бывает состояния одержимости, характерного для шаманизма^[47].

При совершении злого колдовства колдун пользуется услугами злых духов (обычно духов-змей) и даже сам превращается в них. На островах Тробриан так и говорят, что злые колдуны, творя колдовство, могут стать невидимыми, а ведьмы даже летают по воздуху и превращаются по желанию то в одно, то в другое животное и вступают с демонами в половую связь.

В настоящее время наряду со знахарями и колдунами у меланезийцев наблюдаются зачатки института жрецов, появившиеся в недавнем прошлом под иноземным влиянием. Есть так называемые жрецы-параки в деревнях на северном побережье Новой Гвинеи, а в поселениях на средних Соломоновых островах есть жрецы, которые приносят в жертву духам свиней и овощи и просят их о помощи. У этих жрецов много общего со знахарями или колдунами. Что же касается настоящих жрецов, то они существуют в Новой Каледонии. Там младший сын каждого большого семейства руководит на празднествах церемонией жертвоприношений и молитв и, как это требует его сан, не может жениться. Однако такие жрецы являются для Меланезии редким исключением.

Злые духи и духи умерших

Хотя меланезийцы наукой в нашем смысле этого слова никогда не занимались, они все же не раз задумывались о вселенной, о ее возникновении. По их представлениям, земля имеет форму плоского диска, сверху и снизу которого как бы этажами расположены разноплеменные страны. Этажи покоятся на крепких опорах, и все здание, в котором разместился земной мир — как это, например, представляют себе жители средних областей Новой Ирландии, — похоже на бамбуковый ствол с утолщениями, на уровне которых и расположены этажи со странами.

Эти страны обязаны своим возникновением созидательной силе, в существование которой еще до появления миссионеров верили туземцы севера Новой Гвинеи — живущие там племена якамул, букауа и другие, а также обитатели отдельных островов Новых Гебрид. Но силе этой они не поклонялись, так как, по их представлениям, она была безразлична и к судьбам мира, и к судьбам людей. На Новой Ирландии к ней взывали только в дни великих бедствий, при землетрясении или во время мора, и все же поклонение этой силе как бы растворилось в культах солнца, луны и некоторых других. Вот почему некоторые меланезийские племена не знают о созидательной силе и скорее всего никогда и не знали о ней.

Гораздо сильнее меланезийцы ощущали свою связь с солнцем и луной, от которых зависела их жизнь. «Жрец» племени якамул, обитающего на северном побережье Новой Гвинеи, каждое утро при восходе солнца взбирается на высокое дерево на берегу моря и молится солнцу, а у племени букауа на пиршествах в честь солнца совершаются жертвоприношения. Что же

касается луны, то она занимает особое место в культовых представлениях племени якамул. Якамульты утверждают, что могут луну умертвить и затем вновь оживить. Они верят, что без нее на земле ничего бы не уродилось и что своей пищей — саго — они обязаны именно луне. О влиянии луны на произрастание саго они рассказывают такую притчу.

«Как-то в одном доме мальчик и девочка стали искать саго. Они нашли глиняный горшок, в котором хранилось саго, и сняли с него крышку. К их удивлению там оказался круглый комочек, который светился, как луна. Этот необычный комочек им очень понравился. Они его вынули и стали играть им в мяч. Их забаву увидел бог Солнце, которому также понравился светящийся мячик. Бог Солнце, прикрыв лицо и даже всего себя каким-то огромным листком, спустился на землю и попросил мальчика и девочку подбросить их светящийся мячик как можно выше, дабы он смог его получше разглядеть. Дети исполнили его просьбу, и светящийся саговый комочек оказался в руках бога Солнца, который превратил его в луну и водворил на небеса».

Еще сильнее связь между этими двумя светилами у племен Новой Ирландии, ибо там один брачный класс племени считает своим прародителем луну, другой — солнце. Обожествление солнца и луны имеет среди меланезийских племен весьма широкое распространение, о чем свидетельствуют изображения обоих светил на предметах культа, встречающихся на островах Адмиралтейства, Соломоновых и Новых Гебридах. Мотивы поклонения великим прародителям — Солнцу и Луне — существуют также в мифах и легендах многих меланезийских племен. У племен побережья полуострова Газели есть предание о братьях То Кабинана и То Пурго, из коих первый умный и предприимчивый, а второй глупый. Братья

олицетворяют две фазы луны — новолуние и полнолуние. У племен северного побережья Новой Гвинеи эти два брата, являющие собой луну, под влиянием культа солнца превратились позднее в бога Солнца — Вунекау. Но над всеми представлениями доминирует вера в злых духов и духов умерших, в злое, непостижимые существа, которые редко приносят людям добро и очень часто насылают на них порчу и болезнь. В виде злых духов олицетворяются силы природы — ветер, дождь и землетрясение и т. д. Кометы, падающие звезды и метеоры многие меланезийские племена представляют себе как хищную птицу, которая уносит человека в поднебесье, вырывает из его груди сердце и низвергает на землю. Злые духи живут во всяких страшных местах: в болотах и водоемах, в лесах и кустарниках, на горах и холмах. Они являются в обличье и животного, и человека, по описаниям соломонийцев, гигантского роста, их можно узнать по большому пучку волос, выпученным глазам и высунутому красному языку. Всякий, кто подойдет к месту их обитания, тотчас же заболит.

То же относится к так называемым кайа, злым духам, в которых верят жители побережья полуострова Газели. У них человеческое обличье, но, повстречавшись с человеком, они тотчас же превращаются в страшное чудовище — либо в змею с человеческой головой, либо в настоящую змею, ничем не отличающуюся от известного в тех местах толщиной с руку человека трехметрового питона. Злые духи в обличье змеи живут также в воображении меланезийских племен Новой Ирландии и северного побережья Новой Гвинеи. Иногда эти злые духи напоминают лесных духов наших сказок. Являясь в облике древесных нимф и прочих существ, они привораживают мужчин, и тех одолевает непреодолимое влечение.

Не менее важное место в представлениях новоирландских и новогвинейских меланезийцев занимают духи умерших. Вопрос о том, что происходит с человеком после его смерти, занимает меланезийцев так же сильно, как и другие народы земного шара. Эти мысли подводят их к вопросу о сущности человеческого бытия. Естественно, что различные меланезийские племена отвечают на этот вопрос по-разному. В толковании их мировоззрения не раз возникали недоразумения из-за недостаточного знания туземных языков. Меланезийцы верят, что человеческое тело обретает жизнеспособность от некой особой силы, называемой «душой», «духом» или как-либо еще в этом роде. Вера меланезийцев в душу как в жизнедеятельную силу совершенно не похожа на христианские представления о душе. Душа меланезийца может в любой момент покинуть свое обиталище. Чаще всего это случается во сне. Все, что происходит с душой в ее странствиях, для видящего сновидение — настоящая реальность. Не удивительно, что мысли и поступки меланезийцев в значительной мере определяются снами. Душа простого смертного подвергается в своих экскурсиях всевозможным опасностям, ее может поймать и задержать какой-нибудь злой дух. От этого человек тяжело заболевает и, если знахарю не удастся вырвать душу у злого духа, умирает. Тело человека сгнивает, а душа живет в виде некоего бестелесного, безликого существа, называемого «духом умершего». Духи умерших собираются где-нибудь в царстве мертвых, расположенном у различных племен в различных местах; чаще всего это прежние места поселения племени. У племени коита это легендарная гора Идур, у племени роро — таинственная местность Арио в глубине острова, в северной части района Массим — под землей; у племен средних областей Новой Ирландии оно расположено на юге острова; по

убеждению жителей острова Амбрим (Новые Гебриды), — в одном из вулканов. По представлениям жителей Новой Каледонии, страна умерших находится на дне моря. Умершие живут там более красивой, более полной жизнью, чем живые на земле. Всем там хорошо, и тем, кто при жизни творил добро, и тем, кто делал зло. Лишь на Новых Гебридах верят в воздаяние в загробном мире. Кто при жизни не был щедрым, скупился на жертвоприношения, душу того постигнет суровая кара, а то и совсем ее растерзает и съест какое-нибудь чудовище. Однако духи умерших не привязаны к царству мертвых, они любят находиться где-нибудь возле людей, главным образом возле оставшихся в живых родственников. Духи умерших являются живым во сне и даже наяву. Своим странным видом (люди коита представляют их себе длинноволосыми, не имеющими ни ног, ни рук, люди области Массим — с белой кожей) они всех пугают, они даже пытаются похитить души живущих. На Новой Ирландии верят, что эти духи могут принимать обличье животных. Этим объясняется боязненная вера в приметы. Так, новоирландцы очень боятся продолжать какую-либо работу, если, начиная ее, услышат какой-нибудь крик. На Новой Ирландии духов умерших, называемых там табаранами, отпугивают шумом и выплевывают на них имбирь или бетелевый перец. Но на всякий случай с умершими стараются поддерживать самые добрые отношения; отсюда и возникли поминальные обряды.

Таким образом, по верованиям меланезийцев, у каждого живого организма есть нечто вроде души; в этом отношении меланезийцы ничем не отличаются от описанных выше других этнических групп. Однако некоторые меланезийские племена не признают существования души у таких животных, как свинья, собака и валлаби, другие племена отрицают наличие души у деревьев.

Отдельные племена на севере Новой Ирландии и на небольшом островке Табар считают, что у человека две, а иногда и три души. Представление о том, что у человека существует несколько душ, характерно для некоторых народов Азии; недаром скульптуры, изготавливаемые у меланезийцев для поминальных торжеств, по стилю схожи с азиатскими. Кроме того, новоирландцы и табарцы знают, что помимо тела и так называемой души у них имеется еще тень и зеркальное отражение. Человек, по их мнению, как раз и есть совокупность всех этих частей. Представления меланезийцев о душе сложны и многообразны, в чем могла убедиться Хильда Турнвальд, побывавшая на одном из северных островов группы Соломоновых. Туземцы этого острова верят в существование так называемых большой уры и малой уры. Первую можно увидеть в тени человека, вторая отражается в блеске его глаз, где и обитает. Малая ура считается носителем жизненной энергии, ибо с исчезновением ее наступает смерть. Тогда малая ура отходит в страну мертвых, находящуюся под властью вождя Кугуя, и становится там одним из духов предков. Как отмечает Хильда Турнвальд, в представлениях соломонийцев существует еще одна душа, называемая ими «пинучи». Она покидает тело ночью, когда человек спит, но потом снова возвращается в свое обиталище через голову. Пинучи днем «сидит» на сердце, где сосредоточены все духовные силы и чувства. О судьбе пинучи после смерти человека нам ничего не известно. Соломонийцы, разумеется, не считают, что их представления о сущности мироздания есть бесспорная истина, каждый волен высказывать о жизни и смерти, о теле и душе собственные суждения.

Меланезиец не принимает смерть как нечто само собой разумеющееся. О том, как возникла смерть и почему человек смертен, рассказывают нам мифы о

смене кожи. Жители островов Адмиралтейства рассказывают о возникновении смерти такую историю.

«Одна старая больная женщина пошла купаться, а в это время два ее сына ударили рыбу. Женщина вошла в воду, сняла с себя свою кожу и стала молодой, как много лет назад. Когда сыновья пришли домой, они очень удивились. Один сын сказал:

— Это наша мать.

— Ну что ж, пусть она будет тебе матерью, но я женюсь на ней, — ответил другой.

Заслышав эти слова, мать сказала:

— Была бы моя воля, мы сбрасывали бы с себя в старости кожу и снова становились бы молодыми. Но из-за вашего спора мы все теперь будем стареть и в конце концов умрем.

Тут она пошла за своей кожей, принесла ее, надела и снова превратилась в старую, больную женщину. Если бы не эти два сцепившихся петуха, дням нашим не было бы конца и мы жили бы вечно».

Сюжетный вариант этой легенды мы находим в сказании жителей полуострова Газели на Новой Британии. Вот это сказание.

«Жили-были два брата. Один из них по имени То Кабинана любил людей и хотел сделать их бессмертными. Он ненавидел змей и хотел их истребить. Однажды он сказал своему брату:

— Пойди к людям и передай им тайное средство бессмертия. Скажи, что им следует ежегодно сбрасывать свою кожу, тогда они смогут уберечь себя от смерти и будут вечно молоды. А змеям скажи, что отныне они смертны.

Но брат, получивший это поручение, был на редкость бестолков. Он все перепутал. Людям он велел быть смертными, а змеям открыл тайну бессмертия. С тех пор люди умирают, а змеи ежегодно меняют кожу и живут вечно».

По представлениям меланезийцев, когда человек умирает, душа его безвозвратно покидает тело. С трупом умершего производят действия, свидетельствующие не только о любви и уважении к покойному, но и о совершенно изменившемся к нему отношении. Скорбят о покойнике не одни только ближайшие его родичи и домочадцы, скорбит вся деревенская община и, если умирает какой-нибудь видный человек, скорбит все племя.

Труп умершего родственники покойного омывают, обмазывают кокосовым маслом и раскрашивают. На него надевают драгоценные ожерелья из раковин и панцирей улиток, собачьих и кабаньих зубов и выставляют его напоказ, посадив на сиденье в форме стула. Раздаются причитания, исполняются траурные танцы, и ближайшие родственники покойного подвергают себя самоистязанию; они до крови царапают себе голову остроугольными камнями или наносят себе тлеющими головнями сильные ожоги. С наступлением темноты труп умершего вносится обратно в дом; там с него снимают украшения и делят их между его ближайшими родственниками. Затем идет подготовка к погребению. Чаще всего труп обвертывают циновками. В гроб меланезийцы своих покойников не кладут. Только у племени букаа на побережье залива Хьюон вместилище для трупа умершего делается из досок его хижины.

Еще в доколониальную эпоху почти у всех меланезийских племен тело умершего предавали земле. Труп либо погребали в небольшой яме, вырытой перед домом покойного, если только не хоронили его в самом доме, либо погребение совершалось где-нибудь в пределах деревни. Роль могильщиков брали на себя родственники умершего, они употребляли при этом заново изготовленные землекопалки, которые по окончании рытья могилы ломали. Если только труп уже не был завернут, могилу выкладывали циновками или

досками. На некоторых островных группах, расположенных к юго-востоку от Новой Гвинеи, рыли небольшой подземный склеп и помещали туда труп умершего в сидячем положении. Так называемое скорченное погребение более всего распространено на Новых Гебридах и в Новой Каледонии. В местах погребения за пределами деревни выстраивают небольшой навес. Под ним некоторое время укрываются родственники умершего. Во всех случаях над могилой разводят небольшой костер, дабы покойник не замерз; кроме того, покойнику оставляют пищу, калebasы с водой, мужчинам — оружие, женщинам — предметы домашней утвари. Туземцы верят, что дух умершего продолжает свое существование в виде призрака, что он какое-то время после смерти пребывает вблизи могилы и поэтому все еще нуждается в оставляемых ему вещах.

Однако длительное пребывание духа где-то поблизости родственникам покойного нежелательно; они далеко не всегда верят в его доброту. Поэтому они покидают и даже разрушают его дом, уничтожают его лодку, оружие, губят посаженные им плодовые деревья, разграбляют или опустошают его поля и убивают его скот. Особенно боятся покойников, умерших необычной смертью, например женщин, скончавшихся от родов. Такие покойники не удостоиваются никаких ритуальных обрядов; их как можно быстрее закапывают, причем без участия односельчан. Последние в момент погребения скрываются в лесу.

Страх перед умершим проявляется в различных случаях по-разному, но всегда так сильно, что никто не осмеливается даже произнести имя покойного.

Наряду с погребением в земле в отдельных случаях встречаются и другие формы захоронения, распространившиеся в Меланезии от различных групп миграции^[48]. Весьма примечателен тот факт, что даже в пределах одной деревенской общины виды погребения

варьируются в зависимости от тотема, к которому принадлежал умерший. Ежели тотемом его была змея, то единственно возможный вид погребения — предание тела земле, ежели тотемом умершего была акула, то труп его следует отдать во власть морской стихии. На юге Новой Ирландии покойников хоронили в лодках, а жители прибрежных селений на Соломоновых островах опускали умерших на дно моря. О некогда существовавшем обряде морского погребения напоминает распространенное на островах Малаита и Новая Каледония захоронение трупа в ладьевидном гробу, который подвешивают в кроне какого-нибудь дерева или закапывают в земле. Здесь обряд морского погребения слился с более древним и более первобытным обрядом воздушного погребения, то есть захоронением трупа на дереве. На Новой Каледонии труп укладывают в корзину, которую затем укрепляют на ветвях какого-нибудь дерева, а иногда заворачивают в циновки и прячут в глухих местах в лесу, на крутом склоне горы (где его кладут на специальный помост) или же в расщелинах скал.

Наконец, достоин внимания обряд сожжения трупа, хотя он и встречается лишь в немногих районах. Этот обряд существует на острове Новый Ганновер, на севере Новой Ирландии, на расположенном к востоку от нее острове Табаре и, наконец, на юге острова Бугенвиль. До сих пор не выяснено, в самом ли деле в этих районах обряд полного уничтожения умершего берет свое начало от более древнего населения. Полную противоположность этому обычаю представляет собой мумификация умерших. На Новой Каледонии труп прокалывают во многих местах, натирают растительными соками и коптят или в крайнем случае сохраняют только череп — носитель маны. Таким привилегированным способом обрабатывают трупы лишь выдающихся людей. Если труп предают земле, то

череп должен остаться непогребенным. На Новой Каледонии эту задачу решают весьма просто: покойника хоронят в сидячем положении, причем таким образом, чтобы голова его высывалась из могилы. Во всех случаях череп очищают от мяса, иногда, как это делают в средних областях Новой Ирландии и на острове Симбо, при помощи глины или растительной смолы моделируют из него скульптурный портрет.

На отдельных островах Новых Гебрид черепа высокопоставленных членов союза Сукве насаживают на набитые хворостом и травой искусственные туловища, так что получаются куклы, до жути похожие на живого человека. Затем черепа хоронят в доме умершего или же в расщелинах скал. На отдельных островах группы Соломоновых их прячут внутри резных деревянных изображений рыб или же в небольших свайных домиках — обычай, который мы можем наблюдать также и на Новых Гебридах. Этим черепам приносят пищу, им поведывают свои мечты, словом, к ним относятся как к живым людям. Местами собирают и прочие кости умершего и сохраняют их, на острове Муруа в районе Массим, например, их кладут в большие глиняные горшки или — как на острове Шуазель из группы Соломоновых — в каменные саркофаги.

Вид погребения у меланезийцев в общем не зависит ни от ранга, ни от богатства умершего. Однако на Новых Гебридах, в сфере влияния союза Сукве, при погребении учитывается и ранг и имущественное положение покойного. Жители Новых Гебрид верят, что останки мертвых обладают чудодейственной маной, и поэтому носят обереги-амулеты, сделанные из нижней челюсти. Из костей умершего делают наконечники для копий или же плечевую кость умершего насаживают на конец копья, чтобы увеличить убойную силу своего оружия.

В период траура ближайшие родичи покойного должны воздерживаться от некоторых блюд и носить

иное одеяние, а у племен бола на Новой Британии вдова не должна была даже разговаривать. На южных Новых Гебридах вдова не носила никаких украшений, так как после кончины мужа и ей следовало умереть. Вдов там просто душили, это делал кто-нибудь из ближайших ее родственников-мужчин, сыновей или братьев. Того, кто не мог на это решиться, клеймили позором, а вдову, не последовавшую за своим мужем, открыто презирали. Кроме того, ей приходилось остерегаться мести духа умершего мужа, который на том свете тосковал по своей подруге жизни. Против этих пустивших глубокие корни взглядов тяжелую борьбу приходилось вести миссионерам. Потребовалось немало времени, чтобы изжить дикий обычай убийства вдов.

Период траура завершается поминальным празднеством. Так как это торжество объединяет не только домочадцев, но и односельчан, а иногда даже людей из соседних племен (сообразно общественному влиянию покойного), задолго до празднества ведутся большие приготовления. Прежде всего нужно заготовить большое количество припасов. Это требует времени и денег. Поэтому такое празднество иногда справляется лишь по прошествии многих месяцев после смерти поминаемого. Пожалуй, наиболее впечатляющее поминальное торжество — «маланган», справляющийся на севере Новой Ирландии. Еще задолго до этого торжества устроители его, обычно старейшины родов, заказывают резные фигуры. Во время празднества их ставят на самое видное место. Для выполнения заказов мастеров не всегда хватает, и поэтому приходится приглашать резчиков по дереву из соседних селений.

Маланган — изображение умершего (Новая Ирландия)

Соорудив множество хижин-мастерских, в которых резчики могут спокойно выполнять полученные заказы, все жители деревни мужского пола прежде всего отправляются в лес за древесиной, необходимой для изготовления резных фигур. Срубают лишь мягкие белесоватые стволы деревьев, похожих на наши тополя. Некоторые из них слегка обтесывают раковинными и каменными топорами. Далее производят предварительную разметку вырезов и долблений, затем раковинными резцами и свиными клыками наносят тонкие резные узоры и вырезают очертания фигуры. Это трудная, но интересная работа, которая, хотя и выдерживается в старых традиционных формах, тем не менее дает возможность для творческих новшеств. В глазницы этих деревянных статуй вставляются сделанные из раковины улитки и отливающие зеленоватой желтизной глаза. Они и придают изваяниям таинственный вид. Фигуры подвергаются еще обмывке морской водой и затем покраске.

Деревянная скульптура умершего. На туловище насажен череп покойного (Новые Гебриды)

Работа то и дело прерывается торжественными трапезами за счет заказчиков и танцами. Так мастерам выдается своего рода аванс и вместе с тем отмечается их талант. Эти перерывы устраиваются также и по техническим причинам: еще совсем свежая древесина должна хорошенько просохнуть. Как же выглядят эти фигуры? Тут и статуи в рост человека, и скульптурные колонны высотой до четырех метров, и поперечные фризy длиной почти в три метра. Здесь главное одно,

изредка несколько скульптурных изображений человека, а на поперечных фризах — только головы. Скульптурный ансамбль дополняют многочисленные фигуры животных. Это главным образом змеи и рыбы, но также и птицы, например буцерос, то есть птица-носорог. Иногда изготовленные в честь умершего фигуры стоят на деревянной подставке, имеющей вид либо раковины тридакны, либо полумесяца, либо свиной головы; есть и другие культовые мотивы. Известные нам скульптуры такого типа свидетельствуют о замечательной творческой фантазии и высоком мастерстве.

Немало ученых тщетно пытались разгадать смысл описанных нами фигур; но на все вопросы мастера давали один и тот же ответ: «Мы делаем то, что делали наши деды и прадеды». Тем не менее совершенно очевидно, что все эти скульптуры — человеческие фигуры и головы — представляют собой изображения умерших или же предков рода. Разгадать идейную связь между скульптурными изображениями людей и животных довольно трудно. По всей видимости, это были вначале души-звери: верили, что, когда человек умирает, из его рта выпрыгивает животное, носитель его души. Позднее эти воображаемые животные превращались в тотемы. На основе богатого материала народных преданий современного меланезийского населения можно сделать вывод, что эти изображения — символы распространившегося позднее культа солнца и луны. В скульптурах несомненно отразились религиозные представления различных исторических эпох.

Однажды в единственной деревне, находящейся на Татау, одном из островов небольшой группы Табар, воцарилась странная тишина. Хижины словно вымерли. На широкой площади, окруженной низкой каменной стеной, стоял мужской дом, сквозь его открытые

фронтонные стороны можно было разглядеть внутреннюю часть строения. Одни обитатели дома, любители поспать, еще полеживали на низких бамбуковых нарах, служивших местом для отдыха и сна, другие стояли или, скрестив ноги, сидели и обсуждали план празднества маланган, которое после долгих приготовлений сегодня наконец должно было состояться. Недалеко от мужского дома виднелись пологие холмики — могилы каких-то четырех женщин и одного ребенка. Рядом под временным сплетением из пальмовых листьев — навесом, опоры которого были увиты побегами кротона и увешаны перьями и свиными черепами, — стояли на земле и висели на привязи крупные раскрашенные резные фигуры.

Ландау и Лонге, старейшины родов, сосредоточенно рассматривали праздничное убранство. К ним подошел резчик Аваранг и с усердием стал давать пояснения.

— Этот агулэмпу предназначен для умершего Луранга, — сказал он, указав на резные украшения фриза.

В середине фриза длиной в 2 м и шириной в 30 см сквозь специальное отверстие высывалась деревянная голова со сверкающими, точно живыми, глазами. На каждом краю фриза восседала деревянная хищная птица-фрегат с головой, повернутой к срединному отверстию. Подле каждой птицы находилась фигура сидящего человека с широкой рыбьей головой, со ртом, обращенным к краю фриза.

— Кому ты предназначаешь этот маланган, Аваранг? — спросил Ландау у резчика, указав рукой на орнаментальную доску, на которой были вырезаны человеческие головы и рыбы морды с огромным свиным клыком.

— Он был заказан для старого Франиса, — отвечал резчик, — А вон посмотри, на дощечке посередине стены — это птица польполь. Говорят, что она нашла в

куче мусора младенца Рабуи, для которого я вырезывал этот маланган. Одна женщина потеряла своего новорожденного сына по имени Рабуи, она вымела его куда-то. Птица увидела Рабуи на свалке, и когда мать нашла сына, он был уже наполовину исклеван.

К Аварангу подходило все больше и больше людей. Среди них был пожилой резчик Арамис. Аваранг сразу его заметил.

— Арамис сам сможет вам дать пояснения к своим работам, они ему удались лучше, чем мне мои, — почтительно сказал он Ландау.

— И ты, Аваранг, будешь иметь успех, — перебил его Арамис. — Стоящая здесь фигура, — пояснил он, — предназначена для Маренгаса. На этой фигуре, держащей в руках змею, сидит петух, клюющий ее в хвост. Другая фигура гораздо сложнее. Думаю, что и она получилась неплохо.

И в самом деле, это был шедевр. Из рыбьей пасти как бы вырастала человеческая фигура. На голову человека были насажены одна на другую четыре пары рыб с длинными хвостовыми плавниками, а на рыбах восседала фигура мужчины.

Вдруг со стороны леса слышались пронзительные крики. Женщины и дети с визгом бросились к своим домам. Что же произошло?

На полянку выбежали с полдюжины закутанных в длинную ткань. На них были маски из коры, изображавшие птиц. Они засеменили во все стороны, завертелись, закрутились, замахали руками, как крыльями. В своих движениях они ничем не отличались от пернатых обитателей леса. Вскоре к ним присоединились другие, не менее гротескные фигуры. На их головах были тяжелые деревянные маски с огромными ушами. Они бродили небольшими группками от дома к дому и, размахивая раковинными ножами, требовали от своих односельчан пищи. Все жители

деревни охотно им подносили. Нагруженные подношениями, они возвратились в мужской дом и там сбросили с себя маски.

Глухие удары в барабан возвестили открытие праздника, и тогда мужчины селения и гости с соседних островов стали сходиться на площади. Там уже лежали приготовленные для пиршества свиные туши, а позади возвышалась громадная куча клубней таро. Мужчины большим полукругом молча расселись вокруг маланганов. Единое чувство глубокой торжественности охватило собравшихся. Еще раз прогремели барабаны, и тогда старик Севьен поднялся со своего места и подошел к деревянным скульптурам. Правую руку он положил на сделанную по его заказу фигуру и, громко оповестив присутствующих о приготовленном для мастера вознаграждении, поднял вверх левую с надетой на нее связкой раковинных денег. После того как собравшиеся кивками выразили ему одобрение, он начал речь, посвященную памяти умерших. Он говорил, устремив свой взор на скульптуру умершего, как будто перед ним стоял живой человек. Эта «одушевленность» скульптуры стала особенно ощутимой, когда он к ногам ее положил раковинные деньги и еду. Не успел он закончить свою речь, как поднялся старик Панера и с той же торжественностью почтил умерших своего рода. Затем с не меньшей торжественностью отдали последний долг покойным сородичам старики Саромбо и Камбабас. На какой-то момент воцарилась полная тишина, а потом все поднялись со своих мест, и стихия радости жизни с неистовой силой словно прорвалась на волю. Поминание мертвых закончилось обильной трапезой.

Празднества в честь умерших существуют у всех меланезийских племен, однако не везде они проходят так пышно и торжественно, как на севере Новой Ирландии. В средней части этого острова бывали случаи,

когда празднество в честь умершего старейшины рода длилось несколько лет. Оно состояло из множества отдельных торжеств, требовавших долгих приготовлений и немалых денежных затрат. Эти торжества устраивал весь род. Однако во время празднества предметом всеобщего внимания были деревянные в метр высотой фигуры предков весьма необычного вида. На коротеньких согнутых ножках покоилось тяжелое грузное туловище, на котором женоподобные груди резко контрастировали с нарочито крупным фаллосом, отчего вся фигура походила на гермафродита. Лицо фигуры было плоским, заостренным книзу, со сверкающими глазами из раковины улитки и маленьким узеньким носом. Волосы, как в давние времена, напоминали петушиный гребень. Эти фигуры изображали высокородных предков мужского пола, в частности старейшин тотемной группы, жизненную силу которых надлежало продемонстрировать.

Встречающиеся в той же области меловые фигуры предков напоминают карликов. В соседней области на поминальном празднестве устанавливается иной предмет культа. Это всего-навсего громадный, сложенный из палок круг с отверстием в центре, а по краю прикреплено кольцо из того же дерева. Эта конструкция походит на огромный цветок, но изображает солнце. Во время поминального празднества череп умершего просовывают в отверстие диска и вместе со всем этим «солнцем» сжигают. На примере племен Новой Ирландии видно, насколько различно в пределах совсем небольшого района мастера воспринимают умерших, как в силу появляющихся новых религиозных представлений их произведения могут дополняться и видоизменяться.

На северных Соломоновых островах делают статую умершей жены вождя, ставят перед ее хужиной и, наконец, во время поминального торжества сжигают.

Весьма характерны фигуры предков, создаваемые на Новых Гебридах, где на жизнь общин оказывает свое влияние союз Сукве. Здесь также скульптуры увековечивают лишь членов союза высшего ранга. На острове Амбрим, в отличие от так называемых ранговых статуй высокопоставленных членов союза Сукве, в честь умерших изготавливают из древесного папоротника и раскрашивают одни только головы. Это крупные массивные скульптуры. Их ставят у торцевой стены мужского дома. Однако им поклоняются лишь до тех пор, пока их помнят и верят в их ману.

После поминального празднества родственники умершего снимают с себя запреты. Справив торжество в честь покойного мужа, вдова из племени коита на юго-востоке Новой Гвинеи может сменить юбку и снова выйти замуж, вдова из южной части области Массим совершает вместе со своими детьми ритуальное омовение в море, а вдова из племени бола на Новой Британии гасит на могиле супруга священный огонь. Эти церемонии означают окончательное прощание с умершим, который теперь уже навсегда отходит в страну мертвых.

Когда кто-нибудь умирает, если только не погибает в бою, все люди его рода берут на себя нелегкий труд родовой мести. Они убеждены в том, что смерть насылается злым колдовством. Это убеждение явно противоречит их же мифологическим представлениям о смене кожи, согласно которым смерть есть наказание за проступок, совершенный героями мифа. Миф этот забыт, и люди, похоронив своего родственника, начинают поиски убийцы, сотворившего злое колдовство. Чтобы отыскать злодея, применяют гадание. Для этой цели туземцы намотанаи на Новой Британии привязывали к бамбуковому шесту кости свиньи, заколотой на поминальном празднестве. Затем они обмазывали себя грязью и увешивали лианами, дабы вездесущие духи

приняли их за себе подобных. В этом наряде, неся в руках украшенный свинными костями бамбуковый шест, они шли гуськом к месту погребения. Там они выкрикивали имя умершего и приглашали его последовать за ними в деревню, где в его хижине якобы уже приготовлена вкусная еда. Если на обратном пути их слышались взмахи крыльев летучих собак, это означало, что дух умершего следует за ними. Возвратившись в деревню, лжедухи просовывали свой бамбуковый шест сквозь лиственный заслон вокруг опустевшего дома умершего, и кто-нибудь из мужчин вызывал духа покойного и громко просил его назвать имя убийцы, то есть предполагаемого колдуна.

— Это Со? — спрашивает вызывающий духа. Ответа нет.

— Быть может, Пурунамаи? Молчание.

— Лапарка?

Тишина. Так еще некоторое время задавались вопросы, и затем бамбуковый шест как бы застывал на месте. А когда называли имя злодея, дух умершего тотчас же должен был потянуть за шест и тем самым дать понять, что убийца угадан. Если эта церемония оказывалась безуспешной, то родственники умершего не унывали. На следующий же день они затевали другое гадание и в конце концов устанавливали имя убийцы, дабы за зло воздать злом и тем самым навеки успокоить дух своего умершего родича.

Новый исторический период

В наши дни меланезийцы по своему политическому положению мало отличаются от австралийцев и папуасов. Они находятся в тяжелой зависимости от колониальных держав — Австралии, Англии и Франции. Хотя меланезийцам и предоставлены некоторые политические свободы, их все же явно недостаточно, о чем туземцы заявляют уже совершенно открыто. Такие заявления неизбежно приводят к конфликтам между колониальными властями и местным населением. К тому же недовольство туземцев усиливается захватом земли европейцами. Политически туземцы считаются «опекаемыми» или «управляемыми». Это не может не оскорблять национальные чувства туземцев.

Из всех меланезийских народов наибольшими гражданскими правами пользуются находящиеся под французским колониальным господством жители Новой Каледонии; они считаются французскими подданными, хотя и не имеют всех гражданских прав французов. Французское гражданство новокаледонец получает лишь за особые заслуги перед своей французской «родиной».

Однако сравнительно с их общей численностью меланезийцев, составляющих подвластную колониальным властям трудовую армию, не так-то уж много. Из 125 тысяч жителей Соломоновых островов лишь восьмая часть населения состоит на службе у европейцев. Незначительный процент туземцев подвизается в качестве домашней прислуги, развозчиков груза, кладовщиков. На Новых Гебридах и островах Лоялти многие туземцы работают портовыми грузчиками. Новокаледонцы заняты отчасти в горнорудных промыслах. Там завербованные тонкинцы

своим производственным опытом намного превосходят меланезийцев. Но большая часть жителей Новой Каледонии работает на плантациях.

В настоящее время вместо прежних методов вербовки, мало чем отличавшихся от угона в рабство, существует система контрактов, регламентируемая и контролируемая колониальными властями. Формально за телесные наказания предусматривается уголовная ответственность. На Новых Гебридах заработная плата работающего по контракту составляет три шиллинга в день с бесплатным питанием (рис, мясные консервы) и ночлегом в бараке. Все более растет число меланезийцев, самостоятельно занимающихся разведением культур (кофе и др.), завезенных европейцами, или поставкой копры.

Развивается через обучение в школах производство изделий для иностранцев, главным образом статуэток и плетеных предметов (острова Тами, полуостров Газели на Новой Британии). Дети и взрослые обучаются в государственных, но более всего в специальных школах для туземцев. Там наряду с профессиональным обучением (книгопечатание, переплетное дело, сапожное ремесло, канатное производство, плетение) преподается и пиджин-инглиш, необходимый туземцам для общения с европейцами.

Пиджин-инглиш до сих пор совершенно незаслуженно высмеивается как бессвязная тарабарщина. В одной весьма солидной работе Георг Хёльткер рассказывает о возникновении и развитии этого языка. Пиджин-инглиш, по словам Хёльткера, появился еще сто лет назад, в Меланезию его завезли из портовых городов Китая говорившие по-английски торговцы и предприниматели. Разноязычные туземцы Меланезии, законтрактовавшись в одно и то же место, должны были как-то объясняться. Вот они и приняли этот диалект, и он стал быстро распространяться. В

некоторых деревнях добрая половина мужского населения имеет трудовые отношения с европейцами и поэтому даже у себя дома говорит на пиджин-инглиш. У этого языка собственная грамматика, в которой сказывается влияние папуасских и меланезийских языков. Развитие пиджин-инглиш все еще продолжается. Разумеется, он никогда не вытеснит туземные языки, однако всегда будет средством к установлению мирного сотрудничества между разноязычными народами Меланезии. Характерно, что европейцы и в первую очередь миссионеры видят в этом *lingua franca* огромную пользу для своей деятельности и поэтому с туземцами говорят только на пиджин-инглиш.

Некоторые меланезийцы, обучающиеся в духовных семинариях, выдерживают труднейшие экзамены даже по древнегреческому и латинскому языкам и затем для получения дальнейшего образования отсылаются в Сидней. Вот блестящее доказательство умственных способностей меланезийцев.

В настоящее время у меланезийских племен существуют некоторые формы самоуправления. Это деревенское, реже племенное управление. Местами в ведении такой администрации находятся суды первой инстанции, но их контролируют европейцы. Верховному вождю (*paramount chief*) подчинены простые вожди (*лулуаи*), каждый из которых имеет помощника (*тултул*), а иногда и собственного лекаря. На Новой Каледонии французская колониальная администрация учредила институт так называемых *grands chefs*, предоставив им полномочия власти над туземцами.

Культурный рост меланезийцев проявляется не только в их быте и одежде, но и в их духовной жизни, о чем, к сожалению, многие европейцы не имеют правильного представления. Это выразилось в возникновении религиозно-фанатических организаций, возглавляемых прорицателями. Подобные движения

впервые появились в конце прошлого столетия. После первой мировой войны они вспыхивали то в одном, то в другом районе Меланезии. Во время второй мировой войны, как известно, не пощадившей даже Океанию, движение прорицателей получило широкий размах. Различные формы этого движения объединяются обычно термином «культ карго». Андреас Ломмель в своем солидном исследовании этого вопроса приводит два особенно любопытных примера.

В тридцати милях от резиденции миссионера, у залива Милн (юго-восток Новой Гвинеи), жил один прорицатель, который якобы общался с духами предков. Духи поведали ему, что скоро все люди на земле погибнут от какого-то стихийного бедствия, от землетрясения, грозы или потопа.

«Но, — сказали духи, — приверженцы прорицателя не погибнут, если отойдут от побережья в глубь суши, будут там носить все знаки отличия и уничтожат все вещи европейского происхождения. Когда кончится бедствие, земля покроется цветущими садами, прибудет корабль с духами предков, и люди обретут свою прежнюю культуру. Так как корабль привезет много всяких яств, то можно сейчас все съесть и заколоть всех свиней».

За два года это движение приняло такие размеры, что колониальным властям пришлось вмешаться и арестовать прорицателя. Это было в 1895 г.

В период 1946–1951 гг. на островах Адмиралтейства появилось особое националистическое движение. Вождем его был некто Палиау родом с острова Балуан. Во время второй мировой войны он служил сержантом в японской армии и принимал участие в боях на Новой Британии. Японцы предоставили ему некоторую власть над деревенскими старостами в районе Рабаула. После войны он вернулся на родину и там обосновался на главном острове Манус, где стал выступать за полную

политическую и религиозную независимость. Программа его состояла в том, чтобы прогнать всех чужеземцев, в том числе и европейцев, и объявить себя королем острова. Вскоре 15 тысяч туземцев и среди них 6 тысяч католиков стали на его сторону. В 1949 г. под его властью была уже шестая часть острова. Его приверженцы жили по строгому распорядку дня, бойкотировали колониальные власти, немало времени уделяли воинской подготовке, проводили в деревнях санитарно-оздоровительные меры и ввели регламентированную проституцию.

В 1951 г. колониальные власти поймали Палиау и, так как с него, как говорится, были взятки гладки, приговорили его всего к шести месяцам тюремного заключения за «прелюбодеяние». Полагают, что Палиау позаимствовал многие свои идеи у цветных солдат американской армии. Ныне движение сторонников Палиау то затихает, то вновь усиливается.

Ломмель пришел к следующему выводу: сепаратистские движения появлялись сначала как бы по воле прорицателей, возвещавших о своих видениях. Напрасно связывают их с деятельностью миссионеров. Их стимулирующей силой были не только религиозные мотивы. Они ставили себе цель изменить существующие социальные и экономические условия. Постепенно они превратились в «организованные массовые партии со своими политическими вождями». Благодаря таким организациям у меланезийцев зародилось чувство национальной солидарности, вылившееся затем во всеобщий национализм. С европейцами меланезийцы больше не хотели иметь дела; они требовали самоуправления и государственной самостоятельности. Широкое распространение пиджин-инглиш, разумеется, только способствовало усилению таких движений. Во время второй мировой войны меланезийцы увидели в европейцах, а особенно в американцах (главным

образом в их чернокожих солдатах) пример, достойный подражания. И они, меланезийцы, хотят быть свободными и прославить себя небывалыми достижениями в современной технике. Но так как им не свойственно современное рационалистическое мышление, соприкосновение с новейшей техникой чересчур возбуждает их воображение. «Вместе с тем сознание меланезийцев, — пишет Ломмель, — в силу примитивности их общественного строя реагирует на всякий контакт с современной цивилизацией психической перестройкой». Они начинают испытывать острую потребность в новой общественной структуре, в новом общественном порядке и новом мировоззрении. Общественные движения меланезийцев суть не только проявление роста их национального самосознания, но и орудие его укрепления.

В этих движениях намечаются тенденции развития, наблюдаемые и в других районах земного шара. Они несомненно являются началом серьезных общественных потрясений, которые неизбежно будут возникать по мере усиления контакта с европейской цивилизацией и в конце концов после упорной национально-освободительной борьбы приведут колониальные народы к национальной независимости^[49].

Полинезийцы и микронезийцы

Спор о Кон-Тики

Научное исследование Океании, начавшееся со времен Джемса Кука, то есть с конца XVIII века, и с тех пор неизменно обогащавшееся отчетами крупных экспедиций, располагает более подробными сведениями об островитянах восточных и северных районов Тихого океана, чем о меланезийцах. Это объясняется тем, что покрытые густыми тропическими зарослями меланезийские острова труднопроходимы. Пересекавшие Тихий океан мореплаватели различных государств держались больше района многочисленных островных групп, обозначенных на карте как Полинезия («много островов») и Микронезия («мелкие острова»). Если острова Полинезии представляют собой главным образом горно-вулканические образования, то Микронезия — это небольшие коралловые и кое-где гористые островки. Обитатели всех этих островов были названы соответственно полинезийцами и микронезийцами. Что же касается Новой Зеландии, то этнографы по антропологическому типу, культуре и языку живущего там народа маори относят ее к Полинезии, тогда как географы считают ее одним из островов меланезийского пояса. Не менее трудно определить географическую границу между Полинезией и Микронезией, так как во многих смежных районах обитания полинезийцев и микронезийцев произошло значительное смешение племен.

Полинезийцы — люди среднего и высокого роста. У них, как правило, светло-коричневая кожа, волнистые или гладкие темно-каштановые и черные волосы, короткая голова с плоскими скулами. Антропологи считают их побочной ветвью европеоидов (то есть подобных европейцам), составляющих одну из основных

человеческих рас. Это может показаться странным, но, как сказал Фридрици, «во внешнем облике каждого полинезийца есть черты, сходные с чертами европейцев». Однако до сих пор не удалось выяснить происхождение темнокожих субъектов меланезийского типа, живущих среди населения различных островных групп Полинезии. Быть может, это часть некогда переселившихся с востока меланезийских народов или потомки темнокожих рабов, привезенных туда полинезийцами. Есть предположение, что еще до прихода полинезийцев острова населяли похожие на меланезийцев племена. Замечательно, что когда-то на островах Общества и Гавайях встречались люди с более темной кожей — их называли манахуне или менехуне и к ним относились, как к людям второго сорта. Микронезийцы хотя и похожи на полинезийцев, но благодаря более значительному смешению с меланезийцами и малайцами имеют ряд антропологических разновидностей.

Ученые, принимавшие участие в великих морских походах XVIII и начала XIX века, в экспедициях Джемса Кука, Крузенштерна, Отто фон Коцебу и других, были поражены тем, что на всем протяжении Полинезии, от Гавайи на севере до Новой Зеландии на юге, от Самоа на западе до острова Пасхи на востоке, туземцы говорили на очень похожих языках. Кук обратил на это внимание еще во время своего первого кругосветного плавания (1769–1771 гг.). Один полинезиец, примкнувший к его экспедиции на Таити, с легкостью объяснялся с аборигенами Новой Зеландии — маори. Еще больше удивился Кук, когда тот смог объясниться с малайцами Малайского архипелага и даже выступил там в роли переводчика. Писатель Адальберт фон Шамиссо, участвовавший в 1815–1818 гг. в возглавляемом Коцебу русском кругосветном путешествии, указал на родство малайских и полинезийских языков, которые Вильгельм

фон Гумбольдт позже объединил понятием «малайско-полинезийские языки». После того как знаменитый ученый доказал, что родиной малайско-полинезийских языков является полуостров Индокитай, известный лингвист и этнолог патер Вильгельм Шмидт в одном из своих фундаментальных трудов обозначил их как «семью австронезийских языков» «аустрийской группы языков». Происхождение языков Тихого океана вообще и полинезийского в частности было тем самым окончательно установлено.

Что же касается происхождения культуры полинезийцев, то этому вопросу посвящены бесчисленные труды этнографов. Еще во времена великих географических открытий, когда изучение народов только начиналось, ученые установили родство между полинезийскими и южно-азиатскими культурами. При этом выяснилось, что культуры полинезийцев, если не говорить об их чисто местных особенностях, формировались под влиянием различных по времени волн миграций, откуда и возникла столь красочно описанная открывателями полинезийских островов картина, просуществовавшая до разрушения ее европейской колонизацией.

Фриц Гребнер в своей замечательной работе «Культурные круги и культурные слои Океании» впервые не только определил составные элементы полинезийской культуры или культур, но и попытался установить время их появления в Полинезии^[50]. Он считал, что полинезийцы покинули пределы Азии не ранее начала азиатского железного века. А железо в Китае, например, знали уже в VII веке до нашего летосчисления, хотя и не всюду его применяли. Георг Фридериси, занимавшийся океанистикой и американистикой, указывал, что, так как в полинезийских языках отсутствуют санскритские слова, полинезийцы покинули прилегающие к юго-восточной

части азиатского материка острова, то есть Индонезию, еще «до периода их индуизации», относящейся к началу нашей эры. Другие ученые, в том числе П. Митра и Ханди, ищут древнюю родину полинезийцев в Индии; они опираются при этом на сравнение общественных отношений и религиозных представлений. На основе других данных (европеоидные расовые черты полинезийцев, предания о белокурых богах и предках) Мюльман пришел к выводу, что полинезийское население образовалось из смешения индо-арийских пастушеских племен либо с дравидийскими, либо с австро-азиатскими племенами, либо и с теми и с другими. Это смешение Мюльман относит ко времени Ашоки (259–226 гг. до н. э.), царя североиндийского государства Магадхи. Это было время буддистско-индуистской экспансии. Таким же образом Мюльман объясняет происхождение содержащихся в полинезийской культуре элементов брахманизма, буддизма, индуизма и китайского влияния. Дело в том, что в течение последних столетий дохристианского летосчисления Индия, Индокитай, Индонезия и Китай сильно влияли друг на друга в культурном отношении. До сих пор не удалось точно установить, откуда пришли полинезийцы, однако ученые независимо друг от друга пришли к выводу, что начало полинезийской миграции относится к последним столетиям до нашей эры.

Решению полинезийской проблемы немало способствовали фундаментальные труды венского этнолога Гейне-Гельдерна. Для своей работы «Прародина австронезийцев и их первые переселения» Гейне-Гельдерн изучил многочисленные находки каменных топоров различных типов в Южной и Восточной Азии. Он пришел к выводу, что из различных их типов к полинезийским можно отнести так называемые четырехгранные топоры, подобные

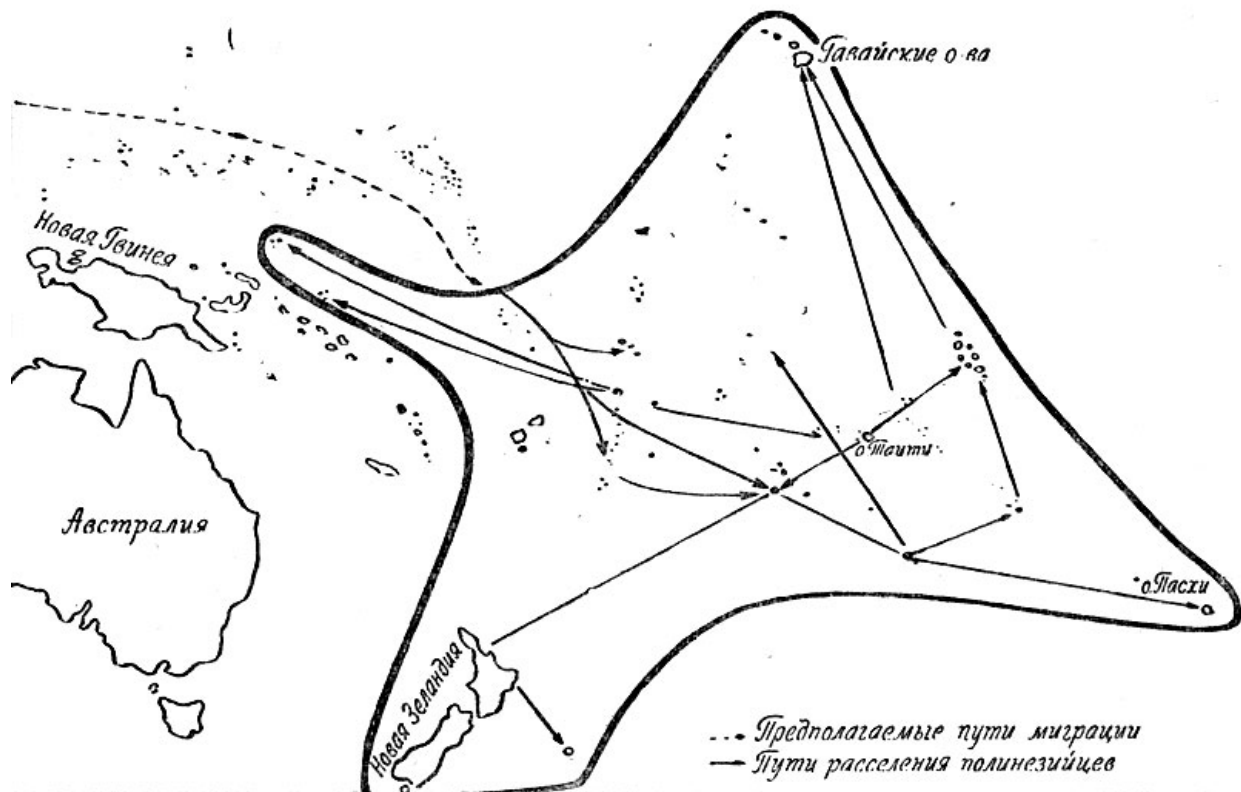
найденным близ Луанг-Прабанга в среднем течении Меконга.

Гейне-Гельдерн доказывает, что носители «культуры четырехгранного топора» примерно в 1500 г. до н. э. пришли в Сиам и на полуостров Малакку из Юньнани и оттуда распространились на острова Малайского архипелага двумя основными потоками. Последним этапом переселения полинезийцев, перед тем как они достигли мест своего нынешнего обитания, был район Тайвань — Филиппины — Северный Сулавеси (Целебес). Наряду с четырехгранным топором на восточнополинезийских островах и на Гавайях распространен так называемый плечиковый топор, клинок которого напоминает по форме грудную клетку человека. Эти топоры, типичные для австро-азиатских народностей, имеют распространение также на Филиппинах и прилегающих к ним островах вплоть до Сулавеси.

Отсюда, из восточной Индонезии, через Тайвань, через острова Микронезии на восток и далее в юго-восточном направлении распространялись волны миграции полинезийцев. От этого потока отделились ветви, обосновавшиеся на островах Эллис и Токелау, а главный поток направился на Самоа. Отсюда шло заселение островов Тонга и Футуна и далее от Тонга заселение островов Увеа и Ниуэ. Западнополинезийские острова Тонга и Самоа долгое время были опорной базой полинезийских мореходов, продвигавшихся на восток. Большой поток переселенцев направился оттуда на острова Раротонга-Мангаиа, затем на острова Тубуаи-Мангарева и далее к острову Пасхи. Другой поток переселенцев из западной Полинезии устремился к островам Таити. С Таити полинезийцы стали продвигаться к островам Туамоту и Маркизским. Далее, с этих островов шло заселение Гавайских островов, на которых позднее обосновались также переселенцы с

Таити. Полинезийцы, продвигавшиеся с Таити через Раротонгу на юго-запад, открыли и заселили Новую Зеландию. Со всех названных нами островов шло дальнейшее продвижение небольших групп переселенцев. Так, с Новой Зеландии полинезийцы переселились на острова Чатам, а с островов Самоа — на Луангиуа.

Так как продвижение на восток происходило сначала совершенно бессистемно, то весьма вероятно, что не один корабль переселенцев оказался на дне океана. Тем не менее полинезийцы владели столь высоким искусством кораблевождения, что их суда могли, продвигаясь далее острова Пасхи к востоку, достигнуть западного побережья Америки. Эту гипотезу выдвинул Фридрици, немало занимавшийся проблемой происхождения полинезийцев. В подтверждение ее он привлек много историко-этнографического материала. Точку зрения Фридрици разделяли и многие филологи, прежде всего глава французской школы американистики Поль Риве, установивший родство океанийских языков с индейскими наречиями группы хока.

Карта расселения полинезийцев

Заселение такого огромного пространства, как Полинезия, происходило, разумеется, в течение длительного периода. Во многих своих трудах Гейне-Гельдерн вполне обоснованно утверждает, что первые полинезийцы появились в нынешних местах своего обитания в первом тысячелетии до нашей эры и, может быть, даже раньше. Однако Гейне-Гельдерн оставляет открытым вопрос, говорили ли эти первые переселенцы уже на полинезийских языках. Так как в языках островов Туамоту и Маркизских имеются неполинезийские элементы, к решению этого вопроса следует подойти с особой осторожностью. Быть может, эти неполинезийские элементы происходят от дополинезийских манахуне, о которых мы упоминали выше. По мнению Гейне-Гельдерна, они жили на

островах Туамоту и Маркизских до большого переселения полинезийских племен. Последние в отличие от первых полинезийских поселенцев принесли общественные порядки и религиозные воззрения, которые они восприняли от жителей Малайского архипелага, около начала нашей эры, в период возрастающего влияния индуизма.

Между первой и последней большими волнами переселений должно было пройти около двух тысяч лет, в течение которых шло заселение островов Южных морей полинезийцами. Можно думать, что археологические раскопки, начатые на полинезийских островах после второй мировой войны, и находки, которые легко комментируются на основе богатой мифологии туземцев, помогут более точно датировать заселение Полинезии. Так, для Новой Зеландии уже датированы отдельные фазы ее заселения. Первые полинезийские пришельцы тангата-венуа («человек-остров» = «житель острова») обосновались на Новой Зеландии еще до того, как туда около 800 г. н. э. переселились племена великого Купе. Тангата-венуа застали на Новой Зеландии более древнее племя, похожее на жителей островов Фиджи. Это племя они называли моуриури. Около 1150 г. на Новую Зеландию прибыла вторая группа переселенцев, правда, не столь крупная, как первая, а около 1350 г. — третья, еще более многочисленная, чем первая. На основе исторических преданий доказано, что в течение первого тысячелетия нашей эры и вплоть до рубежа XVI и XVII веков между отдельными группами островов и даже на таких огромных участках, как остров Таити — Гавайские острова, происходили оживленные сношения.

Хижина вождя на земляном цоколе, обложенная дерном (острова Фиджи)

В настоящее время в связи с гипотезой норвежского ученого Тура Хейердала вопрос о происхождении полинезийцев вновь оказался в центре внимания этнографов. Тур Хейердал утверждает, что полинезийцы пришли в места своего нынешнего обитания из Нового Света. Книга Хейердала «Кон-Тики», вызвавшая большую сенсацию, и научная аргументация его теории заслуживают особого упоминания.

До второй мировой войны Хейердал бывал на Маркизских островах, где изучал местную фауну. Там он обнаружил большие каменные статуи, которые туземцы называли Тики. Весьма похожие каменные фигуры, называемые туземцами Кон-Тики, он видел в Перу, где они изображают героя туземных мифов творца миров

Виракочу. Хейердал был поражен сходством названий каменных фигур на Маркизских островах и в Перу. Перуанский миф о Виракоче и его людях, которые, спасаясь от иноземных завоевателей, совершили морской поход на запад, навел Хейердала на мысль о том, что Полинезия была заселена американскими индейцами. И вот Хейердал отважился на путешествие, которым решил доказать верность своей теории. Вместе со своими спутниками он построил такой же плот, какой был у древних перуанцев, из той же породы дерева и той же конструкции. Плот они связали из толстых, но легких, хорошо удерживающихся на воде стволов бальсового дерева и установили на нем такие же мачту и парус, как на древних перуанских плотах. Этот плот Хейердал назвал «Кон-Тики».

Каменная фигура предка (Маркизские острова)

28 апреля 1947 г. из перуанского порта Кальяо плот Хейердала вышел в океан. Хейердал, как и рассчитывал, попал в течение Гумбольдта, идущее от южной оконечности Южной Америки вдоль ее западного побережья к северу и затем на запад к Полинезийским островам. Кроме того, Хейердалу благоприятствовали пассаты, которые дуют от побережья к западу. Не раз экипажу Хейердала грозила гибель, но попытка пересечь океан удалась. 7 августа того же года плот выбросило на риф Рароиа, находящийся в группе островов Туамоту. Своим плаванием Хейердал доказал, что плот, построенный из стволов бальсового дерева, выдерживает продолжительное пребывание в открытом море и что такой плот, отправившись от западного побережья Южной Америки на запад, попадает в течение Гумбольдта и в район пассатных ветров, которые и донесут его до одного из Полинезийских островов. Но Хейердал своим плаванием так и не доказал, что само заселение Полинезии шло по проделанному им пути. Тогда он решил обезоружить своих идейных противников большой книгой «American Indians in the Pacific» (1952). В этой книге Хейердал проводит множество этнографических параллелей между полинезийцами, перуанцами и племенами Британской Колумбии и делает вывод, что первое, более древнее, заселение Полинезийских островов шло с перуанского побережья, а второе, более позднее, — из Британской Колумбии через Гавайские острова. По мнению Хейердала, эта вторая группа переселенцев была еще раньше принесена идущим от берегов Азии течением Куро-Сиво к северо-западному побережью американского материка.

И все же, как ни увлекательны доводы Хейердала, ему пришлось выслушать суровую критику ученых; он в своем исследовании не принял во внимание особенности культуры народов Южной Азии, а также данные

археологических раскопок. Иначе он заметил бы, что те элементы полинезийской культуры, на которые он ссылается, равно как и полинезийский язык, существовали когда-то и в Азии и оттуда через Малайский архипелаг проникли в Океанию^[51]. Так как достоверность этого факта несомненна, то более правдоподобно, что упоминающиеся в трудах Хейердала элементы культуры были восприняты индейцами от мореходов-полинезийцев, а не наоборот. Наконец, при сравнении различных культур нельзя забывать того, что сказал этнограф Плишке: «В силу определенных общечеловеческих особенностей психического склада люди, попадающие под действие одних и тех же влияний или оказывающиеся перед лицом одной и той же необходимости, приходят к весьма схожим, если не одним и тем же решениям».

Викинги южных морей

Из всех народов Южных морей самыми опытными мореходами и самыми умелыми кораблестроителями были полинезийцы и микронезийцы. Кук и его спутники еще видели расцвет мореходной культуры полинезийцев, которой позднее пришлось уступить место слишком быстро и бесцеремонно наступавшей европейской цивилизации. И если мореходство микронезийцев сохранилось дольше, чем у их восточных соседей, то это объясняется лишь тем, что европейская колонизация микронезийских островов была слабее.

Жители полинезийских островов очень похожи на викингов европейского севера. Полинезийцы строили суда всевозможных видов, от самых примитивных до самых совершенных. По их судам можно как бы прочесть историю кораблестроения. И все же полинезийцы не всегда пользовались своим мореходным искусством, иногда по каким-либо причинам они, чтобы достичь даже отдаленного места, просто пускались вплавь. При этом в качестве плавательного пояса они применяли связку спелых кокосовых орехов. Нередки случаи, когда женщины переплывали пролив шириной около 12 км между островами Уполу и Савайи архипелага Самоа.

Не менее часто полинезийцы, а также микронезийцы пользовались хотя и самым древним, но сохранившимся до начала XX в. средством передвижения по воде — плотами. Их применяли для рыбной ловли и перевозки грузов. Характерная особенность такого плота — нечетное число поплавковых балок, а главное, его необычная форма. Бамбуковые поплавковые балки подравнивались в одну линию на корме, а на носу средняя выдавалась вперед, боковые же, как трубы

органа, убывали в длину к бортам. По форме такие плоты, следовательно, [не] отличались от перуанских^[52].

Фридрици, подробно изучивший мореходную культуру и народов Океании и индейцев, считает, что полинезийцы осваивали Тихий океан именно на больших плотях. Этот вывод он делает на основе того факта, что древние малайцы называли деревенского старосту хозяином плота. «Если люди, совершавшие путешествие на таком плоту, — пишет Фридрици, — поселялись на одном из далеких островов, то капитан экипажа становился главою вновь основанной колонии». С утверждением Фридрици не соглашается Гейне-Гельдерн. Он указывает на то, что подобных мотивов нет даже в полинезийской мифологии. Гейне-Гельдерн считает, что рейсы на плотях между островами Самоа и Тонга имели чисто местное значение и установить, пользовались ли когда-либо жители восточнополинезийских островов плотями для дальних морских плаваний, не представляется возможным.

Со временем в средней балке трехбалочного плота стали выдалбливать полость для сидения. Так плот превратился в лодку с двумя поплавками по бортам. Сначала эти две балки примыкали к борту вплотную, а затем, соединив поперечинами, их поставили на некотором расстоянии от бортов. В конце концов получилась лодка с двусторонним балансиrom, подобная тем, что и по сей день встречаются у индонезийцев, и тем, которые когда-то в Полинезии видели первые европейцы. Такие лодки применялись изредка еще на рубеже XIX и XX веков в окраинных районах Меланезии, однако вскоре о них забыли и там.

Лодки с двусторонним балансиrom были пригодны в сравнительно спокойных внутренних морях Малайского архипелага, однако в бурных водах Тихого океана они себя не оправдали. Поэтому полинезийцы и микронезийцы для дальних морских рейсов стали

применять лодки с односторонним балансиром. Благодаря своей хорошо продуманной конструкции они оказались идеальным средством морского сообщения. На этих лодках полинезийцы совершали рейсы вплоть до берегов Азии и Америки. Корпус таких лодок делали из ствола хлебного дерева. По сравнению с балансирными лодками меланезийцев они были довольно изящны по форме. Более крупные лодки с мачтой и парусом, предназначавшиеся для дальнего плавания, искусно сшивались из досок. Доски заготавливались следующим способом. Один из концов срубленного ствола грели над костром, пока дерево не начинало трескаться. В образовавшиеся трещины загоняли деревянные клинья и таким образом раскалывали ствол на доски толщиной в два сантиметра. Затем аккуратно обтесанные и по краям просверленные доски сшивали бечевкой, скрученной из волокон кокосовой пальмы. Швы замазывали древесной смолой. Балансир укрепляли только с правого борта. У многих балансирных лодок полинезийцев и микронезийцев к безбалансиру борту прикрепляли крепкий широкий помост, на котором перевозили грузы или располагались члены экипажа. На нем иногда сооружали небольшую хижину, стены которой обшивали циновками. В хижине устанавливали ящик с песком, в котором разводили огонь для варки пищи. По мнению Фридрици, вся эта конструкция свидетельствует, что такие лодки когда-то были с двумя балансирами.

Дощатые лодки без балансира, как у жителей Соломоновых островов, микронезийцам и полинезийцам неизвестны. Такие лодки можно видеть лишь у маори на Новой Зеландии; видимо, маори унаследовали этот тип лодок от более древнего аборигенного населения — людей с темной кожей (быть может, меланидов).

Нос и корму микронезийцы обильно украшали резным деревом. На многих лодках эти украшения имели форму лежащего полумесяца или двух

склеивающихся птиц-фрегатов. На западнополинезийских островах к носу и корме приделывали деревянные щиты, предохранявшие судно от ударов волн. Эти доски украшали резьбой, и к ней привязывали ослепительно белые раковины улиток овула. На лодках же восточных полинезийцев корма возвышалась над стенками бортов и обычно была увенчана фигурой предка. Однако самые замечательные украшения на лодках — у маори. Нос и корма их лодок украшены характерным резным спиральным орнаментом. На балансирной лодке полинезийцев мачта с развилкой, через которую продевались канаты, удерживавшие треугольный парус, была подвижной, и ее приходилось иногда переставлять, так как лодка не имела руля. На таких лодках балансир был всегда с наветренной стороны, чтобы принять на себя давление паруса. Когда меняли курс, мачту переставляли с кормовой части судна на переднюю. В инвентарь лодки входили деревянные черпаки и весла-гребки, применявшиеся при штиле.

Более сложными по конструкции и более емкими были спаренные лодки. Они состояли из двух лодок, соединенных помостом. На различных архипелагах эти лодки имели различные формы. Наибольшей известностью пользовались лодки жителей западной Полинезии — Самоа, Тонга, Фиджи^[53]. Характерная особенность двухлодочного судна — одна из лодок короче другой. Полагают, что спаренные лодки есть усовершенствование лодки с балансиром. У этих громадных двойных лодок была по меньшей мере одна мачта с треугольным парусом из циновки или две мачты, между которыми натягивался парус. Это были морские суда до 40 м в длину и 10 в ширину. Джеймс Кук во время своего второго путешествия по Южным морям видел на Таити величественный морской парад, в котором участвовало 159 таких гигантов!

Нам известно, что на двойных лодках жителей островов Фиджи размещалось от 200 до 300 человек. Следовательно, эти лодки могли сравниться с кораблями северных викингов не только по дальности плаваний, но и по величине. Бывалый моряк Джеймс Кук заметил, что лодки фиджийцев проходили до восьми морских миль в час (т. е. до 15 км), а самые совершенные из них — до шестнадцати.

Перед каждым рейсом судно тщательно осматривали, корпус его промазывали жиром акулы; микронезийцы покрывали его алой краской. Мясные запасы состояли из живых собак и свиней. Рацион мореходов дополнялся свежей рыбой, которую по мере надобности ловили в океане. Из растительной пищи фиджийцы брали с собой легко транспортируемые кокосовые орехи. Кокосовое молоко хорошо утоляло жажду, а мякоть ореха была богатым жирами питательным блюдом. На двойные лодки, например, курсировавшие между островами Фиджи и Тонга, укладывали не менее 300-400 орехов. В случае кораблекрушения их можно было применить как спасательный пояс. Для подобного рода дальних рейсов полинезийцы и микронезийцы возили с собой непортящиеся продукты. Это были своеобразные консервы из натертой мякоти плодов пандануса, арроруттовая мука, жареные таро, сладкий картофель, сушеная рыба и пареная птица, хранившаяся в калебасах.

На всякий случай брали с собой запасные рулевые весла и весла-гребки. В качестве якоря применяли подвешенную на канатах тяжелую каменную глыбу. Направление и силу ветра определяли при помощи перышка или травинки.

В отличие от арабов и китайцев, пользовавшихся компасом еще до проникновения европейцев в их страны, полинезийцы и микронезийцы не знали никаких

навигационных приборов. Тем более паразительны были их успехи в мореходстве, ведь в открытом море они ориентировались только по звездам, по морским течениям, по морской фауне, по птицам. О том, насколько умело островитяне Микронезии водят свои корабли, рассказали нам совершившие путешествие в Южные моря участники гамбургской экспедиции 1909–1910 гг. Пауль Гамбрух и Эрнст Зарферт. Начинаящим немецким капитанам, обучавшимся на родине в морском училище, было чему поучиться у жителей островов Микронезии; они подробно описали особенности мореходного искусства микронезийцев.

Самыми важными ориентирами жителей островов Фиджи и Тонга были звезды. Островитяне настолько хорошо знали расположение звезд, что могли посрамить любого европейца. Они знали, что некоторые известные им звезды находятся в определенном положении по отношению к отдельным островам. Из этих наблюдений возникла система ориентиров, которая впервые была проверена на местоположении экваториальных островов. Главными ориентирами были на севере — Полярная Звезда и на юге — Южный Крест. Запад и восток определялись по звездному пути, проходившему около точки зенита над данным островом.

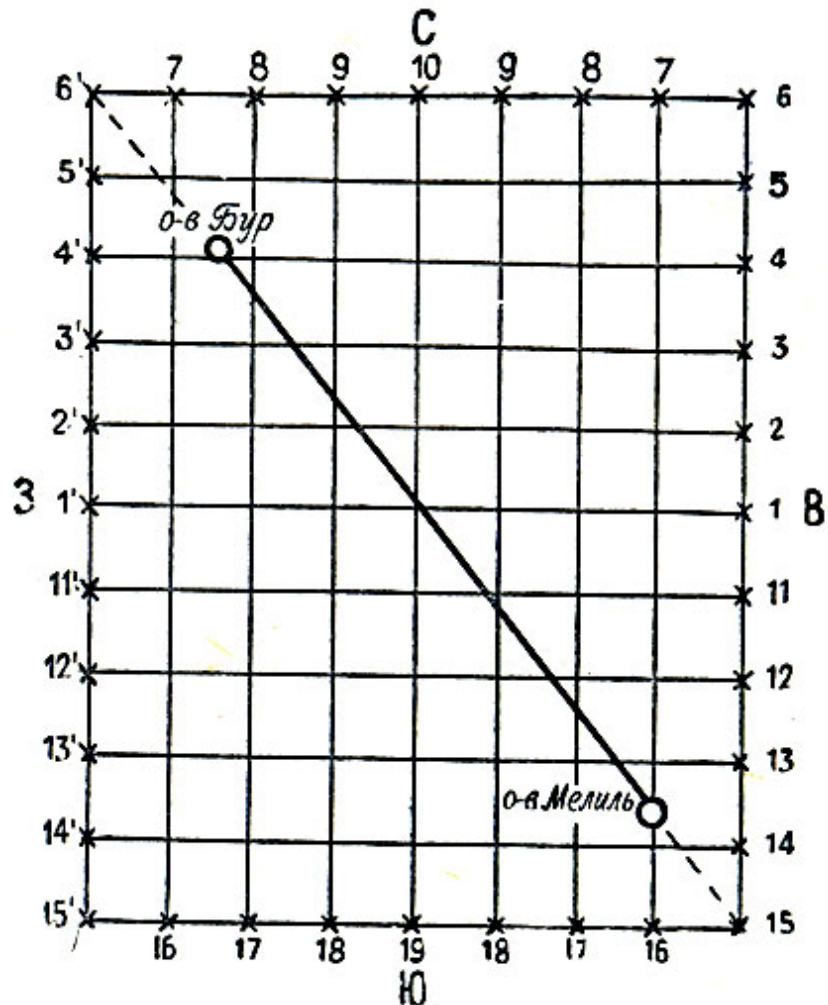

Схема звездных путей (остров Сонгосор)

На основе определения стран света и звездных путей, исходные и конечные точки которых были известны, жителям островов Фиджи и Тонга удалось составить схему движения звезд, которая им заменяла компас. На этой схеме пересекались различные звездные пути.

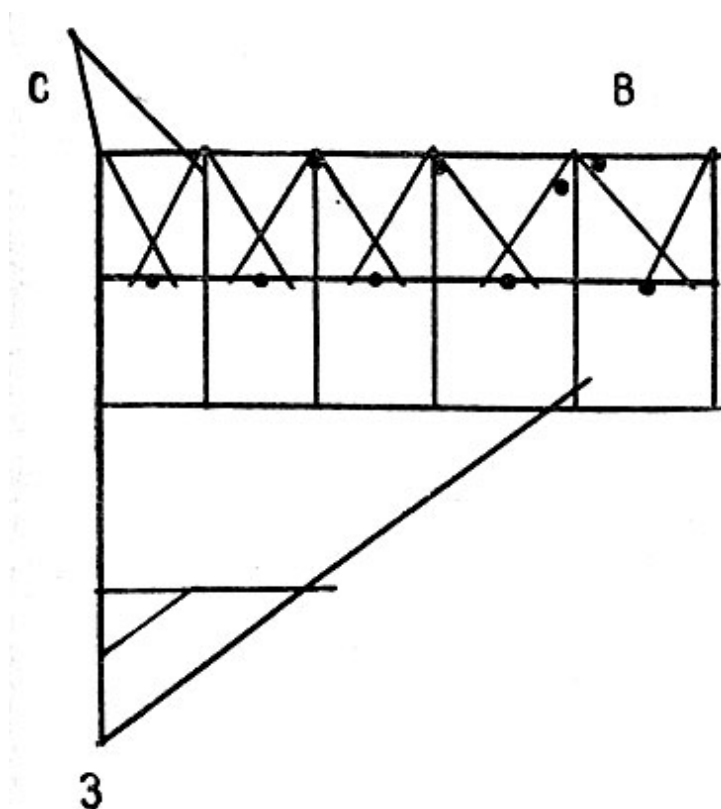
Европейцы узнали о существовании такой схемы движения звезд от одного туземного капитана с острова Сонгосор, расположенного в западной части Микронезии. Эта схема состояла из прямоугольника, в

виде которого туземцы представляли себе небо. В прямоугольнике цифра 10 означала Полярную Звезду, 19 — Южный Крест. Линия, соединяющая 19 и 10, — меридиан. По словам туземного капитана, цифра 1 означала точку восхода созвездия Орла, 1' — его захода. Линия 1-1' показывала его путь. Таким же образом цифры 2-9 и 11-18 означали точки восхода определенных звезд, а цифры 2'-9' и 11'-18' — точки их захода. Линии, соединяющие эти точки, показывали пути звезд. Мореходы другого микронезийского острова определяли местоположение своего корабля по другим созвездиям и звездам, таким, например, как Большая и Малая Медведица, Кассиопея, Вега, Плеяды, Альдебаран, Альтаир (в созвездии Орла), Пояс Ориона, Корвус, Антарес и Скорпион. Звездные ориентиры приходилось выбирать таким образом, чтобы их пути были по возможности равными по расстоянию.

На схеме движения звезд, принадлежавшей туземным капитанам, число звездных путей на разных архипелагах было различным. Чем больше это число (на юго-западных Каролинах до 36!), а следовательно, и число квадратов на схеме, тем точнее курс корабля. Он определялся по Полярной Звезде и Южному Кресту и по ведущей к месту назначения линии, проходившей по схеме движения звезд. Такими ориентирами микронезийцы и полинезийцы пользовались даже не в очень ясную погоду, ибо координаты корабля они умели определять и по немногим видимым звездам, зная их положение по отношению к главным ориентирам. Однако схема движения звезд и навигационная карта на самом деле существовали только в воображении туземцев. Все премудрости кораблевождения каждый капитан-микронезиец держал в голове. Но как только такому капитану давали в руки карандаш, он тотчас же чертил схему движения звезд. У микронезийских капитанов была поразительная память, им приходилось

запоминать немало различных курсов — ведь картами они не пользовались.

Только жители Маршалловых островов в восточной части Микронезии имели мореходные карты, на которых были обозначены острова, течения и зыби. «Карты» состояли из параллельных и перекрещивающихся прожилок пальмовых листьев, обозначающих морские течения. Острова обозначались белыми раковинами улиток. Однако эти карты применялись только как учебный материал при обучении молодых капитанов. Начинающим кораблеводителям приходилось запоминать эти карты наизусть, чтобы в открытом море суметь определить положение судна и курс корабля по течениям и зыбям.

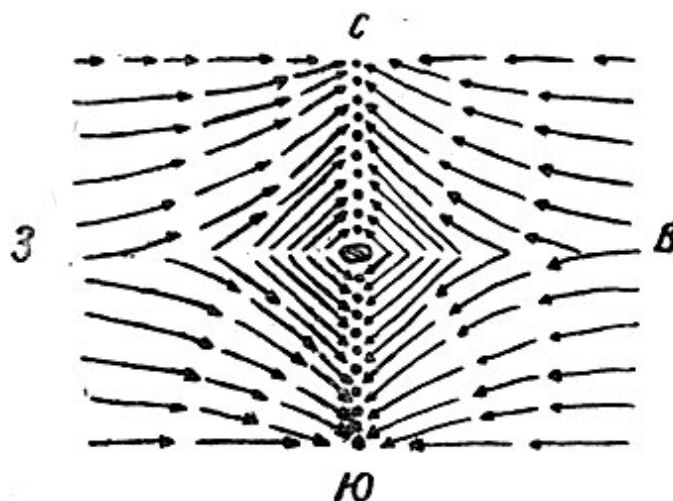
Навигационная карта жителей Маршалловых островов

Невольно возникает вопрос, почему жители других островов Микронезии и Полинезии не пользовались такими же ориентирами? Ведь все полинезийцы и микронезийцы благодаря своему мореходному искусству общались между собой. Гамбрух, изучивший на месте условия жизни островитян, указывает, что созданию описанной нами системы мореходных ориентиров способствовало особое расположение многочисленных атолловых островков в группе Маршалловых. В отличие от небольших атоллов в группе Каролинских островов некоторые атоллы в группе Маршалловых простираются на сотни квадратных километров двумя плотными цепочками. Они пересекают прочие острова Микронезии, растянувшиеся по Тихому океану с запада на восток. Благодаря особому расположению атоллы в районе Маршалловых островов задерживают мертвую зыбь, идущую с северо-востока на юго-запад или с юго-запада на северо-восток. Если мертвая зыбь наталкивается на остров, она меняет направление. Мертвая зыбь, идущая с северо-востока, натолкнувшись на остров, распадается на два потока волн, которые, обогнув остров, вновь сливаются воедино. То же происходит с мертвой зыбью, идущей с юго-запада. Если эти две зыби идут навстречу друг другу и на их пути находится остров, то в местах их слияния образуются так называемые узелки, расположенные по более или менее прямой линии, пересекающей остров.

Это явление тщательно изучено и учитывается при составлении навигационных карт.

Но несмотря на знания и опыт, микронезийские и полинезийские мореходы всегда помнили о могуществе сил природы. Отправляясь в путь, микронезийский или полинезийский капитан совершал жертвоприношение в честь божеств и вопрошал оракула о наиболее благоприятном дне отъезда. При этом он по опыту знал, что хорошая погода бывает лишь в определенные

месяцы года. Дальние рейсы совершались этапами, с остановкой на встречных островах.

Разделение мертвой рыбы при столкновении с островом и образующаяся при этом «линия узелков»

Чтобы в любой момент можно было переждать бурю, на пути каждого корабля находился так называемый спасательный остров, к которому судно может пристать, если в бурю капитан сойдет с курса. Местоположение спасательного острова в течение всего рейса непрерывно проверяется. Так, на пути от острова Яп к расположенному к востоку от него острову Могемог спасательным называют остров Файс. Для первых четырех «миль» главным ориентиром служит Пояс Ориона, для следующей «мили» — Плеяды, для следующих четырех «миль» — Альдебаран и для последующей «мили» — опять Плеяды. Верный признак близости суши — так называемое островное облачко. Оно как бы застывает высоко в небе даже над самыми плоскими атоллами. Такое облачко всегда замечал зоркий глаз микронезийского или полинезийского капитана.

Благодаря столь богатому мореходному опыту и ненасытной любознательности микронезийцы и полинезийцы стали открывателями новых островов на Тихом океане; вплоть до начала эпохи великих географических открытий они непрерывно совершали дальние рейсы и расширяли свой географический кругозор. Еще до появления европейцев в Восточной Азии микронезийцы на своих судах доходили до ее берегов. Они неплохо знали Филиппины, а об островах архипелага Бисмарка и северном побережье Новой Гвинеи имели весьма точное представление. То же можно сказать и о полинезийцах. Для поддержания связи с сородичами им приходилось преодолевать еще большие расстояния и менее часто пользоваться встречными островами для остановки: ведь Полинезия — это поистине огромное пространство.

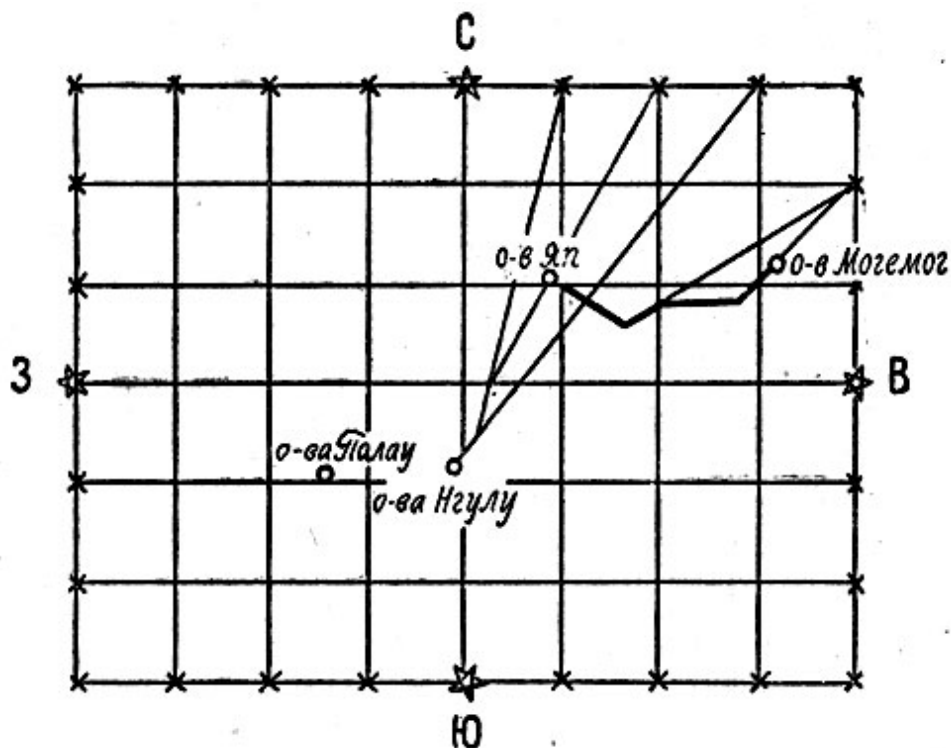
Насколько велики расстояния в Полинезии, можно судить хотя бы по такому факту: однажды группа самоанских судов была пригнана сильным норд-вестом к Аустральным островам, пройдя около тысячи морских миль (т. е. 1800 км). Еще большее расстояние преодолело одно полинезийское судно, проследовавшее от острова Мангарева, находящегося в группе Туамоту, до атолла Сикаяны, расположенного к востоку от южных Соломон. Это судно прошло 3700 морских миль. Еще сто лет назад около ста самоанцев — мужчин, женщин, детей, спасаясь от войны, покинули свой остров и направились на своих судах к островам Тонга, находящимся на расстоянии четырехсот морских миль (т. е. 720 км). Однако эти суда были отогнаны ветром к острову Эфате (в группе Новых Гебрид), и им пришлось преодолеть пространство, которое всего на двести морских миль меньше, чем расстояние от Гавайев до берегов Калифорнии.

Самоанский верховный вождь в парике и с ожерельем из зубов кашалота

И все же, несмотря на свои знания и опыт, многие полинезийские мореходы оказывались жертвами морской стихии. Участники гамбургской экспедиции в Южные моря спасли группу полинезийцев от гибели. Вот одна из страничек их дневника.

«25 августа 1909 г. Около 10 утра на горизонте появилась лодка. Мы держим на нее курс. Ее команда подает нам сигналы цинковками. Наш корабль медленно подошел к лодке и принял на борт изнуренных голодных людей. Это были жители острова Могемог — семь мужчин, две женщины и один мальчик. С 20 июля, т. е. в течение 36 суток, они находились в пути. Спасенные рассказали, что пять с половиной месяцев назад причалили к острову Яп и отправились в обратный путь. Вдруг подул сильный норд-ост, и началась буря. Стихия настолько разбушевалась, что многие лодки из их каравана сбились с курса и волнами и ветром были отогнаны далеко в сторону. Через пять дней они добрались до острова Тилуан и затем до Кивуана на Филиппинах.

Маршрут морских рейсов от острова Яп до острова Моге-мог

На Тилуане они пробыли три месяца. Там они построили себе дом и у двух местных жителей доставали пищу. Платили за нее наловленной рыбой. Когда же подул западный ветер, они решили, что настало наконец время плыть домой. Суда повели три капитана — Рух, Марафелл и Полл. Но уже на третьи сутки ночью погода испортилась. Первые два капитана пристали к острову Палау, третье судно, на борту которого находился командир флотилии, сбилось с курса и, пока мы его не спасли, 36 суток дрейфовало в открытом океане. Запас провизии уже кончился. 800 кокосовых орехов, 28 фунтов риса, мясных консервов и двух бочонков пресной воды, которые выменяли за красивые домотканые циновки у филиппинцев, должно было хватить лишь на первую часть пути от острова Кивуана до Палау. Оттуда флотилии предстояло взять

курс на остров Яп и затем на Могемог. Когда мы приняли этих людей, они умирали от голода и жажды. В последнюю ночь перед их спасением шел дождь, и им удалось собрать немного дождевой воды. Однако до этой ночи им приходилось в течение двадцати суток пить соленую воду. При этом они свисали с борта, окуная в воду голову и плечи. Так часть необходимой для организма влаги тело получало через поры кожи. Еще сегодня утром они ели сваренную ими краску, добываемую из корней куркумы. И вот наш корабль принес им спасение».

Структура полинезийской общины

У островитян Микронезии, а особенно Полинезии, существуют большие сословные различия, их общественная структура гораздо более дифференцирована, нежели у папуасов и меланезийцев. Несмотря на изменения, которые произошли на многих островных группах после многовекового экономического развития, их прежнюю общественную структуру определить нетрудно. Для этого можно воспользоваться некоторыми понятиями, сохранившимися в туземных языках. Больше всего нам известно о социальной структуре, существовавшей на островах Общества. Там великие вожди вместе со своими семьями составляли знать, которой противостояло сословие вассалов и крепостных. Однако различные слои населения этого архипелага объединялись узами тайной организации Ареои. Тщательными наблюдениями этнографы установили, что среди аборигенов островов Общества существовал определенный, сравнительно поздний этнический слой. Он составлял туземную аристократию и был носителем той культуры, которая определила характер культуры и быта жителей всех остальных островов Микронезии и Полинезии. Аристократия островов Общества распространила культ бога неба Тангалoa, установила строгий сословный этикет, совершила первые дальние рейсы в открытый океан, ввела новые методы в рыболовстве, а также в ткачестве^[54] и плетении. Основная масса населения, составлявшая древний этнический слой островов Общества, разделялась по профессиям на так называемые ати — группы земледельцев, плотников, воинов и т. д. Они почитали своих местных божков-покровителей. Древнеполинезийское население, жившее

в маленьких деревушках и занимавшееся земледелием, со временем объединилось в небольшие административные районы (матаенаа), во главе них стали туземные аристократы более позднего этнического слоя, считавшие себя людьми божественного происхождения. Этих высокородных людей называли великими вождями. Они заставляли все остальное население платить им дань и нести охранную службу. Они назначали вождей древних племен своими помощниками.

Многие путешественники были настолько поражены могуществом великих вождей, что называли их королями, а их владения — королевствами. Но эти представления были основаны на неуместном сравнении с европейскими монархами. Возьмем для примера острова Таити, общественная структура которых благодаря работам Мюльмана нам наиболее знакома и вместе с тем весьма типична для всей Полинезии. Аристократы, называемые арики или алики, жили на островах архипелага целыми родами. Так как эти фамилии вели свое происхождение от богов, то они пользовались большим влиянием среди автохтонного населения. Благодаря более высокой культуре и большей жизненной активности они во всем его превосходили, а потому сумели взять в свои руки политическое руководство. Правда, и здесь не обошлось без борьбы за власть, в Полинезии это бывало не однажды. Движимые политическим честолюбием, многие великие вожди сумели силой оружия установить свою власть на многих островах. Так, в начале XIX в. правитель острова Мануо О ле Тамафанга покорил все острова Самоа. Правда, этому деспоту недолго пришлось властвовать, в 1829 г. его убили. Однако в мировую историю вошли в первую очередь имена трех правителей, потому что они проводили свои захватнические планы при поддержке европейских

колонизаторов. Это гавайский монарх Камеамеа I; его династия была свергнута революцией 1893 г. На островах Общества до французской аннексии 1880 г. правили Помаре I (скончался в 1803 г.) и его преемники; и, наконец, Тауфааху, властитель островов Тонга, назвавший себя христианским королем Георгом Тупоу I (скончался в 1893 г). Его потомок — нынешняя королева островов Тонга Шарлотта Тупоу^[55].

Правитель острова или группы островов был всегда главою рода. Ему принадлежала так называемая маре — выложенная уступами продолговатая пирамида из коралловых плит, священная эмблема каждого рода. На каменных уступах этой пирамиды каждый член рода имел свое сиденье, с которым связывались и его землевладельческие права. Правящему главе рода, обитавшему в какой-нибудь области или на каком-нибудь острове, подчинялись местные вожди. Они также происходили из аристократического сословия. На островах Самоа к разряду районных вождей относились и вожди-ораторы (тулафале). Выступая на больших собраниях (фоно), тулафале пленяли слушателей своим красноречием. Ту же картину мы находим и в Микронезии, на островах Палау, Кусаие и Понапе.

Древние каменные укрепления (остров Понапе)

Туземные аристократы пользовались всевозможными привилегиями. Они носили особое одеяние и украшения, причем некоторые их виды мог носить только главный вождь. Так, на Таити люди аристократического сословия — арии рахи — как знак отличия своего высокого рода носили пояс с красными и желтыми перьями попугая редкой породы и головной убор из листьев кокосовой пальмы, также украшенный перьями. Когда какой-нибудь арии рахи вступал в должность, описанные знаки достоинства вручались ему жрецом. Все это происходило как бы в присутствии бога Оро: с его изображения снималось покрывало. На Гавайских островах представители светской власти носили обклеенные желтыми и красными перьями плащи, наплечники и шлемы. Одеядние самоанских аристократов

было не менее богато и ярко. Бедра они покрывали мохнатой циновкой ие сина из тонких лубяных волокон какого-то кустарника. Изнанка этой ткани совершенно гладкая, а с ее лицевой стороны густо свисают нити длиной от 10 до 20 см, и поэтому она походит на мех. Либо они носили набедренную повязку ие тога. Она была сплетена из тонких узких листков фрейсинеции и обрамлена перышками попугая. На шею надевали ожерелье из десятка хорошо отточенных зубов кашалота длиной до 20 и шириной в 5 см. Ловить этого морского великана туземцы не умели и поэтому зубы для украшений доставали из выброшенных на берег туш. Так как их море выбрасывало крайне редко, о каждом таком случае туземцы обязаны были немедленно сообщать властям и все собранные зубы кашалота отдавать вождю. Нарушение этого установления каралось смертью.

Самым своеобразным знаком отличия самоанской аристократии был головной убор тига — изящный парик, сделанный из женских волос. Парик пропитывали известью и в течение нескольких недель проветривали, затем обрабатывали соком диких апельсинов и кокосовым маслом. После этого он становился ярко-коричневым. Над париком на пятиугольной черепаховой подставке с приклеенной перламутровой скорлупкой возвышался легкий каркас из трех украшенных красными перьями стержней. Весь этот убор дополнялся налобным ожерельем из сверкающих металлическим блеском кусочков раковины «кораблик», которые самоанцы выменивали у жителей островов Тонга, так как на берегах островов Самоа такие улитки не встречаются.

Чем больше людей было подвластно правителю, тем больше его боготворили. На островах Тонга настолько благоговели перед своим правителем — туи-тонга, — что считали его богом. В связи с этим существовали

некоторые запреты. Они соблюдались как самые строгие табу. Так, например, святейшая особа правителя не должна была ступать на землю — ведь по ней ходит простой люд. Ступи правитель на землю, — и божественность его перейдет на нее. Поэтому правителя носили его слуги на паланкине или же просто на плечах. Все вещи, которые передавались правителю, проходили только через руки слуг. Когда властелин принимал пищу, никто не смел смотреть на него. Его божественность этого не допускала. При виде властелина подданные должны были обнажать свое тело по пояс, в доме его они могли подойти к нему, лишь низко наклонившись, и разговаривать с ним только шепотом, сидя на полу. В разговоре с ним надлежало употреблять самые изысканные выражения, говорить особым придворным языком, отличным от повседневного. Если мимо дома какого-нибудь арии проплывала лодка, то гребцы должны были немедленно прекратить свои песни.

Первые европейцы, посетившие острова Тонга, уважали эти обычаи, и, если кто-либо из них пренебрегал заповедями туземцев, нарушал принятые у них установления, неизбежно возникали конфликты. Если же табу нарушал какой-нибудь туземец, он невольно внушал себе, что его теперь будет подстерегать тяжелая болезнь и, может быть, даже смерть. Чтобы защитить себя от опасных последствий нарушения табу, туземцы «очищались» освященным молоком кокосового ореха.

В Полинезии соблюдался следующий своеобразный обычай. Когда рождался первый сын высочайшей фамилии, правитель формально отказывался от власти в пользу своего первенца. После этого наследника считали главой и поклонялись ему, как божеству. Если первым ребенком была девочка, ей полагались те же высокие привилегии. На островах Самоа особым

почитанием пользовалась дочь одного из арики. Ей давали титул «девы селения» (таупоу). Она получала тонкое воспитание от пожилых женщин аристократического рода, и те ее повсюду сопровождали и оберегали ее девственность. Если ей и приходилось иногда делать какую-нибудь женскую работу — плести или изготавливать лубяную ткань, — то уж во всяком случае она была избавлена от тяжелых полевых работ и рыбной ловли. Она не должна была загореть на солнце, ведь только светлая кожа считалась признаком высокородности; светлый оттенок кожи поддерживался пудрой из куркумы. Немало времени затрачивала таупоу на уход за своим нежным телом — недаром слыла первой красавицей на Самоа. Ежедневно она купалась в море, натиралась ароматизированным кокосовым маслом, дабы кожа была мягкой и эластичной. В праздничном облачении, сопровождаемая прислуживающими ей девушками ее возраста, она выступала на высоких приемах как представитель селения, следила за угощением гостей, а главное, приготавливала напиток каву.

На всех знаменательных торжествах «дева селения» вместе со своими прислужницами демонстрировала сидячие танцы. Молодые мужчины из аристократических родов арики делали таупоу брачные предложения. Как только таупоу выходила замуж, одна из ее сестер или какая-нибудь другая более молодая незамужняя родственница получала ее титул.

«Дева селения» — таупоу за приготовлением кавы (остров Самоа)

Первый вождь-оратор Алипия созвал совет. В напряженном ожидании застыли государственные мужи селения Леулумоега. Они сидят на полу «большого дома» вплотную друг к другу. Дом имеет овальную форму. У него большая островерхая крыша из листьев. Одна из стен дома — это просто циновки, сплетенные из листьев кокосовой пальмы. Сейчас эти циновки подобраны кверху, и прохладный ветерок с моря гладит волосы коричневокожих людей. Перед большой опорной колонной сидит на устланном циновками троне великий вождь Тамалеланги. В кулаке он зажал короткую рукоять опахала из тонких лубяных волокон кокосовой пальмы. Это символ верховной власти. По обе стороны

трона сообразно своей должности сидят местные вожди и прочие сановники. «Дева селения» Нгауи вместе со своими сверстницами заняла под опорной колонной, у продольной стены дома, место, на котором издавна сидели таупоу.

Алипия встает, опираясь всем своим грузным телом на ораторский жезл. Он медленно охватывает взглядом собравшихся. По лицу его видно, что он очень волнуется. Алипия открывает собрание:

— Приветствую тебя, вождь Сафотулафаи! —
Приветствую тебя, правитель Лаумуа!

— Добро пожаловать, старейшина великого рода мореходов с острова Маноно!

— Добро пожаловать, гости из Туамасаго!

— Приветствую и тебя, корабль капитана Фоноти!

В красивых образных словах Алипия выражает собравшимся вождям благодарность за честь, оказанную ему их посещением, и обращается к богам с мольбой о здравии великого вождя. Не успел Алипия сесть на свое место, как с усталанного циновками трона заговорил великий вождь Тамалеланги. В своей впечатляющей речи он объясняет, для чего нужны вновь установленные законы. Великий вождь Тамалеланги настоятельно предостерегает против их нарушения. Нарушителю этих законов придется отдать по меньшей мере двух свиней и сто клубней таро, поясняет вождь-оратор Алипия. Далее один за другим выступают вожди-ораторы. Они поддерживают слова первого вождя-оратора. В заключение Алипия говорит:

— Вот у меня здесь корень кавы! Дайте его таупоу, нашей милой Нгауи!

Улыбаясь, Нгауи принимает из рук Алипия куски корня. Ее помощницы ставят перед ней большую плоскую деревянную чашу и несколько сосудов из кокосового ореха, наполненных чистой родниковой водой. Каждая из помощниц Нгауи откусывает от

корешков кавы небольшие кусочки, хорошенько разжевывает их и выплевывает в деревянную чашу. Затем девушки осторожно льют туда из кокосовых сосудов родниковую воду. Нгауи берет пучок мелко расщепленных волокон листьев хибискуса, бросает его в чашу и всю эту смесь взбалтывает. Она ставит перед деревянной чашей гладко отполированный кокосовый сосуд. Это кубок великого вождя. Нгауи медленно вынимает из деревянной чаши волокна хибискуса и оставшуюся мутную жидкость наливает в кубок. Первый вождь-оратор Алипия принимает кубок из рук Нгауи и с низким поклоном подает его великому вождю Тамалеланги. Великий вождь берет в руки кубок и степенно подносит его к устам. Закрыв глаза от наслаждения, он медленными глотками осушает чашу и швыряет ее далеко в сторону, ибо теперь никто из простых смертных не смеет даже прикоснуться к священному сосуду.

После этого Нгауи восклицает:

— Кава готова! — И все присутствующие дружно хлопают в ладоши. Подымается со своего места первый вождь-оратор Алипия. Гордой походкой направляется он к «деве селения» и, обращаясь к собравшимся, говорит:

— Уа уси ле ава! Кава готова! Сейчас я буду ее раздавать. Пусть кто-нибудь из вас разнесет ее!

К первому вождю-оратору Алипия подходит молодой мужчина, и снова «дева селения» Нгауи вынимает из деревянной чаши волокна хибискуса и наливает содержащийся в ней напиток в кокосовый кубок. Его берет первый вождь-оратор и со словами «Это кубок вождя Суателе» передает юноше, а тот с поклоном подносит его вождю Суателе. Так каждому в строгом соответствии с его рангом подносят каву. Нелегко Алипии раздавать ее, ибо при этом ему приходится подыскивать выражения, приличествующие рангу получателя напитка. Но в том-то и весь смысл особой

должности вождя-оратора, чтобы блюсти придворный этикет.

Торжественное распитие кавы окончено. Но собравшиеся все еще не расходятся, они наблюдают за тем, как высокие сановники объявляют стоимость даров, которые намереваются оставить участникам собрания.

— Приведите сюда мою свинью и принесите пятьдесят клубней моего таро, — восклицает один.

— Пусть приведут сюда две моих свиньи и принесут сто клубней моего таро, — вторит другой.

— А у меня, увы, ни одной свиньи не осталось, семья моя совсем обеднела, — жалуется третий.

Наконец Алипия возглашает:

— Собрание наше исполнило свой долг! Да будем счастливы!

— Ладно сказано, Алипия, — говорит вождь Суателе. — Так тому и быть!

Собравшиеся поднимаются со своих мест, молодые мужчины направляются к очагам и варят дарованные припасы. Там и сям небольшими группками еще собираются главы семей и обсуждают новые законы. Все соглашаются, что законы вполне справедливы. Но пора домой: поскорей бы рассказать домочадцам о событиях дня.

Особое сословие составляют люди, обслуживающие знать. Это потомственные прислужники больших и малых вождей — цирюльники, подносчики кушаний, поддерживатели огня в очаге, посыльные и даже придворные шуты. «Среднее» сословие составляют мелкие землевладельцы, на Таити их называют раатира. Они поставляют высокородным особам продовольствие и получают за это определенную плату. Из среднего сословия выходят различные мастера: кораблестроители, резчики по дереву и другие. Во время войны из них формируется войско. Тем не менее между раатира и знатью существует глубокая пропасть, браки

между аристократами и людьми из раатира невозможны. На Таити с особым пренебрежением туземная аристократия относится к кабальным (манахуне), составляющим большую часть населения и не владеющим землей. Это батраки, рыбаки, гребцы и воины вождей. Туземные аристократы считают их подонками общества, помыкают ими и доходят даже до того, что некоторых из них убивают для культового жертвоприношения. Так же поступают и с военнопленными.

Однако на Таити, несмотря на строгое сословное разграничение, существует организация, которая, по крайней мере по определенным торжественным поводам, объединяет все элементы населения и хотя бы на время уничтожает сословные барьеры. Это «орден» Ареои, у которого наблюдается немало схожих черт с меланезийскими тайными союзами, но есть и собственные характерные признаки; они придают этой организации особый восточнополинезийский колорит. Союз Ареои существует также и на Маркизских островах. Каждый может стать его членом независимо от своей классовой принадлежности. Женщинам не воспрещается состоять в этом союзе. Правда, кандидат в члены Ареои должен публично доказать, что он одержим богом Оро, покровителем союза. Для этого кандидат в члены союза изображает неистовое бешенство. Если считают, что он достоин приема в Ареои, то ему, как это делают на торжественных инициациях меланезийцы, дают новое имя, которым его впредь и называют. Кроме того, кандидат должен поклясться, что будет убивать всех детей, которые родятся у него после дня приема в союз.

Откуда такое преступное требование? Мюльман, подробно изучивший тайное общество Ареои, писал на основании старых сообщений о различных мотивах детоубийства. Он объясняет возникновение этого

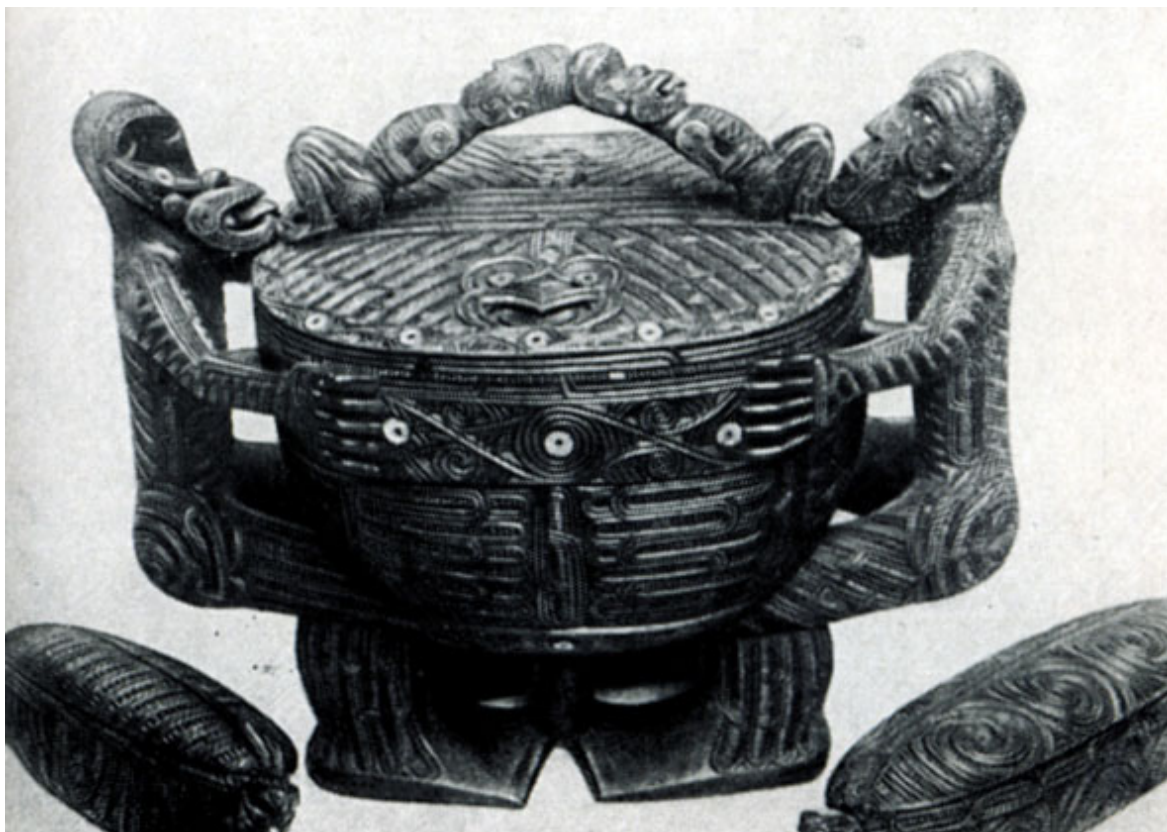
обычая тем, что туземцы, живущие на мелких островах, боятся перенаселения; еще большую роль в этом отношении играло столкновение различных классово-семейных интересов. Конфликты возникали из-за внебрачных детей, плода свободной любви членов общества, вступавших в общение друг с другом независимо от своей классовой принадлежности. Возможно, что возникновению этого обычая способствовала свойственная людям жажда наслаждений, сочетающаяся с их нежеланием поступиться своими привилегиями. Туземцы считают, что этот обычай появился по велению богов. Союз Ареои, подобно союзу Сукве на Новых Гебридах, делится на различные ступени. Каждый член общества может, уплатив определенную дань, стать ареои подобающей ступени. Человеку низшего сословия не так-то просто продвинуться, тогда как вожди благодаря своему положению сразу получают там самый высокий сан. Принадлежность к той или иной ступени союза распознается по татуировке: ареои низшей ступени не имеют никакой татуировки или имеют лишь самую незначительную, тогда как у высших чинов союза все тело разукрашено узорами.

Члены союза Ареои устраивали публичные празднества. Целые флотилии их судов плыли от острова к острову. Впереди шел священный корабль с дарами для богов и вождя, к которому ареои направлялись с визитом. Высадившись на берег, они совершали свои жертвоприношения и торжественно передавали великому вождю свои дары (свиней, лубяные материи). Затем они устраивали представления в специально для этого построенных домах, а зрители располагались на лужайке широким полукругом. Программа спектакля состояла из пантомим и драматических сцен, в которых участвовали мужчины, а также из выступлений женщин, грациозно танцевавших

под звуки барабана. Нередко устраивались спортивные игры, состязания по борьбе, боксу, фехтованию. В них участвовали все члены союза, как мужчины, так и женщины. Казалось бы, это представления бродячих актеров. Однако Вильямсон доказал, что эти спектакли имели религиозное значение. В них находили свое драматическое и музыкальное воплощение мифы о богах и космогонии, и устраивались эти спектакли для того, чтобы дать плодородие земле и благоденствие людям. Ко времени прихода европейцев эти спектакли уже утрачивали свой культовый характер и художественную выразительность. Члены общества Ареои не пользовались на Таити никакими административными правами, никаким политическим влиянием, потому что самые высшие ранги в союзе принадлежали самим вождям, под неослабным контролем которых находилась вся деятельность этого сообщества.

Боги и жрецы

В 1860 г. на большой сходке маорийских племен, живущих на восточном побережье северного острова Новая Зеландия, было принято замечательное решение о том, чтобы жрецы записали наиболее древние народные предания. Решение сходки выполнили молодые маорийцы, которые благодаря общению с европейцами умели читать и писать.

Пышно орнаментированные ларцы маорийцев

Они создали многотомный труд, называемый «Предания народа маори». В течение нескольких десятилетий они утаивали его от европейцев. Лишь

полстолетия назад европейцам открыли доступ к этому ценнейшему материалу. В записях преданий есть мысли о высшем боге Ио, называемом «началом всех начал», «невидимым», «всезнающим» и тому подобное. Не всем жрецам он известен, и представления о нем, по видимому, заимствованы из христианской религии. Однако Джон Николас, человек почтенный и рассудительный, сопровождавший первого миссионера на Новой Зеландии (1815 г.), уверяет, что маори верили в какое-то высшее существо еще до прихода европейцев. Согласно полинезийскому космогоническому мифу, Ио был самым первым существом на свете. Космос состоял из воды, и всюду был мрак. И тогда Ио силой слова своего создал свет и отделил его от тьмы. Так же возникли олицетворяющие мужское и женское начала Небо и Земля, которые в своих любовных объятиях зачали богов. Но вот несколько богов объединились и разлучили своих родителей. Небо они все вместе подняли вверх и, чтобы оно вновь не соединилось с Землей, подперли его колоннами и столбами. Эта чудовищная дерзость вызвала целое восстание среди остальных детей великих прародителей, и вот в мире появилось смертоносное оружие и война. Если прародитель Ио — существо безобидное и его даже называют Ио-мата-ваи, т. е. богом любви, то боги наделены далеко не божественными чертами; они, как говорит предание, наводили на всех страх и ужас и даже были людоедами.

«Архитектурное украшение» маорийской хижины — изображение божества

По преданиям полинезийцев, небосвод состоит из двенадцати небес. На самом верхнем небе пребывают Ио и прислуживающие ему божества, его посыльные и стражи. Совершая тайные обряды, жрецы обращались к Ио в гимнах, однако в честь его не совершали никаких жертвоприношений. Не было также никаких его изображений.

***Маорийская женщина за изготовлением ткани из новозеландского
льна***

Культ Ио имел распространение только среди знати, ио весьма вероятно, что он когда-то был распространен гораздо шире и что его привезли с запада древние полинезийские насельники^[56].

Несомненно, что ко времени, когда на полинезийских островах появились первые европейские колонисты, веру в Ио, особенно в западной Полинезии, вытеснила вера в Тангалоа. Он считался высочайшим божеством и ему приписывались все акты творения Ио.

В одном полинезийском гимне Тангалоа славят так:

Он был всегда, и имя ему Тангалоа. Он пребывал в безмерном пространстве.

И не было ни земли, ни неба, ни моря, ни тварей живых.

И был один только он!

Тангалоа — это вселенная!

Тангалоа — это начало начал, это скалы и пески, это свет, это зародыши живых существ.

Он вечен и мудр. Он сотворил страну Гаваики, великую священную Гаваики!

На Новой Зеландии и на всех других островах, где еще поклоняются Ио как первотворцу, Тангалоа считают одним из самых главных божеств полинезийского пантеона. Тангалоа был одним из тех детей Земли и Неба, которые грубым насилием разлучили своих великих родителей. От ярости своего брата Тавхири, олицетворявшего ураган, ему пришлось спастись в море, поэтому он стал властителем моря. Все твари морские — дети Тангалоа. Некоторые из них, например ящерица, бежали от страха перед ним и потому выползли на сушу. Так, на Самоа ящерица считается воплощением Тангалоа и божеством-покровителем рыбаков; рыбу, которую приносят ей в жертву, так и называют «рыба Тангалоа». Еще более сильные

проявления этого культа были на Маркизских островах. Там в честь всемогущего бога Тангалoa вблизи водоемов сооружены алтари. На них ставили урны с жертвенной рыбой. А в районе Таиарапу^[57] рыбаки поклонялись куску монолита. В нем, по их представлениям, обитал Тангалoa.

Брат Тангалoa бог Тaне после отделения Неба от Земли стал воплощением созидающего начала. Все, что существует в природе — деревья, трава, плоды, — все это создал он для человека и самого человека сотворил также он. По мысли маорийского ученого Хонги, олицетворением созидающей силы бога Тaне является Тики. До сих пор под этим словом разумели деревянные и каменные скульптуры полинезийских богов. Хэнди же считает, что эти скульптуры в какой-то мере развились из фаллической символики, которая в некоторых местах Океании и Юго-Восточной Азии играет важную роль в представлениях людей о плодородии земли. На Новой Зеландии Тaне считали властителем лесов и покровителем резчиков, плотников и корабельных мастеров. Атрибутом бога Тaне был каменный топор. Как явствует из классического труда Хэнди о полинезийской религии, слова «вода бога Тaне», столь часто встречающиеся в полинезийской мифологии, воспринимаются туземцами так же, как и слова о живительных лучах солнца, хотя и ничего не говорится о солнце. Правда, огненный шар солнца — одно из полинезийских божеств, однако ему не поклонялись. Лишь жители островов Общества считали солнце богом войны и посвящали ему особые обряды. Не совершали также никаких обрядов и в честь богини луны Хины, хотя верили, что она обучила женщин всяким ремеслам — плетению циновок, вязанию сетей, изготовлению лубяной материи и даже играм.

Маорийский резчик за работой

Но самое главное божество полинезийцев — Ронго, на Гавайях называемый Лоно. Имя его означает «грохочущий», «шумящий»; туземцы считали его олицетворением грома и дождя. Естественно, что как бог грома и дождя, Ронго — покровитель культурных растений и, следовательно, вообще земледелия. На торжественных праздниках ему подносили первые плоды, его молили о животворном дожде, о хорошем урожае.

Гавайцы молились так:

О Лоно, отведай плодов, отведай вкусных блюд! Прими наш дар! Все это для тебя, о Лоно! Дай нам хороший урожай! Пошли нам животворящий дождь!

Ронго считали также покровителем танцев, песнопений и мистерий, которые устраивались на пышных народных празднествах. В такого рода театральном искусстве находила себе выход радость жизни, восхищение плодородием земли. На празднествах кроме танцев и мистерий устраивались спортивные состязания (макахики). Это своеобразные олимпиады, в которых участвовали жители всех островов Гавайского архипелага. Но для успешного земледелия и пышных празднеств необходим прочный мир; поэтому в пору сева и жатвы всякие военные действия были табу, а Ронго называли блюстителем мира. Постепенно функции Ронго перешли (главным образом на Таити) к богу Оро.

Разрушающее и уничтожающее начало олицетворялось богом войны Ку, называемым также Ту. Это он затеял разлучить Небо и Землю, благодаря чему богам стало светло и просторно. Ему пришлось испытать гнев своего брата Урагана, который решил отомстить за злодеяние, совершенное против родителей. Ку — олицетворение гнева, в гневе своем он пожирает людей. В давние времена на Таити в жертву ему приносили первого пленника с поля битвы. На Гавайях Ку был

божеством только касты вождей и воинов. По представлениям гавайцев, Ку слился с таитянским богом Каили, отчего стал еще более могущественным Ку-Каили-Моку, богом войны. Это был бог королевской династии, из которой происходил король Камеамеа. Изображение Ку-Каили-Моку, сплетенное из тростника и покрытое красными и желтыми перышками, островитяне носили на шесте в голове идущего войска. Один из немногих сохранившихся экземпляров такого изображения Ку-Каили-Моку хранится в этнографическом музее Геттингенского университета.

Но самым популярным богом был Мауи, соответствующий микронезийскому богу Олуфату. Этот бог любит всяческие проказы, обладает великой волшебной силой и совершает всевозможные чудеса. Из рода в род передавались легенды о его замечательных подвигах. У индусов такие же подвиги приписывались богу неба и грома Индре, а у скандинавов — богу грома Тору. Бог Мауи отнял у бога Магуики, Вулкана, или у его дочери Пеле огонь и принес его людям. Он накинул на солнце петлю каната, умерил неудержимый бег дневного светила, и тогда дни стали длиннее.

Ниже мы приводим отрывок из новозеландской легенды о том, как бог Мауи поймал своим волшебным крючком необыкновенную рыбу.

Все дальше в открытое море плыл Мауи со своими братьями. Но братья его, сидевшие на веслах, уже наловили много рыбы и просились домой. Мауи не соглашался:

Подождите немножко, я испытаю крючок. Какой крючок? — удивились братья. Не беспокойтесь, — отвечал Мауи, — это мой собственный крючок.

И тогда братья сказали:

— Ну что же, испытай, только поскорее!

Тут Мауи извлек из тайников своих одежд рыболовный крючок, который сразу же засиял блеском перламутровой инкрустации. Не ускользнула от взора братьев и богатая резьба. Это был и в самом деле роскошный крючок. Затем Мауи попросил у братьев наживки.

— Не дадим тебе наших наживок! — сказали братья.

Тогда Мауи стукнул себя кулаком по носу и брызнувшей кровью окропил крючок. Кровь Мауи заменила наживку. Мауи закинул удочку, и крючок стал медленно погружаться в воду. И вдруг зашевелилась леска.

«Неужели рыба клюнула на кровь Мауи?» — подумали братья. Тут Мауи потянул леску и почувствовал тяжесть. Когда он вытягивал крючок, забурлили, зашипели волны, заклокотал океан, словно со дна его подымался огромный остров.

Сначала братья разинули рты от изумления, а потом до того испугались, что принялись кричать во все горло. Но Мауи не обращал внимания на крики своих братьев.

— Зачем ты завез нас так далеко, теперь мы погибли, нас проглотит гигантская рыба, — вопили братья, обливаясь слезами. А Мауи в этот момент произносил заклинание, дабы чудесная рыба поскорее показалась над водою. Когда Мауи закончил свое заклинание, рыба появилась. Это была необыкновенная рыба — часть великой матери-земли.

Когда же Мауи хотел победить богиню подземного царства Хине-нуи-те-по и тем самым уничтожить смерть, чтобы все люди на земле жили вечно, его самого настигла неумолимая судьба — ему пришлось умереть!

Готовясь идти в подземное царство, Мауи взял с собой перелетных дроздов, большого и малого, певчего дрозда, иволгу, трясогузку и других маленьких птичек. Они должны были неотступно сопровождать его и помогать ему во всех опасных делах.

И вот Мауи и его птицы собрались вместе и на склоне дня отправились в путь. После долгих странствий по подземному царству они достигли обиталища Хине-нуи-те-по. Богиня смерти крепко спала. И Мауи сказал своей пернатой свите:

— Мои маленькие друзья! Не вздумайте хохотать, когда я стану спускаться во чрево этой древней особы. Только не вздумайте хохотать, прошу вас. Вот когда я вылезу оттуда, тогда пожалуйста — смейтесь себе на здоровье сколько хотите!

Птицы испугались и взмолились:

— Милый наш господин, тебя там богиня смерти наверняка умертвит!

Но Мауи вразумлял их такими словами:

— Если вы рассмеетесь, когда я начну спускаться в ее чрево, вы ее разбудите, и она тотчас же убьет меня. Если же вы подождете, пока я снова выползу из ее огромной глотки, тогда я останусь жив, а старушка помрет!

Маленькие друзья Мауи обещали ему не смеяться:

— Храбрый господин наш, уж так и быть, ступай, да смотри не попади в беду!

Тогда Мауи, привязав свое оружие к руке, вошел в дом богини Хине-нуи-те-по и снял свои одежды. На бедрах его красовалась великолепная татуировка, нанесенная иглой Уетонги. И вот Мауи полез во чрево богини. Это выглядело очень смешно, и птички пыжились, как могли, чтобы не рассмеяться. Но маленькая Тивакавака, птичка-мухоловка, не выдержала и громко расхохоталась. Тут старуха проснулась, поднялась во весь рост и в страшном гневе своем умертвила Мауи. Если бы Мауи благополучно прошел через царство богини ночи и смерти Хине-нуи-те-по, смерть была бы навеки уничтожена. Но так уж случилось, что смех птички-мухоловки не дал Мауи бессмертия, не дал его и всем остальным людям.

Полинезийцы поклонялись не только атуа, божествам — олицетворениям природных стихий, но и умершим. По представлениям туземцев, после того как тело умершего истлевает, душа его, пройдя долгий и опасный путь, попадает наконец в царство мертвых. Это царство находится не только в подземном мире, но и на западе, в легендарной стране Гавайи — древней родине полинезийцев.

С телом умершего на различных островных группах поступают различным образом, что объясняется этническим смешением. В Микронезии наряду с трупопогребением, когда тело умершего предают земле в самом доме его или возле дома, существует морское погребение, когда покойника опускают на дно моря или кладут в лодку и пускают ее по волнам. Так чаще всего хоронили высокородных особ. Это значит, что морское погребение исторически моложе, чем зарывание в землю, распространенное среди потомков более древнего населения. На островах Полинезии большой заботой окружали трупы особенно тех высокородных людей, которые обожествлялись еще при жизни. Любопытно, что гроб нередко имел форму лодки либо просто применяли вместо него лодку. На Таити и Маркизских островах тела знатных людей подвергались даже мумификации (способ, известный уже в эпоху древних цивилизаций) и затем устанавливались на уступах священной пирамиды марая. Когда труп разлагался, череп и кости укладывали в особые вместилища, в урны или ямы и там их хранили для культовых обрядов, веря, что они все еще наделены маной покойного. Так, например, рыбаки острова Манихики, расположенного в шестистах милях от острова Раротонга, выходя в море, брали с собой в корзине череп какого-нибудь влиятельного человека. Если подымалась буря, рыбаки вынимали череп и

молились о хорошей погоде. Для этой цели они от трупа умершего отрывали даже кисти руки и ступни.

На Таити туземцы приписывали магическую силу духам лишь того умершего, который особенно хорошо относился к живым. Духов таких умерших называют ороматуа. В воображении таитян духи некоторых из таких умерших витают иногда где-то рядом и предупреждают живых родичей о грозящем им бедствии, но есть и такие, которые пугают людей и даже мучают. Как бы то ни было, туземцы старались поддерживать хорошие отношения с духами. Они ублажали их, поднося им пищу и украшения. Для жертвоприношения в честь умершего вождя даже убивали рабов. На Новой Зеландии овдовевшие женщины удавливались петлей, чтобы у любимого супруга и на том свете была жена. Возможно, что существующий на Самоа, Тонга и Таити обычай наносить себе увечья в знак скорби о покойном, отрезать пальцы или выбивать зубы является заменой такого жертвоприношения.

Туземцы самых различных районов Полинезии представляли себе духов умерших вполне вещественно — примерно так же, как представляют себе папуасы и меланезийцы «живых мертвецов». На Таити духа умершего изображал какой-нибудь мужчина, облаченный в своеобразный наряд. Лицо его было скрыто маской, сделанной из двух раковин, на голове его сияла корона из пушистых хвостовых перьев птицы-фаэтона, на груди в форме полумесяца висела дощечка с перламутровыми раковинками и ожерелье из узеньких переливающихся яркими бликами пластинок перламутра. Сам он был закутан в лубяную материю, а к плечам прикреплено одеяние из перьев. В этом облачении «дух», сопровождаемый вымазанными черной краской мужчинами, неистово размахивающими деревянными палицами, шествовал, возвещая

раковинной трещоткой о своем приближении к тому месту, где жил поминаемый умерший. К концу церемонии «дух» несколько раз прохаживался вокруг гроба с трупом покойного. Заслышав трещотку, жители селения моментально разбегались и прятались, кто в лесу, кто у себя в хижине — ведь дух и его спутники могут и избить.

Для островов Таити примечательно не только наличие тайных союзов, но и то, что там для изображения духа умершего надевали маску. Эти два элемента культуры наиболее распространены в Меланезии. Гораздо драматичнее выражали скорбь по умершему мужчины на островах Кука.

Скорбящих называли духами. Эти духи инсценировали сражения с воинами соседних районов, и иногда даже проливалась кровь. На Маркизских островах все имущество умершего — его дом, одежда, утварь — полностью уничтожалось, а на островах Самоа на могилу супруга приходила вдова и проникновенно восклицала:

— Не сердись ты на нас, возьми от нас все болезни, дай нам жить!

Такие высокопоставленные особы, как вожди и жрецы, посмертно удостаивались скульптурных изображений в дереве или камне. У микронезийцев они устанавливались в специальных домах для умерших предков, у полинезийцев — на постаменте в храме. Эти фигуры, называемые Тики, на острове Пасхи достигают гигантских размеров (до 20 м высоты). Они изумили открывателей острова. На голой безлесной земле есть превосходный материал для скульптора. Это трахит, мягкая порода потухших вулканов, из которого, собственно, и состоит этот небольшой остров. Трахит добывался в кратере вулкана, там же его обтачивали и высекали на нем изображения, затем катили к берегу и там на каменном постаменте водружали фигуру. Но не

всегда и не везде микронезийцы и полинезийцы устанавливали скульптуры. Нередко вместо них делались изображения фаллоса, а иногда столбы, напоминающие стоячие менгиры. На Новой Зеландии палки, которым придавалась своеобразная форма, служили символами определенных богов; в других местах Полинезии реликвиями служили весла, палицы, каменные топоры, трубки из раковин. Считалось, что все эти предметы некогда принадлежали богам.

Посредниками между людьми и неземными существами, будь то боги, предки или злые духи, были особые профессионалы — жрецы, шаманы, колдуны. В общественной жизни они играли не меньшую роль, чем резчики по дереву и татуировщики. Жрецы (кахуна или тохунга) не только каждодневно совершали культовые обряды, иногда даже с человеческими жертвами, но также руководили и светскими церемониями. Кроме того, они стерегли священные храмы марая, а в памяти своей хранили мифы и всю родословную вождей, которая запечатлена в письменах на деревянных дощечках лишь на острове Пасхи^[58]. Среди полинезийских жрецов существовала узкая специализация. Каждое божество имело своих жрецов, но сверх того были жрецы, занимавшиеся только некромантией, т. е. вызыванием духов умерших, колдовством, врачеванием, прорицательством. Все эти «науки» жрецы преподносили ученикам в особых школах. Здесь в течение нескольких месяцев читались курсы лекций по мифологии, астрономии, времяисчислению, истории, культовым обрядам и пр. Ученики сдавали экзамен комиссии специалистов, после чего их торжественно принимали в корпорацию жрецов. Так как полинезийские вожди как в военное, так и в мирное время нуждались в поддержке жрецов, политическое влияние этих служителей культа было весьма значительно. На небольших атолловых островах

Микронезии все было гораздо проще, потому что там обязанности жреца исполнял старейшина рода или вождь. Поэтому там не бывало никаких политических конфликтов.

Каменная фигура предка на развалившейся террасе (Маркизские острова)

Обязанности жреца исполнялись только мужчинами. Женщины, правда, могли совершать несложные культовые обряды, однако карьера жреца им была навсегда заказана. Жрецами считали также помощников жрецов каху, которые при совершении обряда, так сказать, ассистировали мастеру. Свое особое положение в обществе жрецы отмечали определенным одеянием

или знаками достоинства. На Маркизских островах они носили широкие накидки из белой лубяной материи — тапы, на Гавайских — довольствовались набедренной повязкой также из куска белой тапы. На Таити они опоясывались тонкими плетеными циновками, но оставляли верхнюю часть туловища неприкрытой. В особо торжественных случаях они надевали на голову цилиндр, искусно сплетенный из тростника. На микронезийских островах, бедных материальной культурой, к наряду жреца принадлежал еще большой плетеный веер; кроме того, микронезийский жрец надевал на шею «волшебный» пучок листьев.

Совершенно иными были функции у так называемых прорицателей каула. Прорицательством занимались как женщины, так и мужчины. В состоянии мистической экзальтации каула как бы вступали в сношения с потусторонним миром. Это состояние вызывалось у них самовнушением, которое сопровождалось пристальным созерцанием знака отличия какого-нибудь божества или поглощением кавы, опьяняющего напитка.

Впадая в транс, каула начинал ощущать связь с каким-нибудь божеством или духом. Он беспокойно ерзал и весь передергивался, лицо его искажалось, в глазах появлялось какое-то дикое выражение, иногда даже он катался по земле, изо рта его шла пена. И тогда то пронзительным криком, то шепотом он возвещал волю божества. Прорицатели каула считались посредниками между божеством или духом и людьми. Они, несомненно, обладали гипнотической силой. Эти жрецы несли общественную службу, но выполняли также заказы частных лиц и отдельных семей.

Среди жрецов были и оракулы. Они следили за тем, обличье какого животного принимало то или иное божество, а также возвещали волю божества. Узнавали о ней по поведению животного. Группу родственной профессии составляли гадатели. На Гавайях, например,

они предсказывали будущее по внутренностям жертвенного животного. Не было недостатка и в толкователях снов, а также в знахарях, которые либо врачевали своих соплеменников, либо насылали на них порчу.

Святыни микронезийцев и полинезийцев были различного рода. Так, в домах для танцев и татуировок, в лодочных мастерских и прочих помещениях были святилища соответствующего божества. То же можно сказать и о жилых хижинах. В них хранились урны с останками умерших родственников. Но общенародными святынями служили марае — пологие, одетые камнем земляные пирамиды с широкими уступами. Самая крупная высотой в 13, длиной в 80 и шириной в 24 м находилась на островах Общества. На уступах таких пирамид стояли деревянные или каменные скульптуры богов. У тех же пирамид хоронили верховных вождей, там же приносили в жертву животных или людей. Но в то же время марае служили убежищем для преследуемых, ибо тронуть человека у пирамиды означало оскорбить святыню. Такого рода пирамиды неизвестны были только маори — аборигенам Новой Зеландии. Маори хоронили своих вождей на небольшом огороженном участке недалеко от деревни и оставляли там их одежду и украшения. Это место посещали жрецы. Там они беседовали с духом умершего вождя.

Народы Микронезии и Полинезии — последние поселенцы на далеких островах Тихого океана. Они поселились там сравнительно недавно. Этим и объясняется тот факт, что их религия чрезвычайно далека от религии других народов Океании. Ученые уже не раз указывали на сходство религиозных представлений микронезийцев и полинезийцев со сложными видами религии народов южной и восточной Азии. Полинезийская религия вобрала в себя элементы не только ведизма и брахманизма, но и индуизма и

буддизма^[59]. Все эти религии образовали в Полинезии единый сплав. Более того, в культе Тангалoa, например, Хэнди усматривает связь с религиозными представлениями древнего Китая (Тангалoa — Тан-ка-ло).

Прыжок в цивилизацию

В течение более трехсот лет белый человек, а с ним и европейская цивилизация беспрепятственно проникали на полинезийские острова, где подавляли, а то и вовсе уничтожали древнюю культуру туземцев. В течение этих трехсот лет численность коренного населения неизменно уменьшалась. Не всегда уменьшение числа аборигенов было следствием военных столкновений с европейскими колонизаторами, следствием завезенных эпидемий (в 1918 г. грипп на Самоа). Причина ужасающего падения численности коренного населения состоит, между прочим, и в том, что полинезийцы оказались морально неподготовленными к тому огромному скачку, который произошел в их историческом развитии. Тем не менее народы Полинезии выдержали это испытание. Еще каких-нибудь пятьдесят лет назад полинезийцам предсказывали постепенное вымирание. Однако новейшие исследования опровергли эти опасения. Так, коренное население островной группы Тонга возросло с 24 тысяч в 1921 г. примерно до 51 400 в 1953 г., а на Западном Самоа — с 33 300 (1921) до 74 600 (1950). С другой стороны, на таких островах, как Новая Зеландия, Гавайи и Таити, столь отрадному процессу воспрепятствовал сильный поток иноземных поселенцев. Распространение колонистов привело к резкому падению численности коренного населения. В этом смысле наиболее характерную картину мы можем наблюдать на Гавайских островах. Там чистокровные аборигены — их число упало с 21 400 в 1937 г. до 10 600 в 1948 г. — все больше и больше растворяются среди остальных национальностей. В середине прошлого века на Гавайских островах стали создаваться сахарные

плантации. Вследствие этого национальный состав населения принял к 1930 г. следующий вид:

Гавайцев — 22 600

Корейцев — 6 500

Китайцев — 27 200

Пуэрториканцев — 6 600

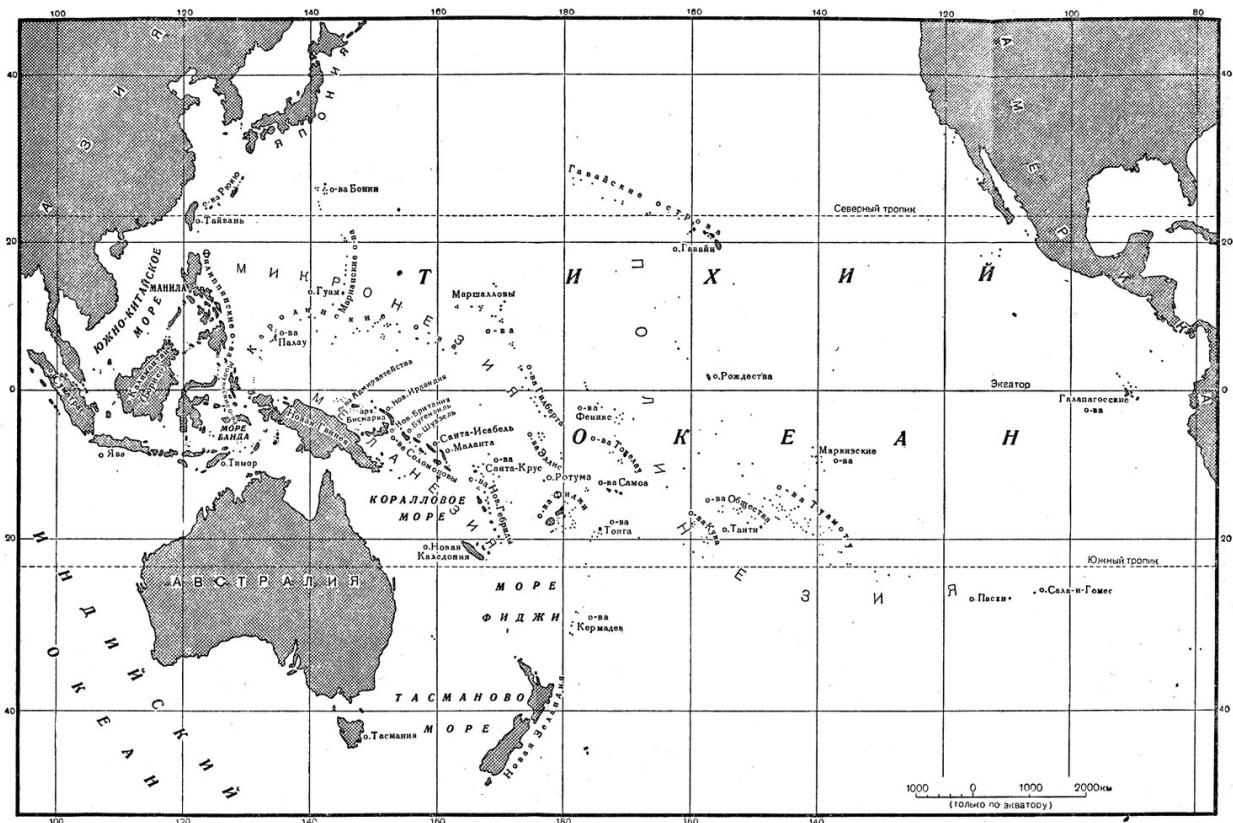
Филиппинцев — 63 000

Белых — 72 500

Японцев — 140 000

Метисов — 28 000

Следовательно, уже 25 лет назад коренные жители островов составляли только 6 % всего населения! В настоящее время из-за быстрого притока иноземных поселенцев (общая численность населения достигла в 1948 г. полумиллиона) процент коренных жителей резко падает.

Хотя на Новой Зеландии численность коренного населения после резкого сокращения во второй половине XIX века увеличилась к 1926 г. чуть ли не вдвое (64 000) и ныне продолжает увеличиваться, однако чистокровные аборигены составляют едва ли 50 % этого числа. Ту же картину можно наблюдать на островах восточной Полинезии; правда, там из-за малой величины островов абсолютные цифры не столь значительны.

В Полинезии правовое положение аборигенов не такое, как в Меланезии или тем более в Австралии. Во Французской Океании (Таити, Маркизские острова) полинезийцы формально считаются французскими гражданами. Внутриполитическая обстановка на Самоа до сих пор неясна. Там растет освободительное движение и ведется упорная борьба за политическую независимость^[60]. Жители Гавайских островов являются американскими гражданами, однако расовое равноправие там только на бумаге. Коренные жители Новой Зеландии маори и юридически и фактически пользуются теми же правами, что и белые. Они совершенно равноправны^[61]. Несколько своеобразно положение тонганцев: у них конституционная монархия под британским протекторатом. Правит островами Тонга королева Салоте (Шарлотта) Тупоу из древней династии тонганских властителей. У 50 000 полинезийцев, живущих на 36 островах группы Тонга, на которых всего 2000 белых, собственная система правления, построенная по образцу европейских стран. У них есть государственный совет, кабинет министров, парламент, и все правительственные посты заняты тонганскими аборигенами. Переход к новому историческому этапу по многим причинам тонганцы перенесли легче, чем другие

полинезийцы. Всего несколько лет назад Герд Кох на месте изучил политическую обстановку на островах Тонга. По его мнению, положительное отношение тонганцев к явлениям цивилизации способствовало быстрому и беспрепятственному переходу к новой культуре. Тонганцы сразу поняли, что орудия труда и технические материалы европейцев могут принести им немало пользы, и поэтому быстро перестроились. Вместе с тем европейцы притесняли их меньше, чем аборигенов Тасмании, Австралии и Новой Зеландии. Никто не отбирал у них землю, никто не заносил к ним эпидемий. Правда, все это можно объяснить особым географическим положением островов Тонга, которое не сулило белым никаких богатств^[62].

В силу всех этих обстоятельств уровень культурного развития полинезийцев, какой ныне наблюдают европейцы, существенно отличается от того, каким он был еще сто лет назад. Одежда из тапы с цветными узорами, плетеные или сотканые набедренные циновки и плащи из новозеландского льна все больше и больше заменяются европейской одеждой. Хотя на полевых работах и рыбной ловле, где приемы труда почти не изменились, еще предпочитают лавалап (набедренную повязку), но уже из ситца. Изменились и украшения. Ныне они выглядят жалко и безвкусно по сравнению с пышными красочными украшениями минувших десятилетий. В общественной жизни произошли коренные изменения: знать не занимает особого положения, ее привилегий больше не существует.

С тех пор как островитяне Микронезии и Полинезии стали осваивать производство копры и тем самым в какой-то мере включались в систему мирового хозяйства, они испытывают потребность в валюте. Благодаря этому прежний образ мыслей островитян меняется. Связь между группами островов поддерживается европейскими кораблями, и туземцы не

совершают больше дальних рейсов на своих прежних судах. Вместо двойных и балансирных лодок микронезийские и полинезийские мореходы пользуются теперь европейскими судами. Они умеют обращаться с современными навигационными приборами не хуже любого моряка-европейца. Благодаря многолетней деятельности миссионеров на смену представлениям полинезийцев о божествах и духах пришла христианская вера (католическая и протестантская). Все меньше и меньше становится жрецов, прорицателей, знахарей и т. д. Существующее ныне на островах Полинезии всеобщее обязательное обучение для детей в возрасте от 6 до 14 лет способствует появлению у полинезийской молодежи мироощущения современного человека. Наряду с начальными школами на островах Полинезии есть уже средние, а также курсы для учителей и профессиональные школы. Полинезийцам предоставляется возможность получать высшее образование за границей (главным образом медицинское и юридическое).

В высшей степени примечательно, что, как установил Кох, туземцы не противятся новым формам жизни. Не проявляют они и той враждебности к европейцам, которая свойственна меланезийцам. Однако, чем больше полинезийцы соприкасаются с европейцами (особенно тесное общение наблюдается в портовых городах), тем больше подрывается их вера в бескорыстие белого человека. Прозрению полинезийцев в этом отношении способствовали первая и вторая мировые войны. Ныне у полинезийцев, которые, впрочем, никогда не позволяли европейцам оскорблять свое человеческое достоинство, пробуждается чувство национального самосознания, появляется стремление к полной политической независимости. Это стремление не признавали у «канак» (так полинезийцев, считая их дикарями, презрительно называли немцы), но его нельзя

не уважать у канака, достойных своего названия
«человек».

Приложение

Численность населения

В Австралии в 1935 г.^[63] насчитывалось (в округленных цифрах) 54 500 чистокровных аборигенов и 6,5 миллиона европейцев. Эти две основные расовые группы распределены по штатам Австралии неравномерно.

Европейцы населяют главным образом обширные территории на юго-востоке материка, где когда-то обосновались первые переселенцы из Англии. В этих районах европейцы полностью вытеснили и даже истребили туземцев. В сравнительно мало освоенных северных районах материка и на непригодном для поселения северо-западе туземцы численно превосходят европейцев. Население Австралии распределяется следующим образом.

Штаты и территории	Аборигены	Европейцы
Западная Австралия	22 200	421 000
Северная территория	17 500	4 600
Квинсленд	12 100	966 000
Южная Австралия	1 750	586 000
Новый Южный Уэльс	910	2 630 000
Виктория	48	1 905 000
Всего	54 508	6 512 600

Для Новой Гвинеи точная численность населения не установлена, потому что всенародной переписи там еще не производили. По примерным подсчетам, на Новой Гвинее 1200 тыс. жителей. Процент иноземного населения ничтожно мал, в Зап. Ириане (бывш. голландская часть острова) чужеземцы не составляют и одного процента числа аборигенов. Зато для меланезийских островов имеются точные цифры.

Население Меланезии распределяется следующим образом:

Острова Адмиралтейства и прилегающие к ним островки — 15 000

Новая Ирландия — 43 100

Новая Британия — 97 000

Соломоновы острова — 130 000

Острова Санта-Крус — 5 100

Новые Гебриды — 40 000

Новая Каледония — 28 600

Всего — 358 800

Примерно такова же общая численность населения в Полинезии.

Гавайские острова — 21 600

Острова Фиджи — 98 000

Острова Самоа — 60 100

Острова Тонга — 31 600

Остров Увеа (Уоллис) и остров Футуна — 6 500

Острова Токелау — 1 200

Остров Ротума — 2 600

Острова Эллис — 4 500

Северо-западные острова — 3 900

Острова Кука — 13 000

Остров Тикопия — 1 300

Остров Пасхи — 159

Острова Таити, Маркизские острова и острова Туамоту — 30 000

Маори — 82 000

Всего — 356 459

Жителей коралловых островов Микронезии примерно в четыре раза меньше, чем жителей Полинезии.

Остров Гуам — 16 400
Остальные Марианские острова — 3 500
Острова Гилберта — 26 300
Каролинские и Маршалловы острова — 50 540
Всего — 96 740

За последние годы на отдельных островных группах благодаря колонизации число и европейцев, и азиатов значительно возросло.

Главные пункты их поселения

Новая Каледония — 17 000 европейцев, 7000 яванцев и 28 600 туземцев.

Остров Гуам — 20 000 японцев и 16 400 туземцев.

Гавайские острова — 95 600 европейцев, 230 000 филиппинцев и других азиатских национальностей и 21 600 туземцев.

Острова Фиджи — 4 100 европейцев и 86 750 индийцев и других азиатских национальностей и 98 000 туземцев.

Новая Зеландия — 129 200 европейцев и 82 000 маорийцев, из которых по меньшей мере половина не может считаться чистокровными.

Число метисов постоянно возрастает и на других островах. Оно составляет на островах Фиджи 4600, на Гавайских островах — 37 600!^[64]

Рекомендуемая литература

Общая

Беллинсгаузен Ф. Ф., Двукратные изыскания в Южном Ледовитом Океане и плавание вокруг света в 1819–1821 гг., М., 1949.

Бунак В. В. и Токарев С. А., Проблемы заселения Австралии и Океании, — сб. «Происхождение человека и древнейшее расселение человечества», М., 1951 («Труды Института этнографии АН СССР», т. 16).

Бутинова М. С., Новая экспозиция в Музее антропологии и этнографии «Коренное население Австралии и Океании», — «Советская этнография», 1952, № 2.

Головнин В. М., Путешествие шлюпа «Диана» из Кронштадта в Камчатку 1807–1809 гг., — Сочинения и переводы, т. I, СПб., 1864

Головнин В. М., Сочинения, М. -Л., 1949.

Крепс Е. М., На «Витязе» к островам Тихого океана, М., 1959.

Кук Дж., Путешествие к Южному полюсу и вокруг света, М., 1948.

Липшиц Б. А., Этнографические исследования в русских кругосветных экспедициях 1-й половины XIX в., — «Труды института этнографии АН СССР», т. XXX, М., 1956.

Лихтенберг Ю. М., Австралийские и меланезийские системы родства (турано-ганованского типа) и зависимость их от деления общества на группы, — сб. «Проблемы истории первобытного общества», М. -Л., 1960 («Труды Института этнографии АН СССР», т. 54).

Магидович И. П., Очерки по истории географических открытий, М, 1957.

«Народы Австралии и Океании», под ред. С. А. Токарева и С. П. Толстова, М., 1956.

«Очерки общей этнографии. Общие сведения, Австралия и Океания, Америка, Африка», под ред. С. П. Толстова, М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, М., 1957.

Ратцель Ф., Народоведение, т. I, СПб., 1900.

Сиверс В. и Кюкенталь В., Австралия, Океания и Полярные страны, СПб., [б. г.].

Токарев С. А., Проблемы изучения современного положения народов Австралии и Океании, — «Краткие сообщения Института этнографии», VII, 1949.

Тумаркин Д. Д., Этнографическое изучение народов Океании в СССР, — «Советская этнография», 1962, № 1.

Уорсли П., Когда вострубит труба, М., 1963.

Австралийцы и тасманийцы

«Австралийские рассказы», М., 1958.

Бутинов Н. А., Альберт Наматжир — художник из племени аранда, — «Советская этнография», 1954, № 4.

Бутинов Н. А., О первобытной лингвистической непрерывности в Австралии, — «Советская этнография», 1951, № 2.

Бутинов Н. А., О политике резерваций, — «Советская этнография», 1952, № 2.

Бутинов Н. А., Проблема экзогамии (по австралийским материалам), — сб. «Родовое общество», М., 1951 («Труды Института этнографии АН СССР», т. 14).

Бутинов Н. А., Школьная политика колонизаторов в Австралии и Океании, — «Советская этнография», 1950, № 4.

Бутинов Н. А. и Долгоносова М. С., Принудительный труд в Австралии и Океании, — «Советская этнография», 1949, № 4.

Виккерс Ф., Мираж, М., 1960.

Кабо В. Р., Каменные орудия австралийцев, — сб. «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских о-вов», М. -Л., 1962 («Труды Института этнографии АН СССР», т. 80).

Кабо В. Р., Современное положение аборигенов Австралии, — «Советская этнография», 1962, № 5.

Коропчевский Д. А., Австралия и австралийцы, М., 1889.

Косвен М. О., Половые отношения и брак в первобытном обществе, М. -Л., 1928.

Косвен М. О., Происхождение обмена и меры ценности, М. -Л., 1927.

Кричевский Е. Ю., Энгельс и вопросы развития социальной организации австралийских племен, — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 7-8.

Лангло-Паркер К., Австралийские легенды, СПб., 1903.

Максимов А. Н., Брачные классы австралийцев, — «Этнографическое обозрение», 1909, № 2-3.

Максимов А. Н., Материнское право в Австралии, М., 1930.

Максимов А. Н., Накануне земледелия, — «Ученые записки Ин-та истории РАНИИОН», т. 3, 1929.

Максимов А. Н., Системы родства австралийцев, — «Этнографическое обозрение», 1912, № 1-2.

Маршалл Алан, Люди незапамятных времен, М., 1958.

Маунтфорд Ч., Коричневые люди и красные пески, М., 1958.

Новицкая А., Памяти Альберта Наматжиры, — «Советская этнография», 1960, № 1.

Пименова Э. К., Австралия и ее обитатели, СПб., 1903.

Пиотровский А. Б., Тасманийцы, — «Советская этнография», 1933, № 3-4.

«Религии наименее культурных племен. Сборник этнографических материалов», сост. В. К. Никольский и М. В. Бердоносов, М. -Л., 1931.

Токарев С. А., О системах родства австралийцев, — «Этнография», 1929, № 1.

Токарев С. А., Современное австраловедение, — «Этнография», 1928, № 1.

Хрустов Г. Ф., К вопросу об отношении собственности в первобытном обществе (О характере земельной собственности у австралийцев), — «Советская этнография», 1959, № 6.

Черняева М., Рассказы об Австралии и австралийцах, М., 1896, 1901, 1910.

Чеслинг У., Среди кочевников Северной Австралии, М., 1961.

Шаревская Б. И., Судьба молодежи коренного населения в современной Австралии, — «Советская этнография», 1955, № 3.

Элькин А., Коренное население Австралии, М., 1952.

Яценко А. Л., Путешествие по Австралии, М., 1959.

Папуасы

Вахта В. М., Производительные силы папуасов залива Астролябия, — «Океанийский этнографический сборник», М., 1957 («Труды Института этнографии», т. 38).

Бутинов Н. А., Западный Ириан. Этнографический очерк, — «Советская этнография», 1957, № 4.

Бутинов Н. А., Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи, — сб. «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских о-вов», М. -Л., 1962 («Труды Института этнографии АН СССР», т. 80).

Бутинова М. С, Начатки знаний у папуасов Новой Гвинеи, — «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», вып. 3, М. -Л., 1959.

Герли Ф., На гидроплане к людям каменного века, М., 1929.

Кабо В. Р., Искусство папуасов в трудах Н. Н. Миклухо-Маклая, — «Советская этнография», 1961, № 6.

Лихтенберг Ю. М., Системы родства папуасов Новой Гвинеи, — сб. «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских о-вов», М. -Л., 1962 («Труды Института этнографии», т. 80).

Лундквист А., Дикари живут на западе, М., 1960.

Максимов А. Н., Возрастные классы на Новой Гвинее, — «Этнографическое обозрение», 1909, № 2-3.

Миклухо-Маклай Н. Н., Собрание сочинений, тт. 1-3, М. -Л., 1950-1951.

Неверман Г., Сыны Дехевая, М., 1960.

Пиотровский А. Б., Культура папуасов залива Астролябии по исследованиям Н. Н. Миклухо-Маклая, — «Известия Государственного географического общества», т. 71, 1939, № 1-2.

Меланезийцы

Джонсон М., С киноаппаратом в стране людоедов, М. -Л., 1929.

Лихтенберг Ю. М., Система родства о-ва Рага и вопрос о геронтократии в Меланезии, — «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. 12, М. -Л., 1949.

Мелетинский Е. М., Мифологический и сказочный эпос меланезийцев, — «Океанийский этнографический сборник», М., 1957 («Труды Института этнографии АН СССР», т. 38).

Миклухо-Маклай Н. Н., Острова Агомес или Гермит, — Собрание сочинений, т. 2, М. -Л., 1950.

Миклухо-Маклай Н. Н., Острова Адмиралтейства, — Собрание сочинений, т. 2, М. -Л., 1950.

Миклухо-Маклай Н. Н., Островок Андра и остров Сорри, — Собрание сочинений, т. 2, М. -Л., 1950.

Миклухо-Маклай Н. Н., Путешествие на о-ва Меланезии и 4-е посещение Новой Гвинеи, — Собрание сочинений, т. 2, М. -Л., 1950.

Токарев С. А., Общественный строй меланезийцев, — «Этнография», 1929, № 2.

Токарев С. А., Родовой строй в Меланезии, — «Советская этнография», 1933, № 2-6.

Полинезийцы и микронезийцы

Блинов А. И., Маорийские войны 1843-1872, — «Океанийский этнографический сборник», М., 1957 («Труды Института этнографии АН СССР», т. 38).

Булич С., Полинезийские языки, — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 47.

Бутинов Н. А., Иероглифические тексты острова Пасхи, — «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 3.

Бутинов Н. А., Короткоухие и длинноухие на о-ве Пасхи, — «Советская этнография», 1960, № 1.

Бутинов Н. А., Маори, историко-этнографический очерк, — «Океанийский этнографический сборник», М., 1957 («Труды Института этнографии», т. 38).

Бутинов Н. А. и Кнорозов Ю. В., Новые материалы об о-ве Пасхи, — «Советская этнография», 1957, № 6.

Бутинов Н. А. и Кнорозов Ю. В., Предварительное сообщение об изучении письменности о-ва Пасхи, — «Советская этнография», 1956, № 4.

Бутинов Н. А. и Розина Л. Г., Коллекции с острова Пасхи в собраниях Музея антропологии и этнографии АН СССР, — «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XVIII, М. -Л., 1958.

Бутинов Н. А. и Тумаркин Д. Д., Западное Самоа, — «Советская этнография», 1962, № 2.

Вышеславцев А., Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857 — 60 гг., СПб., 1862.

Даниельссон Б., Большой риск. Путешествие на «Таити-Нуи», М., 1962.

Даниельссон Б., Счастливый остров, М., 1962.

Зиман Л. Я., Гавайские острова, М., 1952.

Зубов Н. Н., О путях заселения Гавайских островов и острова Пасхи, — «Известия Всесоюзного географического общества», т. 81, 1949, № 1.

Коцебу О. Е., Новое путешествие вокруг света в 1823-26 гг., М., 1959.

Коцебу О. Е., Путешествие вокруг света, изд. 2, М., 1948.

Кристман и Оберлендер, Новая Зеландия и остальные острова Южного океана, кн. I, СПб., 1872.

Крузенштерн И. Ф., Путешествие вокруг света в 1803-06 гг. на кораблях «Надежда» и «Нева», тт. 1-3, СПб., 1809-1812.

Кудрявцев Б., Письменность о-ва Пасхи, — «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XI, Л., 1949.

Лисянский Ю. Ф., Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803-06 гг., изд. 2, М., 1947.

Литке Ф. П., Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сеня-вин» 1826-1829 гг., изд. 2, М., 1948.

Лихтенберг Ю. М., Гавайские коллекции в собраниях Музея антропологии и этнографии, — «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XIX, М., -Л., 1960.

Лихтенберг Ю. М., Этнографическое описание коллекций Ф. П.

Литке, — «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XVI,

Миклухо-Маклай Н. Н., Остров Вуап, — Собрание сочинений, т. 3, ч. I, М. -Л., 1951.

Миклухо-Маклай Н. Н., Путешествие в западную Микронезию и северную Меланезию, — Собрание сочинений, т. 3, ч. I, М. -Л., 1951.

Ольдерогге Д. Л., Параллельные тексты некоторых иероглифических таблиц с о-ва Пасхи, — «Советская этнография», 1947, № 4.

Рид А. В., Мифы и легенды страны маори, М., 1960.

Скотт Дик, Рассказ о событиях в Парихаке, М., 1957.

Те Ранги Хироа, Мореплаватели солнечного восхода, М., 1950, 1959.

Токарев С. А., Новая книга о культуре о-ва Пасхи, — «Советская этнография», 1946, № 4.

Токарев С. А., Происхождение общественных классов на о-вах Тонга, — «Советская этнография», 1958, № 1.

Тумаркин Д. Д., Из истории гавайцев в конце XVIII-начале XIX в., — «Советская этнография», 1958, № 6.

Тумаркин Д. Д., К вопросу о формах семьи у гавайцев в конце XVIII — начале XIX в., — «Советская этнография», 1954, № 4.

Тумаркин Д. Д., Новые архивные материалы о гавайцах, — «Советская этнография», 1960, № 2.

Тумаркин Д. Д., Роль американских миссионеров в разрушении самобытной культуры гавайского народа и его колониальном порабощении, — «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских о-вов», М. -Л., 1962 («Труды Института этнографии АН СССР», т. 80).

Хейердал Т., Аку-Аку, М., 1959.

Хейердал Т., Морские пути в Полинезию, — «Известия Всесоюзного географического общества», 1962, № 5.

Хейердал Т., Путешествие на «Кон-Тики», М., 1956.

Шульце-Мезье Ф., Остров Пасхи, М., 1931.

Перевод В. Л. Вишняка

Редакция, предисловие и примечания С. А. Токарева

Фотографии, приведенные в тексте, взяты из архива Лейпцигского этнографического музея

Утверждено к печати Редакционным советом востоковедной литературы при Отделении исторических наук Академии наук СССР

Редактор Н. А. Кукушкина

Художник Л. С. Эрман

Художественный редактор И. М. Русина

Технический редактор Э. Ш. Язловская

Корректоры Е. А. Мамиконян и М. А. Столбова

Сдано в набор 26/VI 1963 г. Подписано к печати 29/X 1963 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 11,5 + 0,8 вкл. Усл. печ. л 20,5. Уч. — изд. л. 20,65. Тираж 40 000 экз. Зак. 1438.

Издательство «Наука» Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Типография «Красный пролетарий» Политиздата Москва, Краснопролетарская, 16

notes

Примечания

1

«Ке» в германских языках — уменьшительный суффикс, от прибавления которого слово иногда звучит презрительно.

Архипелаг Фиджи принято сейчас относить не к Полинезии, а к Меланезии, хотя в культуре фиджийцев есть и полинезийские черты и язык их содержит немало полинезийских слов.

3

«Папуа» по-малайски означает «курчавый».

Вопрос о варнамбульских отпечатках остается в науке неясным. Некоторые считают их отпечатками сидалища кенгуру.

Это предположение автора, связанное с известной теорией «культурных кругов» Гребнера, не разделяется никем из советских ученых.

Несмотря на различия в форме волос, советские антропологи, исходя из исторической точки зрения, считают возможным объединить темнокожее население Африки, Австралии и Океании в одну большую «негро-австралоидную», или «экваториальную», расу. См. Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин, Основы антропологии, М., 1955, стр. 356–358.

Неточность: журнал «Антропос» — международный, материалы в нем печатаются на нескольких языках.

В. Шмидт говорил о постпозиции безаффиксового генитива не во всех южноавстралийских языках, а только в «древней» их группе (языках Виктории). Впоследствии сам Шмидт отказался от взгляда на позицию генитива как на характерный признак языков «древнейшего» культурного круга.

Автор не совсем точно излагает выводы В. Шмидта. Последнему действительно удалось произвести группировку южноавстралийских языков, но не по грамматическим признакам, а лишь по словарю и больше всего — по личным местоимениям. От группировки языков по признаку постановки генитива Шмидт впоследствии сам отказался. «Исторические» же построения Шмидта весьма произвольны и не подкреплены никакими фактами.

Вальтер Рот, издававший серию бюллетеней —
«North Queensland Ethnography», by W. E. Roth. Brisbane.

Неточность: Гипсленд находится в штате Виктория.

Вопрос о каннибализме у аборигенов Австралии (как и некоторых других стран света) сильно раздут старыми путешественниками и некоторыми этнографами. Те и другие зачастую слишком доверчиво относились к сообщениям самих аборигенов, которые обычно рассказывают, что враждебные им племена — страшные людоеды. Иногда этнографы просто неверно понимали мифологические рассказы аборигенов о древних чудовищах-людоедах и относили эти рассказы к современной действительности.

Племя миннинг жило не в Квинсленде, а в Южной Австралии.

Вопрос о древних способах добывания огня остается спорным. Мнение автора, что древнейшим способом было высверливание огня, недостаточно обосновано: способ пиления был, вероятно, не менее древним. В последнее время в советской научной литературе высказано предположение, что первоначальным способом получения огня было высекание его куском кремня. См. Б. Ф. Поршнев, О древнейшем способе получения огня, — «Советская этнография», 1955, № 1.

Для точности следует сказать, что австралийцы не изобрели сухопутных средств передвижения. Водные средства передвижения (плоты, лодки) им были известны; о них рассказывается дальше.

Новейшие этнографические исследования заставляют внести некоторую поправку в это утверждение: чувство любви, конечно, знакомо и австралийцам, как и всем другим народам.

Брачные обычаи австралийцев, о которых рассказывает здесь автор, уже давно привлекают к себе внимание этнографов. О них было много споров. Правильнее говорить о существовании здесь пережитков не первобытного промискуитета, а более поздних форм группового брака. Обычай пирауру (у племен диери и других) — лишь один из таких пережитков.

Это объяснение посвятительных обрядов, как якобы порожденных магическими верованиями, конечно, неубедительно. На самом деле в основе инициаций лежат вполне разумные мотивы: тренировка и обучение подростков, воспитание их в духе уважения к обычаям племени, к старикам как хранителям этих обычаев. Магические и религиозные представления призваны лишь внушить посвящаемым неуклонное повиновение, придать усвоенным правилам значение священного закона.

Небольшая неточность: Бунджил — имя мифического небесного существа не у курнаи, а у других племен, их соседей; имя это означает клинохвостого орла (тотемический образ). У курнаи аналогичный мифический персонаж именовался Мунган-нгауа («наш отец»).

Это, конечно, натяжка. Этнографы, примыкающие к католической школе В. Шмидта, действительно пытались подтянуть мифические небесные персонажи Австралии к христианскому представлению о боге, но никаких серьезных оснований для этого нет.

Это сближение очень сомнительно. Сам автор выше дал более правдоподобное и реалистическое объяснение мифического образа змеи-радуги, порожденного хозяйственными условиями, в каких живут аборигены. Водоемы, сохраняющие драгоценную воду во время засухи, вызывают к себе суеверно-почтительное отношение; вода земли, ассоциируясь с небесной дождевой водой, олицетворяется в виде мифической змеи.

Стоя на позициях «диффузионистской» школы, автор склонен связывать каждое культурное явление с той или другой миграционной волной. У нас нет оснований считать южноавстралийские племена более «древними», чем северные.

Не надо смешивать австралийские мифические фигуры «предков» с настоящими предками (умершими людьми), культ которых на этой ранней ступени развития еще не мог сложиться; он свойствен более высокому уровню исторического развития и распространен у народов Океании, Африки.

Так назывался ранее Сидней; ныне так называется залив у Сиднея.

У большинства австралийских племен вера в насылание «порчи» не связывалась с деятельностью особых специалистов, колдунов или знахарей: считалось, что «порчу» или смерть может магически причинить любой человек из враждебного племени.

Хотя межплеменные столкновения у австралийцев были часты, но, судя по наиболее достоверным сообщениям, у них все же преобладали мирные отношения между племенами.

Согласно свидетельству многих наблюдателей, тасманийцы не употребляли в пищу рыбу. Мотивы этого запрета или отвращения к рыбной пище остаются неясными.

Мнение о том, что тасманийцы стояли на уровне развития нижнего палеолита, было довольно распространено. Но современные исследователи склоняются к мысли, что тасманийцы лишь ненамного уступали по уровню своего развития австралийцам, которые стояли на грани перехода от палеолита к неолиту.

Диффузионистская концепция «культурных кругов» Гребнера — Шмидта, которой придерживается автор, ныне оставлена почти всеми этнографами. Даже бывшие ее приверженцы — В. Копперс, И. Гекель и другие — фактически от нее отказались. Вносимый этой концепцией «порядок» основан скорее на кабинетных домыслах, чем на реальных фактах.

См. Ю. Липс, Происхождение вещей, М., 1954, стр. 103-109 и др.

Хотя вопрос о происхождении негроидной (или негро-австралоидной, экваториальной) «большой расы» очень сложен, но советские антропологи все же предполагают исконное родство народов этой расы и, следовательно, общее происхождение не только негров Африки и островитян Меланезии, но и аборигенов Австралии. С другой стороны, единство аустрических языков (т. е. группы мунда Индии, мон-хмер Индокитая и малайско-полинезийских языков) остается еще не вполне доказанным.

В настоящее время Западный Ириан после длительной борьбы освободился от власти нидерландского колониализма и воссоединился с Республикой Индонезией.

Это наблюдение автора очень верно. Интересно, что Миклухо-Маклай, проживший около трех лет бок о бок с папуасами залива Астролябия, ни разу не видел, чтобы они добывали огонь, и убедился в том, что они не умеют этого делать. Причина утраты этой техники правильно указана автором. Подобное же неумение добывать огонь отмечалось у жителей Андаманских островов.

Это объяснение отсутствия тотемического пищевого запрета у папуасов не очень убедительно: известны случаи (например, на островах Торрессова пролива), когда тотемический пищевой запрет отпадает именно вследствие скудости пищевых ресурсов. Вопрос более сложен, и наука еще не может указать точные причины, почему у одних народов сохраняются пищевые запреты, а у других они исчезают.

Кожно-венерическая болезнь, похожая на сифилис.
Имеет распространение в тропических странах.

Н. Н. Миклухо-Маклай провел в своих путешествиях и исследованиях в Океании и Юго-Восточной Азии более 15 лет (1871–1886 гг.), но среди папуасов Берега Маклая он прожил всего около трех лет (1871–1872 и 1876–1877 гг.).

Островитяне с законным недоверием относятся к приказам и действиям колониальной администрации, которая преследует в первую очередь собственные цели — укрепление своей власти над населением. Естественно, что они далеко не всегда соглашались жить в новых, непривычных для них домах.

Ныне освобождение Западного Ириана от колониализма достигнуто. По соглашению между Индонезией и Нидерландами от 1 октября 1962 г. управление Западным Ирианом перешло в руки администрации ООН, а с 1 мая 1963 г. Западный Ириан окончательно воссоединился с Республикой Индонезией.

Французский мореплаватель (1790–1842). Известен как открыватель многих островов Океании и исследователь Антарктики.

По-гречески μέλας — черный, νησος — остров.

Это не совсем точно. Различия между отдельными меланезийскими наречиями довольно велики, и говорить о едином меланезийском языке никак нельзя.

О происхождении меланезийцев см. «Народы Австралии и Океании», под ред. С. А. Токарева и С. П. Толстова, М., 1956, стр. 349–354.

Автор здесь лишь вскользь касается очень важного факта, им же самим подробно изученного в специальных работах. На островах Океании можно обнаружить два типа, или две стадии, развития ручного земледелия — Дамм назвал их Pflanzstockbau и Grabstockbau; при первом типе почва не подвергается обработке, а просто заостренной палкой (Pflanzstock) проделывается ямка, в которую сажается растение; при втором почва предварительно разрыхляется землекопалкой (Grabstock).

Это диффузионистское объяснение смены материнского рода отцовским неубедительно; факты показывают, напротив, что эта смена происходила и происходит на месте в связи с развитием материального производства, ростом частной собственности, вытесняющей общинную форму собственности.

Нет никаких оснований приписывать «солярное» или «лунарное» значение элементам ритуала мужских союзов. Это стремление находить повсюду астрально-мифологические мотивы очень характерно для гребнеровской школы «культурных кругов».

Вопреки проводимой здесь опять диффузионистской точке зрения власть вождей в Меланезии появилась вовсе не в связи с какой-то особой этнической волной, а в связи с внутренним экономическим развитием.

Явления шаманизма все же отмечены в Меланезии, например на Соломоновых и Банксовых островах.

Формы погребения или, точнее, способы обращения с телом умершего в Меланезии необычайно разнообразны, и едва ли можно это разнообразие объяснить миграционными волнами: например, на одном маленьком островке Сан-Кристобаль обнаружено не менее 25 различных способов обращения с трупами.

Автор совершенно прав, усматривая под религиозной оболочкой новейших массовых движений в Меланезии («культ карго» и т. п.), или, как их теперь называют, «милленаристских» движений, их вполне материальную основу: это лишь неразвитая, затемненная религиозной идеологией форма национально-освободительных движений. См. П. Уорсли, Когда вострубит труба, М., 1963.

О концепции Гребнера см. выше, предисловие, стр. 6.

Хейердалу, конечно, хорошо известно родство полинезийских языков с индонезийскими, так же как и наличие черт культурной общности между Полинезией и Юго-Восточной Азией. Но он пытается объяснить эти факты исходя из своей теории — движением миграционной волны из Юго-Восточной Азии через северную часть Тихого океана и северо-западное побережье Америки.

В оригинале сказано «отличались от перуанских», но это явно типографская погрешность: описанная форма океанийского плота в точности совпадает с перуанской.

О Фиджи см. прим. к стр. 13.

Настоящего ткачества на большинстве островов Океании не было. Исключение составляют лишь острова западной Микронезии (индонезийское влияние) и Новая Зеландия, где у маори был известен примитивный вертикальный ткацкий стан.

О примитивных государствах Полинезии см., например, «Народы Австралии и Океании», под ред. С. А. Токарева и С. П. Толстова, М., 1956, стр. 653–658, 670–676 и др.

Более правдоподобно, что тайный жреческий культ верховного бога Ио сложился лишь в новейшее время под влиянием христианских миссионеров.

Полуостров на Таити.

Письменность острова Пасхи еще очень недостаточно изучена, поэтому трудно судить о содержании отдельных надписей. Но, по-видимому, в числе их есть и генеалогические записи. См. об этом Н. А. Бутинов и Ю. В. Кнорозов, Предварительное сообщение об изучении письменности о-ва Пасхи, — «Советская этнография», 1956, № 4; Н. А. Бутинов, Короткоухие и длиннорухие на о-ве Пасхи, — «Советская этнография», 1960, № 1.

Гипотеза о влиянии религий Индии, в частности брахманизма и буддизма, на религию полинезийцев весьма сомнительна.

С 1 января 1962 г. Западное Самоа считается независимым государством. См. о нем: Н. А. Бутинов и Д. Д. Тумаркин, Западное Самоа, — «Советская этнография», 1962, № 2.

Юридическое (формальное) равноправие маори себе действительно завоевали, но о фактическом равноправии говорить пока еще трудно, ибо маорийский народ страдает от острого недостатка земли, захваченной англо-новозеландским правительством и фермерами, и экономическое положение большинства маори весьма неудовлетворительно. См. «Народы Австралии и Океании», стр. 719-722.

О тонганцах и их современном положении см. С. А. Токарев, Происхождение общественных классов на о-вах Тонга, — «Советская этнография», 1958, № 1.

Более поздние цифры численности населения (по данным 1953 г.) см. в книге «Народы Австралии и Океании», стр. 22-23.

Новейшие цифровые данные о населении Австралии и Океании см. в книге «Численность и расселение народов мира», под ред. С. И. Брука, М., 1962, стр. 359–395.